ВЯТСКАЯ
НЕЗАБУДКА.

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНІИ

на 1877 годъ.

Изданіе (второе) Эттингера.

Цѣна 75 коп.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Эттингера, Казанская, домъ № 22.

1877.

2 экз.
В
Ш Ф 6
БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
656
35

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

лицъ, о которыхъ упоминается въ „Вятской Незабудкѣ“.

Авейде.
Агафонниковъ.
Адвинина.
Александровъ.
Алцыбѣевъ.
Андреевъ.
Андріенко.
Ардашевъ.
Арсаевъ.
Вадиковъ.
Батеньковъ.
Батуевъ.
Бахъ.
Битюцкій.
Бересневичъ.
Бехтеревъ.
Блиновъ (свящ.).
Блиновъ (учит.).
Бобровскій.
Богомоловъ.
Борджженецкій.
Бортновскій.
Боссе.
Булгаковъ.
Булычевъ.
Бѣловъ.
Бѣляевъ (голова).
Бѣляевъ (учит.).
Валленбургеръ.
Вахрушевъ.
Васильевъ.
Веденскій 1-й.
Веденскій 2-й.
Вершининъ.
Владимировъ.
Воробьева.
Воскресенскій.
Гакъ.
Герасимова.
Германъ.
Готвальдъ.
Глазыринъ (арх.).
Глазыринъ (уч.).
Глушковскій.
Горбуновъ.
Грабовецкій.
Гридинъ.
Дворяковскій.
Дерновъ.
Дидрихсонъ.
Добронравовъ.
Доброславинъ.
Домелунксенъ.
Душкинъ.
Евреиновъ.
Ельшинъ.
Желеховскій.
Завадскій.
Зоволжскій.
Завьяловъ.
Загарскихъ.
Загорскій.
Захаровъ.
Зязевъ.
Зауеръ.
Ивановъ.
Ивановъ.
Ипатьевъ.
Іозефовичъ.
Казаченко.
Канаевъ.
Касьяновъ.

Каченовскій.
Кедровъ.
Керзинъ.
Керскій.
Кибардинъ (священникъ).
Кибардинъ(стн.).
Киселевъ.
Клименко.
Клячинъ.
Ковалдинъ.
Ковнацкій.
Кожевниковъ.
Колотовъ.
Колотовъ.
Колотовъ.
Компанейщиковъ.
Коробовъ Е. Д.
Коробовъ(инсп.).
Короваевъ.
Короваевъ.
Корчемкинъ.
Котельниковъ.
Красноперовъ.
Красовскій.
Красовскій.
Кривковичъ.
Кузнецовъ.
Куклинъ.
Курбановскій.
Кутергинъ.
Куминскій.
Лаговскій.
Левашевъ.
Лосевъ.
Лыткина.
Львовскій.
Лѣсковъ.
Люстрицкій.
Любельскій.
Малининъ.
Марасановъ.
Миткевичъ.
Митрошинъ.
Михайловъ.
Миштовъ,
Молдавскій.
Муравьевъ.
Мусерскій(отецъ)
Мусерскій(сынъ).
Мызниковъ.
Михайловъ.
Михайловъ,
Могилевскій.
Моломинъ.
Нагорскій.
Невинскій.
Несмѣлова.
Нурминскій.
Огородниковъ.
Огородниковъ.
Ончуковъ.
Орловъ.
Пантелеймоновъ.
Пашкинъ(губ.г.).
Пашкинъ.
Песковскій.
Петровъ.
Пинегинъ.
Плансонъ.
Платуновъ.
Плюснинъ.
Полумордвиновъ.
Попова.
Попова.
Поповъ.
Португаловъ.
Порфирьевъ.
Постниковъ.
Поторочиновъ.
Потоцкій.
Праздниковъ.
Плахина.
Рудольскій.
Ренненкампфъ.
Романовъ.
Рославлевъ.
Рудинскій.
Рума.
Салтыкова.
Свида.
Свисловскій.
Селивановскій.
Сергѣевъ.
Серебровскій.
Синцовъ.
Скрябина.
Скуридинъ.
Сметанинъ.
Срѣтенскій.
Стельмаховичъ.
Стельмаховичъ.
Суворовъ.
Сундстремъ.

Сычуговъ.
Суятинъ.
Тананинъ.
Тарасовъ.
Тихомировъ.
Транчукъ.
Троицкій.
Тройницкій.
Тучемскій.
Усольцевъ.
Фаберъ.
Фаворскій.
Фармаковскій.
Федоровскій.
Филимонова.
Филипьевъ.
Форсель.
Фофановъ.
Харчевъ.
Хоменко.
Хрулевъ.
Ходыревъ.
Цвирко.
Цинкусъ.
Чарыковъ.
Чирковъ.
Чистяковъ.
Чистяковъ.
Шестаковъ.
Шиллегодскій.
Шишкинъ.
Шнейдеръ.
Штейнфельдъ.
Шубинъ.
Шульцъ.
Шульцъ.
Щетининъ.
Эйтутовичъ.
Юшковъ.
Юнусовъ.
Ярмоловичъ.

Предисловіе къ I изданію „Вятской Незабудки".

Теперь все болѣе и болѣе укрѣпляется въ сознаніи провинціальной интеллигенціи необходимость дѣйствовать дома.

А. С. Гацискій.

Нельзя сказать, чтобъ изъ Вятской губерніи совсѣмъ уже не писали въ газеты: кой-когда и кой-гдѣ появляются неоффиціальныя извѣстія и изъ нашего отдаленнаго края. Но ихъ, во-первыхъ, бываетъ черезчуръ мало сравнительно съ тѣмъ матеріаломъ, какимъ здѣсь могли бы располагать дѣятельные корреспонденты, а, во-вторыхъ, онѣ крайне случайны: вздумается кому нибудь побаловаться корреспонденціей — мы читаемъ въ „Голосѣ", „Биржевыхъ" или „Русскомъ Обозрѣніи" 50—60 строкъ изъ Вятки или Сарапула; не вздумается—и мы скромно пробавляемся частной перепиской и разнообразными слухами... До какой степени случайны газетныя извѣстія изъ нашихъ уѣздовъ, всего лучше показываютъ Котельничъ и Мал-

мыжъ, откуда за цѣлый годъ не появлялось *ни одной* корреспонденціи. Такимъ же точно образомъ изъ Глазова и Уржума за весь прошлый годъ было сдѣлано въ „Новомъ Времени“ и въ „Недѣлѣ“ по одному коротенькому сообщенію, изъ перваго—въ 18 строкъ, изъ втораго— въ 10.

Ясно, что мы живемъ еще въ томъ положеніи, которое на юридическомъ языкѣ называется неимѣніемъ письменнаго вида; положеніе едва ли желательное и „удобное“. Изданіемъ своего сборника мы желали хоть сколько нибудь помочь этому горю. На страницахъ его собраны всѣ появлявшіяся въ разныхъ изданіяхъ за послѣдніе $1^1/_2$ года корреспонденціи изъ нашей губерніи.

Если бы даже „Вятская Незабудка“ имѣла въ виду одно только свѣдѣніе итоговъ, то и тогда она была бы не безполезна для мѣстныхъ жителей. Въ самомъ дѣлѣ, средній мѣстный читатель обыкновенно довольствуется однимъ какимъ нибудь періодическимъ изданіемъ и знакомится только съ тѣми извѣстіями изъ своей губерніи, которыя появляются въ *его* газетѣ. Значитъ, большинство корреспонденцій, касающихся различныхъ сторонъ жизни нашего края, какъ будто бы „танцуетъ минуэтъ, никого не задѣваетъ“: я знаю объ одномъ, вы—о другомъ, онъ— о третьемъ, и почти никто

не имѣетъ надлежащаго представленія о цѣломъ, хотя, быть можетъ, многіе этого не желали бы. По крайней мѣрѣ, къ намъ обращались съ такими просьбами изъ разныхъ уѣздовъ и самая мысль о періодическомъ изданіи «Вятской Незабудки» у насъ родилась именно вслѣдствіе этихъ просьбъ.

Но кромѣ свѣдѣнія итоговъ, мы имѣли въ виду еще и другую цѣль, а именно—дать хотя какой нибудь внѣшній толчекъ корреспондентческой дѣятельности въ губерніи. Одна изъ главныхъ причинъ ея слабаго развитія въ нашемъ краѣ заключается, безъ сомнѣнія, въ отсутствіи какихъ либо мѣстныхъ неоффиціальныхъ органовъ и, вслѣдствіе того, необходимости ѣздить, напримѣръ, изъ Слободскаго въ Вятку черезъ Петербургъ. Неудивительно, если на этомъ длинномъ пути нигдѣ не застрахованнаго багажа утрачивается и пропадаетъ совершенно безслѣдно для тѣхъ, кому онъ былъ адресованъ „съ доставкой на домъ“. Столичныя газеты, заваленныя письмами изъ провинцій и преслѣдующія свои собственные расчеты, выбираютъ изъ получаемыхъ ими извѣстій только то, что можетъ быть интересно для *большинства* ихъ читателей; все же частное, мѣстное отсѣкается и въ огнь вметается, между тѣмъ въ провинціи *мѣстное-то* и было бы всего *умѣстнѣе*. Такимъ образомъ, изъ 4-хъ

посылаемыхъ корреспонденцій помѣщается лишь одна, да и та частенько урѣзывается, а иногда такъ *обработывается*, что напоминаетъ собой протоколы совѣщаній щедринскаго Молчалина съ редакторомъ „Что изволите?“ Какъ дѣйствуютъ на корреспондентовъ такія обрѣзанія и перепашки—понять не трудно. Сначала человѣкъ работаетъ ретиво, не щадя, что называется, своего живота—запасается источниками, отовсюду собираетъ матеріалы, провѣряетъ ихъ прекрестными допросами различныхъ лицъ, входя для этого съ ними въ дѣятельную переписку, сообщаетъ въ газету объ одномъ, объ другомъ, объ третьемъ. Но вотъ проходитъ три—четыре недѣли онъ получаетъ № и читаетъ въ немъ: „намъ пишутъ, что такое-то земское собраніе постановило открыть въ уѣздѣ воскресныя школы и ходотайствовать предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о томъ-то и томъ-то“. Черезъ недѣли двѣ опять: „ намъ сообщаютъ, что въ мѣстной городской управѣ открыта значительная растрата денегъ“ и затѣмъ безконечное переливаніе изъ пустаго въ порожнее, по части яко бы „политики“, начиная съ того, сколько съѣлии выпили „венгерскіе софты“ въ Константинополѣ и кончая катаньемъ на ослахъ дѣтей Салисбюри съ поясненіями, что Митхадъ сказалъ при этомъ—„Э“!...,а Эллiотъ—„О“!—Посмотритъ,

посмотритъ ретивый корреспондентъ на такія „намъ пишутъ“ и „намъ сообщаютъ“, да и махнетъ, наконецъ, рукой: пустъ, молъ, вамъ сообщаютъ и пишутъ тѣ, у кого есть охота къ „отмѣткамъ“ и лишнія марки, а я ужъ лучше подожду, когда Гацискій выиграетъ 200 тысячъ и примется за изданіе своего провинціальнаго органа. Безъ шутокъ, мы знаемъ одну даровитую госпожу, которая, побившись такимъ образомъ мѣсяцевъ шесть съ различными „намъ пишутъ“ и „намъ сообщаютъ“, предпочла корреспондированію тяжелый физическій трудъ съ 30 копѣечнымъ дневнымъ заработкомъ.

Въ такомъ именно положеніи находится газетное корреспондированіе изъ провинцій вообще, въ томъ же самомъ оно обрѣтается и у насъ, въ Вяткѣ. Конечно, требовать, чтобъ столичныя газеты *наполняли* свои столбцы мѣстными извѣстіями, было бы не совсѣмъ основательно, хотя многимъ изъ нихъ можно пожелать большаго вниманію къ отдѣлу „внутреннихъ извѣстій“; но и ждать *въ настоящее время* основанія большихъ провинціальныхъ органовъ, по мысли Гацискаго, также почти напрасно: не даромъ самъ авторъ ея обусловилъ возможность осуществленія своего проэкта лотерейной *случайностью*. По нашему мнѣнію, лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ. Вотъ почему мы думаемъ, что ежегодникъ въ

родѣ «Вятской Незабудки», куда могли бы попадать не только всѣ напечатанныя за годъ въ различныхъ изданіяхъ статьи и корреспонденціи изъ данной губерніи, но также непопавшія въ печать по чисто мѣстному своему характеру, а при случаѣ даже и спеціально написанныя для ежегодника, безспорно должны приноситъ свою долю пользы, и способствовать глухимъ уѣздамъ къ пріобрѣтенію себѣ *надлежащихъ* письменныхъ видовъ. Такіе сборники, съ теченіемъ времени, сами собой превратились бы въ кадры будущихъ провинціальныхъ газетъ.

Ошибаемся мы на этотъ счетъ или нѣтъ — судить, конечно, не намъ: но, задумывая свое изданіе, мы были одушевлены желаніемъ, чтобъ оно не осталось уединеннымъ и нашло себѣ болѣе счастливыхъ подражателей въ другихъ губерніяхъ, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ частной иниціативѣ. Исполненіе этого желанія было бы самой высокой наградой за нашу слабую попытку хоть сколько нибудь облегчитъ для средняго читателя знакомство съ изнанкой окружающаго его *мѣстнаго* міра.

Затѣмъ два слова относительно составныхъ частей сборника. Мысль объ его изданіи явилась у насъ всего только 2 мѣсяца тому назадъ. Для того, чтобъ книжка вышла своевре-

менно, т. е. никакъ не позже Святой, пришлось летѣть на всѣхъ парусахъ. Пересмотръ газетъ былъ произведенъ второпяхъ, многихъ номеровъ нельзя было достать совсѣмъ. Дешевое провинціальное печатаніе понадобилось, противъ воли, замѣнить дорогимъ петербургскимъ, такъ какъ губернскіе цензора держатъ подлинники по 2 по 3 мѣсяца. Типографія, взявшись выполнить заказъ въ короткій срокъ, не давала издателю ни отдыха, ни срока, и т. д., и т. д. Очень можетъ быть, что, при такихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, кой-какія корреспонденціи и ускользнули отъ нашихъ рекогносцировокъ. Поэтому мы заранѣе просимъ извиненія у читателей, если они найдутъ въ нашей книжкѣ какіе нибудь недосмотры пробѣлы или упущенія. Трудно было уберечься отъ нихъ въ нашемъ положеніи.

Мы были бы очень благодарны вятскимъ уѣзднымъ корреспондентамъ, если бы они, время отъ времени, писали намъ и тѣмъ дали бы намъ возможность сдѣлать болѣе разнообразный подборъ статей для будущаго тома „Незабудки“, который мы думаемъ выпустить къ Святой 1878 года, а можетъ быть и ранѣе. Въ послѣднемъ случаѣ мы постараемся приложить къ сборнику небольшой *мѣстный* календарь.

Издатель.

Вмѣсто предисловія ко 2-му изданію.

(Письмо изъ одного уѣзда).

На дняхъ появилась у насъ въ городѣ «Вятская Незабудка» — сборникъ корреспонденцій и легкихъ статей о Вятскомъ краѣ. Считаю не безъинтереснымъ сообщить тѣ отзывы и мнѣнія объ этой книжкѣ, которые мнѣ удалось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ, принадлежащихъ къ нашему обществу.

Не стану излагать содержаніе книжки: оно очень разнообразно и совершенно случайно. Въ «Незабудкѣ» собраны корреспонденціи изъ разныхъ уѣздовъ Вятской губерніи, помѣщавшіяся за послѣдніе $1^1|_2$ года въ столичныхъ газетахъ; есть также нѣсколько корреспонденцій самостоятельныхъ. Издатели ея, одушевленные горячимъ убѣжденіемъ въ необходимости мѣстной печати, нашли, что, при отсутствіи пока болѣе солидныхъ работъ, при трудности и почти невозможности основать мѣстную газету, и такая работа будетъ небезполезна, пробуждая, съ одной стороны, интересъ

къ явленіямъ мѣстной общественной жизни, а съ другой, вызывая къ работѣ дремлющія литературныя силы края. «По нашему мнѣнію, говорятъ издатели— лучше синица въ рукахъ, чѣмъ журавль въ небѣ». Почему то издатели торопились выходомъ книжки къ Святой и въ 2 мѣсяца приготовили все изданіе. Нельзя не пожалѣть о такой торопливости, потому что она, кажется, обусловила многіе недостатки изданія. Не говоря о внѣшнихъ недостаткахъ книжки въ типографскомъ отношеніи, многіе факты, указанные въ ней, изложены неполно, недостаточно обслѣдованы; есть, говорятъ, и совсѣмъ невѣрные факты. Двѣ—три статейки набросаны уже совсѣмъ торопливо. Очень разнообразно отнеслись наши читатели къ этому небывалому еще литературному явленію. Лица, затронутыя въ ней съ непріятной стороны или сознающія легкую возможность быть затронутыми впослѣдствіи, встрѣтили книжку не только съ неодобреніемъ и порицаніемъ, но отнеслись къ ней крайне злобно. Я самъ слышалъ, какъ одинъ изъ представителей полиціи, упрекая издателей въ томъ, что книжка будто бы сплошь наполнена площадною бранью, самъ безцеремонно бранилъ ее, на чемъ свѣтъ стоитъ, и, конечно, далеко превзошелъ въ этомъ вятскихъ литераторовъ. Онъ говорилъ, что это пишетъ шайка подлецовъ и мерзавцевъ, которая теперь

уже извѣстна, что только совершенно безчестные мошенники могутъ писать такія статьи. Этотъ отзывъ былъ высказанъ не обыкновеннымъ человѣческимъ голосомъ, а какимъ то дрожащимъ, злобнымъ шипѣньемъ. Глаза говорившаго отъ гнѣва, кажется, готовы были выпрыгнуть изъ своихъ орбитъ. Книга, очевидно, произвела потрясающее впечатлѣніе.

Совсѣмъ другаго характера отзывы слышались изъ среды просвѣщенныхъ молодыхъ чиновниковъ, педагоговъ, врачей и вообще людей мыслящихъ. Относясь къ книжкѣ съ идеальной стороны, они находили, что она не заслуживаетъ большаго вниманія, потому что, съ одной стороны, не даетъ никакихъ обобщеній, а съ другой — и фактическимъ содержаніемъ небогата. „Ну, какіе выводы — говорятъ они — можно сдѣлать изъ сообщенія, что такое то земское собраніе постановило то-то, къ извѣстному вопросу отнеслось такъ-то, или что поучительнаго въ томъ, что въ Сарапулѣ состоялся „необыкновенный консиліумъ“ — отдѣльные случаи не болѣе, изъ которыхъ нельзя вывести никакихъ ни обобщеній, ни заключеній, кромѣ порицанія личностей“. Далѣе они порицаютъ книжку въ слишкомъ личномъ отношеніи къ фактамъ, въ томъ, что многіе факты подобраны съ цѣлью обличенія: „Ну, какой смыслъ въ замѣчаніи, что такой то нынѣшній

мировой судья десятки лѣтъ служилъ въ губернскомъ правленіи?“

Есть у насъ еще разрядъ читателей, имѣющій о „Вятской Незабудкѣ“ свое особое мнѣніе. Это—скромные, незамѣтные наши работники; учителя, крестьяне, служащіе по выборамъ, читающіе купцы, прикащики, мелкіе чиновники. „Слава Богу, говорятъ они, что стали появляться такія книги: авось иной прыткій человѣкъ и остережется“.

Нельзя не упомянуть, наконецъ, о тѣхъ читателяхъ, которые скептически улыбаются по поводу „Незабудки“ — и ничего пока не говорятъ. Формулировать ихъ мнѣніе по этому довольно трудно. Вѣроятно, они думаютъ про себя: погодите, молъ, господа, не торопитесь, дескать—rira bien qui rira le dernier (тотъ смѣется всѣхъ лучше, кто смѣется послѣдній).

Мы считаемъ совершенно невозможнымъ разбирать тотъ образъ отношенія къ „Незабудкѣ“, характернымъ образчикомъ котораго можетъ служить, приведенный выше отзывъ о ней полицейскаго чиновника. Это какой то безсознательно рефлективный лай, который, конечно, не можетъ быть причисленъ къ категоріи явленій интеллектуальныхъ. Будемъ надѣяться, читатель, что этотъ лай пройдетъ безвредно. Пройдетъ нѣсколько времени — и эти люди, оскорбленные въ своей халатной неприглядно-

сти, поуспокоятся, одумаются и, можетъ быть, сдѣлаются лучше; можетъ быть, они поймутъ, наконецъ, что ихъ маленькій кодексъ практически-житейской мудрости не годится для ихъ дѣятельности какъ членовъ общества, что требованія общественнаго развитія стоятъ выше ихъ утлаго міросозерцанія. Можетъ быть, они поймутъ это—и ихъ языкъ прилипнетъ къ гортани.

Но за то вторая серія мнѣній вызываетъ на серьезныя размышленія. Но не лучше ли сначала коротенько очертить нравственную физіономію представителей этой группы. Въ нынѣшней провинціи (даже у насъ, въ губерніи относительно неинтеллигентной) есть не мало людей, о которыхъ можно сказать съ полнымъ убѣжденіемъ, что они люди мыслящіе. Они прочитываютъ все, что является лучшаго въ литературѣ—оригинальной и переводной, не пропускаютъ ни одной книжки солидныхъ журналовъ. Въ минуты возбужденья они потолкуютъ съ вами, и даже очень дѣльно—и о политикѣ, и о статьяхъ Михайловскаго и о „Дневникѣ“ Достоевскаго, и о всякомъ выдающемся явленіи политической русской жизни; имъ не чужда область соціологіи и отвлеченной морали. Нельзя сказать, чтобы можно было найти въ провинціи людей съ цѣльнымъ теоретическимъ міровоззрѣніемъ, но кой-какія убѣжденія все-

таки имѣются, убѣжденія, опредѣленныя на столько, по крайней мѣрѣ, чтобъ не утонуть съ головою въ однообразномъ фонѣ провинціальной дѣйствительности. Но вотъ фактъ чрезвычайно важный по своей прискорбности. Всѣ эти убѣжденія, взгляды, вся эта работа мысли не имѣетъ никакого практическаго приложенія, остается внѣ того круга повседневной практической жизни и дѣятельности, въ которомъ вращаются наши мыслящіе люди, они представляютъ собой, если можно такъ выразиться, праздную философію; исповѣдуетъ человѣкъ прекрасныя убѣжденія, толкуетъ подъ часъ объ общественномъ развитіи, рѣшаетъ въ головѣ всевозможные вопросы, а въ поступкахъ своихъ, въ своей нравственной жизни, остается тѣмъ же самымъ чиновникомъ, лѣкаремъ, прокуроромъ, техникомъ, спеціалистомъ, какимъ были и его предшественники, какими кишитъ наше провинціальное общество, съ той только разницей, что усвоилъ себѣ нѣкоторый внѣшній лоскъ. Все свободное отъ служебныхъ и вообще дѣловыхъ обязанностей время, посвящается чтенію, клубу, ухаживаньямъ, картамъ, катаньямъ, гуляньямъ и пр. Такимъ образомъ, эта праздная философія не выражается ни въ какихъ поступкахъ, ни на волосъ не измѣняетъ образа жизни, не производитъ трепетнаго замиранія сердца, не настраиваетъ воли,

не заставляетъ ни сильно радоваться, ни сильно негодовать. Лучшій изъ представителей нашей интеллигенціи гораздо болѣе волнуется, если прачка не такъ хорошо вычиститъ ему сорочки, какъ бы слѣдовало, или магазинщикъ слишкомъ настоятельно требуетъ уплаты по счету, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда подъ самымъ его носомъ совершаются безобразія общественнаго характера. Почти механически исполняетъ онъ свои обязанности, служитъ на столько усердно и честно, на сколько того требуютъ данныя условія среды, питаетъ разговорами свою праздную философію и затѣмъ остается совершенно глухъ и слѣпъ ко всему тому, что творится вокругъ него. На этой почвѣ устанавливаются самыя пріятныя отношенія: всѣ ходятъ усердно въ клубъ, всѣ оказываютъ другъ другу всевозможныя любезности, всячески снаравливаютъ во всемъ—и чего же искать лучшаго? Если Иванъ Ивановичъ такой предупредительный человѣкъ, а Петръ Петровичъ такой предупредительный хозяинъ, то чего больше: остается только уважать этихъ прекрасныхъ людей и отвѣчать имъ тѣмъ же. Какое кому дѣло до того, какъ онъ относится къ своимъ обязанностямъ: если онъ служитъ по опредѣленію, у него есть начальство, которое за нимъ присматриваетъ, если онъ человѣкъ выборный—его ревизуютъ, оцѣниваютъ

его дѣятельность земское собраніе, городская дума, и намъ, его знакомымъ — нѣтъ никакого дѣла до всего этого...

Въ такую среду является „Незабудка“— изданіе, сплошь наполненное фактами мѣстной жизни и, въ нѣкоторой своей части, имѣющее обличительныя цѣли. И вотъ первый упрекъ является въ скудости фактовъ, въ несистематичности ихъ, въ томъ, что изъ большинства статеекъ „Незабудки“ нельзя сдѣлать никакихъ болѣе или менѣе широкихъ соціологическихъ выводовъ. И это совершенно понятно, потому что такъ сказывается привычка къ трудно-теоретическому размышленію. Подобно тому, какъ въ своей спеціальной дѣятельности, въ больномъ человѣкѣ они видятъ только паціента, въ подсудимомъ—воплощеніе той или другой статьи уложенія—и каждый фактъ мѣстной общественной жизни—хорошій или дурной—представляетъ для этихъ мыслителей лишь отдѣльный анекдотъ, ничего въ себѣ незаключающій, ничего неговорящій ни уму, ни сердцу. Они не привыкли смотрѣть на факты общественной жизни, какъ на матеріалъ жизни, какъ на нѣчто самостоятельное, достойное радости и уваженія въ одномъ случаѣ, презрѣнія, горести и порицанія—въ другомъ; не привыкли судить своихъ гражданскихъ и общественныхъ дѣятелей, произносить надъ ними свою оцѣнку,

Источникъ симпатій и антипатій въ провинціальномъ обществѣ почти всегда лежитъ въ личныхъ качествахъ друзей и враговъ. Иногда самый бездѣятельный и пустой человѣкъ пользуется всеобщимъ уваженіемъ и любовью за то только, что онъ добрякъ и хлѣбосолъ. Отдаютъ, напримѣръ, человѣка подъ судъ за расхищеніе казенной собственности. Всѣ знаютъ, что онъ ничего не дѣлалъ на службѣ, исполнялъ свои обязанности спустя рукава, что самъ онъ наживался и далъ нажиться другимъ, даже самъ онъ едва ли скрываетъ это отъ своихъ близкихъ—и тѣмъ не менѣе всѣ по поводу его *несчастья* проникаются состраданіемъ, выражаютъ ему теплое участіе. И когда, благодаря ловкому адвокату, дѣло выиграно—идутъ шумныя поздравленія, шампанское льется рѣкой. За то, подчасъ, вы хоть лобъ разбейте, трудясь на общую пользу—васъ никто не только не поддержитъ, но даже не увидитъ и не услышитъ, никто не скажетъ отъ сердца простаго спасибо. По неволѣ измѣняетъ труженикъ свою политику и предпочтетъ подслужиться сильному человѣку, для того чтобъ получитъ, по крайней мѣрѣ, хорошее матеріальное вознагражденіе за свою работу.

Читатель сильно ошибется, если подумаетъ, что это происходитъ отъ того, что въ провинціальномъ обществѣ мало общественнаго

смысла, что люди этого общества не привыкли жить общими интересами, отъ того, что всѣ ихъ треволненія исходятъ изъ домашнихъ личныхъ дрязгъ. И когда они видятъ, что „Незабудка“ занята этими мелочами, что ея авторы, видимо, волнуются, набрасывая на бумагу скорбную повѣсть вятскихъ безобразій—это шокируетъ ихъ: имъ кажется, что они, питая въ себѣ свою праздную пустопорожнюю философію, стоятъ выше этихъ «мелочей» и «сплетенъ»; имъ, этимъ успокоившимся уравновѣшеннымъ натурамъ, кажется въ высшей степени несообразной эта горячность въ похвалахъ и порицаніяхъ и они спѣшатъ объяснить ихъ личными отношеніями корреспондентовъ къ объектамъ этихъ похвалъ и порицаній. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли придавать какую нибудь цѣну извѣстію, что земскій врачъ N. N. корыстолюбивъ, что и за рублевое вознагражденіе бѣдняку трудно добиться его визита? Вѣдь это отдѣльный случай—не больше. „*Намъ*“ испытывать на себѣ что нибудь подобное не случалось:—добрый пріятель Станиславъ Ивановичъ готовъ къ нашимъ услугамъ по первому требованію. Другое дѣло, если бы намъ поднесли цѣлую тысячу такихъ примѣровъ и изъ нихъ можно было бы сдѣлать какое нибудь филосовское обобщеніе. Мы тогда анализировали бы явленіе по всѣмъ правиламъ науч-

наго метода и вывели бы какой нибудь соціальный законъ, напримѣръ, хоть тотъ, что, молъ, высшее медицинское образованіе не представляетъ ручательствъ въ нравственной порядочности человѣка; мы сдѣлали бы этотъ выводъ, расширали бы такимъ образомъ кругъ нашихъ пустопорожнихъ воззрѣній и похвалили бы автора. Намъ кажется, читатель, что разбить эту стѣну сытаго личнаго благополучія, подправленнаго безрезультатной пустопорожней философіей, и возбудитъ интересъ въ объятомъ богатырскимъ сномъ провинціальномъ обществѣ къ ближайшимъ общественнымъ явленіемъ можетъ только мѣстная печать. Собирая на своихъ страницахъ всѣ эти „мелкіе“ факты, она не только приготовитъ матеріалъ для будущихъ широкихъ обобщеній, не только закрѣпитъ въ памяти общества «мелкія» событія—она возвыситъ провинціальное общество, укрощая произволъ и своекорыстіе, освѣщая путь и поддерживая нравственно безкорыстныхъ тружениковъ общественной нивы. Эту именно цѣль и имѣетъ въ виду „*Вятская Незабудка*“.

N. N. N.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Предисловіе къ 1-му изданію	IV.
Вмѣсто предисловія къ 2-му изданію	XI.
I. Старые порядки передъ новымъ судомъ (Вятка)	1.
II. Веселенькій пейзажикъ (Вятка) . .	28.
III. Епархіальный съѣздъ 1875 г. (Вятка)	29.
IV. Кусающіяся овцы (Вятка)	32.
V. Духовно-училищная педагогія (Нолинскъ)	37.
VI Вятское уѣздное земство (Вятка) . .	40.
VII. Оспа, возносимая земствомъ на лоно Авраама (Вятка)	44.
VIII. Общая скука, въ переводѣ на вятскій языкъ (Вятка)	48.
IX. Сверхштатный приставъ «Weg-von-hier» (Вятка)	52.
X. Деньги, деньги и деньги (Вятка) . .	54.
XI. Образцовыя училища въ Уржумскомъ уѣздѣ.	61.
XII. «Калининское дѣло» (Вятка). . . .	64.
XIII. Общій очеркъ Слободскаго	70.
XIV. Драма на сѣренькой подкладкѣ (Вятка)	85.
XV. Женское епархіальное училище (Вятка)	94.
XVI. Пониженіе уровня образованіи въ средѣ духовенства (Вятка)	101.

XVII. Наши земцы и нѣмцы (Слободской). 105.
XVIII. Навозный гоноръ (Сарапулъ) . . . 110.
XIX. Дѣло о фальшивыхъ монетчикахъ (Вятка) . . . . . 110.
XX. Третій съѣздъ земскихъ врачей Вятской губерніи (Вятка) . . . . . 120.
XXI. Эпидемія оспы въ Вятской губерніи (Вятка) . . . . . 132.
XXII. Оригинальное назначеніе (Уржумъ). 136.
XXIII. Два слова о недобровольцахъ (Слободской) . . . . . , 137.
XXIV. Слободская публичная библіотека . . 138.
XXV. Тернистый путь земской инициативы (Вятка) . . . . . 141.
XXVI. Яранскіе баши-бузуки (Вятка) . . . 150.
XXVII. Наши педагогическіе курсы (Вятка) . 167.
XXVIII. Зарвавшійся плутократъ (Малмыжъ) . 177.
XXIX. Вопросъ о подвижныхъ школахъ (Яранскъ) . . . . . 198.
XXX. Сборы пожертвованій при помощи полиціи (Сарапулъ) . . . . . 210.
XXXI. Слободская лепта на всемірную свѣчу 212.
XXXII. Земцы-ростовщики (Сарапулъ) . . . 213.
XXXIII. Живописное обозрѣніе . . . . . 216.
XXXIV. Инвалидная эпидемія . . . . . 219.
XXXV. Вопросъ о земскомъ журналѣ (Яран.) 223.
XXXVI. Открытый вопросъ (Вятка) . . . . 232.
XXXVII. Необыкновенный консиліумъ (Вятка) . 242.
XXXVIII. Можно ли вѣрить Сарапульскому земству . . . . . 245.
XXXIX. Общественное здоровье Вятскаго края. 250.
XL. Кайскій и Синеглинскій край (Вятка). 265.
XLI. Грустные факты изъ лѣтописи земской медицины (Вятка) . . . . . 269.
XLII. Орловскій экспромтъ 273

XLIII. Яранское очередное земское собраніе 1876 года . . . . . 275.
XLIV. Слободское земское собраніе . . . . 306.
XLV. Какъ собирать свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ (Вятка). . . . . 324.
XLVI. Экстренное Яранское собраніе . . . 329.
XLVII. Подвижныя школы и обязательное обученіе (Вятка) . . . . . 338.
XLIIII. Педагогъ-сыщикъ (Вятка). . . . . 350.
XLIX. У насъ, въ Елабугѣ . . . . . 353.
L. Все обстоитъ благополучно (Орловъ) . 354.
LI. Трудный юридическій случай (Яранскъ) 357.
LII. Разграбленные почты (Сарапулъ) . . 360.
LIII. Судъ въ провинціи (Яранскъ) . . . 362.
LIV. Не позволямъ! (Вятка) . . . . . 369.
LV. Вятское законовѣдѣніе . . . . . 376.
LVI. По шишу за рубль (Вятка) . . . . 380.
LVII. Путешествіе къ центру земли (Яранскъ) 386.
LVIII. Слободскіе діалоги. . . . . 388.

ся массой дѣлъ объ оскорбленіяхъ различныхъ должностныхъ лицъ при отправленіи ими обязанностей службы. Не знаемъ, что думать: не отличаются ли уже крестьяне, которые чаще всего являются въ этомъ случаѣ подсудимыми, особеннымъ неуваженіемъ къ власти? Но, зная мѣстное населеніе, можно не колеблясь утверждать, что такое предположеніе неправильно. Крестьянство Вятской губерніи отличается чрезвычайной покорностью всякому чиновному лицу. Не дѣлаютъ ли они въ такомъ случаѣ преступленія противъ святаго духа неумышленно, по невѣдѣнію и сгоряча? Конечно, это возможно допустить при ограниченномъ знакомствѣ крестьянъ съ законами. Но, побывавъ на нѣсколькихъ разборахъ такихъ дѣлъ, всякій замѣтитъ, что иногда и этого не бываетъ, а подвергаются они нерѣдко обвиненію даже и тогда, когда кажется, и повода-то къ тому не должно бы быть. Въ подтвержденіе нашихъ словъ, укажемъ на два дѣла, недавно разбиравшіяся въ Вятскомъ окружномъ судѣ. По случаю безхлѣбицы, жители нуждающихся уѣздовъ въ губерніи нынѣ получали ссуду изъ продовольственнаго капитала. Ссуда эта, какъ нами уже было замѣчено (см. «Веселенькій пейзажикъ»), выдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ волостнаго общества будетъ представленъ приговоръ о дѣйствительной необходимости въ ссудѣ. Такой именно приговоръ и былъ составленъ въ Котельническомъ уѣздѣ; но, вѣроятно, по небрежности волостнаго правленія, не былъ своевременно представленъ въ земскую управу. Крестьяне же, конечно, не получая долго ссуды, негодовали. Между тѣмъ служившій въ то время волостной писарь пожедалъ увеличенія себѣ содержанія, для чего и предложена была сходу, созванному для обсужденія различныхъ дѣлъ, надбавка по 5 к. съ души. Сходъ состоялъ болѣе чѣмъ изъ 300 лицъ, и большинство изъ нихъ, замедленіемъ въ полученіи ссуды, было

не только противъ прибавки писарю, но не желали даже, чтобъ тотъ писарь оставался долѣе на службѣ, о чемъ и послѣдовало съ ихъ стороны опредѣленное заявленіе. Но такъ какъ волостному старшинѣ не хотѣлось стѣснять писаря, то онъ сталъ говорить въ его пользу, удостовѣряя вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ согласенъ служить за прежнее жалованье. Крестьяне и этого не желали. Когда старшина началъ настаивать на своемъ предложеніи, то, въ пылу общаго раздраженія, крестьяне на сходѣ заявили, что если старшина за одно съ писаремъ, то и на его мѣсто есть кандидатъ. Само собой, это показалось старшинѣ обидно, и вотъ онъ, желая проучить своихъ предполагаемыхъ недоброжелателей, выбираетъ одного крестьянина и подаетъ на него жалобу въ окружный судъ, объявляя въ бумагѣ, что крестьянинъ требовалъ во время схода, чтобы старшину вывели вонъ. Очевидно, фраза такого рода была измышлена лицемъ, написавшимъ просьбу, потому-что при судебномъ разбирательствѣ онъ упоминалъ объ оскорбительныхъ выраженіяхъ въ другой формѣ. Свидѣтели, вызванные обѣими сторонами, показали, что точно обвиняемый крестьянинъ говорилъ, что старшину нужно смѣнить, но что онъ это говорилъ вмѣстѣ съ другими. Выслушавъ показанія свидѣтелей, прокурорскій надзоръ отъ обвиненія крестьянина отказался, а за тѣмъ и судъ призналъ крестьянина оправданнымъ.

Другое дѣло. Съ крестьянина Орловскаго уѣзда, Устюгова, взыскивался долгъ, который этимъ крестьяниномъ былъ уже уплаченъ, но уплата эта не могла быть доказана, и такъ какъ онъ, обязанный уплатить долгъ по опредѣленію мироваго судьи, замедлилъ взносомъ денегъ, то истцу былъ выданъ исполнительный листъ. Съ исполнительнымъ листомъ явился къ Устюгову судебный приставъ. Устюговъ ведетъ торговлю краснымъ товаромъ, почему судебный приставъ и захотѣлъ именно

взять для аукціонной продажи этотъ товаръ. Понятно, какой убытокъ долженъ былъ бы потерпѣть отвѣтчикъ, когда при аукціонной продажѣ всякая матерія должна была бы идти, самое большее, за полцѣны. Чтобъ избѣжать такого разоренія, Устюговъ предложилъ приставу, въ обезпеченіе иска, банковый билетъ; но приставу почему-то не хотѣлось кончать мирнымъ образомъ и онъ отказалъ въ просьбѣ. Переговоры объ обезпеченіи долга билетомъ шли въ комнатѣ, гдѣ былъ только ямщикъ, привезшій пристава; понятые же находились на дворѣ. Когда приставъ отказался взять билетъ и дѣлать было нечего, то Устюговъ предложилъ ему идти къ понятымъ и съ ними исполнять свое дѣло. Это-то предложеніе выйти изъ комнаты и представлено было приставомъ окружному суду, какъ требованіе со стороны Устюгова выйти ему, приставу, *вонъ*. При разборѣ дѣла выяснилось вполнѣ, что обиднаго въ словахъ Устюгова не было ничего. Единственный, кромѣ самаго пристава, свидѣтель—ямщикъ говорилъ, что Устюговъ *просилъ* пристава выйдти изъ комнаты. Товарищъ прокурора поддерживалъ обвиненіе собственно только на томъ замысловатомъ основаніи, что свидѣтель, онъ же и истецъ, судебный приставъ, высказываетъ обвиненіе, принявъ на судѣ присягу, къ которой его допустили какъ обвиняемый, такъ и его повѣренный.

Понятно, что судъ, разсмотрѣвши дѣло, призналъ Устюгова невиновнымъ.

Такимъ образомъ, въ обоихъ случаяхъ, лицамъ, отправлявшимъ обязанности службы, стоило только придать рѣзкую форму выраженіямъ лицъ, которые были имъ почему-либо непріятны — и явились «дѣла». Въ семьи обвиняемыхъ внесены были съ трудомъ выразимыя огорченія. Сами обвиняемые должны были бросить свои обычныя, срочныя работы, которыми поддерживалось благосостояніе семействъ, являться нѣсколько разъ

къ слѣдствію въ окружный судъ, хлопотать о вызовѣ слѣдователя, вдобавокъ тратиться на наемъ защитника. Наконецъ, чего стоитъ въ нравственномъ отношеніи одно мучительное представленіе подсудности его уголовному дѣлу, связанное съ перспективой наказанія и все это, Богъ знаетъ, за что, такъ—здорово живешь! Нельзя, конечно, думать, что тутъ дѣло зависитъ отъ большей или меньшей смышлености лицъ, подвергающихся обвиненію, отъ степени ихъ образованія. Мы нарочно привели въ примѣръ въ одномъ случаѣ безграмотнаго крестьянина, а въ другомъ—бывшаго писаря, человѣка, кромѣ того, ведущаго торговлю. Разницы въ ихъ умственномъ развитіи отвергать никто не станетъ. Однако же какъ тотъ и другой, сверхъ всякаго ихъ ожиданія, попали на скамью подсудимыхъ. А какъ дурно приходится крестьянину отъ неумѣнія выражаться языкомъ образованнаго общества и недостаточнаго пониманія того, что говорится на судѣ! Тяжело слушать рѣчи крестьянъ, когда къ нимъ обращаются на судѣ съ вопросомъ: «что вы можете сказать по поводу показанія такого-то свидѣтеля?». Свидѣтель показалъ совершенно въ пользу обвиняемаго; между тѣмъ послѣдній, въ виду требованія суда сказать что-нибудь, начинаетъ возражать свидѣтелю. Наконецъ, на судѣ иногда неточно понимаются обороты крестьянской рѣчи. Крестьянинъ говоритъ: «онъ, будто, приходится племянникомъ моему зятю»; судъ понимаетъ «будто» въ смыслѣ «кажется», тогда какъ это слово употребляется въ разговорѣ у крестьянъ вообще въ тѣхъ случаяхъ, когда объясняютъ постороннему какое-нибудь дѣло, тому неизвѣстное, подобно тому, какъ иные любятъ употреблять слова «то есть». Во всякомъ случаѣ судъ относится съ полнымъ вниманіемъ къ подсудимымъ такого рода. Но какъ бы онъ къ нимъ не относился, не въ его власти предотвратить возникновеніе подобныхъ дѣлъ.

Вся бѣда въ томъ, что, съ одной стороны, въ нашемъ обществѣ всякій, кому достанется извѣстная доля власти, дѣлается человѣкомъ нетерпимымъ къ мнѣніямъ и поступкамъ другихъ, а, съ другой стороны, судебные слѣдователи недостаточно отрѣшились отъ былыхъ барскихъ отношеній къ крестьянину или, по понятной склонности сочувственно относиться ко всякому лицу, облеченному властью, становятся чаще всего на сторону послѣднихъ. Затѣмъ прокурорскій надзоръ, съ своей стороны, тоже сочувственно поддерживаетъ обвиненія такого, ближе чѣмъ сомнительнаго, характера. Но поддерживается ли такимъ способомъ преслѣдованія авторитетъ власти и сдѣлаются ли крестьяне осмотрительны въ своихъ выраженіяхъ, это мы предоставляемъ рѣшать самому читателю.

V.

Духовно-училищная педагогія.

(Письмо изъ Нолинска).

Городъ нашъ, незначительный по числу жителей (2,740 душъ обоего пола), можетъ считаться въ губерніи довольно важнымъ по числу учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ. Каковы эти заведенія и учащіеся—другой вопросъ. Наиболѣе солиднымъ, образцовымъ для другихъ, конечно, должно бы быть духовное училище, какъ вполнѣ обезпеченное въ матерьяльномъ положеніи; но именно трудно найти другое учебное заведеніе, гдѣ бы упадокъ образовательной части былъ такъ силенъ, какъ здѣсь. Каждый годъ его учебное начальство получаетъ выговоры отъ семинарскаго правленія, такъ какъ ученики изъ этого училища, переходящіе въ семинарію, обыкновенно, представляютъ изъ себя самыхъ дурныхъ

учениковъ. Нынѣ, напримѣръ, больше чѣмъ изъ 20-ти, окончившихъ ученіе въ училищѣ, рѣшились пріѣхать въ семинарію человѣкъ 15, и изъ нихъ едва были приняты—семеро! Нужно было видѣть горе почтенныхъ отцовъ и стыдъ ихъ дѣтей... Это совершенно понятно: въ образованіи, вѣрнѣе—въ окончаніи курса ученія въ семинаріи, для дѣтей духовенства заключается вся будущность. Для выясненія причины такого положенія Нолинскаго училища, приведемъ нѣкоторые случаи изъ жизни училища за послѣдніе годы. По уставу духовныхъ училищъ, введенному въ нашей губерніи три года назадъ, выборъ смотрителей въ каждое училище предоставляется самому духовенству—окружному съѣзду. Это одно изъ важныхъ преимуществъ; но, къ сожалѣнію, жалованье смотрителю по штату положено такое, что человѣкъ съ высшимъ образованіемъ, имѣющій педагогическую подготовку, ни за что не закабалитъ себя въ уѣздный городъ. Такъ и здѣсь случилось: нолинскому духовенству некого было пригласить. Выборъ сдѣланъ былъ семинарскимъ правленіемъ. Дѣятельность новаго смотрителя ознаменовалась тѣмъ, что лучшіе учителя стали изгоняться, а худшимъ оказана была всякая поддержка. Въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, ежедневно, десятки учениковъ засаживались въ карцеръ. Бывало такъ, что изъ 100 учениковъ 60 запирались на замокъ, въ училищныхъ комнатахъ, часа на 4, на 6, такъ что мальчики для естественной нужды должны были выпрыгивать изъ окна. Одинъ изъ нихъ, поступившій такъ, былъ замѣченъ начальствомъ училища. Для усмиренія рѣзваго мальчика, вызванъ былъ его отецъ, и мальчикъ былъ жестоко *высѣченъ*, на что мальчикъ даже пожаловался мѣстному преосвященному. На все послѣдующее время затянулись препирательства смотрителя съ учителями, съ правленіемъ училища; пошли выговоры отъ преосвя-

щеннаго, ревизіи членовъ семинарскаго правленія, и всѣ, буквально всѣ, были убѣждены, что положеніе училища — какъ нельзя болѣе плохо. Самъ смотритель не знаетъ своего предмета, почему и приглашаетъ преподавать ученикамъ постороннихъ лицъ: разъ учители несказанно удивились, увидѣвъ, что, одновременно съ ними, отправляется въ старшій классъ дьячокъ. Спрашиваютъ: «зачѣмъ это?»—«Уставу-де церковному учить». А ученики были и рады этому. Они, понюхивая съ дьячкомъ табачекъ, все таки, кой-чему научились. Тогда какъ самъ смотритель потѣшалъ учениковъ анекдотами въ родѣ того, что въ одномъ селѣ былъ написанъ образъ необыкновенныхъ размѣровъ, и сдѣлана на немъ надпись: «кто Богъ велій, яко Богъ нашъ!» или разсказами о томъ, какъ онъ, смотритель, живя въ селѣ, за разными домашними хлопотами, не могъ хорошо познакомиться съ церковнымъ уставомъ и проч. Смотритель часто подвергается взысканіямъ, чрезъ мировой судъ, множества долговъ; причемъ являются ауціонныя продажи его имущества на городской площади, скандальные толки по поводу этого и пр. Понятно, какъ этимъ роняется авторитетъ преподавателей и начальства въ глазахъ учениковъ.

Хозяйство идетъ тоже не особенно исправно. Послѣдній окружный съѣздъ духовенства, напримѣръ, долженъ былъ отнестись «съ надлежащею строгостью къ безцеремонному займу со стороны смотрителя» въ видѣ пяти саженъ дровъ, при чемъ заявлено было, что безвозвратные займы нежелательны; или: съѣздъ обратилъ вниманіе на то, что смотритель, посѣщая уроки отсутствующаго учителя, получалъ не только учительское жалованье, но и квартирное учительское пособіе, почему съѣздъ и попросилъ его внести въ кассу училища «неподлежательно взятыя имъ деньги». Насколько дурнымъ было найдено училище при послѣдней ревизіи,

мы не будемъ говорить—и приведеннаго достаточно, чтобъ судить, можно ли имѣть надъ дѣтьми, будущими пастырями церкви, такого администратора-воспитателя.

P. S. къ чести преосвященнаго, необходимо прибавить, что воспитатель этотъ уже уволенъ.

VI.

Вятское уѣздное земство.

(*Письмо изъ Вятки*).

Въ настоящее время идутъ у насъ засѣданія вятскаго *уѣзднаго земскаго собранія*. Сообразуясь съ тѣмъ мнѣніемъ, какое составилось вообще о вятскомъ земствѣ, какъ о лучшемъ изъ земствъ всей имперіи, можно предположить, что и въ частности *вятское уѣздное* земство, какъ состоящее преимущественно изъ представителей губернскаго города, непремѣнно должно быть самымъ передовымъ. Однако, на дѣлѣ это совсѣмъ не такъ. Когда, два года назадъ, собраніе гласныхъ новаго трехлѣтія должно было сдѣлать выборъ служащихъ въ управу, оно было положительно въ затрудненіи — такъ несоотвѣтственъ былъ подборъ гласныхъ. Предсѣдателемъ избранъ былъ одинъ изъ купцовъ, г. Арбузовъ, у котораго и своего-то дѣла по горло; членами пришлось избрать трехъ крестьянъ, людей безъ всякаго образованія, изъ которыхъ одинъ, въ настоящее время, по обвиненію въ завѣдомомъ распространеніи фальшивой монеты, находится въ тюрьмѣ! Недостаточность опытности лицъ, составляющихъ управу, могла бы восполниться хорошею канцеляріей, но и секретарь въ управу былъ приглашенъ (г. Ливановъ) такой, что всѣ дѣла пришли въ полнѣйшее *разстройство*. Помимо упущеній, являлись *растраты* имущества въ самой управѣ и «дѣлъ» ея; такъ, ку-

да-то исчезли чуть ли не всѣ томы свода законовъ, вѣдомости, составленныя раскладочной коммиссіей и проч. По поводу пропажи вѣдомостей едва не пришлось созвать экстренное собраніе, потому-что не оказалось и черновыхъ рукописей. Прошлогоднее собраніе, познакомившись съ положеніемъ дѣлъ управы и найдя въ ней много безпорядковъ, сдѣлало довольно рѣзкое порицаніе ея дѣятельности и распорядилось напечатать въ губернскихъ вѣдомостяхъ весь докладъ ревизіонной коммиссіи, въ которомъ указывалось на «ошибочное производство дѣлъ» въ управѣ, нераспорядительность ея, на то, что земская управа «имущество доводитъ до плохаго состоянія, тратя при этомъ напрасно деньги». Управа, въ этомъ случаѣ, представляетъ какъ бы отраженіе самого собранія. Дѣйствительно, оно само въ нѣкоторыхъ случаяхъ далеко не серьезно относится къ своимъ обязанностямъ. Всѣ дѣла, подлежащія обсужденію каждой сессіи, могутъ быть легко разсмотрѣны дней въ пять-шесть, а наши собранія тянутся дней по семнадцати. Въ прошломъ году, напримѣръ, велось дѣло такъ: засѣданіе назначено въ семь часовъ вечера; къ этому времени является предсѣдатель собранія и троечетверо гласныхъ; пройдетъ полчаса—явятся еще двоетрое гласныхъ, черезъ полчаса—еще одинъ. Посылаютъ къ гласнымъ на домъ съ просьбой поспѣшить... Только къ девяти-десяти часамъ едва-едва наберется необходимое число гласныхъ. Начинается обсужденіе дѣлъ. Опоры для рѣшеній никакой нѣтъ. По самымъ важнымъ дѣламъ нѣтъ нетолько докладовъ управы, но даже простыхъ «свѣдѣній» въ сыромъ видѣ, такъ что въ самомъ собраніи приходится читать даже счеты на заготовку матеріаловъ для вновь проектируемой больницы, въ родѣ слѣдующихъ: «холста на наволочки—столько-то аршинъ, по столько-то копеекъ, всего на сумму такую-то» и т. д. Позовутъ экспертовъ—выйдетъ дѣло не

лучше. Нужно было рѣшить: слѣдуетъ ли поддерживать въ городѣ телятникъ, чтобъ имѣть всегда наготовѣ оспенную лимфу для привитія оспы. Пригласили врача Песковскаго; врачъ Песковскій доказалъ, какъ дважды два, что телятникъ *ненуженъ*, потому что телячью лимфу выгоднѣе выписать изъ Казани или Москвы; въ крайнемъ же случаѣ, купимъ-де одного теленка и привьемъ ему оспу. Слѣдствіемъ уничтоженія телятника было то, что даже городскіе жители, потерявъ терпѣніе въ поискахъ за оспопрививателями, стали манкировать оспопрививаніемъ, и въ настоящее время натуральная оспа свирѣпствуетъ въ городѣ настолько сильно, что «общество врачей города Вятки» должно было обратить на это вниманіе: оно подраздѣлило городъ на участки, указало мѣры противъ зараженія, способы содержанія больныхъ и проч. Въ уѣздѣ же, въ одной Вязовской волости, больныхъ оспою было болѣе 800 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе 50-ти умерло.

Нынѣшнее собраніе посѣщалось гласными нѣсколько усерднѣе; но ихъ, всетаки, явилось только 11. Занятія шли такъ вяло, что высиживать три-четыре часа едва возможно. Вотъ образчикъ рѣшенія собраніемъ вопросовъ. Управа вноситъ въ собраніе приговоръ крестьянъ объ открытіи школы въ селѣ Селезеневскомъ, причемъ замѣчаетъ, съ своей стороны, что просьбу крестьянъ нужно удовлетворить, для чего и перевести туда школу изъ села Каринки. Управа не даетъ при этомъ никакихъ *цифровыхъ* данныхъ ни о населеніи, ни о числѣ учащихся. Въ собраніи кое-какъ выясняется дѣло, что въ Каринскомъ училищѣ учениковъ много и закрывать его не слѣдуетъ, и что лучше открыть новую школу въ селѣ Селезеневскомъ, предложивъ лишь крестьянамъ на свой счетъ дать помѣщеніе. Но одинъ изъ гласныхъ глубокомысленно замѣчаетъ, что «съ народомъ не собразишь»; другіе соглашаются, и собраніе рѣшаетъ —

употребить слѣдующій годъ на «изученіе» вопроса» объ открытіи школы въ селѣ Селезеневскомъ! Другой примѣръ. Слушается «докладъ» управы тоже объ открытіи школы въ селѣ Верхобыстрицкомъ; въ докладѣ говорится, конечно, голословно, что школы тамъ открывать не слѣдуетъ. Одинъ изъ гласныхъ заявляетъ, что объ открытіи школы въ этомъ селѣ было ходатайствовано еще въ прошломъ году, что тамъ существуетъ частная школа, которую и поручено было освидѣтельствовать члену училищнаго совѣта; но членъ туда не ѣздилъ. Оказывается, однако, что въ прошлогоднемъ собраніи рѣчь была совсѣмъ не о Верхобыстрицкомъ селѣ, а о Просницкомъ и что въ Верхобыстрицкомъ селѣ никакой частной школы не существуетъ. Все это показываетъ, насколько уѣздная управа оказывается неспособною къ занятіямъ земскимъ дѣломъ и какой трудъ собранію справляться съ хозяйствомъ своего уѣзда. Вмѣсто того, чтобъ представлять обстоятельныя данныя для обсужденія вопросовъ, управа обыкновенно лишь приводитъ мнѣнія другихъ лицъ или учрежденій; напримѣръ, въ вопросѣ объ акушеркахъ—мнѣніе врача Песковскаго, который, въ свою очередь, предлагаетъ къ разсмотрѣнію сужденіе деревенской бабы, выраженное въ такой формѣ, что неприлично даже передавать вамъ. И, замѣчательно, что, не смотря, на всѣ указанныя неблагопріятныя условія, въ которыхъ находится вятское уѣздное земство, земское собраніе дѣлаетъ много и такихъ постановленій, къ которымъ нельзя не отнестись съ уваженіемъ и сочувствіемъ.

Почти всякое толково выраженное предложеніе о помощи дѣйствительно полезному дѣлу собраніемъ встрѣчалось сочувственно. Заявлено было, напримѣръ, о печальномъ положеніи незаконорожденныхъ дѣтей въ родильномъ отдѣленіи при больницѣ—земское собраніе ассигновало 180 рублей на годичное содержаніе пятнадцати

малютокъ; обратилось въ собраніе «казанское общество земледѣльческихъ колоній» о денежной помощи—собраніе заявило желаніе сдѣлаться дѣйствительнымъ членомъ общества, внеся единовременно 100 рублей; Песковскій, земскій врачъ, заявилъ, что для народа, кромѣ ученыхъ акушерокъ, нужны повитухи изъ крестьянъ—собраніе устроило при сельской больницѣ три кровати для родильницъ, двѣ стипендіи для крестьянокъ-повитухъ, съ тѣмъ, чтобъ онѣ обучались при этой больницѣ подъ руководствомъ опытной акушерки и врача.

На будущее трехлѣтіе сдѣланъ выборъ мировыхъ судей; земское собраніе единогласно выбрало четырехъ человѣкъ, считающихся въ городѣ самыми достойными на эти должности. Изъ вновь выбранныхъ судей трое—Пьянковъ, Фармаковскій и Аленицынъ—уже прослужили два трехлѣтія участковыми судьями, четвертый два трехлѣтія былъ почетнымъ мировымъ судьей.

VII.

Оспа, возносимая земствомъ на лоно Авраама.

(Письмо изъ Вятки).

Въ концѣ прошлой зимы, въ Вяткѣ появилась натуральная оспа, сначала въ видѣ рѣдкихъ случаевъ, а потомъ въ такихъ размѣрахъ, которые обратили на себя вниманіе общества вятскихъ врачей. Общество, въ видахъ болѣе успѣшной борьбы съ эпидеміей, предложило горожанамъ прививаніе оспы при лѣчебницѣ общества, ходатайствовало предъ губернскою управой о доставленіи членамъ общества правъ прописывать лѣкарства бѣднѣйшимъ изъ оспенныхъ больныхъ на «безплатныхъ бланкахъ» и о дозволеніи пользоваться обществу при

устройствѣ телятника для полученія и прививанія телячьей лимфы помѣщеніемъ, оставшимся свободнымъ послѣ закрытія телятника губернскимъ собраніемъ прошлогодней сессіи, содержавшагося до 1875 года на средства губернскаго земства. Сверхъ того, общество обращалось въ уѣздное вятское собраніе и въ городскую управу съ просьбой объ ассигнованіи средствъ на содержаніе этого телятника, организовало правильную регистрацію оспенныхъ больныхъ въ городѣ, публиковало въ губернскихъ вѣдомостяхъ и черезъ отдѣльныя уличныя объявленія объ опасностяхъ эпидеміи и т. д. Разумѣется, изъ всѣхъ этихъ мѣръ самая важная—оспопрививаніе. Но, получивъ отказъ уѣзднаго земства въ ассигнованіи средствъ на содержаніе телятника, до сихъ поръ не получая отвѣта отъ городской управы и имѣя лишь согласіе губернской управы на занятіе помѣщенія подъ телятникъ, общество должно было ограничиться прививаніемъ гуманизированной лимфы, т. е., взятой съ ребенка. Это именно обстоятельство и представляетъ страшное затрудненіе для борьбы съ эпидеміей. Такъ почти невозможно достать ребенка съ привитою оспой для прививія съ руки на руку и чрезвычайно трудно, подъ часъ невозможно, убѣдить родителей дозволить снять лимфу съ ребенка на стекло. Сверхъ того, оспопрививатели изъ рукъ вонъ плохи: прививки рѣдко удаются: иногда, позовутъ оспопрививателя и ждутъ его по недѣлѣ и болѣе. На нашихъ глазахъ одна изъ оспопрививательницъ, зацѣпивъ, вмѣсто лимфы, гною изъ-подъ струпа уже засыхающей оспины, хотѣла привить его ребенку и была не мало удивлена, когда врачъ воспрепятствовалъ этой ненужной и вредной процедурѣ. А между тѣмъ, въ виду такихъ нелѣпыхъ условій для борьбы съ оспенною эпидеміей, она день ото дня принимаетъ все болѣе и болѣе жестокіе размѣры и есть уже случаи заболѣванія въ учебныхъ заведеніяхъ, земскихъ и министерскихъ. От-

сюда понятна необходимость поголовнаго оспопрививанія въ городѣ, по крайней мѣрѣ, дѣтямъ, особенно учащимся. Мѣра эта была уже рекомендована обществомъ врачей, но не можетъ практиковаться, за недостаткомъ оспенной лимфы. Болѣе другихъ терпятъ отъ эпидеміи дѣти, поступающія въ губернскую земскую больницу больными или здоровыми, при больныхъ матеряхъ. Намъ положительно извѣстно, что рѣдкій ребенокъ, поступившій въ больницу не заражается, такъ что число заразившихся оспой дѣтей въ больницѣ чуть ли не превышаетъ числа поступившихъ съ оспой больныхъ изъ города. Зараженія происходятъ независимо отъ того, въ какую палату, отдѣленіе, этажъ, подъ надзоръ какого ординатора и фельдшера поступитъ ребенокъ—все равно, онъ почти навѣрное обреченъ на заболѣваніе, а можетъ быть, и на смерть. Врачи больницы, въ виду невозможности отказывать больнымъ матерямъ, немогущимъ оставлять дома здоровыхъ ребятъ, и въ виду невозможности отказывать въ помѣщеніи больныхъ дѣтей, при такой страшной опасности для нихъ заболѣванія оспой, уже въ началѣ осени просили губернскую управу отвести для оспенныхъ отдѣльное отъ больницы помѣщеніе для наилучшаго разобщенія ихъ отъ остальныхъ больныхъ. Но, къ сожалѣнію, управа на это не согласилась, за неимѣніемъ, будто бы, средствъ. Отказъ управы положительно не понятенъ, такъ какъ на прекращеніе эпидемій въ распоряженіи управы имѣется ежегодно 2,500 рублей, которые почти никогда не расходуются и преспокойно переносятся въ смѣту послѣдующаго года. Такимъ образомъ, губернская больница для большого числа поступающихъ въ нее дѣтей представляетъ земскую оспенную гробницу... Это зло можно бы предотвратить прививаніемъ оспы каждому поступающему въ больницу ребенку, еслибъ количество оспенной лимфы позволяло это. Положеніе заболѣвающихъ оспой

въ больницѣ ухудшается еще тѣмъ, что больница, по отзывамъ 1-го и 2-го съѣздовъ врачей и по настойчивымъ оффиціальнымъ заявленіямъ бывшаго старшаго врача г. Кармильскаго, не удовлетворяетъ совершенно гигіеническимъ требованіямъ и пропитана міазмами. Прошлою зимой, напримѣръ, было въ ней даже первоначальное возникновеніе тифа на больныхъ, страдавшихъ совершенно другими болѣзнями, и на здоровыхъ до того времени служителяхъ больницы; случаи заболѣванія больныхъ въ зимнее время простудными болѣзнями очень часты; ампутаціи даютъ ужасный процентъ смертности. Такъ, по отчету доктора Свисловскаго, въ 1874 г. было 60 проц. смертности отъ ампутацій, тогда какъ вообще по хирургической статистикѣ, процентъ смертности отъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ ампутацій—ампутаціи бедра, не превышаетъ 45 проц., а при ампутаціи голени не превышаетъ 25 проц. Понятно, какъ ужасны послѣдствія такой нездоровости больницы вообще, не говоря уже о такихъ исключительныхъ моментахъ, какъ оспенная эпидемія.

Къ сказанному необходимо прибавить, что по заключенію общества врачей, нынѣшняя оспенная эпидемія, интензивнѣе прежнихъ. Такъ, напримѣръ, были уже случаи появленія въ городѣ такъ-называемой черной оспы; заболѣваютъ и тѣ, которымъ привита оспа, и, притомъ, особенно въ крестьянскомъ населеніи, взрослые; изъ заболѣвающихъ въ деревняхъ нерѣдко умираетъ болѣе половины. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ, напримѣръ, въ Котельническомъ, Орловскомъ, Вятскомъ оспа свирѣпствуетъ давно съ небывалою силой.

Интересно знать, какъ отнесется предстоящее губернское земское собраніе къ распространенію оспенной эпидеміи чуть не на всю губернію. Мы рѣшительно отказываемся предугадать это рѣшеніе земства, потому-что, съ нѣкоторыхъ поръ, наше земство окончательно по-

ражаетъ неожиданностью рѣшеній. Такъ, учредивъ должность санитарнаго врача, земство чрезъ годъ упразднило ее и, притомъ, единственно лишь на основаніи страннаго доклада управы по этому вопросу. Далѣе, министерство государственныхъ имуществъ изъявило согласіе принять подъ свое покровительство начальныя сельскохозяйственныя школы, а между тѣмъ земскіе дѣятели, и, притомъ наиболѣе видные, нисколько не стѣсняются вслухъ говорить о томъ, какъ хорошо было бы сельско-хозяйственную учительскую семинарію преобразовать въ реальное училище: тогда бы, по крайней мѣрѣ, было гдѣ учить дѣтей... Словомъ, было когда то хорошо вятское земство, да «быльемъ поросло» или, по меньшей мѣрѣ, поростаетъ. Вотъ это-то «былье» губернское земское собраніе должно бы съ корнемъ вырвать или вывернуть. Сдѣлаетъ ли оно это?..

VIII.

Общая скука, въ переводѣ на вятскій языкъ.

Вятка, январь 1876 г.

Зима 1875 — 1876 года отличалась у насъ почти полнымъ отсутствіемъ средствъ для развлеченія скучающихъ горожанъ. Въ прошломъ годѣ всю зиму продержались здѣсь театръ и циркъ. Нынѣ же ни одинъ антрепренеръ не рискнулъ явиться въ городъ. Вотъ почему горожане были рады, когда узнали, что начинается въ клубѣ рядъ публичныхъ популярныхъ лекцій, по почину общества врачей г. Вятки. Лекцій впрочемъ оказалось немного, три-четыре, именно о табакѣ, о спиртѣ, объ оспѣ. Первая лекція г. Михайлова представляла довольно сносную компиляцію и публикой была выслушана не безъ интереса, вторая—Михайлова же,

АКАДЕМИИ.

состояла изъ скучнѣйшаго перечисленія сортовъ вина и водокъ и указанія на послѣдствія пьянства собственно въ поколѣніи отцовъ-пьяницъ. Ни малѣйшаго упоминанія о томъ, какъ распространено употребленіе вина собственно въ нашей губерніи и какъ великъ процентъ умирающихъ отъ пьянства; совсѣмъ не говорилось о запоѣ и т. д. Впрочемъ лекціи эти, какъ говорятъ, составлены лекторомъ давно и только повторяются безъ измѣненій черезъ извѣстные промежутки времени, и поэтому-то въ нихъ не было внесено ничего оживляющаго предметъ новостію послѣднихъ выводовъ науки и проч. Понятно, что интересъ публики къ публичнымъ чтеніямъ можетъ поддерживаться только болѣе интересными чтеніями и нельзя не пожалѣть, что у насъ въ городѣ нѣтъ ни людей, ни средствъ для устройства народныхъ чтеній съ туманными картинами. Не зная куда дѣваться отъ скуки, публика усердно являлась въ залу, гдѣ происходили засѣданія IX очереднаго губернскаго земскаго собранія. Но утѣшенія было тоже не много. Изо дня въ день обыкновенно читались прескучные, длинные доклады управы; предсѣдатель ставилъ послѣ каждаго изъ нихъ короткій вопросъ: «угодно ли будетъ собранію согласиться съ мнѣніемъ управы?» Гласные наклоняли головы, и опять начиналось чтеніе докладовъ нумеръ за нумеромъ. Заволновалось собраніе, только когда рѣчь зашла о принятіи новой раскладки, и то собственно вслѣдствіе возраженій представителя отъ государственныхъ имуществъ, толковавшаго о фантазіи, на которой будто бы основывались раскладки. Затѣмъ, оживились еще гласные, когда производились выборы въ судьи и, наконецъ, когда пошла вторично рѣчь о медицинскихъ дѣлахъ. Выборы судей, вначалѣ, оказались крайне неудачными: нужно было избрать 12 участковыхъ судей въ разные уѣзды. Соглашеніе между гласными состоялось за-

ранѣе, но когда началась баллотировка, то первому же изъ предположенныхъ къ выбору лицъ положенъ былъ черняк. Вѣроятно, гласные, желавшіе его выбора осердились и стали класть черняки не скупясь, такъ что единогласно могъ пройти только одинъ судья. Но къ слѣдующему же дню дѣло было исправлено. Лучшіе изъ кандидатовъ всѣ были избраны, хотя уже и не въ тѣ уѣзды, въ которые они сначала было разсчитывали. А кандидатовъ въ судьи явилось чрезъ мѣру много—десятка три. Но что это за кандидаты были! Или отжившіе свой вѣкъ отставные мировые посредники, пристава и пр., или юноши, выборъ которыхъ былъ совсѣмъ не желателенъ. Одинъ изъ послѣднихъ, нѣкто Усольцевъ, стоялъ въ публикѣ, когда его балотировали. На него, конечно, посматривали многіе, что онъ хорошо замѣчалъ, и когда оказалось, что онъ забалотированъ громаднымъ большинствомъ, то высунулъ языкъ; публика не могла не засмѣятся надъ такимъ школьничествомъ кандидата въ судьи. При обсужденіи дѣла о медицинской части въ губерніи, были приглашены земскіе врачи высказать собранію свои соображенія. Одинъ изъ нихъ, г. Нагорскій, съ особенной энергіей говорилъ о необходимости учрежденія снова должности санитарнаго врача, закрытой по выбытіи г. Португалова. Нагорскаго поддерживалъ старшій врачъ больницы и двое-трое гласныхъ; противниковъ вмѣстѣ съ членами губернской управы было не мало, между прочимъ и врачи Готвальдъ и Рудольскій, отвергавшіе всякую пользу губернскихъ санитарныхъ врачей. Не смотря на это, должность санитарнаго врача большинствомъ голосовъ вновь была учреждена. За выборомъ санитара предположено обратиться къ г. Доброславину, профессору гигіены въ медико-хирургической академіи. Занятія санитара опредѣляются тѣмъ, что онъ будетъ руководителемъ и совѣтникомъ земскихъ врачей въ дѣлѣ санитарнаго изслѣ-

дованія губерніи, будетъ выѣзжать для спеціально-научнаго изслѣдованія тѣхъ мѣстностей губерніи, которыя, по указанію врачей, оказываются наиболѣе нездоровыми, займется обработкой медикостатистическихъ данныхъ и т. п. Такимъ образомъ одна изъ ошибокъ предшествовавшаго собранія была исправлена; но устраивая новую должность, земство должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться объ уничтоженіи или, по крайней мѣрѣ, о «сокращеніи» «должности» одного гласнаго собранія; причемъ земству должна была бы остаться трехтысячная экономія. Объяснимъ дѣло. Съ самаго открытія земскихъ учрежденій, на земскія средства содержится депутатъ горнаго вѣдомства въ вятскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи, г. Тучемскій. Обязанности его по выдачѣ владѣнныхъ записей бывшимъ крестьянамъ горнаго вѣдомства уже покончены; въ составѣ новыхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ такіе депутаты не полагаются; и вотъ, ранѣе земство, а затѣмъ уже самъ отъ себя губернаторъ вносили, куда слѣдуетъ, ходатайства объ уничтоженіи этой должности и избавленіи земства отъ расхода; но удовлетворительнаго разрѣшенія не получалось. На несчастіе земства, г. Тучемскій получаетъ чины и, вслѣдствіе того, «содержаніе» его становится земству все дороже съ двухъ тысячъ рублей оно возросло болѣе чѣмъ до трехъ тысячъ руб. Зная это, мы поймемъ желаніе земства, если ужъ имѣть депутата отъ горнаго вѣдомства, то съ небольшимъ чиномъ, чтобъ не тратить лишнія деньги. Можетъ быть, земство не жалѣло бы денегъ, еслибъ въ пользѣ для земскихъ дѣлъ существованія г. Тучемскаго оно не сомнѣвалось. Кажется, этого сказать нельзя. Для характеристики дѣятельности г. Тучемскаго можно привести одно мѣсто изъ журналовъ слободскаго земскаго собранія III сессіи. Именно на 221 стр. печатныхъ журналовъ слободскаго земска-

го собранія означенной сессіи, мы читаемъ: «гласные Хрулевъ и Вахрушевъ заявили, что они полагали бы необходимымъ просить Правительство объ устраненіи на будущее время г. Тучемскаго въ засѣданіяхъ собранія и о назначеніи вмѣсто его другаго члена отъ горнаго вѣдомства, такъ какъ участіе г. Тучемскаго въ засѣданіяхъ собранія ведетъ только къ постояннымъ непріятностямъ. Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласились и остальные гласные, за исключеніемъ троихъ. Но предсѣдатель собранія отъ разсмотрѣнія по этому предмету собраніе отклонилъ, заявивъ, что «это не дѣло земскаго собранія»...

IX.

Сверхштатный приставъ «Weg - von - hier».

Совсѣмъ лишенные всякихъ общественныхъ зрѣлищъ, горожане рады—радехоньки были, когда въ половинѣ января 1876 г. открыты были засѣданія отдѣленія Казанской судебной палаты, выѣхавшаго въ Вятку въ первый еще разъ. Помимо новости этого случая, самыя дѣла, разбиравшіяся палатой, были интересны. И вотъ, каждый день въ зданіе окружнаго суда, гдѣ назначенъ былъ разборъ дѣлъ судебной палаты, стало являться очень много желающихъ познакомиться съ тѣмъ, что будетъ на судѣ. Но какъ зала для засѣданій на этотъ разъ оказалась недостаточно обширною, то входили въ нее не всѣ—нѣкоторымъ пришлось дожидаться очереди на площадкѣ предъ входомъ въ залу. Публика ждала терпѣливо; но почему-то это любопытство горожанъ не нравилось служащимъ въ судѣ, и съ ней обращались не особенно ласково. Для характеристики провинціальныхъ обычаевъ, мы приводимъ здѣсь одинъ

случай. На вечернее засѣданіе 16 января явилось желающихъ слушать дѣло много лицъ, но успѣвшіе прійти часа за два до засѣданія заняли всѣ мѣста на скамьяхъ въ залѣ; можно было только еще стоять сбоку отъ скамей. На площадкѣ толпился народъ, однако жъ не въ такомъ числѣ, чтобъ стѣснять передвиженіе служащихъ. У дверей стояли сторожа и тѣшились своимъ краснобайствомъ; публика, впрочемъ, на казарменныя остроты совсѣмъ не обижалась. Вотъ подходятъ къ двери богатыя купчихи; чтобъ впустить ихъ въ залъ, явился экзекуторъ и заявилъ, что въ залъ могутъ войти только дамы. Дѣйствительно нѣсколько дамъ впустили. Мужчины стали роптать: что же де это за предпочтеніе? Иные шутили, что вотъ, можетъ быть, будутъ впускать только тѣхъ, у кого есть бороды и пр. Экзекуторъ сталъ горячиться. Приходитъ одинъ господинъ и начинаетъ настойчиво требовать очищенія площадки; оказывается, что это г. Ренненкампфъ. Онъ заявляетъ, что въ залъ никто не можетъ быть впущенъ; однако самъ же чрезъ коридоръ проводитъ нѣсколько лицъ, вѣроятно знакомыхъ. Публика и по этому обстоятельству, а также, судя по прежнимъ случаямъ, надѣется попасть въ залъ, и не думая, что молчаливое ея присутствіе можетъ кого либо тревожить, не расходится. Г. Ренненкампфъ горячится, требуетъ судебнаго пристава и распекаетъ его въ глазахъ публики. Тотъ не знаетъ, что и дѣлать. Вызывается частный приставъ и, получивъ настойчивое приказаніе г. Ренненкампфа, начинаетъ уговаривать публику уйти; когда послѣдняя, все еще не понимая, съ чего это ее гонятъ изъ этого публичнаго общественнаго зданія, удаляется неохотно, то г. Ренненкампфъ начинаетъ кричать на частнаго пристава, чтобъ онъ изгналъ всѣхъ до одного: я-де здѣсь хозяинъ и за все отвѣчаю. Публику гонятъ ужъ немилосердно съ лѣстницъ; самъ г.

Ренненкампфъ ее преслѣдуетъ и въ сѣняхъ опять начинаетъ кричать на швейцара, какъ-де смѣетъ впускать такъ много народа; затѣмъ еще набрасывается на служителей, принимающихъ платье и, наконецъ, въ раздраженіи уѣзжаетъ. За отъѣздомъ его, любопытные вновь являются и свободно попадаютъ въ залъ. Скажите: была ли необходимость такъ обращаться въ зданіи суда съ людьми, никому немѣшавшими? ужели было необходимо нужно унижать, ну хоть бы приставовъ? И развѣ такъ бываетъ, напримѣръ, въ зданіяхъ петербургскаго окружнаго суда, гдѣ въ корридорѣ публика иногда стоитъ сплошной стѣной!...

X

Деньги, деньги и деньги!...

(Письмо изъ Вятки).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1876 года выѣзжало въ городъ Вятку отдѣленіе Казанской судебной палаты для разбора трехъ дѣлъ о нѣсколькихъ чиновникахъ, обвинявшихся въ преступленіяхъ по должности. Дѣла эти, въ своей совокупности, представляли необыкновенный интересъ. Передъ публикою во-очію, обнаружился чуть ли не весь провинціальный административный механизмъ, дѣйствовавшій лишь года четыре-пять назадъ. На скамьѣ подсудимыхъ тутъ являлся попеременно и правитель губернаторской канцеляріи, въ рукахъ котораго находился ключъ къ управленію губерніею, и уѣздный исправникъ съ секретаремъ полицейскаго управленія, уѣздный врачъ и мировой посредникъ. Нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ, умерло, не дождавшись разбора ихъ. Для передачи мы беремъ здѣсь дѣло о бывшемъ правителѣ канцеляріи губернатора, Мусерскомъ. Получивъ образо-

ваніе лишь въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, Мусерскій, въ теченіе своей двадцатилѣтней службы, дослужился до чина надворнаго совѣтника и получилъ три ордена: св. Владимира, св. Анны и св. Станислава. Собственно правителемъ канцеляріи онъ былъ одиннадцать лѣтъ, при четырехъ губернаторахъ. Кромѣ прямой своей должности, онъ участвовалъ въ занятіяхъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и въ разныхъ коммиссіяхъ. Значитъ, человѣкъ былъ, вообще, опытный служака. Какъ же велъ онъ дѣла въ своей канцеляріи? На судѣ разбирались, собственно, дѣйствія правителя относительно лишь завѣдыванія, пользованія и проч. денежными суммами, переходящими черезъ канцелярію въ многоразличныя мѣста; почему и мы будемъ говорить, собственно, объ «управленіи» Мусерскимъ этою «интересною» частію всякой канцеляріи. Скажемъ напередъ, что обнаруженное слѣдствіемъ относительно завѣдыванія денежною частію въ канцеляріи кажется просто невѣроятнымъ. Официально приходорасходчикомъ значился, въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ, чиновникъ Срѣтенскій; неофиціальнo же, кромѣ его, одно время—чиновникъ Левашевъ, а послѣ него—Владиміровъ. Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ дѣла, вся денежная часть была «въ рукахъ» управителя канцеляріи; притомъ такъ, что между деньгами, поступавшими въ канцелярію, и деньгами, составлявшими собственность правителя, не было никакого различія, или еще вѣрнѣе: деньги «казенныя» были суммами «переходящими» на нужды самого правителя и его зятя, служившаго въ другомъ мѣстѣ. И такъ какъ вести запись прихода и расхода—дѣло хлопотливое и особенно для насъ, русскихъ, не симпатичное, то въ канцеляріи не велось никакихъ книгъ приходорасходныхъ,—не велось много лѣтъ,—съ 1865 по 1870 годъ не было ни одной приходорасходной тетради; а такъ, на память, иногда помѣчалось въ за-

писной домашней книжкѣ, карандашомъ, что вотъ тогда-то, тому-то выдано рубль, десять, сто и проч.; кромѣ того, и эти книжки, какъ пустая формальность, были въ послѣдствіи затеряны; на память исторіи сохранилась лишь одна «веденная мѣсяца за два» и притомъ лица, не привлеченнаго къ дѣлу. Вообще, дѣло шло просто: нужны деньги правителю онъ, шлетъ записку приходорасходчику: «пошлите»,—тотъ посылаетъ и лишь на запискѣ же ставитъ одну цифру посланныхъ денегъ; нужно денегъ зятю правителя канцеляріи, Евреинову —онъ посылаетъ со сторожемъ записку, и ему шлетъ денегъ, сколько нужно. Задолжалъ Мусерскій одному чиновнику, и тотъ беретъ въ счетъ Мусерскаго изъ канцелярскихъ суммъ 500 рублей и т. д. Все это велось открыто; каждый въ канцеляріи это зналъ. Первый приходорасходчикъ, получая небольшое жалованье, жилъ въ полномъ удовольствіи, «не по средствамъ», какъ самъ говорилъ, и сколько всего издержалъ денегъ, ему непринадлежащихъ-и не помнилъ. Правда, онъ поступалъ иногда уже совсѣмъ своеобразно. Разъ, получивъ деньги изъ казначейства, онъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ канцелярію и выдавать жалованье, отправился въ кафе-ресторанъ и прокутилъ тамъ до утра. Вышелъ скандалъ; но, конечно, все было улажено. Онъ остался на своемъ мѣстѣ приходорасходчикомъ, подписывался подъ бумагами; только денегъ ему не стали довѣрять. Но вѣдь у всякой суммы, пересылаемой черезъ канцелярію губернатора, бываетъ свое спеціальное назначеніе; тутъ какъ же поступали? Да почти никакъ. А что назначеній было много, то и говорить нечего. Черезъ губернаторскую канцелярію пересылается такъ много разнообразныхъ суммъ, что не вдругъ и сосчитаешь. Даже, едва ли, въ губерніи есть другое мѣсто, гдѣ бы было такое обиліе назначеній. Когда обнаружился безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ, то оказалось, что между прочими растратами были:

деньги изъ добровольныхъ пожертвованій по губерніи въ пользу голодающихъ въ Россіи,

деньги изъ продовольственнаго капитала башкиръ,

деньги, высылаемыя изъ министерства на расходы по наблюденію за сплавомъ лѣса,

деньги, принадлежащія городскимъ обществамъ,

деньги, высылаемыя ссыльнымъ (полякамъ) ихъ родными,

деньги, пожертвованныя на ломоносовскую стипендію,

деньги, въ вознагражденіе одному лицу изъ археологической коммиссіи,

деньги, пожертвованныя въ публичную библіотеку,

деньги, пожертвованныя на образованіе капитала священнонародной кассы,

деньги, пожертвованныя кандіотамъ,

деньги женской гимназіи,

» на пошлины за различныя паспорта,

деньги общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ,

деньги, пожертвованныя крестьянами на икону Божіей Матери въ село Колково,

деньги на памятникъ Воронцову и Пожарскому.

Да и не перечтешь всего, потому-что и это можно было открыть лишь въ теченіи трехъ лѣтъ производства слѣдствія, такъ какъ большая часть бумагъ не сохранилась. Всего насчитано было растраты до 5,000 рублей. Впрочемъ, пусть не думаютъ, что съ показной офиціальной стороны дѣла, были какія-нибудь упущенія. Какъ должно, въ теченіе всѣхъ пяти лѣтъ ежемѣсячно, въ присутствіи губернаторовъ, производилась повѣрка суммъ и всегда оказывались всѣ деньги на лице. Только дѣло и въ этомъ случаѣ было упрощено. Собственно въ денежномъ сундукѣ никогда не было ничего,—когда поручено было, послѣ кутежа Срѣтенскаго, слѣдить за поступленіемъ денегъ чиновнику Левашеву, то ему былъ

переданъ, только ключъ отъ сундука, а въ сундукѣ, по вскрытіи, оказалось лишь 20 к. Передъ первымъ числомъ каждаго мѣсяца правитель спрашивалъ приходо-расходчика, сколько у нихъ въ канцеляріи есть на лице денегъ, соображалъ, сколько онъ можетъ употребить своихъ денегъ, сколько можетъ занять на сутки у знакомыхъ, и, сообразно полученной суммѣ, писалась вѣдомость о наличности кассы. За день до свидѣтельства деньги вкладывались въ сундукъ; свидѣтельство производилось, деньги оказывались сполна на лице, составлялся журналъ, а, вслѣдъ засвидѣтельствомъ деньги изъ сундука всѣ вынимались и расходовались, куда вздумается. Такимъ образомъ, въ теченіи пяти лѣтъ, изъ 60 денежныхъ вѣдомостей, не было ни одной правильной. Губернаторъ Компанейщиковъ былъ на Вяткѣ съ апрѣля 1866 г. по мартъ 1869 г. и во всю трехлѣтнюю службу былъ обманутъ только этими вѣдомостями 36 разъ. Также обманывались и два губернатора, бывшіе до и послѣ Компанейщикова. Впрочемъ бывшій правитель канцеляріи увѣрялъ на судѣ, что съ положеніемъ денежныхъ дѣлъ канцеляріи губернаторы были знакомы, но не видѣли въ этомъ ничего особенно противузаконнаго. Подтвержденіемъ этого, пожалуй, можетъ служить то, что для канцеляріи губернаторской циркуляръ, изданный о повсемѣстномъ введеніи правилъ единства кассъ, какъ бы совсѣмъ не существовалъ. На это же показываетъ и случай съ приходорасходчикомъ Срѣтенскимъ. Этотъ Срѣтенскій, теперь умершій, показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, что денежныхъ книгъ онъ никакихъ не велъ; даже тѣ, которыя были до него, по его неосторожности, утратились. «На свои надобности, я-де съ самаго поступленія на службу пользовался казенными деньгами; сколько—не помню, тысячъ до трехъ или болѣе; велъ жизнь не соразмѣрную съ жалованьемъ». При всемъ томъ, когда было обнаружено его

мотовство, онъ попрежнему подписывалъ вѣдомости, какъ приходорасходчикъ, о чемъ зналъ губернаторъ. Левашевъ, тоже уже умершій, извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ честный, труженикъ неутомимый «Порядки» денежныя въ канцеляріи его положительно обезкуражили. Онъ не зналъ, что дѣлать, вышелъ въ отставку, а впослѣдствіи, видя, что онъ безъ вины оказался виноватымъ, запилъ, да такъ и погибъ. Онъ на слѣдствіи показывалъ, что ему оффиціально завѣдываніе приходорасходною частію не передавалось, что денегъ въ сундукѣ не доставало и что передъ свидѣтельствомъ они вкладывались въ сундукъ— знала вся канцелярія. Когда нужны были деньги Мусерскому, Евреинову, къ нему, Левашеву, посылали сторожа съ запискою, и онъ отсылалъ деньги. (Нѣсколько записокъ было прочтено на судѣ). Евреиновъ иногда деньги возвращалъ, иногда—невполнѣ, иногда и совсѣмъ не платилъ ничего. Когда Левашевъ сказалъ Мусерскому, что Евреиновъ не возвращаетъ уже свыше тысячи рублей, то онъ обѣщался поговорить съ нимъ. Левашевъ вѣрилъ, что Мусерскій, занимая такое мѣсто, не допуститъ себя до непріятностей. Однако жъ, самъ Левашевъ говорилъ, что деньги, присланныя въ письмахъ къ ссыльнымъ въ городѣ Вяткѣ, употреблялись не на то назначеніе, которое слѣдовало, почему и письма оставались нерозданными. Послѣ Левашева нѣкоторое время завѣдывалъ приходорасходною частію Владиміровъ. Онъ принялъ деньги, какія только были на рукахъ у предшественника, и видѣлъ, что денегъ не достаетъ; но затѣмъ и того, сколько самъ получалъ, и того, сколько расходовалъ, онъ впослѣдствіи не могъ сказать: «мои-де частныя записи велись неаккуратно и затерялись». Увидя, что дѣло ужь сильно запуталось, онъ сдѣлалъ доносъ губернатору Чарыкову. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось чуть ли не три года: такъ трудно было распутать то, что было натворено въ те-

ченіи пяти лѣтъ. Ко времени суда была собрана масса «вещественныхъ доказательствъ» и проч., томовъ десятка полтора. Общество въ городѣ сильно интересовалось этимъ дѣломъ. Самого Мусерскаго большинство считало за человѣка хорошаго, но фактъ безсовѣстной задержки денегъ, высылаемыхъ обыкновенно бѣдствующимъ въ чужомъ городѣ, находящимся подъ надзоромъ полиціи и, значить, стѣсненнымъ въ пріисканіи средствъ жизни, ссыльнымъ, сильно возмущалъ каждаго. Невольно думалось, что, можетъ быть, изъ-за того десятки лицъ изъ политическихъ преступниковъ превратились въ людей вредныхъ для общества въ другомъ отношеніи, можетъ быть, многіе изъ нихъ поплатились здоровьемъ, даже жизнію. Извѣстно, что для такихъ лицъ переписка возможна только черезъ канцелярію губернатора; легко могло быть то, что жалобы ихъ роднымъ на не присылку денегъ, просьбы и проч. тоже не попадали по назначенію; родные же, отославъ извѣстную сумму, считали, что положеніе ихъ дѣтей, братьевъ и проч. хотя нѣсколько облегчено. Затѣмъ, какимъ грязнымъ дѣломъ казалась эта утайка денегъ, предназначенныхъ въ помощь голодающимъ кандіотамъ, на образованіе священно-народной кассы, на стипендіи, на икону, наконецъ, и проч. Въ защитительной рѣчи адвокатъ Авейде обращалъ вниманіе присяжныхъ на то, что лично Мусерскій человѣкъ прекрасный, всѣми уважаемый: онъ управлялъ всею губерніею при четырехъ губернаторахъ; очень много чиновниковъ, благодаря только Мусерскому, выведены въ люди и теперь приносятъ пользу обществу; мы-де всѣ видѣли, какъ онъ бѣдствовалъ, и его жаль по чувству нравственнаго состраданія, и вполнѣ ли онъ виноватъ? Достаточно-де сказать, что губернаторы о положеніи дѣлъ въ канцеляріи знали; Мусерскій только подписывалъ вѣдомости и т. д. Товарищъ прокурора

возражалъ, что пусть Мусерскій человѣкъ хорошій, но что же будетъ, если даже лучшія-то личности въ обществѣ будутъ такъ вести общественныя дѣла, кто же тогда будетъ охранять законъ; кто будетъ охранять голодныхъ? Присяжные засѣдатели признали Мусерскаго виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія въ томъ: 1) что онъ, пользуясь своимъ служебнымъ вліяніемъ, бралъ деньги изъ суммъ канцеляріи, ссужалъ ими своихъ близкихъ родственниковъ и постороннихъ лицъ, какъ, напримѣръ, зятя своего Евреинова; 2) что, зная достовѣрно объ употребленіи приходорасходчикомъ Срѣтенскимъ денегъ въ свою пользу и будучи обязанъ донести начальству, скрылъ это; 3) что составлялъ ежемѣсячно ложныя вѣдомости, въ которыя включалъ ложныя свѣдѣнія о числѣ суммъ, находящихся въ канцеляріи. Судъ приговорилъ Мусерскаго — лишивъ всѣхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію и обратить на него взысканіе четырехъ тысячъ рублей, но, въ виду снисхожденія, выраженнаго въ вердиктѣ присяжныхъ, постановлено, прежде приведенія въ исполненіе этого приговора, всеподданнѣйше ходатайствовать о замѣнѣ присужденнаго наказанія шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ состоянія.

XI.

Образцовыя училища въ Уржумскомъ уѣздѣ.

Уржумское земство изъ всѣхъ смѣтныхъ расходовъ на 1876 годъ (126,241 р.) назначило на народное образованіе 38,430 р., т. е. 30 проц. Школъ въ уѣздѣ, на полномъ содержаніи земства 24 и, сверхъ того, тремъ школамъ отъ общества и правительства дается земствомъ

значительное пособіе. Такого числа школъ недостаточно для населенія уѣзда. Учащихся въ земскихъ школахъ было 1,512 (1,252 мальчика и 260 дѣвочекъ). Въ предшествовавшій годъ учащихся было болѣе; нынѣ же пріемъ учениковъ въ школы ограниченъ и вмѣстимостью классныхъ комнатъ, и временемъ поступленія въ школу: учащіеся принимались въ школу не позже 11-го ноября; на будущее время срокъ этотъ перенесенъ уже на 1-е ноября. Въ числѣ учащихся большинство мальчиковъ 9—13-лѣтнихъ, дѣвочкъ 9—10—лѣтнихъ; причемъ изъ общаго числа учащихся, мальчиковъ 37% учатся три года и болѣе и 33%—одинъ годъ, а изъ дѣвочекъ 33% учатся три года и болѣе и столько же—одинъ годъ; остальные—по два года. На каждую школу учебнаго времени приходилось, среднимъ числомъ, 160 дней. Въ теченіи этого времни посѣщало школу собственно 60—70%, а 8% приходили въ школу менѣе 40 разъ во весь годъ. Свидѣтельства на льготу по воинской повинности получили въ Уржумсковъ уѣздѣ 164 человѣка, изъ нихъ 127 были изъ окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ. Въ этомъ, собственно, пока и выражается весь практическій успѣхъ народнаго образованія — сравнительно, небольшое число земскихъ школъ даетъ на первыхъ же порахъ уже значительныя льготы большому числу крестьянскаго населенія. Въ другомъ уѣздѣ, Сарапульскомъ, гдѣ училищъ больше, чѣмъ вдвое, получившихъ свидѣтельства нынѣ было только 158. Зато училища Уржумскаго уѣзда и обходятся земству очень дорого, отъ 500 до 700 руб. и болѣе, такъ что стоимость каждаго ученика была, въ прошломъ учебномъ году, въ 16-ти училищахъ отъ 11 до 17 р. и только въ шести училищахъ отъ 6 до 9 руб.

Зная положеніе училищъ, здѣсь всѣ убѣждены, что земство достигло бы еще лучшихъ результатовъ, еслибъ

удалось ему устроить наилучшій надзоръ за школами. Два года земство хлопочетъ о назначеніи инспектора отдѣльно только на свой уѣздъ, для чего, какъ въ прошломъ году, такъ и нынѣ, ассигнована сумма 1,500 р. Надежда на существующихъ, въ настоящее время, двухъ инспекторовъ (на всю губернію) оказалась напрасною, потому-что они даже за казенными школами не успѣваютъ досматривать. Доказательствомъ этого служитъ «открытіе» въ нашемъ уѣздѣ одной весьма оригинальной школы. Извѣстно было намъ и ранѣе, что въ Талдманскомъ селѣ существуетъ казенное *образцовое* училище, но имъ мало интересовались; нынѣ же одинъ изъ членовъ училищнаго совѣта, захотѣлъ познакомиться съ его порядками, въ надеждѣ извлечь для себя полезныя указанія. Пріѣзжаетъ ревизующій въ село, отъискываетъ училище. Учителя нѣтъ; послали за нимъ. Часа черезъ полтора учитель является. Войдя въ просторную, но худо освѣщенную комнату, ревизующій ощутилъ запахъ гнили и сырости. Никакой классной мебели, никакихъ принадлежностей не было замѣтно—можетъ быть потому, что дѣло было подъ вечеръ. На вопросъ ревизующаго о библіотекѣ, учитель указалъ на какой-то хламъ въ переднемъ углу. По разсмотрѣніи, оказалась тутъ масса книгъ неразрѣзанныхъ, но истрепанныхъ и загрязненныхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли. «Сколько у васъ ученниковъ?» спрашиваетъ ревизующій.—«Всѣ мои ученики въ Сибири—отвѣчаетъ учитель—теперь никого нѣтъ». Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ можно было понять, что, нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣйствительно, нѣкоторые изъ жителей села, въ которомъ, находилась школа, были сосланы въ Сибирь на поселеніе, куда должны были слѣдовать и дѣти ихъ, бывшіе ученики школы. «Нѣтъ ли у васъ, по крайней мѣрѣ, какихъ-нибудь бумагъ, принадлежащихъ училищу?»—«Не знаю; поищу». Кое-какъ былъ отъисканъ

списокъ учениковъ, кажется, 1869 года.... Нужно ли говорить, что всѣ мы, уѣздные жители, весьма удивились такому необыкновенному открытію «образцоваго училища», какъ нѣкоторой археологической находьѣ, но совсѣмъ не пожелали, чтобъ наши школы уподобились этому училищу...

XII.

«Калининское дѣло».

(Письмо изъ Вятки).

Въ Вятскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 5-го декабря 1875 г. разбиралось дѣло, возбудившее въ городѣ особенный интересъ и извѣстное подъ именемъ «калининскаго», или же «бунта крестьянъ» по поводу спора о владѣніи землей между крестьянами и мѣщаниномъ Калининымъ. Зала окружнаго суда была полна въ теченіи полусутокъ, пока разбиралось дѣло. Подсудимыхъ было тринадцать (крестьяне: Игнатій, Максимъ, Симонъ и Семенъ Северюхины, Маркъ Вахрушевъ, Степанъ Ситниковъ, Карпъ Федянинъ, отставные рядовые: Колпащиковъ, Рубасовъ и Федянинъ). Обвинялись они «въ сопротивленіи и неповиновеніи властямъ и завладѣніи чужимъ имуществомъ». Свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано 26. Мѣстнымъ крестьянамъ извѣстно, что алешинцы (жители деревни Алешины, въ которой 54 дома и болѣе 140 ревизскихъ душъ) «тянутся» съ Калининымъ давно о томъ, что Калининъ считаетъ занятую крестьянами землю своею, такъ какъ они на настоящее мѣсто были допущены въ свое время «половниками»; крестьяне же, основываясь на давности поселенія на этихъ мѣстахъ, считали землю, если не собственною, то казенною, которою они вправѣ пользо-

для большого числа поступающихъ въ нее дѣтей представляетъ земскую оспенную гробницу... Это зло можно бы предотвратить прививаніемъ оспы каждому поступающему въ больницу ребенку, еслибъ количество оспенной лимфы позволяло это. Положеніе заболѣвающихъ оспой въ больницѣ ухудшается еще тѣмъ, что больница, по отзывамъ 1-го и 2-го съѣздовъ врачей и по настойчивымъ офиціальнымъ заявленіямъ бывшаго старшаго врача, г. Кармильскаго, не удовлетворяетъ совершенно гигіеническимъ требованіямъ и пропитана міазмами. Прошлою зимой, напримѣръ, было въ ней даже первоначальное возникновеніе тифа на больныхъ, страдавшихъ совершенно другими болѣзнями, и на здоровыхъ до тоговремени служителяхъ больницы; случаи заболѣванія больныхъ въ зимнее время простудными болѣзнями очень часты; ампутаціи даютъ ужасный процентъ смертности. Такъ, по отчету доктора Свисловскаго, въ 1874 году было 60% смертности отъ ампутаціи, тогда какъ вообще по хирургической статистикѣ, процентъ смертности отъ одной изъ самыхъ тяжелыхъ ампутацій—ампутаціи бедра не превышаетъ 45%, а при ампутаціи голени не превышаетъ 25%. Понятно, какъ ужасны послѣдствія такой нездоровости больницы вообще, не говоря уже о такихъ исключительныхъ моментахъ, какъ оспенная эпидемія.

Къ сказанному необходимо прибавить, что, по заключенію общества врачей, нынѣшняя оспенная эпидемія интензивнѣе прежнихъ. Такъ, напримѣръ, были уже случаи появленія въ городѣ такъ-называемой черной оспы; заболѣваютъ и тѣ, которымъ привита оспа, и, притомъ, особенно въ крестьянскомъ населеніи, взрослые; изъ заболѣвающихъ въ деревняхъ нерѣдко умираетъ болѣе половины. Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ, напримѣръ, въ Котельническомъ, Орловскомъ, Вятскомъ, оспа свирѣпствуетъ съ давно небывалою силой.

Интересно знать, какъ отнесется предстоящее губернское земское собраніе къ распространенію оспенной эпидеміи чуть не на всю губернію. Мы рѣшительно отказываемся предугадать это рѣшеніе земства, потому что, съ нѣкоторыхъ поръ, наше земство окончательно поражаетъ неожиданностью рѣшеній. Такъ, учредивъ должность санитарнаго врача, земство чрезъ годъ упразднило ее и, притомъ, единственно лишь на основаніи страннаго доклада управы по этому вопросу. Далѣе, министерство государственныхъ имуществъ изъявило согласіе принять подъ свое покровительство начальныя сельскохозяйственныя школы, а между тѣмъ земскіе дѣятели, и, притомъ, наиболѣе видные, нисколько не стѣсняются вслухъ говорить о томъ, какъ хорошо было бы сельско-хозяйственную учительскую семинарію преобразовать въ реальное училище: тогда бы, по крайней мѣрѣ, было гдѣ учить дѣтей... Словомъ, было когда то хорошо вятское земство, да «быльемъ поросло» или, по меньшей мѣрѣ, поростаетъ. Вотъ это-то «былье» губернское земское собраніе должно бы съ корнемъ вырвать или вышвырнуть. Сдѣлаетъ ли оно это?..

VIII.

Общая скука въ переводѣ на Вятскій языкъ.

Вятка. Январь 1876 г.

Зима 1875—1876 года отличалась у насъ почти полнымъ отсутствіемъ средствъ для развлеченія скучающихъ горожанъ. Въ прошломъ годѣ всю зиму продержались здѣсь театръ и циркъ. Нынѣ же ни одинъ ан-

трепренеръ не рискнулъ явиться въ городъ. Вотъ почему горожане были рады, когда узнали что начинается въ клубѣ рядъ публичныхъ популярныхъ лекцій, по почину Общества врачей г. Вятки. Лекцій впрочемъ оказалось не много, три-четыре, именно о табакѣ, о спиртѣ, объ оспѣ. Первая лекція г. Михайлова представляла довольно сносную компиляцію, и публикой была выслушана не безъ интереса, вторая Михайлова же, состояла изъ скучнѣйшаго перечисленія сортовъ вина и водокъ и указанія на послѣдствія пьянства собственно въ поколѣніи отцовъ-пьяницъ. Нималѣйшаго упоминанія о томъ, какъ распространено употребленіе вина собственно въ нашей губерніи и какъ великъ процентъ умирающихъ отъ пьянства; совсѣмъ не говорилось о запоѣ и т. д. Впрочемъ лекціи эти, какъ говорятъ, составлены лекторомъ давно и только повторяются безъ измѣненій чрезъ извѣстные промежутки времени, и поэтому-то въ нихъ небыло внесено ничего оживляющаго предметъ новостію послѣднихъ выводовъ науки и проч. Понятно, что интересъ публики къ публичнымъ чтеніямъ можетъ поддерживаться только болѣе интересными чтеніями и нельзя не пожалѣть, что у насъ въ городѣ нѣтъ ни людей ни средствъ для устройства народныхъ чтеній съ туманными картинами. Не зная куда дѣваться отъ скуки публика усердно являлась въ залу, гдѣ происходили засѣданія IX очереднаго губернскаго земскаго собранія. Но утѣшенія было тоже не много. Изо дня въ день обыкновенно читались прескучные, длинные доклады управы; предсѣдатель ставилъ послѣ каждаго изъ нихъ короткій вопросъ: «угодно ли будетъ собранію согласиться съ мнѣніемъ управы?» Гласные наклоняли головы и опять начиналось чтеніе докладовъ нумеръ за нумеромъ. Заволновалось собраніе только, когда рѣчь

зашла о принятіи новой раскладки, и то собственно вслѣдствіе возраженій представителя отъ государственныхъ имуществъ, толковавшаго о фантазіи, на которой будтобы основывались раскладки. Затѣмъ, оживились еще гласные, когда производились выборы въ судьи и, наконецъ, когда пошла вторично рѣчь о медицинскихъ дѣлахъ. Выборы судей вначалѣ оказались крайне не удачными: нужно было избрать 12 участковыхъ судей въ разные уѣзды, Соглашеніе между гласными состоялось заранѣе, но когда началась балотировка, то первому же изъ предположенныхъ къ выбору лицъ положенъ былъ чернякъ. Вѣроятно, гласные, желавшіе его выбора осердились и стали класть черняки не скупясь, такъ что единогласно могъ пройти только одинъ судья. Но къ слѣдующему же дню дѣло было исправлено. Лучшіе изъ кандидатовъ всѣ были избраны, хотя уже и не въ тѣ уѣзды, въ которые они сначала было разсчитывали. А кандидатовъ въ судьи явилось чрезъ мѣру много,—десятка три. Но что это за кандидаты были! Или отжившіе свой вѣкъ отставные мировые посредники, пристава и пр., или юноши, выборъ которыхъ былъ совсѣмъ не желателенъ. Одинъ изъ послѣднихъ нѣкто Усольцевъ стоялъ въ публикѣ, когда его балотировали. На него конечно посматривали многіе, что онъ хорошо замѣчалъ, и когда оказалось, что онъ забалотированъ громадным большинствомъ, то высунулъ языкъ; публика не могла не засмѣятся надъ такимъ школьничествомъ кандидата въ судьи. При обсужденіи дѣла о медицинской части въ губерніи были приглашены земскіе врачи высказать собранію свои соображенія. Одинъ изъ нихъ, г. Нагорскій, съ особенной энергіей говорилъ о необходимости учрежденія снова должности санитарнаго врача, закрытой по выбытіи г. Португалова. Нагорскаго поддерживалъ стар-

шій врачъ больницы и двое трое гласныхъ; противниковъ вмѣстѣ съ членами губернской управы было не мало, между прочимъ и врачи Готвальдъ и Рудольскій, отвергавшіе всякую пользу губернскихъ санитарныхъ врачей. Не смотря на это должность санитарнаго врача большинствомъ голосовъ вновь была учреждена. За выборомъ санитара предположено обратиться къ г. Доброславину профессору гигіены въ медико-хирургической академіи. Занятія санитара опредѣляются тѣмъ, что онъ будетъ руководителемъ и совѣтникомъ земскихъ врачей въ дѣлѣ санитарнаго изслѣдованія губерніи, будетъ выѣзжать для спеціально-научнаго изслѣдованія тѣхъ мѣстностей губерніи, которыя, по указанію врачей, оказываются наиболѣе нездоровыми, займется обработкой медикостатистическихъ данныхъ и т. п. Такимъ образомъ одна изъ ошибокъ предшествовавшаго собранія была исправлена; но устраивая новую должность земство должно было, вмѣстѣ съ тѣмъ позаботиться объ уничтоженіи, или покрайней мѣрѣ о «сокращеніи» «должности» одного гласнаго собранія; причемъ земству должна была бы остаться трехтысячная экономія. Объяснимъ дѣло. Съ самаго открытія земскихъ учрежденій, на земскія средства содержится депутатъ горнаго вѣдомства въ вятскомъ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи г. Тучемскій. Обязанности его по выдачѣ владѣнныхъ записей бывшимъ крестьянамъ горнаго вѣдомства уже покончены; въ составѣ новыхъ присутствій по крестьянскимъ дѣламъ такіе депутаты не полагаются; и вотъ, ранѣе земство, а затѣмъ уже самъ отъ себя губернаторъ вносили куда слѣдуетъ ходатайства объ уничтоженіи этой должности и избавленіи земства отъ расхода, но удовлетворительнаго разрѣшенія не получалось. На несчастіе земства, г. Тучемскій получаетъ чи-

ны и вслѣдствіе того и «содержаніе» его становится земству все дороже, съ двухъ тысячъ рублей оно возросло болѣе чѣмъ до трехъ тысячъ руб. Зная это мы поймемъ желаніе земства, если ужъ имѣть депутата отъ горнаго вѣдомства, то съ небольшимъ чиномъ, чтобъ не тратить лишнія деньги. Можетъ быть земство не жалѣло бы денегъ, еслибъ въ пользѣ для земскихъ дѣлъ существованія г. Тучемскаго оно не сомнѣвалось. Кажется этого сказать нельзя. Для характеристики дѣятельности г. Тучемскаго можно привести одно мѣсто изъ журналовъ Слободскаго земскаго собранія III сессіи. Именно на 221 стр. печатныхъ журналовъ слободскаго земскаго собранія означенной сессіи, мы читаемъ: гласные Хрулевъ и Вахрулевъ заявили, что они полагали бы необходимымъ просить Правительство объ устраненіи на будущее время г. Тучемскаго въ засѣданіяхъ собранія и о назначеніи вмѣсто его другаго члена отъ горнаго вѣдомства, такъ какъ участіе г. Тучемскаго въ засѣданіяхъ собранія ведетъ только къ постояннымъ непріятностямъ. Съ этимъ мнѣніемъ вполнѣ согласились и остальные гласные, за исключеніемъ троихъ. Но предсѣдатель собранія отъ разсмотрѣнія по этому предмету собраніе отклонилъ, заявивъ, что «это не дѣло земскаго собранія»...

Совсѣмъ лишенные всякихъ общественныхъ зрѣлищъ, горожане рады радехоньки были, когда въ половинѣ Января 1876 г. открыты были засѣданія отдѣленія Казанской судебной палаты, выѣхавшаго въ Вятку въ первый еще разъ. Помимо новости этого случая, самыя дѣла, разбираемыя палатой, были интересны. И вотъ, каждый день въ зданіе окружнаго суда, гдѣ назначенъ былъ

разборъ дѣлъ судебной палаты, стало являться очень много желающихъ познакомиться съ тѣмъ, что будетъ на судѣ. Но какъ зала для засѣданій на этотъ разъ оказалась недостаточно обширною, то входили въ нее не всѣ, нѣкоторымъ приходилось дожидаться очереди на площадкѣ предъ входомъ въ залу. Публика ждала терпѣливо; но почему-то это любопытство горожанъ не нравилось служащимъ въ судѣ и съ ней обращались не особенно ласково. Для характеристики провинціальныхъ обычаевъ, мы приводимъ здѣсь одинъ случай. На вечернее засѣданіе 16 января явилось желающихъ слушать дѣло много лицъ, но успѣвшіе прійти часа за два до засѣданія заняли всѣ мѣста на скамьяхъ въ залѣ; можно было только еще стоять сбоку отъ скамей. На площадкѣ толпился народъ, однакожъ не въ такомъ числѣ, чтобъ стѣснять передвиженіе служащихъ. У дверей стояли сторожа и тѣшились своимъ краснобайствомъ; публика, впрочемъ, на казарменныя остроты совсѣмъ не обижалась. Вотъ подходятъ къ двери богатыя купчихи; чтобъ впустить ихъ въ залъ, явился экзекуторъ и заявилъ, что въ залу могутъ войти только дамы. Дѣйствительно нѣсколькихъ дамъ впустили. Мужчины стали роптать: чтоже де это за предпочтеніе? Иные шутили, что вотъ можетъ быть будутъ впускать только тѣхъ у кого есть бороды и пр. Экзекуторъ сталъ горячиться. Приходитъ одинъ господинъ и начинаетъ настойчиво требовать очищенія площадки; оказывается что это г. Ренненкампфъ. Онъ заявляетъ, что въ залу никто не можетъ быть впущенъ; однако самъ же чрезъ коридоръ проводитъ нѣсколько лицъ, вѣроятно знакомыхъ. Публика и по этому обстоятельству, а также, судя по прежнимъ случаямъ, надѣется попасть въ залъ, и не думая, что молчаливое ея присутствіе можетъ кого либо тревожить, не расхо-

дится. Г. Ренненкампфъ горячится, требуетъ судебнаго пристава и распекаетъ его въ глазахъ публики. Тотъ не знаетъ что и дѣлать. Вызывается частный приставъ и получивъ настойчивое приказаніе г. Ренненкампфа, начинаетъ уговаривать публику уйти; когда послѣдняя, все еще не понимая, съ чего это ее гонятъ изъ этого публичнаго общественнаго зданія, удаляется не охотно, то г. Ренненкампфъ начинаетъ кричать на частнаго пристава, чтобъ онъ изгналъ всѣхъ до одного; я-де здѣсь хозяинъ и за все отвѣчаю. Публику гонятъ ужъ немилосердно съ лѣстницъ; самъ г. Ранненкампфъ ее преслѣдуетъ и въ сѣняхъ, опять начинаетъ кричать на швейцара, какъ-де смѣетъ впускать такъ много народа, затѣмъ еще набрасывается на служителей принимающихъ платье, и наконецъ въ раздраженіи уѣзжаетъ. За отъѣздомъ его, любопытные вновь являются и свободно попадаютъ въ залу. Скажите: была ли необходимость такъ обращаться въ зданіи суда съ людьми никому немѣшающими; ужели было необходимо нужно унижать, ну хоть бы приставовъ. И развѣ такъ бываетъ, наприм., въ зданіяхъ петербургскаго окружнаго суда, гдѣ въ корридорѣ публика иногда стоитъ сплошной стѣной!...

IX.

Деньги, деньги и деньги...

(Письмо изъ Вятки).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1876 года выѣзжало въ гор. Вятку отдѣленіе Казанской судебной палаты для разбора трехъ дѣлъ о нѣсколькихъ чиновникахъ, обвинявшихся въ пре-

ступленіяхъ по должности. Дѣла эти въ своей совокупности представляли необыкновенный интересъ. Передъ публикою *во очію обнаружился* чуть ли не весь провинціальный административный механизмъ, дѣйствовавшій лишь года четыре-пять назадъ. На скамьѣ подсудимыхъ тутъ являлись попеременно и правитель губернаторской канцеляріи, въ рукахъ котораго находился ключъ къ управленію губерніею, и уѣздный исправникъ съ секретаремъ полицейскаго управленія, уѣздный врачъ и мировой посредникъ. Нѣсколько лицъ, участвовавшихъ въ дѣлахъ, умерло, не дождавшись разбора ихъ. Для передачи мы беремъ здѣсь дѣло о бывшемъ правителѣ канцеляріи губернатора, Мусерскомъ. Получивъ образованіе лишь въ училищѣ дѣтей канцелярскихъ служителей, Мусерскій, въ теченіе своей двадцатилѣтней службы, дослужился до чина надворнаго совѣтника и получилъ три ордена: св. Владиміра, св. Анны и св. Станислава. Собственно правителемъ канцеляріи онъ былъ одиннадцать лѣтъ, при четырехъ губернаторахъ. Кромѣ прямой своей должности, онъ участвовалъ въ занятіяхъ въ губернскомъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіи и въ разныхъ коммисіяхъ. Значитъ, человѣкъ былъ, вообще, опытный служака. Какъ же велъ онъ дѣла въ своей канцеляріи? На судѣ разбирались, собственно, дѣйствія правителя относительно лишь завѣдыванія, пользованія и проч. денежными суммами, переходящими черезъ канцелярію въ многоразличныя мѣста; почему и мы будемъ говорить, собственно, объ «управленіи» Мусерскимъ этою «интересною» частію всякой канцеляріи. Скажемъ напередъ, что обнаруженное слѣдствіемъ относительно завѣдыванія денежною частію въ канцеляріи, кажется просто невѣроятнымъ. Офиціально приходорасходчикомъ значился въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ чиновникъ Срѣтенскій,

неофиціально же, кромѣ его, одно время чиновникъ Левашевъ, а послѣ него—Владиміровъ. Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ дѣла, вся денежная часть была «въ рукахъ» управителя канцеляріи; притомъ такъ, что между деньгами, поступавшими въ канцелярію, и деньгами, составлявшими собственность правителя, не было никакого различія, или еще вѣрнѣе: деньги «казенныя» были суммами «переходящими» на нужды самаго правителя и его зятя, служившаго въ другомъ мѣстѣ. И такъ какъ вести запись прихода и расхода дѣло хлопотливое и особенно для насъ, русскихъ, не симпатичное, то въ канцеляріи не велось никакихъ книгъ приходорасходныхъ. Не велось много лѣтъ, — съ 1865 по 1870 годъ не было ни одной приходорасходной тетради; а такъ, на память иногда помѣчалось въ записной домашней книжкѣ карандашомъ, что вотъ тогда-то, тому-то выдано рубль, десять, сто и проч.; и, кромѣ того, и эти книжки, какъ пустая формальность, были въ послѣдствіи затеряны, на память исторіи сохранилась лишь одна «веденная мѣсяца за два» и притомъ лица не привлеченнаго къ дѣлу. Вообще, дѣло шло просто: нужны деньги правителю — онъ шлетъ записку приходорасходчику: «пошлите», тотъ посылаетъ и лишь на запискѣ же ставитъ одну цифру посланныхъ денегъ; нужно денегъ зятю правителя канцеляріи, Евреинову, онъ посылаетъ со сторожемъ записку, и ему шлютъ денегъ сколько нужно. Задолжалъ Мусерскій одному чиновнику, и тотъ беретъ въ счетъ Мусерскаго изъ канцелярскихъ суммъ 500 рублей и т. д. Все это велось открыто, каждый въ канцеляріи это зналъ. Первый приходорасходчикъ, получая небольшое жалованье, жилъ въ полномъ удовольствіи, «не по средствамъ», какъ самъ говорилъ, и сколько всего издержалъ денегъ, ему не принадлежа-

щихъ, онъ даже и не помнилъ. Правда, онъ поступалъ иногда уже совсѣмъ своеобразно. Разъ, получивъ деньги изъ казначейства, онъ, вмѣсто того, чтобъ идти въ канцелярію и выдавать жалованье, отправился въ кафе-ресторанъ и прокутилъ тамъ до утра. Вышелъ скандалъ, но, конечно, все было улажено. Онъ остался на своемъ мѣстѣ приходорасходчикомъ, подписывался подъ бумагами, только денегъ ему не стали довѣрять. Но вѣдь у всякой суммы; пересылаемой черезъ канцелярію губернатора, бываетъ свое спеціальное назначеніе, тутъ какъ же поступали? Да почти никакъ. А что назначеній было много, то и говорить нечего. Черезъ губернаторскую канцелярію пересылается такъ много разнообразныхъ суммъ, что не вдругъ и сосчитаешь. Даже, едва ли, въ губерніи есть другое мѣсто, гдѣ бы было такое обиліе назначеній. Когда обнаружился безпорядокъ въ дѣлопроизводствѣ, то оказалось, что между прочими растратами были:

Деньги изъ добровольныхъ пожертвованій по губерніи въ пользу голодающихъ въ Россіи.

Деньги изъ продовольственнаго капитала башкиръ.

Деньги, высылаемыя изъ министерства на расходы по наблюденію за сплавомъ лѣса.

Деньги, принадлежащія городскимъ обществамъ.

Деньги, высылаемыя ссыльнымъ (полякамъ) ихъ родными.

Деньги, пожертвованныя на ломоносовскую стипендію.

Деньги въ вознагражденіе одному лицу изъ археологической комиссіи.

Деньги, пожертвованныя въ публичную библіотеку.

Деньги, пожертвованныя на образованіе капитала священнонародной кассы.

Деньги, пожертвованныя кандіотамъ.

Деньги женской гимназіи.

» на пошлины за различные паспорты.

Деньги общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ.

Деньги, пожертвованныя крестьянами на икону Божіей Матери въ село Колково.

Деньги на памятникъ Воронцову и Пожарскому.

Да и не перечтешь всего, потому что и это можно было открыть лишь въ теченіи трехъ лѣтъ производства слѣдствія, такъ какъ большая часть бумагъ не сохранилась. Всего насчитано было растраты до 5,000 рублей. Впрочемъ, пусть не подумаютъ, что, съ показной офиціальной стороны дѣла, были какія-нибудь упущенія. Какъ должно, въ теченіи всѣхъ пяти лѣтъ ежемѣсячно, въ присутствіи губернаторовъ, производилась повѣрка суммъ и всегда оказывались всѣ деньги на лицо. Только дѣло и въ этомъ случаѣ было упрощено. Собственно въ денежномъ сундукѣ никогда не было ничего,—когда поручено было, послѣ кутежа Срѣтенскаго, слѣдить за поступленіемъ денегъ чиновнику Левашеву, то ему былъ переданъ только ключъ отъ сундука, а въ сундукѣ по вскрытіи оказалось лишь 20 к. Передъ первымъ числомъ каждаго мѣсяца правитель спрашивалъ приходорасходчика, сколько у нихъ въ канцеляріи есть на лицо денегъ, соображалъ —сколько онъ можетъ употребить своихъ денегъ, сколько можетъ занять на сутки у знакомыхъ, и сообразно полученной суммѣ писалась вѣдомость о наличности кассы. За день до свидѣтельства деньги вкладывались въ сундукъ; свидѣтельство производилось, деньги оказывались сполна на лицо, составлялся журналъ, а вслѣдъ за свидѣтельствомъ деньги изъ сундука всѣ вынимались и расходовались куда вздумается. Такимъ образомъ, въ теченіи пяти лѣтъ, изъ 60 денеж-

ныхъ вѣдомостей не было ни одной правильной. Губернаторъ Компанейщиковъ былъ на Вяткѣ съ апрѣля 1866 г. по мартъ 1869 г., и во всю трехлѣтнюю службу былъ обманутъ только этими вѣдомостями 36 разъ. Также обманывались и два губернатора, бывшіе до и послѣ Компанейщикова. Впрочемъ, бывшій правитель канцеляріи увѣрялъ на судѣ, что съ положеніемъ денежныхъ дѣлъ канцеляріи губернаторы были знакомы, но не видѣли въ этомъ ничего особенно противузаконнаго. Подтвержденіемъ этого, пожалуй, можетъ служить то, что для канцеляріи губернаторской циркуляръ, изданный о повсемѣстномъ введеніи правилъ единства кассъ, какъ бы совсѣмъ не существовалъ. На это же показываетъ и случай съ приходорасходчикомъ Срѣтенскимъ. Этотъ Срѣтенскій, теперь умершій, показывалъ на предварительномъ слѣдствіи, что денежныхъ книгъ онъ никакихъ не велъ, даже тѣ, которыя были до него, по его неосторожности, утратились. На свои надобности, я-де съ самаго поступленія на службу пользовался казенными деньгами, сколько—не помню, тысячъ до трехъ или болѣе; велъ жизнь не соразмѣрную съ жалованьемъ. При всемъ томъ, когда было обнаружено его мотовство, онъ попрежнему подписывалъ вѣдомости, какъ приходорасходчикъ, о чемъ зналъ и губернаторъ. Левашевъ, тоже уже умершій, извѣстенъ былъ, какъ человѣкъ честный, труженикъ неутомимый. «Порядки» денежные въ канцеляріи его положительно обезкуражили. Онъ не зналъ, что дѣлать, вышелъ въ отставку, а въ послѣдствіи, видя, что онъ безъ вины оказался виноватымъ,— запилъ, да такъ и погибъ. Онъ на слѣдствіи показывалъ, что ему официально завѣдываніе приходорасходною частію не передавалось; что денегъ въ сундукѣ не доставало, и, что передъ свидѣтельствомъ они вкладывались въ сундукъ—

знала вся канцелярія. Когда нужны были деньги Мусерскому, Евреинову, къ нему, Левашеву, посылали сторожа съ запискою и онъ отсылалъ деньги. (Нѣсколько записокъ было прочтено на судѣ). Евреиновъ иногда деньги возвращалъ, иногда — не вполнѣ, иногда и совсѣмъ не платилъ ничего. Когда Левашевъ сказалъ Мусерскому, что Евреиновъ не возвращаетъ уже свыше тысячи рублей, то онъ обѣщался поговорить съ нимъ. Левашевъ вѣрилъ, что Мусерскій, занимая такое мѣсто, не допуститъ себя до непріятностей. Однакожъ, самъ Левашевъ говорилъ, что деньги, присланныя въ письмахъ къ ссыльнымъ въ гор. Вяткѣ, употреблялись не на то назначеніе, которое слѣдовало, почему и письма оставались не розданными. Послѣ Левашева нѣкоторое время завѣдывалъ приходорасходною частію Владиміровъ. Онъ принялъ деньги, какія только были на рукахъ у предшественника, и видѣлъ, что денегъ не достаетъ, но затѣмъ и того сколько самъ получалъ, и того сколько расходовалъ, онъ въ послѣдствіи не могъ сказать, «мои-де частныя записи велись неаккуратно и затерялись». Увидя, что дѣло ужъ сильно запуталось, онъ сдѣлалъ доносъ губернатору Чарыкову. Слѣдствіе по этому дѣлу тянулось чуть ли не три года, такъ трудно было распутать то, что было натворено въ теченіи пяти лѣтъ. Ко времени суда была собрана масса «вещественныхъ доказательствъ» и проч., томовъ десятка полтора. Общество въ городѣ сильно интересовалось этимъ дѣломъ. Самаго Мусерскаго большинство считало за человѣка хорошаго, но фактъ безсовѣстной задержки денегъ, высылаемыхъ обыкновенно бѣдствующимъ въ чужомъ городѣ, находящимся подъ надзоромъ полиціи и, значитъ, стѣсненнымъ въ пріисканіи средствъ жизни, ссыльнымъ, сильно возмущалъ каждаго. Невольно думалось, что,

можетъ быть, изъ-за того десятки лицъ изъ политическихъ преступниковъ превратились въ людей вредныхъ для общества въ другомъ отношеніи, можетъ быть, многіе изъ нихъ поплатились здоровьемъ, даже жизнію. Извѣстно, что для такихъ лицъ переписка возможна только черезъ канцелярію губернатора; легко могло быть то, что жалобы ихъ роднымъ на не присылку денегъ, просьбы и проч. тоже не попадали по назначенію, родные же, отославъ извѣстную сумму, считали, что положеніе ихъ дѣтей, братьевъ и проч., хотя нѣсколько облегчено. Затѣмъ, какимъ грязнымъ дѣломъ казалась эта утайка денегъ, предназначенныхъ въ помощъ голодающимъ кандіотамъ, на образованіе священнонародной кассы, на стипендіи, на икону наконецъ, и проч. Въ защитительной рѣчи адвокатъ Авейде обращалъ вниманіе присяжныхъ на то, что лично Мусерскій человѣкъ прекрасный, всѣми уважаемый, онъ управлялъ всею губерніею при четырехъ губернаторахъ, очень много чиновниковъ, благодаря только Мусерскому, выведены въ люди и теперь приносятъ пользу обществу, мы-де всѣ видѣли, какъ онъ бѣдствовалъ, и его жаль по чувству нравственнаго сострадания; и вполнѣ ли онъ виноватъ? Достаточно-де сказать, что губернаторы о положеніи дѣлъ въ канцеляріи знали, Мусерскій только подписывалъ вѣдомости и т. д. Товарищъ прокурора возражалъ, что пусть Мусерскій человѣкъ хорошій, но что же будетъ, если даже лучшія-то личности въ обществѣ будутъ такъ вести общественныя дѣла, кто же тогда будетъ охранять законъ, кто будетъ охранять голодныхъ... Присяжные засѣдатели признали Мусерскаго виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія въ томъ: 1) что онъ, пользуясь своимъ служебнымъ вліяніемъ, бралъ деньги изъ суммъ канцеляріи и ссужалъ ими своихъ близкихъ род-

ственниковъ и постороннихъ лицъ, какъ, напримѣръ, зятя своего Евреинова; 2) что, зная достовѣрно объ употребленіи приходорасходчикомъ Срѣтенскимъ денегъ въ свою пользу и будучи обязанъ донести начальству, скрылъ это; 3) что составлялъ ежемѣсячно ложныя вѣдомости, въ которыя включалъ ложныя свѣдѣнія о числѣ суммъ, находящихся въ канцеляріи. Судъ приговорилъ Мусерскаго — къ лишенію всѣхъ правъ и преимуществъ, сослать на житье въ Тобольскую губернію и обратить на него взысканіе четырехъ тысячъ рублей, но, въ виду снисхожденія, выраженнаго въ вердиктѣ присяжныхъ, постановлено, прежде приведенія въ исполненіе этого приговора, всеподданнѣйше ходатайствовать о замѣнѣ присужденнаго наказанія шестимѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ безъ лишенія правъ состоянія.

X.

Образцовыя училища въ Уржумскомъ уѣздѣ.

Уржумское земство изъ всѣхъ смѣтныхъ расходовъ на 1876 годъ (126,241 р.) назначило на народное образованіе 38,430 р., т. е. 30%. Школъ въ уѣздѣ, на полномъ содержаніи земства 24 и, сверхъ того, тремъ школамъ отъ общества и правительства дается земствомъ значительное пособіе. Такого числа школъ недостаточно для населенія уѣзда. Учащихся въ земскихъ школахъ было 1,512 (1,252 мальчика и 260 дѣвочекъ). Въ предшествовавшій годъ учащихся было болѣе; нынѣ же пріемъ учениковъ въ школы ограниченъ и вмѣстимостью классныхъ комнатъ, и временемъ поступленія въ школу: учащіеся принимались въ школу не позже 11-го

ноября; на будущее время срокъ этотъ перенесенъ уже на 1-е ноября. Въ числѣ учащихся, большинство мальчиковъ 9—13-ти лѣтнихъ, дѣвочекъ 9—10 лѣтнихъ; причемъ изъ общаго числа учащихся мальчиковъ 37% учатся три года и болѣе и 33% одинъ годъ, а изъ дѣвочекъ 33% учатся три года и болѣе и столько же одинъ годъ, остальные по два года. На каждую школу учебнаго времени приходилось, среднимъ числомъ, 160 дней. Въ теченіи этого времени, посѣщало школу собственно 60—70%, а 8% приходили въ школу менѣе 40 разъ во весь годъ. Свидѣтельства на льготу по воинской повинности получили въ Уржумскомъ Уѣздѣ 164 человѣка, изъ нихъ 127 были изъ окончившихъ курсъ въ земскихъ училищахъ. Вотъ въ этомъ, собственно, пока и выражается весь практическій успѣхъ народнаго образованія — сравнительно, небольшое число земскихъ школъ даетъ на первыхъ же порахъ уже значительныя льготы большому числу крестьянскаго населенія. Въ другомъ уѣздѣ, Сарапульскомъ, гдѣ училищъ больше, чѣмъ вдвое, получившихъ свидѣтельства нынѣ было только 158. Зато училища Уржумскаго Уѣзда и обходятся земству очень дорого, отъ 500 до 700 руб. и болѣе, такъ что стоимость каждаго ученика была. въ прошломъ учебномъ году, въ 16-ти училищахъ отъ 11 до 17 р. и только въ шести училищахъ отъ 6 до 9 руб.

Зная положеніе училищъ, здѣсь всѣ убѣждены, что земство достигло бы еще лучшихъ результатовъ, еслибъ удалось ему устроить наилучшій надзоръ за школами. Два года земство хлопочетъ о назначеніи инспектора отдѣльно только на свой уѣздъ, для чего, какъ въ прошломъ году, такъ и нынѣ, ассигнована сумма 1,500 рублей. Надежда на существующихъ, въ настоящее время, двухъ инспекторовъ (на всю губернію) оказалась нап-

расною, потому что они даже за казенными школами не успѣваютъ досматривать. Доказательствомъ этого служитъ «открытіе» въ нашемъ уѣздѣ одной весьма оригинальной школы. Извѣстно было намъ и ранѣе, что въ Тахманскомъ селѣ существуетъ казенное *образцовое* училище, но имъ мало интересовались; нынѣ же одинъ изъ членовъ училищнаго совѣта, захотѣлъ познакомиться съ его порядками, въ надеждѣ извлечь для себя полезныя указанія. Пріѣзжаетъ ревизующій въ село, отъискиваетъ училище. Учителя нѣтъ; послали за нимъ. Часа черезъ полтора учитель является. Войдя въ просторную, но худо освѣщонную комнату, ревизующій ощутилъ запахъ гнили и сырость. Никакой классной мебели, никакихъ принадлежностей не было замѣтно—можетъ быть, потому, что дѣло было подъ вечеръ. На вопросъ ревизующаго о библіотекѣ, учитель указалъ на какой-то хламъ въ переднемъ углу. По разсмотрѣніи, оказалась тутъ масса книгъ неразрѣзанныхъ, но истрепанныхъ и загрязненныхъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ пыли. «Сколько у васъ учениковъ?» спрашиваетъ ревизующій.—«Всѣ мои ученики въ Сибири—отвѣчаетъ учитель—теперь никого нѣтъ». Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ можно было понять, что, нѣсколько лѣтъ назадъ, дѣйствительно, нѣкоторые изъ жителей села, въ которомъ находилась школа, были сосланы въ Сибирь на поселеніе, куда должны были слѣдовать и дѣти ихъ, бывшіе ученики школы. «Нѣтъ ли у васъ, по крайней мѣрѣ, какихъ-нибудь бумагъ, принадлежащихъ училищу?»—«Не знаю; поищу». Кое какъ былъ отъисканъ списокъ учениковъ, кажется, 1869 года.... Нужно ли говорить, что всѣ мы, уѣздные жители, весьма удивились такому необыкновенному открытію «образцоваго училища», какъ нѣкоторой археологической находкѣ, но совсѣмъ не пожелали, чтобъ наши школы уподобились этому училищу?...

XI.
«Калининское дѣло».

(*Письмо изъ Вятки*).

Въ вятскомъ окружномъ судѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, 5-го декабря 1875 г. разбиралось дѣло, возбудившее въ городѣ особенный интересъ и извѣстное подъ именемъ «калининскаго», или же «бунта крестьянъ» по поводу спора о владѣніи землей между крестьянами и мѣщаниномъ Калининымъ. Зала окружного суда была полна въ теченіи полусутокъ, пока разбиралось дѣло. Подсудимыхъ было тринадцать (крестьяне: Игнатій, Максимъ, Симонъ и Семенъ Северюхины, Маркъ Вахрушовъ, Степанъ Ситниковъ, Карпъ Федянинъ, отставные рядовые: Колпащиковъ, Рубасовъ и Федянинъ). Обвинялись они «въ сопротивленіи и неповиновеніи властямъ и завладѣніи чужимъ имуществомъ». Свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано 26. Мѣстнымъ крестьянамъ извѣстно, что алешинцы (жители деревни Алешины, въ которой 54 дома и болѣе 140 ревизскихъ душъ) «тянутся» съ Калининымъ давно о томъ, что Калининъ считаетъ занятую крестьянами землю своею, такъ какъ они на настоящее мѣсто были допущены въ свое время «половниками»; крестьяне же, основываясь на давности поселенія на этихъ мѣстахъ, считали землю, если не собственною, то казенною, которою они вправѣ пользоваться, какъ и всѣ другіе крестьяне смежныхъ деревень. Къ большей увѣренности крестьянъ въ этомъ правѣ послужило рѣшеніе правительствующаго сената въ 1858 году, когда, по указу изъ сената, права Калинина на спорную землю были отвергнуты, земля оставлена во

владѣнія крестьянъ починка Алешинскаго, о чомъ имъ было объявлено и выдана съ указа засвидѣтельствованная копія. Крестьяне начали пользоваться землей, засѣяли и собрали съ бывшей спорной земли яровой хлѣбъ, засѣяли и озимымъ. Но, затѣмъ, по возбужденному вновь иску Калинина, крестьяне должны были остановиться въ обработкѣ и пользованіи этою землей. Въ 1869 году 1-го апрѣля, состоялось новое рѣшеніе въ общемъ собраніи сената по этому дѣлу. Вслѣдствіе представленныхъ Калининымъ новыхъ доказательствъ на безспорность принадлежности ему земли, крестьяне должны были, по этому второму рѣшенію сената, выселиться съ занятыхъ ими земель. Само собою дѣло о переселеніи и проч. должно было затянуться и для крестьянъ предстояло полное раззореніе; но Калининъ, желая, по возможности, скорѣе вступить во владѣніе землей, обратился съ просьбой въ министерство государственныхъ имуществъ о заключеніи съ нимъ сдѣлки, состоящей въ томъ, что жители починка остаются на занятыхъ ими земляхъ, а Калинину взамѣнъ отводится соотвѣтственное количество изъ свободныхъ казенныхъ земель и онъ сверхъ того, еще получаетъ изъ занятыхъ крестьянами земель, внѣ спорнаго участка, до 250 десятинъ. Министерство государственныхъ имуществъ признало такую сдѣлку выгодною для казны и удобною для крестьянъ, почему и поручило чиновнику по составленію владѣнныхъ записей — производителю работъ — оцѣнить занятую крестьянами землю Калинина и, взамѣнъ ея, вырѣзать ему изъ свободной казенной земли участокъ въ мѣстности, какую Калининъ найдетъ для себя болѣе удобною, и, сверхъ того, по соглашенію съ крестьянами, выдѣлить ему сплошной участокъ земли, величину котораго Калининъ соглашался уменьшить до

200 и даже до 172 десятинъ. Указъ 1-го апрѣля 1869 года былъ объявленъ крестьянамъ съ подпиской, причомъ съ нихъ взысканы были деньги за гербовую бумагу и проч. Но силу этого указа крестьяне отказались признавать, считая его просто распоряженіемъ губернскаго начальства; по ихъ мнѣнію, изъ одного и того же сената не могло быть двухъ указовъ, совершенно разныхъ по содержанію. Однакожь, они оставались пока въ ожиданіи. Когда же, въ 1873 году, осенью, явился на ихъ полѣ производитель работъ, крестьяне сильно встревожились. Осенью межевыя работы не были произведены, а весной крестьяне рѣшили самовольно вновь вступить во владѣніе землей, которую, они, по указу 1858 года, все еще считали своею. 1-го мая 1874 года. Калининъ выслалъ рабочихъ на пяти лошадяхъ пахать землю. День этотъ прошолъ спокойно. Но на слѣдующій день къ рабочимъ вышли всѣ крестьяне деревни, человѣкъ болѣе ста, и стали всячески препятствовать работѣ: отводили лошадей въ сторону, или же нѣкоторые изъ крестьянъ ложились въ борозду, гдѣ должна была идти лошадь съ сохой. Калининъ вызвалъ изъ волостного правленія старшину. Старшина требовалъ отъ крестьянъ повиновенія, обращаясь съ ними рѣзко, какъ видно изъ собственнаго его показанія, объявлялъ имъ, что они должны его послушать, еслибъ онъ даже вздумалъ кого-нибудь и въ землю закопать. Но крестьяне на это возразили: «что ты за министръ-сенаторъ такой!» и не успокоились. Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующихъ потомъ случаяхъ, всѣ крестьяне дѣйствовали сообща; такъ, когда нужно было пахать землю, они устанавливались въ рядъ съ сохами, числомъ до пятидесяти, и въ разъ производили борозды. Калининъ отправился въ Вятку, къ начальнику губерніи. Здѣсь ему сказали,

чтобъ онъ обратился съ жалобой на крестьянъ къ мировому судьѣ. Калининъ сдѣлалъ это. Мировой судья рѣшилъ дѣло въ его пользу, и выдалъ исполнительный листъ о возстановленіи нарушенныхъ правъ владѣнія его землей крестьянами. Для объявленія рѣшенія мирового судьи крестьяне обыкновеннымъ полицейскимъ порядкомъ черезъ десятскихъ были вытребованы въ волостное правленіе. Повѣстокъ имъ, какъ слѣдовало, не было послано, что подтвердилъ самъ становой приставъ. Прочитавъ крестьянамъ исполнительный листъ, становой приставъ обратился съ увѣщаніемъ о должномъ послушаніи, но крестьяне, по предложенію одного изъ крестьянъ-подсудимыхъ, вышли изъ правленія и остались при своемъ убѣжденіи въ правотѣ дѣла. Затѣмъ, болѣе важнымъ дѣломъ былъ пріѣздъ въ деревню комиссіи, состоящей изъ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, жандармскаго полковника Щетинина, исправника, мирового посредника и производителя работъ. На требованія комиссіи явились опять всѣ крестьяне, мужчины и женщины; но когда стали вызывать поименно нужныхъ для спроса крестьянъ, то изъ толпы отзывались, что «всѣ мы здѣсь», а требуемый крестьянинъ не выходилъ. Отношенія крестьянъ къ комиссіи вообще не были непріязненными, но крестьяне смотрѣли на нее съ полнымъ недовѣріемъ: они, очевидно, опасались, что еслибъ кто-нибудь изъ нихъ отдѣлился изъ толпы, то сму было бы дурно, и что дѣло ихъ о землѣ было бы проиграно. Нужно еще сказать, что для объясненій съ крестьянами предложено имъ было выслать отъ себя выборныхъ, что крестьяне и исполнили. Лица эти сдѣлались хорошо извѣстными и затѣмъ явились на скамьѣ подсудимыхъ. Производитель работъ хотѣлъ начать размежеваніе, но выборные крестьяне явились къ мѣсту, гдѣ была поставлена мензу-

ла, и объявили, что они не дадутъ межевать, причомъ одинъ изъ крестьянъ держалъ на груди копію съ указа сената 1858 года и предлагалъ чиновникамъ «перехерить» (перечеркнуть) этотъ указъ, если они считаютъ его недѣйствительнымъ; но тѣ, конечно, не рѣшились этого сдѣлать. Комиссія видѣла въ дѣйствіяхъ крестьянъ тоже неискренность. На судѣ свидѣтель (бывшій въ то время исправникъ) настойчиво указывалъ, что крестьянки намѣренно подвязывали на животѣ подушки, чтобъ казаться беременными. Комиссія пробыла въ деревню два дня—значитъ два раза собирались крестьяне для переговоровъ, но ничего изъ всего этого не вышло. 3-го іюня 1874 года, вступилъ въ деревню отрядъ солдатъ въ 150 человѣкъ. Крестьяне были на сѣнокосѣ. Когда они возвратились оттуда, то сначала сгрудились въ одномъ крестьянскомъ дворѣ, а за тѣмъ вышли на площадь. По требованію судебнаго слѣдователя должны были явиться нѣкоторые изъ крестьянъ, но тѣ добровольно этого не исполнили. Тогда вся толпа была окружена солдатами. Видя себя въ такой цѣпи, крестьяне пытались сплошною массой прорвать ее, но это имъ не удавалось. Нѣкоторыми свидѣтелями смутно упоминалось о дѣйствіяхъ солдатъ прикладами, но обстоятельныхъ показаній объ этомъ не было высказано; только товарищъ прокурора спросилъ одного изъ свидѣтелей (бывшаго въ то время исправника), почему не стрѣляли въ крестьянъ, на что свидѣтель отвѣчалъ, что дальнѣйшія обстоятельства показали, что это не было нужно. Дѣйствительно, видя себя въ безвыходномъ положеніи, толпа сильно зашумѣла, «какъ въ аду» по показанію свидѣтеля—мущины упали на землю, и ихъ перевязали и размѣстили по амбарамъ. Повторяемъ, изъ всего дѣла видно, что всѣ крестьяне всей деревни дѣйствовали сово-

купно, собственно не позволяя отдѣляться никому изъ среды своей; но въ массѣ всегда выдѣляется нѣсколько личностей, которыя, будучи ранѣе извѣстны мѣстнымъ властямъ, обращаютъ на себя вниманіе, тѣмъ болѣе, что на нѣкоторыхъ изъ такихъ крестьянъ уже ранѣе и Калининъ и волостное начальство указывали какъ на болѣе участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, почему послѣднихъ и вызывали къ допросамъ; но какъ они добровольно не явились, то первыми и должны подвергнуться обвиненію въ сопротивленіи власти, а затѣмъ изъ массы было выдѣлено еще нѣсколько человѣкъ, и такимъ образомъ явилось подсудимыхъ тринадцать, которые и были отправлены въ городъ, гдѣ до суда просидѣли въ тюрьмѣ болѣе полутора года. Солдаты оставались въ деревнѣ, пока не былъ убранъ хлѣбъ съ полей Калинина. У крестьянъ было взято на прокормленіе солдатъ до 17-ти коровъ и до 200 пудовъ хлѣба. Коровы брались лучшія безъ разбора, кому они принадлежали, а хлѣбъ по раскладкѣ на души. Во время допросовъ, нѣкоторые свидѣтели, а потомъ и товарищъ прокурора въ своей рѣчи, старались выставить обвиняемыхъ какъ подстрекателей, но на это не представлено было достаточныхъ доказательствъ. Одинъ свидѣтель, членъ присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, настаивалъ, напримѣръ, на томъ, что одинъ изъ подсудимыхъ перебѣгалъ отъ одной толпы крестьянъ къ другой, возбуждая ихъ къ большему шуму, причемъ свидѣтель назвалъ и фамилію подсудимаго; но когда судъ попросилъ его указать названное лицо, онъ указалъ на крестьянина совсѣмъ съ другою фамиліей и не могъ разъяснить своей ошибки въ показаніи. Товарищъ прокурора въ рѣчи какъ бы забылъ о подсудимыхъ, а говорилъ объ «алешинцахъ», на что и обратилъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей защит-

никъ подсудимыхъ г. Авейде. Очевидно, подсудимые немногимъ болѣе виноваты, чѣмъ ихъ односельцы, потому что крестьяне всей деревни поступали противозаконно по своему умственному не развитію: между подсудимыми не было ни одного грамотнаго, да едва ли такіе есть и во всей деревнѣ. Полицейскія власти и проч. въ свое время не съумѣли убѣдить крестьянъ въ дѣйствительномъ положеніи дѣла относительно спорной земли, а къ этому примѣшалось недовѣріе къ мѣстной администраціи. Нужно еще замѣтить, что на судѣ, когда подсудимые начинали говорить о нѣкоторыхъ не благовидныхъ дѣйствіяхъ чиновниковъ, ихъ останавливали словами, что «это къ дѣлу не относится». Когда о показаніи свидѣтеля подсудимые говорили, какъ вѣроятно умѣли: «онъ вретъ», или «онъ много навралъ», имъ дѣлалось замѣчаніе, чтобъ они выражались вѣжливѣе, иначе будутъ выведены изъ залы. Вопросовъ для разрѣшенія присяжнымъ засѣдателямъ было предложено болѣе восьмидесяти. Вопросы эти были обсуждаемы въ теченіи двухъ часовъ и затѣмъ вынесены были отвѣты, состоящіе—болѣе чѣмъ на шестьдесятъ вопросовъ—«виноватъ, но заслуживаетъ соисхожденіе»; только относительно послѣдняго случая, когда подсудимые явились къ слѣдователю не добровольно, а были представлены силой, даны отвѣты «виноватъ». На вопросы же о томъ, не подстрекалъ ли каждый изъ указанныхъ подсудимыхъ къ неповиновенію другихъ крестьянъ, даны были отвѣты отрицательные. Судъ приговорилъ подсудимыхъ на 6—9 мѣсяцевъ къ тюремному заключенію.

XII.

Общій очеркъ Слободскаго за 1876-й годъ.

I.

Останавливаться на описаніи города мы не будемъ. Съ внѣшней стороны Слободской не представляетъ никакихъ особенностей: городъ какъ городъ.... То же обиліе деревянныхъ построекъ, тѣ-же немощенные улицы, тотъ-же весенній и осенній разливъ навоза на торговыхъ площадяхъ, заставляющій базарную промышленность не только процвѣтать, но и благоухать, какъ и вездѣ, или покрайней мѣрѣ въ большинствѣ нашихъ уѣздныхъ центровъ. Хотѣлъ было Слободской щегольнуть по части освѣщенія, но и тутъ не удалось ему отличиться. Не успѣла мудрая дѣва—дума возжечь своего свѣтильника, какъ другая болѣе прозорливая, но менѣе дальновидная, безъ всякихъ думъ выцѣдила изъ него масло, для своихъ болѣе ближайшихъ, домашнихъ просвѣтительныхъ цѣлей. Вся эта оригинальная исторія происходила года $1^1/_2$ тому назадъ: по предложенію думы зажиточные домовладѣльцы согласились отъ себя поставить около своихъ домовъ фонари и зажигать въ нихъ керосиновыя лампы. На первое время многія улицы дѣйствительно освѣтились, но какіе-то «злонамѣренные» люди начали таскать не только лампы изъ фонарей, но даже самые фонари. Тогда «благонамѣренные» граждане, видя въ такомъ фактѣ нѣчто въ родѣ злаго рока, поспѣшили спасти свое достояніе: фонари были спрятаны и городъ снова погрузился въ непроницаемую тьму, сохранивъ, какъ воспоминаніе о неудачной попыткѣ, одни только фонар-

ные столбы. Тѣ-же, кому приходится выходить изъ дому въ темныя ночи, не желая носить фонарей *на себѣ*, носятъ ихъ *съ собой*, что придаетъ городу какой-то фантастическій характеръ, и особенно когда много народа выходитъ напр. изъ церкви, или изъ присутственныхъ мѣстъ, и свѣтящіяся точки мелькаютъ по всѣмъ направленіямъ, точно блудящіе огоньки.

II.

Одна изъ особенностей Слоб.—это обиліе торговыхъ заведеній; кромѣ двухъ громадныхъ гостиныхъ дворовъ, множество лавокъ устроено еще въ частныхъ домахъ, особенно на Глазовской улицѣ—нашемъ Невскомъ проспектѣ, такъ что въ городѣ и его слободѣ—Демьянкѣ существуетъ до 170 большихъ магазиновъ и лавокъ, не говоря уже о мелочныхъ лавочкахъ, которые встрѣчаются чуть не на каждомъ перекресткѣ. Конечно, такое сильное развитіе торговли отнимаетъ у населенія много рабочихъ рукъ, но зато оно вызываетъ конкуренцію и заставляетъ понижать цѣну на товары. Вообще-же это городъ тихій и дѣловитый, съ весьма мало развитой общественной жизнью, съ патріархальными нравами и безъ всякихъ претензій на шикъ, щегольство и роскошь. Поэтому отдѣльныя лица,—какъ бы ни была обширна ихъ торговля и значительны капиталы—мало выдаются надъ общимъ уровнемъ, напротивъ, все сливается въ одинъ сѣроватый тонъ, всѣ поглощены или добываніемъ куска насущнаго хлѣба, или стремленіемъ къ наживѣ издавна установившимися способами. Безъисходной скуки, обыкновенно присущей уѣзднымъ городамъ, здѣсь какъ будто

не замѣтно, хотя однообразіе и разрозненность общества доведены до крайнихъ предѣловъ. Богачи сидятъ замкнувшись въ своихъ каменныхъ палатахъ: болѣе или менѣе «именитое» купечество держится особнякомъ; чиновники составляютъ отдѣльный маленькій кружокъ и, такъ называемое, «сліяніе сословій» происходитъ только въ дни имянинъ или во время высокоторжественныхъ праздниковъ. Каждый домъ значительныхъ размѣровъ— это своего рода неприступная крѣпость, по наружному виду нѣсколько похожая на благоустроенныя тюрьмы, да и внутри этихъ палатъ нерѣдко происходятъ сцены, достойныя пера Островскаго, но онѣ покрыты «мракомъ неизвѣстности» и если служатъ предметомъ толковъ, то лишь *своихъ домашнихъ*, такъ какъ сора изъ избы никто не выноситъ. А стоило бы заглянуть за эти каменныя стѣны, гдѣ творится столько дикаго, страшнаго, чудовищнаго. Вотъ напр. громадный домъ съ десятками комнатъ, но въ немъ все таки душно и тѣсно какимъ-нибудь троимъ четыремъ членамъ патріархальной семьи. Вотъ другой—не домъ, а дворецъ; весь бельэтажъ занимаетъ глава семейства, тиранъ и самодуръ, старающійся заглушить безъисходную тоску мрачнымъ, одинокимъ безпробуднымъ пьянствомъ, а въ отдаленной комнаткѣ нижняго этажа того-же дома гаснетъ молодая жизнь одного изъ сыновей этого Тита Титыча и погибаетъ жертвой невыносимой домашней обстановки. Вотъ еще нѣсколько громадныхъ зданій, за стѣнами которыхъ несчастныя семьи то изнываютъ подъ гнетомъ не только выжившихъ изъ ума, но даже положительно сумасшедшихъ субъектовъ, не теряющихъ однако своихъ правъ надъ чадами и домочадцами, то чуть не умираютъ съ голоду, вслѣдствіе ужаснаго, болѣзненнаго скряжничества своего главы, то наконецъ, по его примѣру, пьян-

ствуютъ и кутятъ втихомолку, лишь изрѣдка заявляя всенародно объ этомъ, дракой въ публичномъ мѣстѣ или покушеніемъ на самоубійство въ припадкѣ бѣлой горячки. И сколько молодыхъ свѣжихъ силъ гибнетъ за этими твердынями, сколько льется слезъ, особенно женскихъ!....

III.

А каково здѣсь, такъ называемое *общество*, интеллигенція, соль земли! Вотъ они сошлись въ клубѣ на танцовальный вечеръ или маскарадъ; сначала все идетъ довольно чинно, хотя и вяло, сонно, безжизненно; дамы и кавалеры движутся точно тараканы, посыпанные персидской ромашкой; но благодаря частымъ посѣщеніямъ буфета, мужчины начинаютъ понемногу оживляться, и, прежде всего лѣзутъ въ ссору съ кѣмъ-нибудь, сводятъ старые счеты, выражаютъ желаніе отмстить лицу, когда-то оскорбившему ихъ, бранью, а не то схватиться и въ рукопашную. Смотришь купецъ Пашкинъ уже честитъ городоваго врача «жидомъ» и «подлецомъ», учитель обозвалъ лѣсничаго «невѣжей», а молодежь уже и стулья употребила вмѣсто холоднаго оружія. Крики, шумъ, пьяный говоръ; въ буфетѣ положительно давка и впереди всѣхъ 18-ти лѣтній купчикъ, угощающій шампанскимъ единственнаго представителя здѣсь военнаго сословія,— полковника Форселя, а въ гостиной мирно спитъ на диванѣ ветиринарный врачъ Закржевскій, который почти каждый вечеръ является сюда выпить и уснуть. На другой день поссорившихся или мирятъ, при чемъ конечно съ радости устраивается новая попойка, или-же отдаютъ на судъ клубныхъ старшинъ, всегда очень сни-

сходительныхъ въ своихъ приговорахъ (напр. исключеніе изъ клуба на 4 дня); до мироваго дѣло доходитъ рѣдко— это не одобряется общественнымъ мнѣніемъ. И странное дѣло кого бы ни забросила въ Слоб. судьба изъ чиновниковъ или врачей, всякій очень скоро поддается общему настроенію и до того сливается съ мѣстными жителями, что утрачиваетъ даже воспоминаніе объ иной средѣ, иныхъ нравахъ. Вотъ напр. полковникъ Форсель даже по русски-то говоритъ не совсѣмъ чисто и всегаки въ нѣсколько мѣсяцевъ сталъ настоящимъ, чистокровнымъ слобожаниномъ: цѣлые дни и ночи сидитъ за картами, при чемъ партнерами ему служатъ молоденькіе купчики, охотно проигрывающіе такому важному, сравнительно, лицу тятенькины капиталы, пьетъ съ кѣмъ придется и водитъ дружбу со всякимъ, кто имѣетъ репутацію хорошаго собутыльника. Кромѣ пьянства и пошлости характеристической чертой нашего общества служитъ трусость, доходящая до болѣзненности, до глупости. Не говоря уже о чиновникахъ, которымъ уже какъ-бы долгъ службы повелѣваетъ «ежемгновенно» трепетать, даже купцы, люди независимые, богатые, находятся въ вѣчномъ страхѣ какой-то неизбѣжной кары божіей, каждую минуту готовой разразиться надъ ними. Всего больше конечно боятся прослыть или показаться «неблагонадежными» и потому тщательно избѣгаютъ скомпрометирующихъ знакомствъ, напр. со ссыльными, разумѣется. изъ «административныхъ», а также всякихъ собраній, не посвященныхъ исключительно картамъ и пьянству. Вотъ нѣсколько фактовъ въ подтвержденіе этого: о каждомъ мало-мальски знакомомъ со ссыльными, граждане начинаютъ сплетничать, увѣряютъ, что онъ и самъ уже отданъ подъ строжайшій надзоръ полиціи и, принимая измышленія своей фантазіи за дѣйствительность, кля-

нутся и божатся. что собственными глазами видѣли «секретную» бумагу объ этомъ, мужья грозятъ женамъ ссылкой куда Макаръ телятъ не гонялъ, родители преслѣдуютъ дѣтей бранью и укорами, словомъ, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока или сами ссыльные не прекратятъ всякое знакомство, или заблудшія овцы не обратятся снова на путь истинный. По поводу же собраній недавно произошелъ слѣдующій курьезъ: въ домѣ городскаго головы Платунова нѣсколько лицъ, въ числѣ которыхъ былъ и мировой судья Шиллегодскій, собирались для занятій музыкой и пѣніемъ и вздумали перенести свои музыкальные вечера въ клубъ, образовавъ нѣчто въ родѣ крошечнаго музыкальнаго общества. Въ первый-же пріѣздъ сюда губернатора, Шиллегодскій, какъ наиболѣе храбрый изъ этихъ любителей музыки, отправился къ нему и почтительнѣйше просилъ *дозволить* принадлежащимъ къ музыкальному кружку лицамъ *собираться* въ клубѣ. Губернаторъ былъ, говорятъ, до того пораженъ этой просьбой со стороны лица, занимающаго такой видный постъ въ городѣ, что не нашелся ничего сказать, кромѣ—вы можете собираться гдѣ вамъ угодно—но про себя вѣроятно подумалъ до какой степени характеристичны анекдоты о томъ, какъ вятичи тащили корову на баню и какъ они «семеро о него не боятся».

IV.

Но вернемся къ описанію города: вотъ домъ городскаго общества, построенный въ 1797 году, какъ гласитъ надпись; здѣсь помѣщаются: городская и мѣщан-

ская управы, общественный банкъ и библіотека съ читальней. О первыхъ трехъ учрежденіяхъ можно только сказать, что они *должно быть* удовлетворяютъ своему назначенію, п. ч. о дѣятельности ихъ не говорятъ ничего, ни дурнаго, ни хорошаго. Впрочемъ, на городскую думу и досихъ поръ еще слышатся сѣтованія за то, что она продала на срубъ лѣсъ, окружавшій городъ, хотя это было уже около 4-хъ лѣтъ тому назадъ, вслѣдствіе чего не только городъ лишился своего лучшаго украшенія, но и жители ближайшихъ деревень начали испытывать недостатокъ въ водѣ, такъ какъ послѣ вырубки лѣса, находившіеся въ немъ ключи сильно обмелѣли. Представители города объясняли продажу лѣса затрудненіями въ охранѣ его отъ хищническихъ набѣговъ самихъ же гражданъ и обѣщали заняться на опустошенныхъ участкахъ *раціональнымъ сельскимъ хозяйствомъ*, однако до сихъ поръ на нихъ кромѣ пеньковъ, да щепъ ничего хозяйственнаго не видно. Библіотека съ читальней существуютъ еще только полтора года, но посѣщается весьма усердно и обставлена какъ нельзя лучше, хотя изъ городскихъ суммъ не затрачено на это учрежденіе ни копѣйки. Вообще-же городское управленіе, внѣ своихъ, такъ сказать «казенныхъ» обязанностей, рѣдко заявляетъ о своемъ существованіи. Права, въ началѣ 1876 года, дума выказала было нѣкоторые признаки жизни, по поводу «кабацкаго вопроса»: она вздумала ограничить число питейныхъ заведеній шестью и дозволять открытіе ихъ исключительно только на городскихъ земляхъ, но, послѣ изданія извѣстнаго, Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта, принуждена была отмѣнить свое рѣшеніе и постановила лишь не дозволять открытія кабаковъ на главной улицѣ, по окраинамъ города и въ слободахъ,

ство теперь кусаетъ локоть, представляя себѣ ту оплошность, по которой оно упустило время устроить у себя въ уѣздахъ свои женскія прогимназіи съ пансіонами, а теперь сдѣлать этого уже невозможно: расходы на однѣ учебно-епархіальныя нужды сдѣлались очень велики, и народъ, т. е. собственно церковные старосты, ропщутъ на значительную отсылку денегъ изъ ихъ сундуковъ на потребности, ими неясно понимаемыя. Итакъ, хорошо сознавая значеніе училища, духовенство стало тревожиться, когда узнало, что епархіальное начальство несовсѣмъ довольно училищемъ. Само духовенство знало объ училищѣ немногое и могло обратить вниманіе только на печатные отчеты, гдѣ его смущали, собственно говоря, пустяки; напримѣръ, показанія значительныхъ расходовъ на голландское полотно, котораго воспитанницы никогда не носили, — на кофе, который онѣ пили только однажды на пасхѣ,—на «мелочные» расходы, рублей въ 600 и т п. Затѣмъ выяснилось дѣло нѣсколько въ томъ смыслѣ, будто бы воспитанницы выходятъ изъ училища съ недостаточно солидными убѣжденіями и, въ слѣдствіе того, нѣкоторыя изъ нихъ оставляютъ свои семьи и ѣдутъ («бѣгутъ») учиться въ Петербургъ, или куда вздумаютъ. Само собою разумѣется, что училище винить тутъ собственно не въ чемъ; кромѣ того развѣ, что курсъ его, какъ мы замѣтили выше, ниже гимназическаго; что въ немъ нѣтъ повторительныхъ курсовъ, и ученіе какъ бы обрывается на половинѣ шестымъ классомъ, равнымъ пятому классу гимназій, причемъ, конечно для болѣе талантливыхъ натуръ, очень естественно желаніе докончить образованіе; но уже таковъ уставъ женскихъ епархіальныхъ училищъ, что измѣненіе его для училищнаго начальства невозможно. Затѣмъ и семьи въ селахъ бываютъ всякія; это и доказывать не нужно: стоитъ только представить положеніе лица, получившаго хотя бы элементарное обра-

зованіе, если оно попадетъ въ такую среду, гдѣ на просторѣ практикуется произволъ, нетрезвость и проч., при полномъ отсутствіи возможности къ самообразованію,— чтобъ пріостановиться бросать камень въ тѣхъ, въ кого онъ намѣченъ. Но какъ бы то ни было, осенью 1875 г. (съ 18-го по 29-е августа), собирался въ Вяткѣ епархіальный съѣздъ, которому и представлялась задача вдуматься въ положеніе своего училища. Избранная тогда съѣздомъ коммисія долго знакомилась съ экономическимъ положеніемъ училища и, послѣ многихъ хлопотъ (26-го августа), доложила съѣзду результаты своей ревизіи. Видно было, что по экономической отчетности существовала полнѣйшая безпорядочность. Описей имущества, съ самаго основанія училища, не существовало. Книги приходорасходныя велись небрежно. Вводилось въ заблужденіе даже епархіальное начальство, потому-что, при представленіи на утвержденіе его, напримѣръ, сверхсмѣтныхъ расходовъ, совсѣмъ умалчивалось о томъ, что они сверхсмѣтные. По административному управленію найдены были великія «странности»; напримѣръ, путаница въ ученическихъ спискахъ; по чьему-то желанію, послѣ того, какъ списки были утверждены епархіальнымъ начальствомъ, нѣкоторыя воспитанницы переводились изъ высшихъ классовъ къ низшіе и наоборотъ. Вообще замѣчено было «перерѣшеніе» дѣлъ и безцеремонное извращеніе тѣхъ постановленій, на которыя дѣлались ссылки. Такъ какъ дѣлами училища завѣдуетъ собственно совѣтъ училища, предсѣдатель и одинъ изъ членовъ котораго избираются самимъ духовенствомъ, то наибольшая вина должна пасть на этотъ совѣтъ;—но гдѣ судъ, тутъ и милость—съѣздъ нашелъ нужнымъ только выразить просьбу къ епархіальному начальству обратить вниманіе совѣта на замѣченные безпорядки въ дѣлопроизводствѣ и предписать ему на будущее время твердо держаться указаннаго уставомъ порядка. Впрочемъ, по-

миловавъ, такимъ образомъ, совѣтъ, тогда уже отслужившій срокъ своей выборной службы, духовенство не пощадило начальницу заведенія: выражено было единогласно нежеланіе духовенства имѣть ее начальницею училища, потому-что существуютъ-де несомнѣнные факты превышенія ею власти и проч. Такимъ образомъ, въ этомъ отношеніи съѣздъ отнесся къ дѣлу внимательно; но нужно знать, что такъ онъ поступилъ, заручившись позволеніемъ отъ епархіальнаго начальства; не будь этого—многое оказалось бы нѣсколько въ иномъ видѣ. Во всякомъ случаѣ, съѣздъ желалъ принять энергическія мѣры къ исправленію своего заведенія. Вглядываясь въ обстановку училища, дѣйствительно, можно было замѣтить отсутствіе опытной заботливости. Ничего, что бы содѣйствовало отстраненію скуки для воспитанницъ въ некласное время — матеріаловъ для игръ, гимнастики и проч.—не существуетъ; даже небольшой садъ содержался худо, и только послѣднимъ съѣздомъ ассигнована небольшая сумма на «приведеніе его въ надлежащее положеніе и на устройство цвѣтниковъ; школьная мебель ниже всякой критики, и потому, вѣроятно, многія воспитенницы очень быстро портятъ зрѣніе. Въ спальняхъ не было вентиляторовъ; во время съѣзда заявлено было о «неприглядности помѣщенія воды для питья ученицъ». Съѣздъ на все это, кромѣ мебели, обратилъ вниманіе, давъ нужныя деньги. Выборъ новой начальницы былъ предоставленъ преосвященному. Изъ всего этого видно, что настоящая ревизія члена учебнаго комитета должна послужить тоже къ пользѣ и улучшенію строя училищной администраціи, преподаванія и проч.. и духовенство мѣстное можетъ надѣяться, что училище, наконецъ, будетъ поставлено такъ, что въ недалекомъ будущемъ окажется возможнымъ дальнѣйшее развитіе образовательныхъ средствъ училища, напримѣръ—открытіе педагогическихъ курсовъ, проектированныхъ

министерствомъ народнаго просвѣщенія, а въ послѣднихъ здѣсь является настоятельная необходимость, такъ какъ земская сельскохозяйственная семинарія преобразуется въ реальное училище

XVI.

I.

Пониженіе уровня образованія въ средѣ духовенства.

(*Письмо изъ Вятки*).

Извѣстно, что почти одновременно съ преобразованіемъ гимназій въ классическія, были преобразованы и духовно-учебныя заведенія; притомъ, система классическаго образованія проведена была *неуклонно-послѣдовательно*. Прошло уже довольно времени съ момента преобразованія; но всѣ заявленія печати по поводу этого преобразованія сводятся къ тому, что семинаристы бѣгутъ изъ семинарій въ другія учебныя заведенія. Имѣя подъ руками цифровыя данныя, касающіяся Вятской духовной семинаріи, мы коснемся вопроса объ образованіи духовенства съ той стороны, на которую, обыкновенно, не обращаютъ вниманія.

У духовенства, какъ извѣстно, дѣтей, сравнительно, много. Духовенство хорошо понимаетъ цѣну образованія и всячески старается дать дѣтямъ образованіе. Вслѣдствіе этого духовно-учебныя заведенія прежде были обыкновенно полны учащимися. Такъ, въ Вятской семинаріи однихъ оканчивающихъ курсъ ученія семинаріи, значитъ, послѣ двѣнадцати-лѣтняго обученія, бывало болѣе ста человѣкъ: въ семинарію же принимали, черезъ каждые

два года, до двухсотъ и болѣе учениковъ. Не смотря на это, все еще оказывалось не мало воспитанниковъ или неуспѣшныхъ, или неодобрительнаго, по мнѣнію начальства, поведенія, и исключаемыхъ изъ разныхъ классовъ духовныхъ училищъ. Съ 1871 года произошло преобразованіе духовно-учебныхъ заведеній. Первымъ слѣдствіемъ этого преобразованія была сравнительно большая требовательность въ знаніяхъ отъ учениковъ. Но, такъ какъ составъ преподавателей въ духовныхъ училищахъ измѣняется незначительно, улучшеніе въ преподаваніи едва замѣтно, то ученики духовныхъ училищъ, само собой, оказываются слабы. Начинается изгнаніе или, собственно говоря, недопущеніе въ семинарію учениковъ духовныхъ училищъ цѣлыми массами.

Остановлюсь на этомъ фактѣ. Въ гимназіяхъ, во всѣхъ восьми классахъ, преподаватели обыкновенно съ университетскимъ образованіемъ; въ духовно-учебныхъ же заведеніяхъ преподаватели съ академическимъ образованіемъ только въ семинаріи, т. е. сравнительно съ гимназіею, съ пятаго класса; въ четырехъ же первыхъ классахъ учительствуютъ семинаристы. Понятно, послѣдніе вслѣдствіе неудовлетворительности собственной подготовки, не могутъ подготовить учениковъ хотя-бы на столько, чтобы удовлетворить требованіямъ учителей семинаріи. Кромѣ этого, училища и семинаріи разрознены; связь между ними заключается въ томъ, что разъ, года въ два, въ училище явится сутокъ на двое для ревизіи кто-либо изъ учителей семинаріи, въ томъ еще, что правленіе семинаріи ежегодно разражается «внушительными замѣчаніями» на отчетахъ духовныхъ училищъ по поводу поступленія въ семинарію учениковъ этихъ училищъ. Отношеніе духовно-учебныхъ училищъ къ семинаріямъ такое: ученики IV класса училищъ *не переходятъ* по экзамену въ семинаріи, подобно тому, какъ это дѣлается въ гимназіи, гдѣ, сдавъ экзаменъ за IV

классъ, ученикъ поступаетъ безъ всякихъ мытарствъ въ V классъ. Въ духовныхъ училищахъ ученики, послѣ экзамена въ IV классѣ, лишь *оканчиваютъ* курсъ и получаютъ свидѣтельства. Чтобъ поступить въ семинарію, они должны держать новый экзаменъ уже въ семинаріи.

Вотъ на этомъ-то экзаменѣ и отразилось прежде всего преобразованіе. Экзаменъ строгій, а дѣти не подготовлены: вотъ и гонятъ ихъ безъ милости. Значительно большая часть учениковъ, окончивъ училище, уже и не помышляетъ о семинаріи: они или поступаютъ кое-какъ въ свѣтскія учебныя заведенія, или такъ невѣждами и вступаютъ въ жизнь. Изъ тѣхъ же, которые заявляютъ желаніе поступать въ семинарію удается проскользнуть въ нее незначительному числу. Вотъ факты:

	Заявило желаніе поступить въ семинарію:	Поступило по экзамену:	Процентъ непоступившихъ:
Въ 1872 году	106	74	30%
» 1873 »	74	52	30 »
» 1874 »	107	89	17 »
» 1875 »	110	77	30 »
» 1876 »	102	53	48 »

Цифры эти наглядно говорятъ о томъ, что въ послѣднее время, для большинства дѣтей духовнаго званія, уже преграждена дорога къ полученію даже средняго образованія. При скудныхъ средствахъ, сельскіе священники, не говоря уже о причетникахъ, не могутъ воспитывать дѣтей въ заведеніяхъ, въ которыхъ требуется взносъ платы за ученіе и обязательная форменная одежда. Учить они могутъ только въ своихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ и платы за ученіе не требуется, и бѣднымъ, кромѣ того, дается и собіе Ежегодно въ духовное училище поступаетъ болѣе 250 мальчиковъ; но оканчиваетъ ученіе въ училищѣ только половина этого

числа, и, наконецъ, менѣе половины послѣдняго числа поступитъ въ семинарію. Въ прошломъ учебномъ году количество учащихся въ семинаріи по отношенію къ учащимся въ духовныхъ училищахъ составляло 27 проц. Лицамъ, окончившимъ курсъ въ духовныхъ училищахъ, такъ трудно поступить въ семинарію, что изъ нѣкоторыхъ училищъ заявляютъ желаніе поступить въ семинарію одинъ-два воспитанника. Такъ, въ текущемъ году изъ 15 учениковъ Нолинскаго духовнаго училища, явившихся на экзаменъ, принято только 4, изъ 14 учениковъ Яранскаго училища—6, изъ 5 учениковъ Елабужскаго—2 и т. д. Въ пятилѣтней сложности, съ 1872 г. по 1876 г., изъ явившихся на экзаменъ *не было принято*: изъ Яранскаго училища болѣе 20 проц., изъ Глазовскаго—25 проц., изъ Сарапульскаго—27 проц., изъ Вятскаго—29 проц., изъ Нолинскаго—46 проц., изъ Елабужскаго—52 проц. Къ какимъ же послѣдствіямъ приводитъ такой порядокъ? Въ Вятской губерніи лицъ духовнаго званія мужескаго населенія—7,000. Полный курсъ ученія въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ низшихъ и среднихъ—десятилѣтній. Дѣтей духовнаго званія, мужескаго пола, отъ 10 до 12-лѣтняго возраста, насчитывается до 1.470 человѣкъ. Число учащихся простирается до 1,200 человѣкъ; значитъ, около 270 мальчиковъ (въ возрастѣ 10—20 лѣтъ), ежегодно, бываетъ внѣ учебныхъ заведеній; до 100 человѣкъ ежегодно (на половину по прошеніямъ и на половину по распоряженію начальства) увольняются изъ семинарій и училищъ; изъ остальныхъ же 170 человѣкъ—меньшинство поступаетъ въ свѣтскія учебныя заведенія,—большинство же остается съ образованіемъ начальнаго училища.

Изъ обучавшихся въ семинаріи оканчиваетъ полный курсъ ученія ежегодно 20—30 человѣкъ, а далѣе предвидится еще меньшее число оканчивающихъ курсъ. Зна-

читъ, въ возрастъ совершеннолѣтія, ежегодно изъ 140—150 человѣкъ духовнаго званія вступаетъ въ общественную жизнь получившихъ среднее образованіе, примѣрно, седьмая часть; затѣмъ, не считая недоучившихся семинаристовъ и проч., остается около 100 человѣкъ съ образованіемъ духовнаго училища. Какія же знанія даетъ курсъ духовнаго училища? Самыя ограниченныя; ни больше—ни меньше, какъ простую грамотность.

Составители проекта устава духовныхъ училищъ, держась строго не общеобразовательнаго значенія училищъ, а назначенія ихъ быть приготовительными заведеніями для семинаріи, обратили исключительное вниманіе на древніе языки. На занятіе этими языками въ училищѣ, въ четырехъ классахъ,—трудно повѣрить!—положено въ недѣлю 50 учебныхъ часовъ (*40 уроковъ по часу съ четвертью*), т. е., въ каждомъ, классѣ, среднимъ числомъ, ежедневно бываетъ *болѣе*, чѣмъ *по два* часа занятій латинскимъ и греческимъ языками. Понятно, что затѣмъ уже на другіе общеобразовательные предметы не хватаетъ достаточно времени. Такъ, на *русскій* языкъ въ IV классѣ положенъ *одинъ* урокъ въ недѣлю, а во всѣхъ четырехъ классахъ училища всего только 11 уроковъ» Не только всеобщая, но и русская исторія изгнаны изъ училища. Легко представить, поэтому, какіе жалкіе люди по образованію выходятъ изъ училища, если имъ не удается продолжить образованія въ семинаріи. Вся долбня латинскихъ и греческихъ склоненій спряженій, конечно, ничего не даетъ для жизни; кое-какія свѣдѣнія изъ географіи, сообщенныя наскоро, держатся непрочно; свѣдѣнія по русскому языку крайне ограничены; знанія по арифметикѣ, особенно при плохомъ преподаваніи ея, ничтожны... Вотъ въ такихъ-то невѣждъ превращаются въ настоящее время болѣе чѣмъ три четверти дѣтей духовнаго званія, которымъ, по ма-

теріальнымъ средствамъ ихъ родителей, доступны только духовныя училища. Духовные отцы пока еще не могутъ и понять, что это дѣлается съ дѣтми: кругомъ исключенные, уволенные и озлобленные и т. д... Отцы увеличиваютъ пожертвованія изъ церковныхъ суммъ и на училища, и на семинарію, даютъ учителямъ деньги «на извощиковъ», думая, что преподаватели усилятъ свое вниманіе къ дѣтямъ. Но дѣтей *убоявшихся премудрости* становится все болѣе. Оно и понятно: мудрость эта — не *отъ вѣка сего*, и массѣ дѣтей она недоступна. Думали поправить это дѣло, устроивъ при Вятскомъ духовномъ училищѣ дополнительный V классъ, въ которомъ преподавали-бы: исторію, геометрію, одинъ новый языкъ; но ничего не вышло, и классъ теперь закрытъ.

Намъ кажется, что дѣло образованія дѣтей духовенства нельзя оставить при существующемъ порядкѣ ужъ потому только, что выдаваемыя училищами свидѣтельства объ окончаніи курса есть своего рода *обманъ*. Свидѣтельства эти удостовѣряютъ, что ученикъ, окончивъ курсъ въ училищѣ, знаетъ означенные въ свидѣтельствѣ учебные предметы *удовлетворительно*; а между тѣмъ, и третья часть часть воспитанниковъ, окончившихъ училище, не оправдываетъ «свидѣтельства» при провѣркѣ въ семинаріи. Общее же и рѣзкое пониженіе уровня образованія въ массѣ духовенства заставляетъ желать или измѣненія системы образованія въ духовныхъ училищахъ, или, по крайней мѣрѣ, преобразованія половины изъ нихъ въ реальныя училища.

XVII.

Наши «земцы и нѣмцы».

(Письмо изъ Слободскаго).

Слободское земство сильно затрудняется въ пріисканіи наставниковъ для такихъ отдаленныхъ и глухихъ пунк-

товъ уѣзда, какъ Гидаево и Синеглинье (болѣе 200 вер. отъ Слоб.); наставники или избѣгали тамошнихъ училищъ, или пьянствовали тамъ, безобразничали и по нѣскольку недѣль даже не являлись въ школу. Въ 1875 г. земское собраніе назначило учителямъ отдаленныхъ школъ по 400 р. жалованья съ цѣлью привлечь на эти мѣста порядочныхъ людей, и въ началѣ 1876 года въ Гидаево изъявилъ желаніе ѣхать учитель Волковской школы, Селивановскій, кончившій курсъ въ Вятской семинаріи. Земство согласилось на это, тѣмъ болѣе, что Селивановскій пользовался хорошей репутаціей, и послало его на смѣну Глазырина, тоже ученика Вятской семинаріи, который совсѣмъ спился въ Гидаевѣ, занятія въ школѣ бросилъ и, когда ему перестали высылать жалованье (мѣра тоже довольна крутая!), началъ пропивать училищныя вещи. Новый наставникъ нашелъ школу въ самомъ ужасномъ видѣ: низенькій, покосившійся отъ ветхости домишка, въ 4 окна, изъ которыхъ два заколочены досками, а въ остальныхъ двухъ большая часть стеколъ перебита и заклеена бумагой; классная комната, три аршина длины и ширины, низкая и темная; въ углу почернѣвшая отъ дыма печь, у стѣны покосившійся шкафъ, 4 уродливыя парты (2 сломаны и валяются на полу), съ пюпитрами для письма, въ четверть аршина ширины, придѣланными совершенно перпендикулярно; въ углу валяется изломанная классная доска; холодъ и грязь невообразимые. Шкафъ, носившій громкое названіе училищной библіотеки, съ трудомъ можно было отпереть, не уронивъ его на себя; въ немъ оказалось: десть бѣлой бумаги, кусокъ аспидной доски, 10 грифелей, два экземпляра «Роднаго Слова», нѣсколько корочекъ отъ «Грамоты» Блинова и тетрадь, въ которой значилось: $^1/_4$ водки, $^1/_4$ ф сухой рыбы, $^1/_4$ табаку, ведро водки, $^1/_2$ табаку и пр. Крестьяне сообщили, что бумага, перья, книги, доски, даже буквы—все

это пропито Глазыринымъ! Но онъ ли одинъ виноватъ въ раззореніи школы? Чего же смотрѣло земство? Почему оно не позаботилось пріискать порядочное помѣщеніе для училища или даже выстроить новый домъ съ квартирой для наставника, которому приходится теперь жить чуть не въ курной избѣ; почему оно не обставило училище порядочной мебелью, почему оно, наконецъ, держало полтора года пьянаго наставника и прибѣгло къ такой нелѣпой мѣрѣ, какъ не выдача ему жалованья, чѣмъ обрекало его на голодную смерть? Въ томъ-то и дѣло, что земство само обращаетъ у насъ слишкомъ мало вниманія на школы и, собирая всякія сплетни относительно частной жизни наставниковъ и наставницъ и грозя имъ за каждую малость увольненіемъ по 3-ему пункту (какъ сдѣлалъ это, два года тому назадъ, членъ управы Плюснинъ, сулившій такую кару наставницѣ Волковскаго училища, Лыткиной, за то, что у ней въ комнатѣ стоя а фисъ-гармонія и бабы иногда пѣли и плясали подъ ея игру), нимало не заботится о ихъ благосостояніи Посѣщеніе школъ членами училищнаго совѣта въ большинствѣ случаевъ оказывается источникомъ оскорбленій или же поборовъ для наставниковъ и особенно для наставницъ. Вотъ факты, доказывающіе это: предсѣдатель слободской управы, Булгаковъ, явился разъ вечеромъ въ Волковское училище до того пьяный, что едва могъ держаться на ногахъ и разбранилъ (буквально разбранилъ) наставницу за то, что она расположилась пить чай въ классѣ, хотя это было не въ учебное время и въ ея крошечной комнаткѣ невыносимо жарко. А въ Гидаевѣ членъ управы, Загорскихъ, и не заглянувъ въ школу, прямо отправился къ учителю и потребовалъ водки; впрочемъ объ этомъ членѣ (теперь уже выбывшемъ изъ управы) говорили, что онъ ѣздилъ осматривать не училища, а графины и бутылки у сельскихъ властей и, главнымъ образомъ, у наставниковъ.

Впрочемъ, что удивительнаго, если земскіе дѣятели, люди большею частію безъ всякаго образованія, бывшіе волостные писаря да городничіе, относятся такъ безцеремонно къ исполненію своихъ обязанностей, когда даже губернская интеллигенція, цвѣтъ ея—судебныя власти—ведутъ дѣло кое-какъ, спустя рукава, часто даже безъ соблюденія обычныхъ формальностей. На зимнюю сессію они не желаютъ покидать губернскаго города и заставляютъ свидѣтелей тащиться чуть не пѣшкомъ, а во время лѣтней спѣшатъ разборомъ дѣлъ до такой степени, что судебное слѣдствіе, которымъ должны руководствоваться присяжные, является какъ бы простой формальностью. Для перваго раза, лѣтомъ 1875 года, они еще нѣсколько сдерживались; но, въ 1876, когда и публики бывало меньше въ судѣ, и хорошіе адвокаты не поѣхали въ Слободской, дѣла рѣшались съ крайней поспѣшностью. Подсудимыхъ и свидѣтелей изъ простонародья, и безъ того не особенно бойкихъ, запугивалъ предсѣдатель суда Ренненкампфъ, начинавшій кричать и бѣситься при малѣйшемъ замедленіи въ отвѣтѣ или попыткѣ вдаться въ подробности, можетъ быть и весьма существенныя, но, по мнѣнію сердитаго нѣмца, неидущія прямо къ дѣлу; защитники средней руки, въ родѣ, напримѣръ, Рославлева или Ковнацкаго, смиренно подчинялись произволу предсѣдателя и только умоляли присяжныхъ о снисхожденіи къ участи своихъ кліентовъ; товарищъ прокурора Стельмаховичъ, не справляясь ни съ логикой, ни съ здравымъ смысломъ, въ безсвязныхъ, но краткихъ рѣчахъ требовалъ осужденія, приводя, напримѣръ, такіе доводы: «вещи украдены; замокъ сломанъ; подсудимаго не было дома въ эту ночь; слѣдовательно, онъ укралъ и сломалъ замокъ». Не смотря на то, цѣль достигалась: присяжные обвиняли и обвиняли, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ прибавляя: «заслуживаетъ снисхожденія». Жалко было смотрѣть на

подсудимыхъ: пораженные непривычной обстановкой, сбитые съ толку непонятными вопросами, смыслъ которыхъ еще затемнялся нѣмецкимъ акцентомъ предсѣдателя, ошеломленные его грозными окриками, они какъ-то растерянно посматривали кругомъ, точно ища въ комъ-нибудь опоры, кланялись въ ноги, становились на колѣни, умоляли дать имъ защитника, за что опять-таки получали строгіе выговоры и бѣшеныя восклицанія: «я уже сказалъ вамъ, что у насъ нѣтъ защитника». Вообще это была какая-то пародія на гласное судопроизводство; глядя на нее, становилось больно обидно; жаль это молодое, хорошее учрежденіе, которому товарищъ прокурора Стельмаховичъ, своими пошлыми, циническими выходками ухитрился даже придавать какой-то балаганный характеръ. Женщинъ-свидѣтельницъ или подсудимыхъ онъ непремѣнно разспрашивалъ, съ кѣмъ онѣ въ связи, съ платой или безплатно, и все это съ такими сальными улыбочками, что въ заднихъ рядахъ публики раздавался неудержимый, неприличный хохотъ. Впрочемъ всю свою пошлость этотъ господинъ доказалъ и другимъ, болѣе наглядным способомъ. Въ Слободскомъ существуетъ примитивный обычай купаться на открытомъ воздухѣ: мужчины въ одномъ мѣстѣ, женщины въ другомъ — нѣсколько дальше отъ города и, хотя демаркаціонной линіей, раздѣляющей оба пункта, служать только полѣницы дровъ и плоты, но эта линія строго соблюдается. Стельмаховичъ, отправившись купаться, раздѣлся въ томъ мѣстѣ, которое назначено для мужчинъ, и au naturel отправился по берегу къ женскому отдѣленію; тамъ, конечно, произошло ужасное смятеніе: однѣ бросились въ глубь, другія принялись одѣваться; раздались крики, писк, вопли... Но неустрашимый герой всетаки подошелъ къ женщинамъ на нѣсколько шаговъ и только тогда уже бросился въ воду! (Мы видѣли сами эту сцену съ противуположнаго берега, куда отправились для прогулки).

XVIII.

Навозный гоноръ.

(*Изъ Сарапула*).

Городъ Сарапулъ заваленъ навозомъ въ такой степени, что даже привыкшіе къ зловонію провинціальные носы начинаютъ ощущать нѣкоторый избытокъ навознаго букета. Но сарапульскій муниципалитетъ не подаетъ ни гласу, ни послушанія. Наконецъ, полиція, послѣ неоднократныхъ напоминаній городской управѣ, нанимаетъ сама отъ себя арестантовъ для очистки городской площади и съ успѣхомъ производитъ эту операцію, напоминающую подвигъ Геркулеса въ авгіевыхъ конюшняхъ. Тутъ только муниципалитетъ проснулся и первымъ дѣломъ его было подать жалобу на исправника, который, дескать, не имѣлъ права избавлять площадь отъ навознаго украшенія. C'est très joli, c'est très joli... Comment vous portez-vous?!

XIX.

Дѣло о фальшивыхъ монетчикахъ.

(*Письмо изъ Вятки*).

Конецъ мѣсяца мая въ городѣ Вяткѣ бываетъ временемъ стеченія со всей губерніи богомольцевъ, по случаю однонедѣльнаго, съ 21-го по 28-е мая крестнаго хода изъ города въ одно село Орловскаго уѣзда, «на Великую рѣку», гдѣ явился, благоговѣйно чтимый мѣстнымъ населеніемъ, образъ Николая Чудотворца. Въ то же время

бываютъ и въ городѣ, и въ селѣ Великорѣцкомъ, и въ селахъ по пути въ послѣднее и обратно, ярмарки, на которыхъ крестьяне и покупаютъ много и продаютъ многое (холстъ, шкуры и пр.). Въ прошломъ году «въ великорѣцкую» появилось въ обращеніи чрезвычайно много двадцатикопеечной монеты; покупатели съ радостью ее брали, а купцы на нее не скупились. Но только что кончилась послѣдняя ярмарка въ городѣ, какъ прошелъ слухъ, а потомъ и всѣ убѣдились, что серебряная монета, въ очень большомъ количествѣ, была фальшивая. Раздраженіе, а также и паника, были необыкновенныя. Трудно было встрѣтить человѣка, у котораго бы не оказался хотя одинъ фальшивый двухгривенникъ. Крестьяне вообразили, что всѣ серебряныя деньги—фальшивыя и понесли рубли, полтинники и проч. въ казначейство, въ банки. 5-го іюня было арестовано нѣсколько лицъ, подозрѣваемыхъ въ поддѣлкѣ монеты, изъ которыхъ одинъ и сознался; произведены были обыски на мельницѣ, отстоящей отъ города верстахъ въ двухъ, принадлежавшей купцу Казанцеву, гдѣ и найдены были вещи, доказывавшія, что тутъ именно и производилась фабрикація. При дальнѣйшемъ дознаніи и слѣдствіи, дѣло совершенно уяснено и 29-го и 30-го апрѣля настоящаго года въ Вятскомъ окружномъ судѣ разбиралось «дѣло о лишенномъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ ярославскомъ мѣщанинѣ, Семенѣ Керзинѣ, вятскомъ купеческомъ сынѣ, Модестѣ Казанцевѣ, и вятскомъ мѣщанинѣ, Михаилѣ Кутергинѣ, обвиняемыхъ въ поддѣлкѣ серебряной монеты, крестьянинѣ Иванѣ Корчемкинѣ—въ переводѣ фальшивой монеты и крестьянинѣ Гавріилѣ Душкинѣ—въ недонесеніи о поддѣлкѣ монеты». Съ содержаніемъ этого дѣла мы и познакомимъ далѣе. Изъ подсудимыхъ одинъ — Керзинъ, 34 лѣтъ, въ молодости работалъ въ мастерской у московскаго мастера, извѣстнаго Овчинникова, но затѣмъ лѣтъ пять

былъ въ заключеніи; передъ освобожденіемъ онъ находился въ городѣ Вяткѣ, въ арестантскихъ ротахъ. Человѣкъ это весьма талантливый, рѣжетъ по металлу вполнѣ отчетливо; сидя уже въ тюрьмѣ, онъ, напримѣръ, вырѣзалъ на серебряной пластинкѣ кабинетный портретъ очень порядочно, хотя работа въ этомъ родѣ была у него первая. Казанцевъ, 27 лѣтъ, занимался въ городѣ приготовленіемъ мѣдныхъ издѣлій и въ послѣднее время — пожарныхъ машинъ. Кугергинъ, 26 лѣтъ, мастеръ серебряныхъ дѣлъ. Корчемкинъ, 33 лѣтъ, имѣетъ въ городѣ лавку съ съѣстными припасами и состоялъ членомъ вятской уѣздной земской управы. Душкинъ, 42 лѣтъ, рабочій. На судѣ Керзинъ и Казанцевъ въ преступленіи сознались; прочіе отрицали свою виновность. Казанцевъ говорилъ, что теперь онъ самъ себя презираетъ. Дѣтство говорилъ онъ, провелъ въ трудѣ. Въ 1872 году, имѣлъ дѣло съ губернскою земскою управою, для которой работалъ пожарныя машины (для отсылки по волостямъ, въ разные уѣзды), подрядъ былъ на сумму 15,000 р. Прибыли на тотъ разъ не получилъ, но надѣялся на полученіе новаго подряда. Но послѣдняго не случилось: машины стали приготовлять при земскомъ техническомъ училищѣ. Финансовыя обстоятельства и тогда были дурны, а въ 1875 г. дѣла Казанцева были совершенно разстроены. Разъ заѣхалъ къ нему на мельницу Керзинъ и распрашивалъ о машинѣ, которую онъ видѣлъ раньше на мельницѣ Сталъ при этомъ говорить, что можно поправить дѣла и нажить состояніе, если работать монету—для машины онъ приготовилъ бы штампъ. Но Казанцевъ и слушать его не сталъ, уѣхалъ съ мельницы. Слѣдующее посѣщеніе Керзина для него уже было пріятно. Затѣмъ пріѣхавъ вновь, Керзинъ привезъ съ собою готовый штампъ и пачку понсоновъ; но Казанцевъ еще не рѣшался на рискованное дѣло. Когда же Керзинъ пріѣхалъ еще разъ и

привезъ новую пару штамповъ, то Казанцевъ пригналъ къ машинѣ одну пару штамповъ, попробовалъ, что выйдетъ; опытъ былъ удаченъ. А потомъ онъ уже и давай работать. Пустивъ въ обращеніе тысячи на двѣ рублей фальшивой монеты, Казанцевъ уѣхалъ въ Казань; по возвращеніи оттуда, онъ на мельницѣ былъ только два раза. Разъ Керзинъ сталъ просить у него денегъ, а ихъ у Казанцева не было — «что-жъ? тотъ говоритъ: «мы только напачкали здѣсь, въ Вяткѣ!» Въ поддѣлкѣ и переводѣ монеты, по сознанію Казанцева, никто кромѣ Керзина и Корчемкина, не участвовалъ. Керзинъ защитника не пожелалъ имѣть, надѣясь на помощь «свыше», какъ объяснилъ суду. Признаніе свое онъ началъ обращеніемъ къ иконѣ Божіей матери; но предсѣдатель суда его остановилъ; тогда Керзинъ сталъ говорить, что Казанцевъ все вретъ. Когда Керзинъ былъ еще въ ротахъ, онъ познакомился съ серебряникомъ Кутергинымъ. Послѣднему хотѣлось взять Керзина къ себѣ въ мастерскую, и онъ уговаривалъ его, по выходѣ изъ ротъ, остаться въ Вяткѣ. Бывая у Керзина, Кутергинъ давалъ ему работу на дер вѣ отъ Казанцева и затѣмъ, вмѣстѣ съ послѣднимъ, предлагалъ хлопотать о возвращеніи Керзина въ Ярославль. По освобожденіи, Кутергинъ водилъ нѣсколько разъ Керзина на дачу—мельницу Казанцева. Разъ сидѣли они тамъ; на столѣ стоялъ самоваръ, полуштофъ водки и шкатулка, въ которую клались деньги, получаемыя за помолъ. Въ это время приходитъ мельникъ и приноситъ нѣсколько серебряныхъ монетъ. Когда мельникъ вышелъ, Казанцевъ, повертывая въ рукахъ монеты, сказалъ: «вотъ мы сошлись—граверъ, машинистъ и серебряникъ; намъ легко было бы дѣлать такую же монету». Но Керзинъ сталъ говорить о томъ, какъ было ему тяжело пятилѣтнее лишеніе свободы. Возвращаясь въ городъ, они толковали, что какъ много въ обществѣ людей наживается не честнымъ тру-

домъ. Прошло нѣсколько недѣль; къ Керзину стали приставать то Кутергинъ, то Казанцевъ, чтобы Керзинъ вырѣзалъ штампъ. Керзинъ говорилъ объ опасности, но Казанцевъ утверждалъ, что онъ человѣкъ опытный. Вообще, на судѣ, болѣе чѣмъ въ часовой рѣчи, Керзинъ изобразилъ подробно, какъ его, будто бы, склоняли къ преступленію. Наконецъ, послѣ рождества, вечеромъ, когда Керзинъ былъ опять на мельницѣ, Казанцевъ сталъ его усиленно уговаривать. «Денегъ тебѣ», говорилъ онъ, «дать нельзя, а я-де положу въ банкъ тысячъ пять,—ты и живи процентами». Послѣ сталъ стращать и, наконецъ, насильно заставилъ работать. Дѣлать нечего—Керзинъ и работалъ. Казанцевъ все время былъ въ комнатѣ, даже и спалъ вмѣстѣ съ Керзинымъ. Около новаго года, Керзинъ окончилъ первую пару штамповъ. Уставили машину; силы въ ней сначала было мало; по впослѣдствіи, вѣроятно, была придѣлана шестерня. Черезъ нѣсколько времени, когда Керзинъ былъ уже въ городѣ, Казанцевъ ему сказалъ: зачѣмъ онъ унесъ штампъ? Тому стало обидно. Передъ масляницею Керзинъ опять отправился на мельницу и началъ дѣлать новые штампы. Вырѣжетъ пару, а Казанцевъ обдѣлаетъ, закоптитъ и скажетъ, что они лопнули, негодны; почему, одна за другой, Керзинъ вырѣзалъ пять паръ штамповъ. На второй недѣлѣ поста Керзинъ увидѣлъ въ первый разъ семигривенный и сильно взволновался. Отправился на мельницу, захватилъ одинъ штампъ и бросилъ въ колодезь Съ Кутергинымъ у него произошла размолвка, и Керзинъ работалъ на особой квартирѣ. Въ началѣ іюня онъ ѣздилъ въ Слободской и, когда оттуда возвратился, то былъ арестованъ полиціймейстеромъ. Послѣдній угостилъ его, и Керзинъ разсказалъ все и указалъ на мельницѣ на нѣкоторыя вещи, относившіяся къ фабрикаціи. Фальшивая монета была приготовлена хорошо, и никто не подозрѣвалъ присутствія

ея въ числѣ настоящей; впрочемъ, разъ полиціймейстеръ усомнился въ качествѣ нѣсколькихъ монетъ и отправилъ ихъ въ государственный банкъ; но дир кторъ его удостовѣрилъ, что это деньги настоящія и сомнѣніе возбуждается ихъ низкопробностью. Но когда фальшивая монета появилась массами, то трудно было ее не разглядѣть. На судѣ открытіе монетчиковъ объяснилось слѣдующимъ обстоятельствомъ. Къ одному еврею, Любельскому, занимающемуся мелкою торговлею и ссужающему деньги подъ залогъ, зашелъ, 4-го іюня, крестьянинъ Душкинъ выкупить свои брюки. Деньги Душкинъ отдавалъ фальшивыя, которыя Любельскій уже узналъ наканунѣ, какъ отличать отъ настоящихъ. Въ разговорѣ Душкинъ, между прочимъ, упомянулъ, что можно легко пріобрѣсти деньги по полтинѣ за рубль: стоитъ обратиться только къ Керзину или Кутергину; впрочемъ, лучше всего заказать машину, только полегче, и, когда понадобится, работать рубль, два. Еврей Любельскій состоитъ подъ надзоромъ полиціи; ему было выгодно зарекомендовать себя передъ начальствомъ; онъ явился къ полиціймейстеру и объявилъ о томъ, что слышалъ. Полиціймейстеръ послалъ съ Любельскимъ полицейскаго. Послѣдній былъ спрятанъ въ комнатѣ на постелѣ, а Душкинъ изъ кабака зашелъ опять къ Любельскому, чтобъ вновь заложить свои брюки. Еврей сталъ дѣлать предложеніе, чтобъ тотъ досталъ ему денегъ фальшивыхъ; но Душкинъ объяснилъ, что ему, какъ отъявленному пьяницѣ, никто ничего не повѣритъ: «когда де я запью, то и въ мастерскую-то меня не пускаютъ; а ты самъ доставай, какъ знаешь.» Послѣ того Любельскій отправился къ Керзину и просилъ его вырѣзать фальшивую печать. Когда тотъ согласился, то онъ изъявилъ желаніе купить фальшивыхъ денегъ рублей на тридцать. Затѣмъ и пошли аресты. Казанцева въ то время не было въ Вяткѣ; онъ возвращался на пароходѣ изъ Ка-

зани. Чтобъ предупредить его, мать его попросила своего одного знакомаго, служащаго въ уѣздной земской управѣ, Чистякова, выѣхать на встрѣчу Казанцеву въ Орловъ и отдать письмо. Чистяковъ согласился и, чтобъ не тратить своихъ денегъ, взялъ земскій билетъ за подписью одного члена, Корчемкина, и безъ нумера, и отправился въ городъ Орловъ. По приходѣ туда парохода, онъ передалъ Казанцеву порученіе матери; Казанцевъ тогда имѣлъ съ собою нѣсколько фальшивыхъ монетъ; узнавъ объ обыскахъ, онъ эти монеты выбросилъ изъ каюты въ воду. Деньги попали на мелкое мѣсто, и ихъ послѣ замѣтили, начали собирать; но полиція отобрала, что было найдено. Изъ Орлова, если ѣхать въ Вятку на лошадяхъ, то можно пріѣхать прежде прибытія парохода. Такой путь Казанцевъ и избралъ. Въ Вяткѣ онъ одѣлся въ женское платье и отправился по кукарскому коммерческому тракту. Чтобъ еще болѣе замаскировать такое путешествіе, его провожали до первой станціи сестры и Чистяковъ. Узнавъ о всемъ этомъ, полиціймейстеръ послалъ въ догонку за Казанцевымъ частнаго пристава. Верстахъ въ двухстахъ отъ Вятки, на постояломъ дворѣ, частный приставъ нашелъ Казанцева спящимъ и заарестовалъ. На члена управы, Корчемкина, Казанцевъ указалъ, какъ на лице, посредствомъ котораго онъ сбывалъ фальшивую монету (не менѣе 1,200 р.) въ обращеніе. «Къ нему, говорилъ Казанцевъ, самъ приносилъ въ лавку или же онъ приходилъ въ одинъ домъ». Ранѣе Казанцевъ былъ долженъ Корчемкину рублей двѣсти по векселю; съ этого, вѣроятно, и началось ихъ знакомство. Наконецъ, относительно Кутергина, серебряныхъ дѣлъ мастера, на предварительномъ слѣдствіи показывалось и Казанцевымъ, и Керзинымъ, что онъ тоже участвовалъ въ поддѣлкѣ монеты—серебрилъ мѣдные листы и даже самъ дѣлалъ, но затѣмъ отъ обвиненія Кутергина въ соучастіи Казанцевъ сталъ отказы-

ваться и на судѣ говорилъ, что онъ показывалъ на него лишь вслѣдствіе досады, думая, что онъ былъ открыватель. Свидѣтелей по этому дѣлу было вызвано до 45 человѣкъ. Но эти свидѣтели ничего существеннаго, относящагося собственно къ поддѣлкѣ монеты, не могли показать. Очевидно дѣло было ведено такъ, что, вѣроятно, еслибъ не ссора между соучастниками въ преступленіи, и, затѣмъ, не собственныя признанія виновныхъ, то они долго не были бы открыты, и подробности фабрикаціи остались бы неизвѣстными. По указаніямъ же Казанцева, найдены въ разныхъ мѣстахъ штампы, понсоны, латунные и посеребренные листы и пр. Вещественныхъ доказательствъ предоставлено было на судъ очень много, между прочимъ и штампы. По требованію суда, Казанцевъ показалъ, какъ производилась выдѣлка монеты. Устройство было не сложное, но вполнѣ удобное, и, по словамъ Казанцева, если не работать подъ страхомъ, то можно приготовлять по 50 монетъ въ часъ. Латунь серебрилась прежде штамповки; только по вырѣзкѣ серебрились еще края. Для дальнѣйшихъ работъ употреблялась польская латунь, которую даже и серебрить не нужно. Суду нужно было выяснить, кто, именно, серебрилъ листы—самъ ли Казанцевъ или Кутергинъ, который по этому обстоятельству и могъ быть только виновнымъ въ соучастіи. Казанцевъ опредѣленно заявилъ, что серебрилъ онъ самъ, и познакомился съ этимъ дѣломъ сначала изъ химіи, а потомъ на практикѣ; причемъ передалъ и способъ самаго серебренія. Экспертъ на судѣ, разсмотрѣвъ принадлежности серебренія, высказалъ мнѣніе, что, какъ можно догадываться по употреблявшимся пріемамъ, мастеръ не обладалъ достаточнымъ знаніемъ дѣла; именно, серебреніе производилось въ кастрюлкѣ при помощи цинка, — способъ это старый, убыточный. По имѣющимся на судѣ ситечкамъ можно заключить, что мастеръ пробовалъ серебрить и по болѣе

совершенному способу, но не съумѣлъ и возвратился къ цинку Такое показаніе, очевидно, значительно снимало подозрѣніе съ Кутергина въ серебреніи монеты, а затѣмъ никто изъ свидѣтелей ничего не говорилъ въ пользу обвиненія его. На судъ были представлены еще записки Кутергина, писанныя въ тюрьмѣ и переданныя черезъ арестантовъ Казанцеву и другимъ. Въ одной изъ записокъ говорилось: «пусть Керзинъ сознается слѣдователю, что онъ насъ совершенно напрасно опуталъ»; въ другой—«онъ съ насъ съ троихъ получитъ 300 руб.»; въ третьей—«мы, кажется, Керзину отдадимъ до окружнаго суда; сами адвоката наймемъ, и я стараться стану». Письма эти Кутергинъ призналъ своими, но говоритъ, что содержаніе въ нихъ не то, что онъ писалъ; потому что они были переданы полиціймейстеру, слова въ нихъ подправлялись и перечеркивались. Относительно члена управы Корчемкина, кромѣ увѣренія самого Казанцева, тоже уликъ серьезныхъ почти не было. Приводились случаи, что онъ уплачивалъ нѣкоторымъ лицамъ вмѣстѣ съ прочими монетами и билетами, серебромъ, и серебро это или возвращалось ему, или самъ онъ просилъ обратно черезъ нѣсколько дней; но все это объяснялось торговыми обстоятельствами. При обыскахъ ничего не было найдено. Правда, обыски въ домѣ и лавкѣ Корчемкина были тогда уже, когда дѣло получило большую огласку. Впрочемъ, еслибъ фальшивыя деньги и оказались, то это тогда было бы не удивительно, какъ замѣчалъ защитникъ. У одного, напримѣръ, изъ свидѣтелей, привлеченныхъ къ слѣдствію, оказалось на 12 р. фальшивыхъ двухгривенныхъ. Полицейскими мѣрами всего забрано было болѣе 400 монетъ. Насколько было трудно различать настоящія монеты отъ фальшивыхъ, показываетъ то обстоятельство, что въ канцелярію по кредитной части были отправлены съ фальшивыми монетами болѣе 70 монетъ настоящихъ. По окончаніи су-

дебнаго слѣдствія, защитникъ Казанцева главнымъ образомъ старался доказать, что его кліентъ былъ открывателемъ по этому дѣлу, что онъ именно и указалъ на весь процессъ производства монеты. Сознавъ преступность своего дѣла, онъ, дѣйствительно, прекратилъ дальнѣйшую работу монеты и рѣшился приняться за честный трудъ. Преступленіе его не послужило большимъ несчастіемъ для какихъ либо отдѣльныхъ лицъ. Вообще, въ энергичной рѣчи защитникъ просилъ присяжныхъ засѣдателей—если не вполнѣ оправдать Казанцева, то оказать снисхожденіе въ виду обстоятельствъ дѣла. Самъ Казанцевъ говорилъ, что его заставила крайность: всѣ дѣла онъ велъ на имя матери; за долги, которые онъ надѣлалъ, была бы посажена въ тюрьму его мать, а она ничего даже не знала объ этихъ долгахъ. Онъ былъ готовъ рѣшиться на все, чтобъ только не заставить мать страдать изъ-за него, и вотъ, подъ вліяніемъ этихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, онъ совершилъ преступленіе. Керзинъ же утверждалъ, что онъ первый сознался и все показалъ. «Я положился на волю Божію и на васъ», прибавилъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ. Защитникъ Кутергина указывалъ на отсутствіе уликъ,—говорилъ, что все обвиненіе основывается на словахъ одного глупаго, глухаго служителя, отъ котораго на судѣ нельзя было добиться никакого толковаго показанія; на предварительномъ же слѣдствіи показанія этого свидѣтеля были пріукрашены слѣдователемъ. «На такихъ-то предположеніяхъ нельзя обвинять, и я увѣренъ», сказалъ защитникъ присяжнымъ, «что вы вынесете оправданіе. Это будетъ истина и торжество нашей правды». Керзинъ говорилъ, что онъ самъ предупреждалъ полицію еще до своего ареста. «Явите божескую милость—у меня трое дѣтей», заключилъ онъ. Душкинъ сказалъ: «На пьянаго человѣка все еврей Любельскій насказалъ. Я ничего не знаю. Еврей говоритъ

изъ собственной выгоды». Присяжные засѣдатели (4 крестьянина, 4 мѣщанина и 4 чиновника) Казанцева въ поддѣлкѣ фальшивой серебряной монеты двадцати-копеечнаго достоинства признали виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія. Керзина—тоже виновнымъ въ томъ, что онъ дѣлалъ штампъ для поддѣлки монеты. Корчемкина признали виновнымъ только въ томъ, что онъ, получивъ монету случайно, сбывалъ ее, завѣдомо зная, что она фальшивая. Кутергинъ и Душкинъ были оправданы. Судъ приговорилъ Казанцева и Керзина, лишивъ правъ состоянія, сослать на каторжныя работы при заводахъ на 4 года, Корчемкина же—на шесть мѣсяцевъ тюрьму. Приговоръ присяжныхъ и суда публикѣ показался весьма милостивымъ.

XX.

III-й съѣздъ земскихъ врачей Вятской губерніи.

(*Письмо изъ Вятки*).

У насъ кончился, въ началѣ іюля, третій съѣздъ земскихъ врачей. Сообщаю наиболѣе выдающіеся и существенные факты его дѣятельности.

Къ вопросу объ эпидеміяхъ съѣздъ отнесся съ особеннымъ вниманіемъ. Прошлою зимою молва доносила извѣстія о сильной смертности отъ оспы въ разныхъ мѣстахъ губерніи; но о дѣйствительныхъ размѣрахъ эпидеміи до самаго съѣзда не было никакихъ извѣстій. На съѣздѣ же членомъ губернскаго статистическаго комитета, священникомъ Н. Н. Блиновымъ, было прочитано изслѣдованіе о смертности отъ оспы, кори и скарлатины въ Вятской губерніи въ 1875 году, произведенное имъ на основаніи данныхъ, заключающихся въ метри-

ческихъ книгахъ по каждому приходу губерніи въ отдѣльности. По указанію г. Блинова, изъ 2,224.835 человѣкъ обоего пола (всего населенія губерніи), умерло 99,437 человѣкъ, т. е., 1 изъ 22-хъ человѣкъ населенія *). Отъ однихъ острыхъ сыпей—оспы, кори и скарлатины—умерло *16,962* человѣка и изъ этого числа отъ одной оспы *12,760 человѣкъ* **). Смертность отъ оспы по губерніи распредѣлялась далеко неравномѣрно: всего болѣе пострадали сѣверозападные уѣзды—Орловскій и Котельническій, изъ которыхъ въ Орловскомъ умерло 3,391, въ Котельническомъ—3,380. Въ первомъ одинъ умершій отъ оспы приходился на 58 жителей и на 2, умершихъ вообще, во второмъ—на 70 жителей и на 3,9 умершихъ. Такимъ образомъ, только въ этихъ двухъ уѣздахъ умерло отъ оспы 6,771 человѣкъ. Въ 17 приходахъ губерніи вымерла отъ оспы $^1/_{38}$-я населенія, въ одномъ же изъ нихъ даже $^1/_{20}$-я часть населенія. Въ 18-ти приходахъ смертность отъ оспы была 1 изъ 40—60 населенія; изъ всѣхъ же 493-хъ приходовъ губерніи не было смертныхъ случаевъ отъ оспы лишь въ 96, т. е., на 4 прихода со смертностью отъ оспы приходится лишь 1, гдѣ ея не было.

Замѣчательна при этомъ разница, существующая между цифрами, добытыми г. Блиновымъ изъ метрикъ, и цифрами, полученными офиціально изъ уѣздныхъ комитетовъ общественнаго здравія. Въ то время, какъ, по изслѣдованіямъ г. Блинова, въ губерніи умерло отъ оспы болѣе 12 000, по офиціальнымъ даннымъ было только «*216 случаевъ отъ оспы*», т. е. *въ 60 разъ менѣе дѣйствительнаго числа*!

Еслибъ оспа не была такимъ характернымъ заболѣ-

*) Въ Россіи вообще умираетъ 1 изъ 27 ми, въ Вятской губерніи, въ пятилѣтіе 1853— 863 годовъ—1 изъ 24-хъ, въ пятилѣтіе 1869—1873 годовъ—4 изъ 25 ти.

**) Изслѣдованіе г. Блинова относится лишь къ православному населенію губерніи, составляющему $^{14}/_{15}$ всего населенія.

ваніемъ, въ распознаваніи котораго трудно ошибиться нетолько лицу духовному, но и крестьянину, и еслибъ авторомъ изслѣдованія былъ не человѣкъ, зарекомендовавшій себя ранѣе статистическими работами и бывшій членомъ международнаго статистическаго конгресса въ 1872 году; съ другой стороны, еслибъ способы доставленія оффиціально медицинскихъ свѣдѣній относительно болѣзней въ сельскомъ населеніи имѣли хоть какой-нибудь кредитъ, еслибъ впродолженіи всей зимы и прошлой весны не доходили вопли объ оспѣ изъ пораженныхъ ею мѣстностей, трудно было-бы повѣрить той ужасающей картинѣ, какую рисуютъ приложенныя цифры. Замѣчательно, что во время свирѣпствованія оспы не было никакихъ попытокъ ни съ чьей стороны (если не считать, впрочемъ, попытокъ общества врачей города Вятки развести оспенную лимфу, окончившихся ничѣмъ) ни разслѣдовать точно размѣры эпидеміи, ни принять соотвѣтствующія мѣры противодѣйствія ея распространенію. Классическое «все обстоитъ благополучно» имѣло полную силу. Напримѣръ, какъ передаютъ, когда губернаторъ, вслѣдствіе жалобы на непринятіе никакихъ мѣръ уѣздною вятскою земскою управою противъ оспы, свирѣпствовавшей въ Вятскомъ уѣздѣ, сдѣлалъ запросъ земству, управа отвѣтила, что *оспа была, но прекратилась*, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ эпидемія была въ полномъ разгарѣ.

Такъ какъ для изслѣдованія былъ взятъ одинъ только 1875 годъ, то и осталось нерѣшеннымъ: эпидемія нынѣшняго года была ли только продолженіемъ эпидеміи предыдущаго года, или же она съ тою же, если не большею силой свирѣпствуетъ и въ нынѣшнемъ году? Относительно нѣкоторыхъ приходовъ Яранскаго уѣзда извѣстно, что въ первые два мѣсяца 1876 года смертность отъ оспы равняется, а иногда и превышаетъ смертность за весь 1875 годъ. Это даетъ печальный отвѣтъ на поставленный выше вопросъ.

Сопоставленіе чиселъ умершихъ отъ оспы по мѣсяцамъ и по приходамъ показало, что оспа постепенно усиливалась и распространялась вначалѣ медленно, затѣмъ сильнѣе по направленію отъ границъ Костромской и Вологодской губерній во внутрь губерніи, задерживаясь мѣстами въ своемъ ходѣ на нѣкоторое время пустыми лѣсистыми мѣстностями. Сообщеніе г. Блинова сопровождалось демонстрированіемъ картъ и графическихъ изображеній, поясняющихъ его выводы.

Работы г. Блинова дали наглядное доказательство, какъ опасно взваливать все медицинское дѣло на однихъ участковыхъ врачей-терапевтовъ, въ обязанности которыхъ, при громадности районовъ, входитъ и завѣдываніе больницами, и пріемъ амбулаторныхъ больныхъ (число которыхъ у иныхъ врачей доходитъ до 10,000 человѣкъ въ годъ), и судебно-медицинскія вскрытія, и освидѣтельствованія, и поданіе помощи внезапно заболѣвшимъ въ участкѣ, и организація акушерской помощи, и наблюденіе за дѣятельностью фельдшеровъ, и медико-статистическія изслѣдованія, и надзоръ за оспопрививателями, и мѣры противъ распространенія эпидемій... Почтенный авторъ практически и вѣско доказалъ настоятельную необходимость выдѣлить изъ массы обязанностей врача обязанности по отношенію къ эпидеміямъ и собиранію медико-статистическихъ свѣдѣній, возложивъ ихъ на особыхъ эпидемическихъ врачей.

Кромѣ оспы, по сообщеніямъ врачей на съѣздѣ, въ уѣздахъ свирѣпствовали брюшной и сыпной тифы, поносы и отравленіе спорыньей. Тифы такъ же, какъ и сифилисъ, по преимуществу заносятся изъ мѣстностей, куда населеніе ходитъ на отхожіе промыслы.

Ко всѣмъ этимъ фактамъ III й съѣздъ отнесся съ должною серьезностью и, по примѣру двухъ предыдущихъ, продолжалъ разработку организационныхъ вопросовъ санитарнаго направленія. Главными мѣрами, пред-

ложенными первыми двумя съѣздами, отдававшими въ земской медицинѣ должное преимущество предупредительному направленію предъ чисто врачебнымъ, были: 1) разработка медико-статистики и топографіи губерніи, 2) учрежденіе должностей эпидемическихъ врачей въ уѣздахъ, на обязанности которыхъ лежалъ бы надзоръ за оспопрививаніемъ, разслѣдованіе причинъ эпидемій и способовъ противодѣйствія ихъ распространенію, а также и общія медико-статистическія изслѣдованія уѣздовъ, 3) учрежденіе уѣздныхъ земскихъ медицинскихъ совѣтовъ изъ врачей и представителей земства, которые завѣдывали бы всѣми дѣлами, относящимися до земскаго медицинскаго дѣла въ уѣздѣ и 4) учрежденіе губернской санитарной коммиссіи, въ составъ которой входятъ: губернскій врачебный инспекторъ, врачи губернской больницы, губернскій санитарный врачъ, предсѣдатель и члены губернской земской управы.

Уже до перваго съѣзда врачей, по почину и предложенію губернской управы и нѣкоторыхъ гласныхъ, губернскимъ собраніемъ очередной сессіи 1873 года была учреждена должность губернскаго санитарнаго врача. По случайному недоразумѣнію, эта должность въ 1874 году была закрыта, что вызвало ходатайство предъ земствомъ втораго съѣзда врачей въ 1875 году вновь учредить эту должность, что и было сдѣлано губернскимъ собраніемъ въ томъ же году послѣ всесторонняго обсужденія вопроса, совмѣстно съ врачами, о преимуществахъ предупредительнаго направленія предъ лѣчебнымъ.

Однимъ изъ практически важныхъ рѣшеній съѣзда, относящихся до систематическаго собиранія и обработки свѣдѣній по эпидеміямъ не только за прошлое, но и за текущее время, въ виду необходимости знать силу эпидемій въ губерніи въ данное время для принятія соотвѣтствующихъ мѣръ, является рѣшеніе съѣзда собирать помѣсячно свѣдѣнія о числѣ заболѣваній и смертныхъ

случаевъ отъ эпидимическихъ болѣзней въ видѣ ежемѣсячныхъ вѣдомостей, которыя уѣздными медицинскими совѣтами доставлялись бы въ губернскую санитарную коммисію. Протоколы санитарной коммисіи, съ этими свѣдѣніями, должны печататися и разсылаться по уѣздамъ, чѣмъ доставится возможность каждому уѣздномедицинскому совѣту знакомиться своевременно съ силою эпидемій въ разныхъ мѣстахъ губерніи и съ направленіемъ ихъ распространенія и принимать предупредительныя мѣры отъ вторженія ихъ. Сверхъ того, съѣздъ призналь необходимымъ ходатайствовать, чрезъ губернскую санитарную коммисію, предъ медицинскимъ департаментомъ, чтобъ онъ, съ своей стороны, исходатайствовалъ, чрезъ кого слѣдуетъ, дабы духовенство доставляло въ губернскій статистическій комитетъ, подобно тому, какъ это дѣлается относительно движенія народонаселенія, свѣдѣнія по третямъ года (съ раздѣленіемъ на мѣсяцы) о числѣ смертныхъ случаевъ отъ характернѣйшихъ эпидемическихъ болѣзней—оспы, кори и скарлатины (послѣднія двѣ формы въ общей рубрикѣ) и поносовъ, что дало бы возможность губернской санитарной коммисіи безъ труда знакомиться съ силою смертности отъ этихъ болѣзней за данное время.

Отдавая, такимъ образомъ, преимущество предупредительному направленію предъ собственно врачебнымъ и признавая необходимость организаціи эпидемическихъ врачей, съѣздъ, съ этой же точки зрѣнія, отнесся и къ фельдшерскому образованію. Съѣздъ проводилъ мысль, что фельдшеръ долженъ быть помощникомъ врача при больницѣ (такимъ помощникомъ при обыкновенно маленькихъ земскихъ больничкахъ можетъ быть всякій смышленый грамотный служитель); земскій фельдшеръ, главнымъ образомъ, долженъ имѣть значеніе санитарнаго агента съ надлежащею подготовкою по гигіенѣ, значеніе проводника здравыхъ гигіеническихъ понятій въ

массу населенія. По мысли съѣзда, такіе фельдшера, подчиненные эпидемическимъ врачамъ, составили бы персоналъ, на которомъ лежала бы обязанность исполнять распоряженія врача, сознательно относясь къ нимъ при появленіи той или другой эпидеміи. Такіе фельдшера должны быть ознакомлены съ статистическими и медико-топографическими методами изслѣдованія, въ ихъ простѣйшей формѣ. Вообще же съѣздъ положилъ необходимымъ, чтобъ фельдшера, по ознакомленіи съ анатоміей, физіологіей, физикой и химіей впродолженіи первыхъ двухъ лѣтъ трехгодичнаго курса, знакомились также изъ собственно медицинскихъ предметовъ по преимуществу съ хирургіей, эпидемологіей и гигіеной. Съѣздъ призналъ необходимымъ посылать фельдшеровъ, по окончаніи курса, на лѣтніе мѣсяцы къ какому-нибудь изъ участковыхъ или эпидемическихъ врачей для медико-статистической и эпидемической практики, причемъ выборъ такого врача производится самимъ съѣздомъ.

Неудовлетворительность существующихъ фельдшеровъ, легкость полученія фельдшерскаго званія при врачебномъ отдѣленіи и необходимость болѣе широкаго контроля со стороны самихъ врачей за фельдшерскимъ образованіемъ при губернской больницѣ, гдѣ оно сосредоточено въ настоящее время, были причиною того, что съѣздъ рѣшилъ ходатайствовать, чтобъ экзамены, какъ учениковъ фельдшерскихъ курсовъ, такъ и учениковъ, обучавшихся при участковыхъ больницахъ, производились во время съѣзда врачей, въ присутствіи губернскаго врачебнаго инспектора и представителей отъ земства. При такого рода условіяхъ и были произведены экзамены окончившимъ курсъ ученикамъ и ученицамъ во время прошлаго же съѣзда.

Вопросы о сифилисѣ и дѣтскихъ лѣтнихъ поносахъ были также предметомъ оживленныхъ обсужденій. Относительно сифилиса съѣздъ, основываясь на изслѣдо-

ваніи доктора Красовскаго и по его предложенію, рекомендовалъ врачамъ склонять населеніе къ составленію приговоровъ на волостныхъ сходахъ объ обязательномъ освидѣтельствованіи всѣхъ возвращающихся съ отхожихъ промысловъ; причемъ, для освидѣтельствованія женщинъ и вообще въ помощь врачамъ въ борьбѣ съ сифилисомъ, рекомендовалъ земствамъ приглашать акушерокъ, изучавшихъ сифилисъ при калинкинской больницѣ, и, въ видахъ болѣе успѣшнаго привлеченія ихъ на службу вятскаго земства, просилъ земства, назначать имъ вознагражденіе больше, чѣмъ простымъ акушеркамъ.

Изслѣдованіе доктора Красовскаго указываетъ на весьма интересный фактъ, что смертность отъ поносовъ въ различныхъ деревняхъ, не смотря на одинаковость питанія и ухода, весьма неодинакова: въ то время, какъ въ однѣхъ деревняхъ она достигаетъ 70 проц., въ другихъ не превышаетъ 30 проц. относительно всѣхъ умершихъ. Соглашаясь съ г. Красовскимъ, что поносы въ этомъ случаѣ не зависятъ исключительно отъ дурныхъ условій питанія и ухода съѣздъ призналъ необходимымъ обратиться къ сравнительному изслѣдованію чисто мѣстныхъ условій деревень, населеніе которыхъ неодинаково страдаетъ отъ названной болѣзни.

Въ ветеринарной секціи третьяго съѣзда врачей Вятской губерніи были сообщенія о повальныхъ болѣзняхъ домашнихъ животныхъ, представлявшія самый живой интересъ. Болѣе интереса представляли данныя относительно чумы рогатаго скота за 1875 годъ. Изъ 11-ти уѣздовъ губерніи, чума была въ этомъ году въ пяти уѣздахъ: Сарапульскомъ, Малмыжскомъ, Елабужскомъ, Глазовскомъ и Слободскомъ. Въ этихъ уѣздахъ пало крупнаго рогатаго скота 6,054 головы; причемъ потери, по отношенію къ количеству бывшаго до падежа здороваго скота въ селеніяхъ, гдѣ былъ падежъ, составляютъ 37 проц. Всего болѣе пострадали Малмыжскій, и

Сарапульскій уѣзды. Въ Малмыжскомъ пало 3,137 головъ, въ Сарапульскомъ—1,629.

Чумная эпизоотія распространилась отъ юговосточныхъ границъ губерніи. Изъ весьма интересныхъ сообщеній гг. ветеринаровъ Кучминскаго и Могилевскаго видно, что чума заносится въ юговосточную часть губерніи чрезъ провозъ кожъ изъ Сибири или Пермской губерніи по сибирскому тракту и затѣмъ уже распространяется въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи вслѣдствіе несоблюденія населеніемъ ветеринарно-полицейскихъ мѣръ.

О какихъ-либо настойчивыхъ, систематически проводимыхъ мѣрахъ къ предупрежденію и пресѣченію чумныхъ эпизоотій, или объ экстренныхъ мѣрахъ, въ родѣ убиванія зачумленныхъ и подозрительныхъ животныхъ здѣсь пока нѣтъ и рѣчи. Правда, губернскимъ земствомъ разработывался проектъ страхованія скота; но, какъ мы слышали, разработка его не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ.

Кромѣ чумы, въ большей части уѣздовъ была сибирская язва, хотя и далеко не въ такихъ размѣрахъ, какъ чума.

Отъ этой болѣзни пало въ губерніи 113 лошадей и 450 коровъ; изъ этого числа на уѣзды Вятскій, Слободской и Котельническій приходится 103 лошади и 344 коровы.

Такимъ образомъ, если принять среднюю стоимость лошади въ 50 р., а коровы въ 25 р., то убытки отъ чумы и сибирской язвы за 1875 годъ будутъ простираться до 179,500 р., изъ которыхъ 162,600 р. приходится на одну чуму.

Можетъ показаться страннымъ, что въ Вятской губерніи, гдѣ, кромѣ двухъ правительственныхъ ветеринаровъ, имѣется еще 11 земскихъ, чума производитъ такія опустошенія. Но дѣло въ томъ, что спеціалисты

тутъ едва ли что могутъ сдѣлать, такъ какъ при борьбѣ съ чумою все дѣло заключается въ точномъ исполненіи установленныхъ закономъ ветеринарно-полицейскихъ мѣръ, что возможно было-бы при достаточности и развитости населенія, при энергіи и другихъ нравственныхъ качествахъ со стороны прикосновенныхъ къ дѣлу властей, при полной ясности законоположеній относительно предохранительныхъ мѣръ противъ чумы, при существованіи чувства законности и при отсутствіи безнаказанности въ дѣлѣ сознательнаго распространенія чумы у гуртовщиковъ, кожевниковъ и т. п., промышляющихъ скотомъ лицъ, т. е. при такихъ условіяхъ, какія, повидимому, не существуютъ даже по отношенію къ около столичнымъ мѣстностямъ, такъ какъ, судя по газетнымъ извѣстіямъ, появленіе чумной эпизоотіи даетъ себя весьма сильно чувствовать даже Петербургу съ его окрестностями—столицѣ, которая, по своему положенію, должна стоять въ несравненно лучшихъ условіяхъ и относительно нравственныхъ качествъ властей, и относительно обилія спеціалистовъ, и относительно степени посягательствъ со стороны скотопромышленниковъ, чѣмъ какая-нибудь Вятская губернія, заброшенная въ сѣверо-восточный уголъ Россіи.

Въ заключеніе, считаемъ нужнымъ отмѣтить тотъ фактъ, что въ послѣднее время все болѣе и болѣе устанавливается солидарность между представителями вятскаго земства и медицины, и если можно указать на нѣкоторый разладъ въ прошломъ, то, при внимательномъ отношеніи къ дѣлу, онъ окажется скорѣе результатомъ недостаточной ясности для представителей земства наиболѣе существенныхъ сторонъ земско-медицинскихъ вопросовъ *). На послѣднемъ съѣздѣ врачей участвовали

*) Едва ли... Слишкомъ деликатно сказано: если тутъ была какая нибудь *неясность*, то не для «представителей земства», а, просто, для гг. Малинина и Дернова, да и заключалась-то

и члены земства; они заявляли требованіе обсужденія практическихъ вопросовъ и обсуждали ихъ совмѣстно съ врачами. Такими вопросами были: вопросъ о постройкѣ больницъ, объ устройствѣ училищъ, объ оспопрививаніи и т. п. Замѣтимъ при этомъ, что рѣшенія съѣздовъ не остаются просто рѣшеніями, но проходятъ въ жизнь, насколько позволяютъ это средства и насколько цѣлесообразность ихъ является доказанною для земства. Это явленіе не особенно часто въ другихъ губерніяхъ, гдѣ, время отъ времени, раздаются жалобы со стороны врачей на непринятіе земствомъ совѣтовъ съѣздовъ, въ чемъ можно убѣдиться при чтеніи большинства про-

---

исключительно въ рѣшеніи вопроса—„чья возметъ“. Доказательствомъ справедливости нашего объясненія служитъ отношеніе къ врачамъ вятскаго земства въ до канцелярскій его періодъ, когда предсѣдателями губернской управы были М. М. Синцовъ и П. И. Колотовъ. Если о г. Синцовѣ можно сказать, что онъ самъ былъ когда-то медикомъ, то къ г. Колотову такая мѣрка совсѣмъ неприложима. Въ переводѣ на обыкновенный негалантерейный языкъ, „неясность“ здѣсь сводится къ ясному, какъ день, самодурству. Видя, что приближается новое трехлѣтіе, что бездна грубыхъ ошибокъ, надѣланныхъ въ теченіе полутора года врачебнымъ отдѣленіемъ управы (отъ медиковъ), слишкомъ уже бросается въ глаза и что, наконецъ, продолжать, при такихъ курьезныхъ результатахъ борьбы, прежнюю систему дѣйствій не выгодно для *личныхъ* интересовъ—такъ какъ, съ одной стороны, она черезчуръ наглядно раскрывала прорѣхи управскаго самоуправленія и *косвеннымъ* образомъ уменьшала для г. Дернова шансы на дальнѣйшее пользованіе земскимъ пирогомъ, а съ другой—вредила ему *прямо*, вооружая противъ него земскій медицинскій персоналъ всей губерніи, все-же что нибудь да значущій при выборахъ, нашъ почтенный представитель управы рѣшился на время свернуть свой темный флагъ съ надписью „управа и воля“. Что касается до г. Малинина, то онъ даровалъ свою амнистію врачамъ по *другимъ* причинамъ, о которыхъ, вслѣдствіе ихъ мелкой субъективности, мы считаемъ здѣсь лишнимъ говорить.

Прим. издателя.

токоловъ земсковрачебныхъ съѣздовъ. Уже одно то, что на земскую медицину въ Вятской губерніи ассигнуется до 300,000 рублей, служитъ достаточнымъ поясненіемъ сказаннаго; сверхъ того, можно указать на много рѣшеній съѣздовъ, приведенныхъ въ исполненіе земствами: — учрежденіе должностей эпидемическихъ врачей, должности губернскаго санитарнаго врача, въ большинствѣ уѣздовъ земскихъ медицинскихъ совѣтовъ губернской санитарной коммисіи, лучшее устройство больницъ, устраненіе во многихъ уѣздахъ фельдшеровъ отъ самостоятельной дѣятельности въ участкахъ, лучшая организація фельдшерскаго образованія и т. д.

Понятно, что всего вдругъ сдѣлать невозможно, а тѣмъ болѣе невозможно, менѣе чѣмъ въ три года существованія съѣздовъ врачей, измѣнить взгляды земскихъ представителей на медицину, какъ то требуется истиннымъ положеніемъ вещей.

Нужно надѣятся, что съ пріобрѣтеніемъ земствами энергическихъ, знающихъ, добросовѣстныхъ врачей, какъ проводниковъ здравыхъ понятій въ дѣлѣ земской медицины и въ тѣхъ земствахъ, гдѣ направленіе земской медицины наименѣе удовлетворяетъ современнымъ требованіямъ, порядокъ врачебной и гигіенической помощи улучшится, насколько позволятъ средства земствъ. Можетъ быть, недалеко то время, когда на Вятскую губернію не будутъ смотрѣть, какъ на глухую сторону, и отдаленность ея отъ центровъ умственной жизни не будетъ пугать врачей, ищущихъ благопріятныхъ условій для разумнаго приложенія своихъ знаній на земско-медицинской службѣ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, то, что относится до дѣятельности III-го съѣзда врачей Вятской губерніи.

.....

XXI.

Эпидемія оспы въ Вятской губерніи.

(Письмо изъ Вятки).

Въ печати уже разъ проскользнуло извѣстіе, что въ одной изъ сѣверовосточныхъ губерній существуетъ оспенная эпидемія, свирѣпствующая въ ужасающихъ размѣрахъ, что въ этой губерніи—Вятской, въ теченіе одного прошлаго года, умерло отъ оспы болѣе двѣнадцати тысячъ человѣкъ, и что эпидемія къ началу настоящаго года не прекратилась. Извѣстіе такъ и осталось сообщеніемъ, принятымъ къ свѣдѣнію. Впрочемъ, можетъ быть, люди, которымъ дорого народное здравіе, полагаютъ, что эпидемія эта просто случайность, и прекратиться она легко можетъ сама собою, что она, можетъ быть, уже и прекратилась. Къ великому несчастію, послѣднее не случилось. Оказывается, что оспа свирѣпствуетъ съ прежней силою. Свѣдѣнія по губерніи получены еще не изъ всѣхъ даже православныхъ приходовъ Вятской губерніи; но итогъ *умершихъ отъ оспы* за полгода только, съ января по іюнь настоящаго года, *превосходитъ 6,200 человѣкъ*; еслибъ можно было собрать данныя объ умершихъ отъ оспы между раскольниками, магометанами и другими иновѣрцами, то цифра получилась бы еще громаднѣе. Въ виду важности дѣла, мы считаемъ необходимымъ сообщить здѣсь и болѣе подробныя числа, касающіяся всѣхъ уѣздовъ губерніи тѣмъ болѣе, что эти еще нигдѣ въ печати не появлялись. Для сравненія распространенія эпидеміи въ каждомъ уѣздѣ, мы приводимъ здѣсь итоги умершихъ отъ оспы въ прошломъ году и въ первой половинѣ настоящаго.

Въ уѣздахъ:	Умерло отъ оспы. Въ 1875 году за весь годъ.	въ 1876 году за полгода.
Орловскомъ	3.391	337
Котельническомъ . . .	3 380	438
Слободскомъ	1.061	437
Вятскомъ	726	315
Глазовскомъ.	1.332	710
Нолинскомъ.	292	333
Яранскомъ	755	709
Уржумскомъ.	436	468
Малмыжскомъ	769	443
Елабужскомъ	443	783
Сарапульскомъ	275	1.235

Числа эти умершихъ, а не заболѣвшихъ оспой; такъ какъ умираютъ отъ оспы больше, чѣмъ изъ десяти человѣкъ больныхъ одинъ, то,увеличивъ приведенныя числа въ десять и болѣе разъ, мы можемъ представить, какой стонъ раздается по губерніи, сколько рабочихъ рукъ или уничтожается совсѣмъ, или отрывается отъ дѣла; какія, значитъ, потери терпятъ и безъ того бѣдныя хозяйства. Но, можетъ быть, хотя теперь эпидемія ослабѣваетъ? Нисколько. Въ трехъ уѣздахъ числа умершихъ въ полгода оказываются большими, чѣмъ за цѣлый прошлый годъ, притомъ такъ, что въ Сарапульскомъ уѣздѣ болѣе въ четыре раза. Въ двухъ уѣздахъ полугодичныя числа тождественны съ годичными и т. д. Изъ наличнаго населенія, если взять только полугодичное число умершихъ, умирало отъ оспы въ нѣкоторыхъ уѣздахъ одинъ изъ 200—160 человѣкъ. Изъ общаго числа умершихъ, умершіе отъ оспы составляли десятую, седьмую и даже третью часть, и такъ на цѣлые уѣзды. Значитъ, смертность, вслѣдствіе эпидеміи въ нѣкоторыхъ (южныхъ) уѣздахъ, повышается на четверть и даже на треть противъ обыкновенной смертности отъ другихъ болѣз-

ней. Чтобъ яснѣе познакомиться съ развитіемъ эпидеміи, мы разсмотримъ таблицу, показывающую число умершихъ отъ оспы помѣсячно.

Умерло въ Вятской губерніи отъ оспы въ 1876 году:

Въ уѣздахъ:	Въ январѣ.	Въ февралѣ.	Въ мартѣ.	Въ апрѣлѣ.	Въ маѣ.	Въ іюнѣ.	Итого.
Вятскомъ. . .	125	69	31	27	40	23	315
Орловскомъ . .	144	75	38	29	27	24	337
Котельническомъ	206	84	53	39	30	25	437
Яранскомъ . .	113	110	97	99	142	148	709
Нолинскомъ. .	69	52	49	39	50	74	333
Уржумскомъ. .	75	44	44	59	111	136	468
Малмыжскомъ .	51	50	38	50	103	151	443
Елабужскомъ .	103	119	129	128	189	115	783
Сарапульскомъ.	82	137	151	167	305	393	1.235
Глазовскомъ. .	131	101	78	98	142	162	710
Слободскомъ .	65	93	93	82	62	38	433
Всего въ губ.	1.163	934	801	815	1.201	1.288	6.203

Числа этой таблицы указываютъ на крайне грустный фактъ—эпидеміей поражена почти сплошь вся губернія. Ни въ одномъ изъ уѣздовъ губерніи нѣтъ ни одного мѣсяца, когда-бъ умершихъ отъ оспы не было; въ иныхъ уѣздахъ помѣсячная цифра умершихъ отъ оспы—почти до четырехсотъ человѣкъ. Только въ четырехъ сѣверныхъ уѣздахъ, гдѣ оспенная эпидемія была наиболѣе сильною въ прошломъ году, нынѣ числа умершихъ отъ оспы уменьшаются. Въ другихъ же уѣздахъ числа эти все увеличиваются, и притомъ сильно; такъ въ Сарапульскомъ уѣздѣ, изъ 100 умершихъ, отъ оспы въ полгода умерло: въ январѣ—7, въ февралѣ—11, въ мартѣ—12, въ апрѣлѣ—13, въ маѣ—25, въ іюнѣ—32.

Можно думать съ полною основательностью, что въ южныхъ уѣздахъ числа умершихъ отъ оспы къ концу года сдѣлаются громадными. Наконецъ, обращаясь къ итогамъ умершихъ вообще по губерніи помѣсячно, мы видимъ, что, изъ 100 умершихъ, отъ оспы въ полугодіе умерли: въ январѣ—19, въ февралѣ—15, въ мартѣ—13, въ апрѣлѣ—13, въ маѣ—19, въ іюнѣ—21. Въ первые мѣсяцы года смертность отъ оспы, какъ сказано, была значительнѣе въ сѣверныхъ уѣздахъ, пораженныхъ эпидеміей еще въ прошломъ году; вслѣдствіе того и процентъ умершихъ отъ оспы, въ общемъ итогѣ, по губерніи въ январѣ и, отчасти, въ февралѣ былъ большой; въ мартѣ и апрѣлѣ умирало меньшее число за полугодіе; но затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ эпидемія все болѣе и болѣе распространялась по южнымъ уѣздамъ, и помѣсячная смертность отъ нея вообще въ губерніи все возрастала и возрастала. Какъ велика была опустошительность эпидеміи, можно видѣть изъ того, что во многихъ приходахъ губерніи числа умершихъ вообще значительно превышали числа родившихся. Въ нѣкоторыхъ приходахъ числа умершихъ отъ оспы были поразительно велики—во многихъ приходахъ въ полгода умерло отъ оспы болѣе 100 человѣкъ, въ нѣкоторыхъ даже до 150.

Итакъ несомнѣнно, что эпидемія не только не прекратилась и не прекращается, но еще болѣе усиливается; не смотря однако жъ на это, мы продолжаемъ оставаться хладнокровными зрителями. Винитъ въ этомъ мѣстное самоуправленіе едва ли слѣдуетъ. Вопросъ объ эпидеміяхъ долженъ считаться общегосударственнымъ. Здѣсь нами приведены данныя, касающіяся лишь одной губерніи; но развѣ есть основанія думать, что эпидемія ограничивается только ею; можетъ быть, десятки губерній поражены эпидеміей въ такой же силѣ; только объ этомъ никому, кромѣ, конечно, самихъ крестьянъ, неизвѣстно, какъ это оставалось бы неизвѣстнымъ и въ

Вятской губерніи, еслибъ однимъ изъ служащихъ въ земской санитарной коммиссіи не были сдѣланы, по собственному его желанію, нужныя изслѣдованія. Въ каждой губерніи, понятно, санитарныя мѣры различны и своеобразны, и ни одна изъ губерній нисколько не гарантирована отъ вторженія въ ея предѣлы эпидеміи изъ смежныхъ губерній, гдѣ медицинское дѣло поставлено слабо. Вслѣдствіе того, что дурно организовано оспопрививаніе въ Волгодской и Костромской губерніяхъ, тамъ оспа свирѣпствуетъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ постоянно; зайдя оттуда въ Вятскую губернію, опять-таки вслѣдствіе недостаточной организаціи оспопрививанія и здѣсь, эпидемія въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ пройдетъ чрезъ всю губернію и вторгнется, или уже и вторглась нынѣ въ губерніи: Пермскую, Уфимскую и Казанскую, а отсюда пойдетъ далѣе. Противъ такого всеобщаго несчастія необходимы и мѣры общія по имперіи, и чѣмъ онѣ скорѣе будутъ приняты—тѣмъ лучше, потому что онѣ настоятельно необходимы: отъ эпидеміи умираютъ не одни дѣти, но и много взрослыхъ; вслѣдствіе этого, само собой, государство бѣднѣетъ наиболѣе раззорительнымъ путемъ, путемъ оскудѣнія рабочихъ силъ.

XXII.

Оригинальное назначеніе.

(*Изъ Уржума* *)

Не такъ давно нашъ инспекторъ народныхъ школъ, г. Серебровскій, завѣдывавшій 2-мъ райономъ Вятской губерній (6 южныхъ уѣздовъ), оставилъ свою должность.

*) Недѣля, 1876 г., № 24 и 25.

На его мѣсто опредѣленъ правитель канцеляріи попечителя Казанскаго округа *съ оставленіемъ на прежней должности* (!!!). Говорятъ, что это назначеніе состоялось въ видахъ увеличенія жалованья правителя канцеляріи въ награду за безпорочную и многолѣтнюю его службу и предоставленія ему возможности дослужить по учебному вѣдомству до полученія инспекторскаго пансіона (900 р.). Но удобно ли это для тѣхъ шести уѣздовъ, которые отданы пода инспекцію «сидячей магистратуры»? Трудно утверждать; но за то ясно, какъ день, что земству «неудобно» было бы предоставить права назначать отъ себя инспекторовъ, ибо оно никогда не пригласило бы на мѣсто руководителя учителей отсутствующаго канцеляриста и притомъ еще ради выслуги лѣтъ. Впрочемъ философія вредна, такъ какъ она ведетъ къ сомнѣнію; сомнѣніе же приводитъ къ отчаянію, а отчаяніе—къ самоубійству. Гораздо лучше, проникшись смиренномудріемъ, сказать вмѣстѣ съ Гамлетомъ: «много, другъ Горацію, на свѣтѣ такого, о чемъ не снилось нашимъ мудрецамъ»·—Спокойной ночи!

XXIII.

Два слова о недобровольцахъ.

(*Изъ Слободскаго*).

На дняхъ здѣсь окончилась вторая сессія Вятскаго окружнаго суда по уголовному отдѣленію. Поводомъ къ преступленіямъ, разсмотрѣннымъ въ эту сессію, кромѣ бѣдности, невѣжества и недостатка нравственнаго развитія, можно еще считать и чисто мѣстную особенность: обиліе здѣсь лицъ, высланныхъ сюда по суду и по приговорамъ обществъ. Въ нѣсколькихъ процессахъ, осо-

бенно по поводу кражъ и грабежей, замѣтно было прямое или косвенное участіе этихъ недобровольныхъ жителей нашей «ссыльной» губерніи, какъ ее называютъ. Одинъ изъ нихъ былъ даже убитъ на мѣстѣ преступленія владѣльцемъ украденнаго имущества, который, такимъ образомъ, и самъ попалъ на скамью подсудимыхъ. Его приговорили однако только къ церковному покаянію и уплатѣ 60 рублей семьѣ убитаго. Вообще здѣсь, говорятъ, много кражъ совершается ссыльными, что объясняется, можетъ быть, какъ прошлой жизнію этихъ лицъ, такъ и полнѣйшею необезпеченностью ихъ въ матеріальномъ отношеніи, затрудненіями въ пріисканіи работы и невольною отчужденностью отъ остальнаго общества. Въ числѣ подсудимыхъ изъ мѣстныхъ жителей были личности положительно даровитыя, энергичныя, находчивыя. Защищаясь довольно искусно отъ обвиненія, они иногда такъ ловко умѣли обратить въ свою пользу свидѣтельскія показанія, что приходилось невольно пожалѣть о томъ дурномъ употребленіи, которое они дѣлали изъ своихъ способностей. Другіе подсудимые, напротивъ, поражали своей забитостью и необыкновенной тупостью. Свидѣтели изъ крестьянъ нерѣдко напоминали собой извѣстныхъ «подлиповцевъ».

XXIV.

Слободская публичная библіотека.

Общественная библіотека при городской управѣ открыта въ Слободскомъ 1-го іюля 1875 года. До этого времени здѣсь была только маленькая частная библіотека Ефимова, основанная лѣтъ десять тому назадъ, съ чисто торгашескими цѣлями, при его бакалейной лавкѣ. Какъ монополистъ, Ефимовъ эксплуатировалъ читающую, а

вмѣстѣ съ тѣмъ и покупающую у него публику (это было обязательно для подписчиковъ,—въ противномъ случаѣ начинались придирки и стѣсненія) самымъ безпощаднымъ образомъ: за чтеніе новыхъ журналовъ приходилось платить отдѣльно отъ старыхъ, за газеты тоже, за неперіодическія изданія полагалась опять-таки особая плата, такъ что чтеніе всего выписывавшагося въ библіотекѣ обходилось рубля два—три въ мѣсяцъ по 1-му разряду; но и тогда подписчики не имѣли права брать болѣе двухъ книгъ заразъ. При всемъ томъ выборъ книгъ былъ крайне неудовлетворителенъ—преимущественно французскіе романы Львовской и Ахматовской фирмы. Лица болѣе или менѣе интеллигентныя предпочитали даже выписывать журналы и книги сами, для чего составлялись небольшія компаніи; но это обходилось очень дорого и не могло удовлетворить сильно развившейся въ послѣднее время охоты къ чтенію. Поэтому мысль объ открытіи общественной библіотеки была встрѣчена здѣсь съ полнымъ сочувствіемъ всѣми гражданами, исключая, конечно, Ефимова и немногихъ преданныхъ ему лицъ, которые сочли такую мысль доказательствомъ «неблагонадежности», дѣломъ партіи, кружка, «подрывающаго всѣ основы общества»; но такъ какъ иниціатива въ устройствѣ библіотеки принадлежала городскому головѣ, А. В. Платунову, человѣку, пользующемуся въ городѣ уваженіемъ, то интрига Ефимова и К° не имѣла никакого успѣха. На выписку книгъ сдѣланъ былъ безпроцентный заемъ въ одну тысячу руб. изъ городскихъ суммъ, съ разсрочкой уплаты на 10 лѣтъ; составилась подписка между членами общества, давшая 380 р.; наконецъ, многіе пожертвовали свои книги и, къ открытію библіотеки, въ ней уже было 1020 томовъ. Завѣдываніе библіотекой и обязанности библіотекаря приняли на себя безвозмездно городской голова, секретарь и члены управы. Условія подписки были выработаны вполнѣ доступныя

для всѣхъ и каждаго—отъ 75 до 15 к. въ мѣсяцъ,—книги выписывались съ толкомъ, и къ концу 1875 года подписчиковъ набралось уже до ста человѣкъ. Въ началѣ, конечно, дѣло не обошлось и безъ неудовольствій: денежные тузы и чиновничество претендовали на то, что имъ не оказываютъ предпочтенія въ выдачѣ книгъ и газетъ, не позволяютъ держать ихъ долѣе установленнаго срока, не даютъ газетъ прямо съ почты, но мало по малу общество привыкло къ порядкамъ заведеннымъ въ библіотекѣ, къ необходимости караулить новую книжку журнала и забѣжать за ней не одинъ разъ; къ тому-же на 1876 годъ наиболѣе почитаемые журналы были выписанны уже въ нѣсколькихъ экземплярахъ: «Дѣло» и «От. Зап.» въ 3-хъ, «Вѣст. Европы» — въ 2-хъ, и полученіе ихъ сдѣлалось менѣе затруднительнымъ; протестанты же, въ числѣ трехъ-четырехъ человѣкъ, удалились къ Ефимову, который тоже принужденъ былъ понизить плату за чтеніе. Въ настоящее время городская библіотека обставлена весьма удовлетворительно и существованіе ея, можно надѣяться, вполнѣ обезпечено. Къ концу 1876 года всѣхъ подписчиковъ было: 113 1-го разряда, 30—2-го, 49—3-го, 18—4-го, 6-го и 5-го (въ уѣздѣ)—10, которые внесли около 500 руб., да еще отдѣльные подписчики на газеты (желавшіе получить ихъ въ первыя руки) уплатили руб. 25. Книгъ и журналовъ теперъ до 250 томовъ, на 1816 рублей, причемъ есть довольно много новыхъ сочиненій даже научнаго характера; въ числѣ журналовъ въ 1876 г. получались: «Знаніе», «Мірской Вѣстникъ», «Пчела», «Дѣтское Чтеніе» и «Будильникъ». Спросъ на книги весьма значительный по всѣмъ отдѣламъ, но, конечно, всего больше по беллетристикѣ и дѣтской литературѣ; къ сожалѣнію этотъ послѣдній отдѣлъ не особенно богатъ у насъ. Читальня, устроенная при библіотекѣ, еще не привилась вполнѣ къ нравамъ жителей; но въ

дни полученія почты въ ней уже можно встрѣтить человѣкъ до 10 изъ всѣхъ сословій, читающихъ новыя газеты. Маленькіе безпорядки, напр., въ выдачѣ книгъ, въ отмѣткахъ о возвращеніи ихъ неизбѣжны при ежедневной смѣнѣ лицъ, завѣдующихъ этимъ дѣломъ; чтобы избѣжать этого, необходимо бы имѣть отдѣльнаго библіотекаря, но до уплаты долга, матеріальныя средства библіотеки врядъ ли позволять такой значительный расходъ, тѣмъ больше, что отъ библіотекаря потребуется нѣкоторое знакомство съ литературой и способность, при случаѣ, руководить неопытными читателями въ выдѣ книгъ. Впрочемъ, и теперешніе временные не оффиціальные библіотекари относятся къ исполненію добровольно взятыхъ на себя обязанностей чрезвычайно добросовѣстно; завѣдующіе же библіотекой и читальней лица очень внимательны къ требованіямъ подписчиковъ и, по возможности, стараются удовлетворить ихъ вкусамъ. Время для выдачи книгъ назначено также весьма удобно: отъ 3-хъ до 7-ми въ будни и 2-хъ до 6-ти въ воскресенье и праздничные дни. Поэтому горожане должны сказать своей управѣ большое спасибо за такое общеполезное учрежденіе, какъ публичная библіотека и читальня.

XXV.

Тернистый путь земской инициативы.

(Вятская сельско-хозяйственная семинарія).

У Вятскаго земства есть учрежденіе, судьбой котораго оно занято въ особенности—это сельско-хозяйственная семинарія: «Училище для распространенія сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній и приготовленія учи-

телей». Въ теченіе четырехлѣтняго своего существованія эта семинарія многое пережила, и положеніе ея не разъ обсуждалось въ печати; мы здѣсь сведемъ, насколько можно, высказанныя объ ней въ разное время мнѣнія. Въ первые годы существованія земства относительно надлежащаго устройства сельско-хозяйственной семинаріи имъ употреблено было столько усилій, пожертвованій, что желать чего нибудь еще большаго, при данныхъ условіяхъ, кажется, уже нельзя. Въ то время, когда въ Россіи не было и рѣчи о начальномъ народномъ сельско-хозяйственномъ образованіи, вятское губернское земство уже поставило для себя опредѣленною задачей именно насажденіе въ своемъ краѣ сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній, выработало планъ, уставъ среднеучебнаго заведенія и проэкты начальныхъ сельскохозяйственныхъ школъ. Едва земство достигло утвержденія устава, какъ явились новыя затрудненія... Помимо оффиціальныхъ неблагосклонныхъ взглядовъ, явились доброхоты-совѣтники съ зловѣщими предостереженіями. Когда Высочайше утвержденная коммиссія по изслѣдованію сельскаго хозяйства въ Россіи признала устройство сельскохозяйственныхъ училищъ насущною современною потребностію въ видахъ улучшенія народнаго благосостоянія, когда стало извѣстнымъ проэктированіе министерствомъ государственныхъ имуществъ училищъ именно съ такимъ направленіемъ, какъ бы на смѣхъ, стали говорить вятскому земству о томъ, что оно въ теченіе шести лѣтъ ошибалось, поставило для себя невѣрную задачу, что необходимо преобразовать училище въ спеціально-педагогическое заведеніе, отказавшись отъ мысли распространенія въ народѣ посредствомъ школы сельскохозяйственныхъ знаній. Началось дѣло собственно съ того, что земство пожелало, чтобъ воспитанники училища освобождались отъ рекрутской повинности и чтобъ преподаватели получили права госу-

дарственной службы. Министерство изъявило согласіе удовлетворить просьбу земства, но, съ своей стороны потребовало измѣненія нѣкоторыхъ статей устава. Съ своей стороны, и земство согласилось (1872 г. 18 дек.) на исправленіе устава, и уже исправленный уставъ былъ представленъ въ министерство. Но вотъ тутъ то и пошли смуты разныя. Правленіе училища вдругъ порѣшило остановить ходатайство объ утвержденіи измѣненнаго устава, потому что, по его мнѣнію, измѣненный уставъ отличается отъ дѣйствующаго еще *меньшею опредѣленностію правъ правленія училища*. Земское собраніе 1873-го года (въ декабрѣ) передано дѣло объ училищѣ въ особую коммиссію. А въ коммиссіи уже съумѣли запутать все такъ, что цѣлыхъ два слѣдующихъ года земское собраніе не знало, на чемъ и остановиться. Вначалѣ затрудненіе было только въ томъ, что попечитель не утверждалъ въ должности директора, бывшаго преподавателемъ, г. Германа. У попечителя, помимо желанія отстоять свои права на контроль за училищемъ, можетъ быть, были и свои причины не желать поручить управленіе училища этому человѣку; но земство, руководствуясь мнѣніемъ училищнаго правленія, въ которомъ собственно г. Германъ и орудовалъ, стояло также за свои права и за своего кандидата горой.

Впослѣдствіи земство должно было разубѣдиться въ достоинствахъ своего кандидата; но объ этомъ мы скажемъ далѣе. Весь 1874 годъ земство питало надежды сохранить первоначальное направленіе училища, отдавши его подъ покровительство министерства государственныхъ имуществъ. Замѣтимъ, что, когда въ коммисіи рѣшалось дѣло въ этомъ направленіи, г. Германъ сталъ настаивать на преобразованіи семинаріи въ реальное училище. На это ему было замѣчено, что заботы собственно о реальныхъ училищахъ по тому плану, какой

существуетъ, не могутъ входить въ задачу губернскаго земства. Реальныя училища должны устраиваться сообразно нуждамъ уѣздныхъ земствъ; притомъ реальныя училища съ преобладающимъ теоретическимъ направленіемъ занятій, въ ущербъ практическимъ занятіямъ, не могутъ принести той пользы для населенія, какой ожидаетъ земство отъ училища въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ. Ходатайство въ министерство государственныхъ имуществъ въ началѣ 1875 г. было отправлено, и лѣтомъ того же года былъ полученъ отвѣтъ, совсѣмъ неоправдавшій ожиданій земства. Такъ какъ земство все значеніе своей семинаріи видѣло лишь въ томъ, что изъ воспитанниковъ ея разсчитывало получить учителей въ двухклассныя сельскохозяйственныя школы, справедливо полагая, что, при посредствѣ этихъ училищъ, окажется полная возможность распространить въ сельскомъ населеніи раціональныя сельскохозяйственныя свѣдѣнія, и этимъ способствовать поднятію экономическаго быта крестьянъ. А министерство государственныхъ имуществъ именно и оказалось непользующимся правомъ приготовлять учителей. Оно отвѣчало земству: «заведенія, назначаемыя для приготовленія учителей, находятся въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, а подвѣдомственныя министерству государственныхъ имуществъ спеціальныя сельскохозяйственныя учебныя заведенія чужды этого характера, почему и ходатайство вятскаго земства о принятіи учрежденнаго имъ училища въ вѣдѣніе этого министерства съ тѣмъ характеромъ, какой земство желаетъ придать этому заведенію, не можетъ быть удовлетворено». При этомъ министерство изъявило согласіе принять училище въ свое вѣдѣніе, если земство найдетъ возможнымъ поставить для училища только одну цѣль—распространеніе сельскохозяйственныхъ и техническихъ знаній. Согласиться на послѣднее земству не было никакого разсчета: нужно было возвратиться къ

уставу уже существующему, и лишь ходатайствовать объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей, какъ это было рѣшено въ 1872 году, или же рѣшиться на то, чтобъ оставить училище частнымъ заведеніемъ, пока не кончится срокъ, на который утвержденъ настоящій уставъ. Неудобства въ послѣднемъ случаѣ представлялись почти незначительныя; именно, преподаватели семинаріи не получили бы правъ государственной службы и воспитанники, при призывѣ на военную службу, не получали бы отсрочки до окончанія курса. О потерѣ перваго не стоило и говорить. Воспитанники же принимаются въ училище 15-ти лѣтъ; значитъ, они должны оканчивать курсъ ученія прежде, чѣмъ имъ должно брать жребій, а, по окончаніи курса, семинаристы получили бы немедленно мѣста въ двухклассныхъ сельско-хозяйственныхъ школахъ. Но еще задолго до открытія земскаго собранія 1875 года начались, такъ сказать, конфиденціальныя сообщенія относительно предстоящей судьбы училища. И тогда говорилось открыто и въ настоящее время люди, стоящіе прямо у источника всѣхъ распоряженій, увѣряютъ, что начальникъ губерніи и прочіе не позволитъ существовать училищу долѣе, если оно не будетъ преобразовано въ реальное. Бояться, конечно, можно всего, но въ то время, хотя употреблялись всякія мѣры открыть что либо дурное въ поведеніи учениковъ, ничего и похожаго на порицаніе не оказывалось. Однако, когда состоялось земское собраніе, слухи о закрытіи семинаріи, подобно Тверскому училищу, были нарочито раздуты кѣмъ-то. Земское собраніе на тотъ годъ отличалось слабосиліемъ и по числу, и по составу гласныхъ, и потому не могло отнестись должнымъ образомъ къ затруднительному положенію семинаріи. Директоръ училища представилъ въ коммиссію, разбиравшую это дѣло, записку, позорящую и училище и самого составителя. Все это въ совокупности послужило къ тому, что земство согласилось, на-

конецъ, на настойчивое предложеніе г. Германа и порѣшило преобразовать сельско-хозяйственную семинарію въ реальное училище. Даже предсѣдатель управы и г. Германъ отправлены были «лично» ходатайствовать предъ попечителемъ округа объ этомъ преобразованіи. Разсчитывая затѣмъ, что дѣло окончательно слажено, г. Германъ привелъ училище въ слѣдующемъ 1876-мъ году въ такое состояніе, что злѣйшій врагъ не пожелалъ бы худшаго; объ этомъ мы скажемъ далѣе. Но земство уже увидѣло, что сдѣланъ промахъ, а къ тому жъ еще изъ министерства народнаго просвѣщенія получено увѣдомленіе, что г. министръ народнаго просвѣщенія согласенъ на преобразованіе училища въ реальное, но безъ учрежденія при немъ постояннаго педагогическаго курса. А за учрежденіе постояннаго педагогическаго курса при училищѣ земство держалось все еще, какъ утопающій за соломенку. 27-го августа 1876 года земское собраніе, выслушавъ скорбный листъ семинаріи въ видѣ обширнаго доклада управы, желавшей оттянуть дѣло еще на неопредѣленное время, порѣшило оставить училище при *прежнемъ* уставѣ, утвержденномъ на девять лѣтъ, но съ тѣми измѣненіями, которыя были въ 1872 году предложены самимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Въ силу послѣдняго рѣшенія дѣло объ Вятскомъ земскомъ училищѣ будетъ внесено въ ученый комитетъ министерства въ *шестой* разъ.

Въ то время, когда слѣдовали одно за другимъ ходатайства, предложенія, доклады и проч., внутренняя жизнь училища, само собой, не оставалась безъ измѣненій. Мѣсто выбывшаго, по принужденію земства, перваго директора занялъ г. Германъ. Относительно г. Германа можно опредѣленно говорить, что хорошій преподаватель своего предмета, но крайне плохой педагогъ, совершенно неспособный управлять заведеніемъ, гдѣ дирек-

тору предоставляется полная самостоятельность. и,вмѣстѣ съ тѣмъ и находчивость, и ясное пониманіе условій жизни даннаго заведенія. Первое время, когда въ составѣ преподавателей находился преподавателемъ естественныхъ наукъ г. Песковскій, жизнь въ семинаріи шла довольно гармонично. Мѣстному обществу и земству было пріятно видѣть, какъ сильно одушевлены были воспитанники интересомъ занятій и надеждами на будущую разумную и высокопочтенную дѣятельность. Но г. Песковскій, по обстоятельствамъ, касающимся лично его, можетъ быть по болѣзни, нѣкоторое время не могъ вести занятій такъ, какъ желали ученики. Дѣло было бы легко поправлено, еслибъ г. Песковскому былъ предложенъ и онъ бы взялъ отпускъ мѣсяца на два, на три; но этого почему-то не было сдѣлано. Съ оставленіемъ училища г. Песковскимъ дѣла пошли все хуже и хуже. Приглашенъ, былъ на мѣсто Песковскаго, г. Постниковъ, и можно надѣяться, что училище пріобрѣло бы въ немъ полезнаго труженика. Г. Постниковъ, относясь къ дѣлу серьезно, прежде всего объяснилъ г. Герману, что на преподавателя естественныхъ наукъ возлагается столько труда, что добросовѣстно выполнить всѣ требованія физически невозможно, такъ какъ въ училищѣ тогда уже было три класса и долженъ былъ чрезъ годъ открыться и четвертый, и потому просилъ, чтобъ часть его уроковъ была перенесена на другаго, вновь приглашеннаго преподавателя. Г. Германъ вообще «не сошелся» съ г. Постниковымъ, и послѣдній оставилъ должность. Вслѣдъ за выбытіемъ г. Постникова, въ училищѣ было сдѣлано то, о чемъ послѣдній просилъ—составъ учителей былъ усиленъ однимъ преподавателемъ; но, къ несчастію, на мѣста преподавателей стали поступать люди, принесшіе прямой вредъ училищу. Нужно замѣтить, что, вслѣдъ за Песковскимъ, оставилъ должность преподаватель сельскаго хозяйства, г. Котельниковъ.

Г. Котельниковъ, при поступленіи на должность, обладалъ собственно теоретическими знаніями; но, относясь къ дѣлу съ любовію, онъ пріобрѣталъ съ теченіемъ времени большую и большую опытность и уваженіе учениковъ, и послѣдніе весьма жалѣли, когда г. Котельниковъ оставилъ должность. Такимъ образомъ, въ училищѣ сдѣлались свободными три учительскія должности. Приглашены были, кажется, безъ всякой рекомендаціи, г. Кривковичъ и, по личному знакомству съ г. Германомъ, г. Суворовъ, а третьяго преподавателя долгое время и совсѣмъ не было. Г. Кривковичъ повелъ дѣло крайне слабо, почему долгое время не могъ оставаться на учительской должности и былъ уволенъ. Г. Суворовъ оказался и еще слабѣе. Онъ, собственно, и не имѣлъ права быть настоящимъ преподавателемъ, потому что не получилъ полнаго образованія въ высшемъ учебномъ заведеніи, а имѣлъ только свидѣтельство о сдачѣ экзаменовъ по двумъ предметамъ въ Петровской академіи. Такъ какъ занятія сельскохозяйственными науками должны быть одними изъ самыхъ главныхъ въ строѣ училища, то и преподаватель сельскаго хозяйства долженъ быть высокоразвитый человѣкъ. Земство вначалѣ считало необходимымъ, чтобъ именно директоромъ училища было лицо, получившее спеціально сельскохозяйственное образованіе. Какъ же велъ дѣло г. Суворовъ? Укажемъ на нѣкоторые факты.

При училищѣ есть земля, десятинъ до 30-ти. Первые преподаватели сельскаго хозяйства, какъ только представилась возможность, занялись постепенной обработкой этой земли: ввели извѣстный сѣвооборотъ на поляхъ, раціональную обработку огорода и проч. Г. Суворовъ все, что было до него, «радикально» измѣнилъ. Такъ, предшественникомъ была засѣяна значительная часть полей и обработанъ огородъ, по крайней мѣрѣ, до 400 грядъ. Земля для огорода взята была лучшая и, подъ

извѣстныя, овощи удобрена. Все взошло (весной 1875 г.) хорошо, и урожай долженъ былъ ожидаться отличный; нуженъ былъ только надлежащій уходъ за всходами: поливка, полотье и проч., что совершенно нетрудно было, больше чѣмъ при ста учащихся. Но г. Суворовъ все оставилъ на волю судьбы; втеченіе всего іюня и іюля мѣсяцевъ, никто и не заглянулъ въ огородъ, и онъ заросъ лебедой, осотомъ и другими сорными травами; проходящіе по огороду крестьяне изъ деревень въ городъ и обратно только дивились такой системѣ ухода за огородными овощами, потому что, не смотря на заглушеніе сорной травой, овощи были хороши: вырветъ иная женщина луковицу не меньше хорошей рѣпы, посмотритъ ни нее, покажетъ товаркамъ и оставитъ въ бороздѣ съ недоумѣніемъ. Дивились и горожане; но удивленію ихъ не было предѣла, когда было приказано семинаристамъ не выпалывать сорную траву, а косить, косить съ травой и капусту, и лукъ и т. д. Недоумѣвали и ученики; спросили учителя, что же дальше будетъ? Запашемъ-де всѣ овощи, отвѣчалъ онъ, потому что земля дурна и ее нужно удобрить зеленымъ удобреніемъ. Семинаристы и рты разинули: такой системы, стоющаго до тысячи рублей удобренія, притомъ тогда, когда сорныя травы дали и окрошили уже на огородъ свои сѣмена, они не слыхали, но они поняли, почему масса высаженнаго и взошедшаго хорошо картофеля не была окучена и выполота. Зачѣмъ же, спрашивали они, обязывали ихъ копать гряды, удобрять землю, высѣвать дорогіе сорты сѣмянъ. Но хуже всего было то, что къ преподавателю нельзя было обращаться съ вопросами. Тогда же, въ началѣ лѣта, г. Суворову пришла охота вспахать нѣкоторые участки поля, засѣянные овсомъ; и дѣйствительно половина поля была вспахана, а другая оставлена, и отличный урожай, полученный съ нея, показалъ чего лишились вслѣдствіе неразумной вспашки. На фермѣ учи-

лища былъ порядочный скотъ; воспитанники учились разумному уходу за нимъ, и ферма давала извѣстный доходъ. Былъ на фермѣ быкъ-производитель, купленный за сто слишкомъ рублей. Г. Суворовъ съумѣлъ почти все уничтожить. Быкъ проданъ былъ имъ за 55 рублей, хотя онъ, еслибъ продать его на мясо, стоилъ болѣе 80-ти р. Распродалъ онъ также коровъ, и практики для учениковъ на фермѣ почти не стало. Заарендовалъ онъ луга и отправился съ учениками косить сѣно. Ученики были вымучены ужасно и работой, и дурной пищей, и сѣно обошлось по 30 к. за пудъ, когда на базарѣ его можно было купить за 10 коп.

Не зная предмета своего, понятно онъ не могъ быть и преподователемъ. Ученики долго терпѣли, надѣясь, что г. Германъ обратитъ, наконецъ, вниманіе на ихъ мученье. Но ничего не было. Начался учебный годъ. Ученики въ крайности сдѣлали разъ слѣдующее: при входѣ преподавателя въ классъ, они вышли изъ класса. Явился г. Германъ и пригрозилъ изгнаніемъ изъ училища всего класса. Между учениками нашлись смѣльчаки, которые спросили директора, имѣетъ ли онъ полномочіе отъ земства на такое изгнаніе. Директоръ не отвѣчалъ и началъ распрашивать учениковъ о причинахъ протеста. Дѣло кончилось извиненіемъ г. Германа передъ учениками и увольненіемъ г. Суворова. Но г. Германъ совсѣмъ не желалъ чего нибудь лучшаго для училища и на мѣсто г. Суворова былъ приглашенъ лѣсничій Бахъ. Напередъ всякій могъ сказать, что пользы училищу отъ этого назначечія не будетъ. И дѣйствительно, хозяйство пришло въ большій еще упадокъ. Всѣ работы на полѣ велись поздно, такъ что снопы оставались на полѣ до глубокой осени и западали снѣгомъ. Замерзала на корню также капуста и пр. Сотни пудовъ картофеля сваливались въ глубокій подвалъ и сгнивали, такъ что изъ 350 пудовъ, едва могли

выбрать пудовъ тридцать. Г Бахъ не могъ объяснить безъ книги ни одной машины... И вобще, чѣмъ далѣе, тѣмъ онъ несостоятельнѣе становился. Когда все это обратило на себя вниманіе экстреннаго земскаго собранія 1876 года, то правленіе училища должно было хотя нѣсколько задуматься о своихъ дѣйствіяхъ, и въ настоящее время (къ началу 1877 года) приглашенъ преподавателемъ сельскаго хозяйства г. Андріенко, спеціалистъ изъ Петровской земледѣльческой академіи. Уже изъ того, что сказано, можно видѣть, насколько небрежно относится къ своему дѣлу директоръ. Дѣйствительно, взявъ на себя обузу приготовленія пожарныхъ машинъ (на 15 т. р. ежегодно), г. Германъ уже не поспѣвалъ никуда. Въ классы, чтобы познакомиться съ преподаваніемъ учителей, онъ никогда не ходилъ. Да и для него учебныя занятія учениковъ не казались стоющими вниманія. Посѣтителямъ онъ обыкновенно ставилъ на видъ собственно занятія въ мастерскихъ. При училищѣ открыта образцовая школа. Преподавателемъ въ нее приглашенъ человѣкъ, можетъ быть, и полезный для сельской школы, но совершенно неподходящій для «образцовой» школы, необладающій достаточнымъ образованіемъ и невладѣющій педагогическимъ тактомъ. Характеристикой его первоначальной дѣятельности можетъ служить то, что онъ давалъ ученикамъ потасовки, щелчки, ставилъ въ уголъ и проч. И что же? г. Германъ, въ первые два года по открытіи образцовой школы, и по одному разу въ мѣсяцъ едва ли заходилъ въ школу. Можетъ ли допускать себѣ директоръ учительской семинаріи такое отношеніе къ образцовой школѣ, если онъ честно относится къ своему дѣлу, предоставляемъ судить читателямъ. Небрежность въ дѣлахъ обнаруживалась почти во всемъ. Еще въ первые годы, положительно отъ недостаточной предусмотрительности преподавателя сельскаго зяйства и самаго г. Германа, поплати-

лись жизнію два воспитанника. Одинъ, при паханіи поля на необученныхъ лошадяхъ, получилъ плугомъ ударъ въ ногу, при чемъ нога была переломлена; воспитанникъ умеръ, вѣроятно, отъ несвоевременно сдѣланной операціи въ больницѣ. Другой раздробилъ палецъ въ шестернѣ машины и тоже умеръ въ больницѣ. Очевидно, приказывать пахать недостаточно сильнымъ мальчикамъ не слѣдовало, тѣмъ болѣе на необученныхъ лошадяхъ, а также оставлять машины безъ надзора, не запирая ихъ хода, не предупреждая, наконецъ, относительно осторожности въ обращеніи съ ними—небрежность въ высшей степени. Хозяйственныя дѣла по училищу во многихъ случаяхъ, ведутся спустя рукава: непрочность скороспѣлыхъ построекъ въ училищѣ вошла въ притчу; нынѣ выстроили зданіе, а на слѣдующій годъ уже перестройка, а то и совершенное уничтоженіе. Построили на полѣ подвалъ, затратили значительную сумму, но при постройкѣ не соблюдали нужныхъ разсчетовъ—сдѣлали очень покато крышу и навалили на нее много земли, которая впитывала во время дождей много воды—все обрушилось, и подвалъ въ настоящую пору служитъ указателемъ того, какъ иногда бросаются земскія денежки, куда попало. Бухгалтерскія книги ведутся не всегда опытными людьми; нерѣдко однѣ и тѣже статьи записываются по дважды,—являются невольные остатки, и идутъ эти сюрпризы, какъ и слѣдуетъ, на награды. Въ мастерскихъ занятія учениковъ сильно парализованы дурнымъ отношеніемъ наблюдателей къ дѣлу. Ученикамъ даются инструменты старые, попорченные или иступленные, такъ что прежде чѣмъ что-нибуть ученикъ сдѣлаетъ, онъ долженъ добрыхъ полчаса провозится надъ приспособленіемъ инструмента къ дѣлу. Наибольшаго паденія училище достигло, когда г. Германъ началъ считать, что училище окончательно преобразуется въ реальное. Съ начала 1876 года преподаватели не забо-

тились исправно посѣщать классы, а затѣмъ, самъ Германъ и г. Пентелеймоновъ совсѣмъ перестали являться въ училище. Ученики соберутся, пождутъ, пождутъ и, чтобъ не пропалъ совсѣмъ день, идутъ къ преподавателю естественныхъ наукъ, чтобъ хотя онъ, если свободенъ, зашелъ въ классъ, а затѣмъ и расходятся. Впрочемъ всего этого можно было ожидать ранѣе: еще въ концѣ 1875 года г. Германъ заявлялъ губернскому земскому собранію: «во мнѣ не стало той энергіи, какая желательна. Я съ удовольствіемъ иду въ 1 и 2-й классъ, *съ нежеланіемъ*—въ 3-й и *съ полной неохотой*—въ 4-й». Но земское собраніе не обратило достаточнаго вниманія на это самобичеваніе г. Германа; между тѣмъ «полная неохота» ходить въ классы принесла громадный вредъ. Чтобъ замаскировать свою «неохоту», г. Германъ сталъ урезонивать учениковъ выходить изъ училища, и, дѣйствительно, нѣкоторые послушались и вышли, а другіе старались продержаться, сколько можно. Но г. Германъ порѣшилъ совершенно незаконно распустить учениковъ по домамъ на все лѣто. Воспитанники двухъ старшихъ классовъ не знали, что дѣлать. Многіе, не видя конца этой неопредѣленности и не желая упустить открывшихся учительскихъ мѣстъ въ народныхъ школахъ, взяли свои документы изъ училища; однако оставалось нѣсколько человѣкъ, которые имѣли терпѣніе дотянуть до осени, не подавая прошеній о выходѣ. Этимъ, наконецъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ дали экзамены и отпустили съ миромъ. Но такихъ, окончившихъ полный курсъ ученія, уже оказывалось человѣкъ шесть. Здѣсь нелишнее обратить вниманіе на одинъ случай. Сознавая полное паденіе сельскохозяйственныхъ занятій и недостаточное знаніе учениками сельскохозяйственныхъ наукъ, главныхъ предметовъ училища, г. Германъ предложилъ двумъ ученикамъ отправиться недѣли на двѣ въ земледѣльческое училище въ Казань. Ученики отпра-

вились безъ всякихъ указаній, рекомендацій и проч. и, только по знакомству съ однимъ учащимся въ земледѣльческомъ училищѣ, могли пробыть въ немъ нѣсколько дней и увидѣли, что г. Германъ и самъ не зналъ, зачѣмъ онъ ихъ посылалъ, потому что научиться тамъ въ такое короткое время было нечему. Такимъ образомъ вышла только лишняя трата денегъ на эту командировку учениковъ. Упоминая часто имя директора, какъ главнаго распорядителя, мы должны оговориться, что большая часть дѣйствій его прикрывалась постановленіями правленія училища. Понятно, что и правленіе виновато въ томъ, что все дѣло по училищу передало въ безконтрольное вѣдѣніе директора. Въ правленіи, кромѣ г. Германа, дѣятельнымъ лицемъ могъ быть предсѣдатель управы г. Дерновъ; но г. Дерновъ, повидимому, не сочувствуетъ успѣху училища. Это видно ужь изъ того, что елабужское уѣздное земское собраніе 1876 года, гдѣ г. Дерновъ самый вліятельный гласный, постановило ходатайствовать предъ губернскимъ земскимъ собраніемъ о сложеніи съ елабужскаго земства части расходовъ на земское училище. Понятно, что это заявленіе имѣло цѣль выразить желаніе закрытія училища, и понятно также, что представитель елабужскаго земства долженъ дѣйствовать въ интересахъ своего земства. Намъ еще остается сказать нѣсколько словъ объ общежитіи при училищѣ и объ «образцовой» школѣ. Общежитіе для учениковъ училища устроено было правленіемъ училища самовольно, безъ разрѣшенія земскаго собранія и затѣмъ, когда на земскомъ собраніи спрашивали г. Дернова объ основаніяхъ, на которыхъ устроена «бурса», то г. Дерновъ заявилъ, (журналы 1875 г., т. 2, стр. 512), что онъ считаетъ «неудобнымъ» объяснять это. Наконецъ, уже въ послѣднемъ губернскомъ собраніи, г. Дерновъ заявилъ, что общежитіе устроено по совѣту бывшаго губернатора,

Чарыкова, въ видахъ необходимости сдержать воспитанниковъ—стипендіатовъ отъ свойственныхъ молодымъ людямъ увлеченій. А потомъ гласный, правитель канцеляріи губернатора, г. Шубинъ, увѣрялъ всѣхъ, что еслибъ въ свое время общежитіе не было устроено, то училище было бы закрыто. Такимъ образомъ общежитіе возникло подъ внѣшнимъ давленіемъ, и можетъ быть, поэтому въ «бурсѣ», какъ называютъ ученики свое общежитіе, обращено было вниманіе не на удобства воспитанниковъ, а на то только, чтобъ удобнѣе было слѣдить за учениками. Внутри бурсы всѣ двери сняты съ петель; потому все, что дѣлается въ одной комнатѣ, слышно во всѣхъ другихъ, и такъ какъ полное спокойствіе невозможно при большомъ числѣ семинаристовъ, то занятія, даже для труколюбивыхъ воспитанниковъ, крайне трудны, не говоря уже о болѣе разсѣянныхъ. Послѣдствія жизни въ бурсѣ сказывались и сказываются теперь довольно неблагопріятно. Подробностей не будемъ передавать; скажемъ только, что ученики не разъ собирались сдѣлать крупную непріятность г. Люстрицкому, надзирателю общежитія.

Легко можно ожидать и дальнѣйшаго развитія пороковъ; теперь, напримѣръ, игра въ карты въ общежитіи уже не рѣдкость. Вопросомъ объ общежитіи занято было послѣднее, 1876 г., губернское земское собраніе. Ревизіонная коммиссія нашла положеніе учениковъ въ общежитіи дурнымъ, недостатокъ для учениковъ бѣлья и пищи, неудобство помѣщенія и проч. Но большинство гласныхъ собранія стало высказывать, что эти свѣдѣнія основываются только, будто-бы, на слухахъ, и, очевидно, руководясь духомъ партіи, порѣшило объявить даже благодарность правленію училища за устройство общежитія для стипендіатовъ земства.—Объ образцовой школѣ мы уже упоминали разъ—именно то, что тамъ учитель неудовлетворителенъ по занимаемому имъ мѣсту:

онъ не имѣлъ даже свидѣтельства на званіе учителя. Такой выборъ можетъ быть объясняемъ небольшимъ жалованьемъ (500 р. при готовой квартирѣ). Дѣйствительно, лицу, завѣдующему школой, нужно назначить жалованье, по крайней мѣрѣ, равное жалованію прочимъ преподавателямъ училища, или же и большее и пригласить лицо достойное быть руководителемъ будущихъ земскихъ учителей? Нынѣ же, само собой, практическими занятіями въ школѣ учениковъ училища завѣдуютъ г. Германъ и учитель русскаго языка. Но г. Германъ, какъ замѣчено, и какъ онъ прежде самъ сознавался, совсѣмъ не педагогъ. Самъ онъ даетъ примѣрные уроки слабо. Школьники во время его урока сидятъ положительно въ трепетѣ,—такъ онъ обращается съ ними высокомѣрно. Объясненія дѣлаетъ въ крайне высокопарныхъ выраженіяхъ. Наконецъ, когда даетъ урокъ кто либо изъ воспитанниковъ, г. Германъ садится не въ сторонѣ гдѣ нибудь, а за учительскимъ столомъ, и тѣмъ крайне стѣсняетъ и воспитанника, дающаго урокъ, и школьниковъ. Послѣдствіями такихъ занятій бываетъ обыкновенно малоуспѣшность школьниковъ въ ихъ занятіяхъ. Образцовая школа ранѣе болѣе соотвѣтствовала типу сельскохозяйственной двухклассной школы и служила приготовительнымъ заведеніемъ для желающихъ поступить въ училище. Годъ-же назадъ тому, опять-таки по волѣ одного правленія, она преобразована въ начальную школу, куда, по предложенію попечителя Казанскаго округа, поступаютъ дѣти неграмотныя и моложе 10-ти лѣтъ. При такомъ преобразованіи, школа уже утрачиваетъ смыслъ приготовительнаго заведенія для поступленія въ ней учащихся въ училище, такъ какъ туда принимаются воспитанники не моложе 15-ти лѣтъ и съ знаніями не ниже курса уѣздныхъ училищъ. Земское собраніе 1876 года, выслушавъ мнѣніе ревизіонной коммиссіи о преобразованіи образцовой школы

вновь въ сельскохозяйственную, отложило рѣшеніе вопроса до полученія отвѣта изъ министерства народнаго просвѣщенія на ходатайство объ училищѣ.

XXVI.

Яранскіе баши-бузуки.

(Письмо изъ Вятки).

Въ настоящее время наше общество, хотя съ отвращеніемъ, но внимательно слѣдитъ за звѣрствами, совершаемыми на Балканскомъ полуостровѣ черкесами, баши-бузуками и проч.; надѣемся, что оно не найдетъ для себя излишнимъ знакомство со звѣрствами, совершаемыми въ нашихъ собственныхъ провинціальныхъ городахъ, тѣмъ болѣе что въ звѣрствахъ этихъ виноваты тоже, вѣроятно, баши-бузуки, потому что дѣйствительныхъ разбойниковъ, кажется, не находится, хотя это, повидимому, и нетрудное бы дѣло; впрочемъ судите сами. Настоящаго года, 29 февраля, въ $10^1/_2$ часовъ ночи, въ яранскую *больницу* изъ яранскаго *полицейскаго управленія* представленъ былъ крестьянинъ-десятскій въ совершенно безсознательномъ состояніи, безъ рѣчи и пониманія чего-либо изъ окружающаго. Ночью этотъ человѣкъ изчезаетъ изъ больницы и потомъ оказывается шагахъ въ тысячѣ отъ нея въ снѣгу. Къ утру, въ 5 часовъ, т. е. пробывъ $6^1/_2$ часовъ въ больницѣ, онъ умираетъ. По городу распространяются самые невѣроятные слухи: большинство увѣряло, что въ полицейскомъ управленіи засѣкли десятскаго; находились и такіе, которые, не отвергая того факта, что десятникъ засѣченъ, утверждали только, что истязаніе сдѣлано въ самой больницѣ. Очевидно, вслѣдствіе распространенія

этихъ слуховъ, судебный слѣдователь Вятскаго окружнаго суда потребовалъ 2-го марта произвести вскрытіе трупа. Врачи, производившіе вскрытіе, понятые и больничная прислуга были приведены въ ужасъ, представляя себѣ по мѣрѣ производства вскрытія, что долженъ былъ вытерпѣть несчастный десятскій. Покойный былъ лѣтъ 35 отъ роду, мужчина тѣлосложенія крѣпкаго, мускулистаго, двухъ аршинъ и десяти вершковъ росту. И вотъ съ такимъ-то физически крѣпкимъ человѣкомъ сдѣлано было слѣдующее. При первомъ взглядѣ на умершаго, можно было замѣтить, что лицо его было нѣсколько скошено направо; кожа на лѣвой скулѣ припухла и имѣла блѣдно-багровый цвѣтъ, такого же цвѣта была кожа на лѣвой сторонѣ нижней челюсти и лѣвой сторонѣ лба, изъ носа и рта вытекала кровь,—все говорило о томъ, что лицо подвергалось какимъ-то сильнымъ ударамъ. Вся спина покойнаго, начиная отъ лопатокъ до бедеръ, была покрыта синими полосами; полосы эти покрывали также всю правую половину груди; онѣ шли или параллельно, или перекрещиваясь сверху внизъ и вкось справа налѣво. Бедра совершенно распухли и синебагроваго цвѣта; онѣ испещрены синими, параллельно-идущими полосами въ разныхъ направленіяхъ. Ширина полосъ была отъ тонкой вязальной иголки до толщины обыкновеннаго карандаша. Въ разрѣзѣ полосъ повсюду замѣчались кровоизліянія въ ткань кожи; между полосами—всюду ссадины величиной болѣе просяныхъ зеренъ. Затѣмъ было множество ссадинъ, царапинъ и красныхъ пятенъ на предплечіяхъ, голеняхъ, локтяхъ и проч. Черепныя кости были цѣлы, но кожа отечна, во многихъ мѣстахъ съ кровоизліяніями въ ткань ея. По бокамъ стрѣловиднаго шва—ямкообразныя вдавленія, проникающія очень далеко въ костную ткань. Далѣе ждало нѣчто ужасное. По снятіи грудины, обнаружились: *переломъ грудной кости* на высотѣ третьяго

межребернаго промежутка и *изломъ реберъ*; на лѣвой сторонѣ переломлены: второе ребро на разстояніи вершка, третье и четвертое на разстояніи полувершка отъ начала реберная хряща, пятое и шестое — четверти вершка отъ начала хряща, девятое—на мѣстѣ соединенія хряща съ костью; на правой сторонѣ: на второмъ ребрѣ два перелома—первый на разстояніи полувершка, а второй—полутора вершка отъ начала реберная хряща; на третьемъ, четвертомъ, пятомъ и шестомъ ребрахъ переломы находятся по срединѣ ихъ; на седьмомъ и восьмомъ—на мѣстѣ соединенія хряща съ костью; девятое ребро цѣло, десятое переломлено въ двухъ мѣстахъ около позвоночника и близъ передняго конца... Но закончимъ здѣсь описаніе всѣхъ этихъ ссадинъ, переломовъ и проч. Можетъ быть и приведеннаго окажется много для впечатлительнаго человѣка; но намъ хотѣлось показать, что истязаніе было дѣйствительно ужасно. Что десятникъ былъ засѣченъ—нѣтъ сомнѣнія; вѣроятно онъ, не имѣя возможности выносить удары, сильно метался; но производители секуціи для того, чтобъ производить операцію удобнѣе, держали несчастнаго за руки и за ноги, садились на голову, на спину и проч.; насколько сильно, наконецъ, онъ былъ придавленъ къ полу, показываютъ изломы реберъ... Является самый естественный вопросъ: кто это такъ безчеловѣчно сѣкъ и увѣчилъ десятника? Предъ смертью онъ былъ только въ двухъ мѣстахъ—въ полицейскомъ управленіи и въ больницѣ; значитъ, гдѣ нибудь тутъ онъ и пострадалъ. Чтожъ найдены ли виновные? Вѣроятно, нѣтъ, да и найти ихъ невозможно. Въ дѣлѣ заинтересовано полицейское управленіе, а для того, чтобъ возможно было производить слѣдствіе, полиція должна быть агентомъ послушнымъ въ рукахъ слѣдователя, а возможно ли это въ настоящемъ случаѣ? Для успѣха дѣла нужно было по крайней мѣрѣ измѣнить

составъ высшихъ служащихъ въ уѣздномъ полицейскомъ управленіи, но и этого не сдѣлано. Прошло вотъ уже болѣе семи мѣсяцевъ со времени «происшествія», а для вятскихъ жителей остается загадкой, гдѣ же это, въ самомъ дѣлѣ, засѣкаютъ до смерти—въ полицейскомъ управленіи, или въ больницѣ? Дальнѣйшіе выводы предоставляемъ дѣлать самимъ читателямъ, предлагая вмѣстѣ съ тѣмъ подивиться тому, что въ теченіе этихъ семи мѣсяцевъ не нашлось никого, кто бы выразилъ въ печати свое негодованіе къ такому варварству, о которомъ мы теперь сообщаемъ.

XXVII.

Наши педагогическіе курсы.

(Письмо изъ Нолинска.)

Въ послѣднее время у насъ на Руси появились такъ называемые педагогическіе курсы. Цѣль учрежденія этихъ курсовъ сама собою очень разумна.

Образовать болѣе или менѣе въ педагогическомъ отношеніи не рѣдко мало подготовленныхъ учителей начальной школы, показать имъ лучшіе пріемы и методы преподаванія, дѣло, конечно, такого рода, противъ котораго всякія возраженія неумѣстны. Но мы возмемъ другую сторону медали—обратимъ вниманіе на то, могутъ ли достигнуть своей цѣли наши педагогическіе курсы именно въ томъ видѣ, какъ они поставлены и съ тѣми задачами, которыя они преслѣдуютъ. Никто, конечно, не будетъ спорить противъ того, что всякое дѣло, сколько бы красиво оно не было обстановлено, тогда только можетъ назваться полезнымъ, когда оно даетъ извѣстный хорошій результатъ и можетъ имѣть практическое при-

ложеніе. Если же дѣло, красивое въ теоріи, на практикѣ оказывается неудобнымъ или даже совсѣмъ безполезнымъ, то и самая теорія никуда непригодна и должна непремѣнно рухнуть—вѣдь одними теоріями жить нельзя. Послѣ этихъ общихъ разышленій, перехожу къ бывшимъ въ г. Нолинскѣ съ 7 августа по 5 сентября педагогическимъ курсамъ.

Начну съ внѣшней обстановки этихъ курсовъ.

Въ качествѣ руководителей были приглашены земскою управою директоръ народныхъ училищъ Нурминскій и инспекторъ Канаевъ — непосредственные начальники и заправители народнаго школьнаго дѣла въ Вятской губ., а потому наставники и наставницы народныхъ училищъ, хотя и раньше представляли себѣ ту невообразимую скуку, которая будетъ царить на курсахъ, зная это по опыту изъ бывшихъ ранѣе, подъ предсѣдательствомъ г. Нурминскаго, учительскихъ съѣздовъ, однако, ослушаться приказаній начальства не рѣшились и явились почти всѣ. Учащимися явились на курсахъ дѣти мѣстныхъ горожанъ, большею частію проучившіяся одну или двѣ зимы въ городскомъ училищѣ и небольшая часть новичковъ, а потому они были раздѣлены на три группы или отдѣленія, какъ это бываетъ въ нашихъ школахъ, въ виду трехгодичнаго курса начальной школы. Первые три дня занимались съ учениками сами руководители, а потомъ по стопамъ ихъ пошли и учителя, старавшіеся большею частію о томъ, какъ бы поддѣлаться подъ директорскій или инспекторскій тонъ. И вотъ на первомъ же шагу начали открываться разные промахи, которые показали учителямъ, что путное изъ курсовъ едвали выйдетъ. На первыхъ же порахъ руководители, а также и ихъ подражатели-учителя обнаружили свое полное неумѣнье вести разумно дѣло со всѣми отдѣленіями школы. Обыкновенно для каждаго часоваго урока назначался особый учитель для исклю-

чительныхъ занятій по извѣстному предмету и съ извѣстнымъ отдѣленіемъ школы; остальныя же группы должны были трудиться самостоятельно. И что же изъ этого выходило? Дастъ этимъ группамъ на скорую руку учитель какую нибудь маленькую самостоятельную работу, большею частію ариѳметическую задачу, конечно, не разъяснивъ ее, какъ слѣдуетъ (вѣдь нельзя же учителю заставлять гг. руководителей долго ждать себя), да и отойдетъ отъ нихъ на цѣлый классъ къ своей группѣ, а затѣмъ дѣлаютъ ли ученики или не дѣлаютъ, понимаютъ ли они или не понимаютъ свою работу, учителю не было ровно до нихъ никакого дѣла,— такой примѣръ и наказъ получили учителя отъ своихъ гг. руководителей. А потому то у этихъ двухъ отдѣленій, предоставленныхъ самимъ себѣ, выходило почти постоянное ничегонедѣланіе. Кто понималъ свою задачу, тотъ скоро ее рѣшалъ, а кто не понималъ, тотъ побьется, побьется немного, да и броситъ свою работу или спишетъ у кого нибудь изъ своихъ товарищей, и затѣмъ какъ для тѣхъ, такъ и для другихъ — шалѣть, шумѣть, дремать и, пожалуй, даже спать наставало полное приволье. И видитъ учитель, что ученики шалятъ и скучаютъ, да отойти отъ своей группы не смѣетъ—боится нарушить и приказъ начальства, да боится и того, какъ бы не потерять запасъ красныхъ словъ, наготовленныхъ имъ еще съ вечера, а можетъ быть и за нѣсколько дней. Такъ и выходило: «видитъ око, да зубъ неймѣтъ». Къ счастію, руководители, въ виду большихъ безпорядковъ, придумали противъ незанимавшихся съ учителемъ группъ полицейскія мѣры: для этого они приставили къ нимъ дежурнаго изъ учителей, который всетаки не долженъ былъ касаться ихъ учебныхъ занятій,—что, конечно, и справедливо, въ виду того, что въ большинствѣ сельскихъ школъ долженъ же управляться со всѣми учениками одинъ учитель, да и дежу-

рить то некому. Такимъ образомъ, въ итогѣ, для каждой группы выходило въ цѣлый день одинъ часъ занятій, а въ остальное время они, какъ жертвы, обреченныя на праздность и скуку, шалѣли и скучали, да и на учителей-зрителей тоску наводили. Я думаю, гг. руководителямъ можно было бы знать коренное правило всякой здравой педагогики, что скука—смертельный врагъ человѣка,—разживется она, ничѣмъ не выживешь. Но если гдѣ и когда либо развивалась смертельная скука, такъ именно на нолинскихъ педагогическихъ курсахъ. Да и помнить бы, крѣпко помнить бы надо гг. руководителямъ, что въ нашихъ сельскихъ школахъ время чрезвычайно дорого; вѣдь всего бываетъ въ году 150 учебныхъ дней. Что же будетъ, если ученикъ съ пользою для себя проведетъ въ школѣ только 150 учебныхъ часовъ; а въ остальные 300 будетъ сидѣть спустя рукава за какой нибудь ничтожной или непонятой имъ работой? А если большая половина учениковъ побываетъ въ школѣ только 100 дней, то вѣдь результатъ-то получается еще плачевнѣе. Неужели же въ самомъ дѣлѣ учитель долженъ быть живъ на извѣстное время для однихъ учениковъ и совершенно мертвъ для другихъ? Неужели учителю непремѣнно нужно, забывъ весь міръ, толковать цѣлый классъ съ извѣстною группою своихъ учениковъ о какой нибудь осѣ (беру именно осу, такъ какъ она, неизвѣстно почему, стала конькомъ-горбункомъ всѣхъ модныхъ учителей), неужели онъ не можетъ оставить на нѣсколько минутъ свой потокъ заранѣе изготовленныхъ разглагольствованій о пресловутой осѣ, и, не оставляя свою группу совершенно безъ дѣла, отойти къ другимъ группамъ, чтобъ своимъ дѣятельнымъ участіемъ и помощью оживить ихъ въ самостоятельной работѣ, разъяснить имъ что либо затрудняющее ихъ и вообще направить ихъ, какъ говорится, на истинный путь? Вѣдь нельзя же допустить, какъ, вѣроятно, думаютъ гг. ру-

ководители, что ученики сельскихъ школъ могутъ такъ же самостоятельно трудиться, какъ ученики высшихъ и среднихъ школъ, да и тѣ часто безъ руководства учителя—чистый нуль. Наши же ученики на столько слабы и неразвиты, что имъ постоянно нуженъ внѣшній импульсъ со стороны преподавателя и если мы, по бѣдности своей, можемъ имѣть на школу, вмѣсто трехъ, только одного учителя, такъ къ чему же и этого единственнаго учителя ставить въ тѣсныя рамки, заставляя его непремѣнно цѣлый урокъ упражняться въ словопвзверженіяхъ съ извѣстною группою, оставляя двѣ другія на произволъ ихъ собственнаго малоразвитаго пониманія. Чувствую я, господа, что вамъ скучно читать мою длинную пѣсню объ одномъ и томъ же—экъ, вѣдь затянулъ, скажете вы—но, повѣрьте, предметъ этотъ такъ важенъ и серьезенъ, что остановиться на немъ коротко нельзя.

По моему мнѣнію, все или по крайней мѣрѣ главное достоинство педагогическихъ курсовъ въ томъ и заключается, чтобы показать учителю, какъ ему разумно управляться съ тремя или даже большимъ числомъ отдѣленій начальной школы. Въ этомъ вопросѣ заключается, можно сказать, «вопросъ жизни и смерти начальной школы». Оставить этотъ вопросъ нерѣшеннымъ и рѣшить его такъ, какъ рѣшили на нолинскихъ педагогическихъ курсахъ—это значитъ ровно ничего не дѣлать для народной школы, и всѣ остальные «самомоднѣйшіе» методы преподаванія будутъ жалкой насмѣшкой надъ безпомощнымъ ея состояніемъ. Сколько бы учитель не имѣлъ педагогическаго такта, сколько бы онъ ни пускалъ въ ходъ свое разговорное искусство, но если онъ будетъ способенъ заниматься только съ одною группою, оставивъ на произволъ судьбы двѣ другія, это не только не хорошій учитель, но онъ даже вовсе не учитель народной школы. И вотъ этотъ-то важный вопросъ совершенно игнорировали и оставляли безъ отвѣта г.г. руко-

водители нолинскихъ педагогическихъ курсовъ. Что же дѣлать, какъ пособить этому горю? Не слыхали ли, господа, простую русскую пословицу: «онъ вертится, какъ воръ на ярмаркѣ». Въ этой простой пословицѣ я нахожу отчасти разрѣшеніе разбираемаго мною вопроса. Мнѣ кажется, что учитель сельской школы долженъ быть, точь въ точь, какъ воръ на ярмаркѣ. Учитель также долженъ быть зорокъ, оборотливъ, поспѣвать всюду, если желаетъ видѣть успѣхъ въ своей школѣ, какъ воръ, если онъ желаетъ поживиться чѣмъ нибудь на ярмаркѣ. Учитель сельской школы долженъ помнить, что онъ не профессоръ университета, который явился въ аудиторію только для того, чтобы прочитать часовую лекцію, не обращая вниманія на то, слушаютъ или не слушаютъ его студенты,—нѣтъ, онъ долженъ помнить, что передъ нимъ находятся самыя слабыя въ умственномъ отношеніи существа, а потому онъ долженъ спѣшить всюду—тутъ указать, здѣсь разъяснить и въ третьемъ помочь.

Вотъ это то и должны показать учителямъ руководители курсовъ. На курсахъ же и руководители, и учителя, точно молодые, еще неоперившіеся актеры на сценѣ; они также хорошо разучили свой урокъ, какъ послѣдніе разучиваютъ свои первыя роли. И какъ актеры боятся въ первые разы даже взглянуть на публику, чтобы не оступиться и не смѣшаться, такъ и наши учителя, вѣроятно, боясь тѣхъ же послѣдствій, не видѣли никого и ничего, кромѣ нѣсколькихъ учениковъ извѣстной группы. Но какъ сцена въ рукахъ плохаго актера далека отъ жизненной правды, такъ и занятія съ учениками на педагогическихъ курсахъ, подъ руководствомъ педагоговъ—теоретиковъ, явились только анахронизмомъ и жалкой пародіей на какіе-то идеальные, но непримѣнимые на практикѣ пріемы преподаванія.

Ставлю пока нуль и перехожу къ простому, внутрен-

нему обзору уроковъ, данныхъ руководителями и учителями на педагогическихъ курсахъ.

Начну съ первоначальнаго обученія чтенію и письму. Результаты здѣсь получены, по истинѣ, громадные. Представьте себѣ, что ученики за цѣлый мѣсяцъ узнали всѣ гласныя буквы, да научились отыскивать въ словахъ звукъ С. Хорошо вѣдь то, что ученики, какъ дѣти мѣстныхъ горожанъ, аккуратно каждый день являлись въ школу; въ противномъ случаѣ результатъ получился бы еще великолѣпнѣе. Что же, спрашивается, дѣлали образцовые учителя? О, вы не знаете этого, по истинѣ, великаго дѣла! А точки, а черточки? А линіи волнистыя и пламеновидныя? А разсужденія, гдѣ правая и лѣвая сторона? гдѣ верхъ, гдѣ низъ, гдѣ середина? И все это продѣлывалось съ разными варіаціями и до тошноты приторными разъясненіями самыхъ пустыхъ мелочей, для ученика совершенно понятныхъ.

При этомъ учитель, кажется, душу готовъ былъ отдать, чтобы выдумать новую, еще невиданную комбинацію линій; невольно думалось въ это время, что тутъ происходитъ классъ рисованія для какихъ-нибудь аристократическихъ или богатыхъ людей, которымъ не мѣшаютъ учиться безчисленные годы ни нужда, ни время; руководители же представлялись учителями первоначальнаго рисованія, которые желаютъ получить какъ можно больше платы за уроки отъ богатыхъ родителей и потому затягиваютъ, насколько возможно дольше, обученіе этихъ дѣтей. Все бы еще туда сюда, если бы въ нашихъ школахъ крестьянскіе ребята учились лѣтъ по шести (какъ, напр., въ германскихъ), а то у насъ самый исправный ученикъ учится дней 300—400; неужели же ему нужно и изъ нихъ-то удѣлять недѣли двѣ на ставленіе только разныхъ точекъ и черточекъ? Да и посмотрѣли бы вы, господа, какъ въ наши дѣйствительныя, а не воображаемыя школы дѣти поступаютъ.

Положимъ, 2 октября явятся въ школу 4 неграмотные ученика, и вотъ съ ними начнутся бесѣды о точкахъ и черточкахъ; чрезъ недѣлю явятся еще новыхъ шесть учениковъ; съ ними опять затянутся на цѣлую недѣлю разсужденія о тѣхъ же точкахъ и черточкахъ,— и такъ пройдетъ весь октябрь, такъ какъ новые ученики принимаются въ школу въ теченіе октября. А въ это время нѣсколько человѣкъ изъ поступившихъ и совсѣмъ не явятся на цѣлую недѣлю, такъ что безъ нихъ пройдутъ, предположимъ, разныя волнистыя и пламеновидныя линіи. Что же учитель долженъ былъ потомъ дѣлать съ ними,—неужели онъ опять долженъ посвящать цѣлые часы на показаніе этихъ линій? Безъ учителя проводить такія хитрыя линіи ученики не могутъ; времени на рисованіе у учителя уже нѣтъ—пожалуй, хоть изъ школы выгоняй учениковъ. А потому, при тѣхъ условіяхъ, въ какихъ находится наша начальная школа, нечего показывать разные фокусы и хитрить; по нашему, ученику вполнѣ достаточно на первыхъ порахъ вполнѣ освоиться съ умѣньемъ, болѣе или менѣе правильно, выписывать элементы буквъ, палки, палки съ закругленіями и кружки, и затѣмъ прямо приступить къ выписыванію самыхъ буквъ, по мѣрѣ ихъ заучиванія, а на выписываніе простыхъ элементовъ нужно не болѣе двухъ-трехъ классовъ, а не дней или недѣль. Да и къ чему, напримѣръ, на цѣлый мѣсяцъ затягивать изученіе однихъ гласныхъ буквъ? Не приведешь ли этимъ даже мальчика въ отчаяніе, когда онъ, послѣ цѣлаго мѣсяца школьнаго обученія, увидитъ въ книгѣ такую массу печатныхъ знаковъ, о которыхъ еще не имѣетъ понятія? А родители учениковъ? Они отъ школы ожидаютъ многаго, а тутъ вдругъ увидятъ, что сынишка ихъ черезъ мѣсяцъ научился только выкрикивать какихъ нибудь 7 — 8 звуковъ «Какъ-де, подумаетъ иной изъ нихъ, у меня, ровно

парнишка—то не плохой, и толкъ есть, а всего въ мѣсяцъ узналъ, какъ выкрикивать какіе-то звуки; онъ, вѣдь, и раньше кричать-то былъ мастеръ». И горе тому учителю, той школѣ, если и въ слѣдующіе мѣсяцы дѣло пойдетъ такими же черепашьими шагами. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не въ филологи же готовятся наши крестьянскіе ребята, чтобы съ ними такъ долго останавливаться и разбирать каждую букву. Но этотъ ничтожный результатъ мѣсячнаго обученія чтенію и письму нѣсколько будетъ понятенъ, если припомнить, что я говорилъ уже ранѣе, что ученики настоящимъ образомъ занимаются въ день только въ теченіе одного урока, а въ остальные два-три урока ничего не дѣлаютъ. Теперь посмотримъ, что дѣлали по чтенію ученики старшихъ отдѣленій. Ну, уже тутъ руководители, а за ними и учителя, что называется, лѣзли на стѣны. Не знаю, запаслись ли они какимъ нибудь обширнымъ энциклопедическимъ словаремъ, или же цѣлыя ночи придумывали разные хитрые подходы къ извѣстной статьѣ и всевозможныя толкованія на каждое слово, но только въ этомъ отношеніи они высказали такую страсть къ толкованіямъ и разъясненіямъ о самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ предметахъ, какъ будто передъ ними находились рукописи, написанныя на какомъ нибудь халдейскомъ нарѣчіи, въ эпоху вавилонскихъ мудрецовъ. Тутъ та же, знакомая уже намъ ось или другая мушка, подверглась самому іезуитскому словесному терзанію. А стулъ и столъ? О, это такіе восхитительные предметы для словесныхъ изліяній нынѣшняго моднаго учителя, что, кажется, можно было при объясненіяхъ о нихъ забыть весь міръ—и думать, будто весь міръ сосредоточился и воплотился въ столѣ и стулѣ. «Вотъ она германская то (хотя, повидимому, и наглядная) метафизика на русской почвѣ!»—невольно думалось тогда каждому учителю-зрителю, глядя на своего собрата, пилившаго передъ учениками нескончаемую

пѣсню о какомъ нибудь тараканѣ, и кто только зналъ, тотъ, навѣрное, не разъ прочиталъ про себя извѣстную басню «Метафизикъ». Терзались въ это время и зрители—учителя, терзались и самые ученики, принужденные выслушивать и повторять одно и тоже безчисленное множество разъ и притомъ зачастую о такихъ вещахъ и предметахъ, которые имъ были совершенно извѣстны. Но, гг. руководители, при такомъ ходѣ дѣлъ успѣешь прочитать въ годъ какихъ нибудь 70 статеекъ по десятку строкъ; когда же ученики то научатся бѣглому чтенію? Вѣдь остановившись на крылышкахъ осы или ножкахъ стула, а какъ разъ и читать то не научились ладненько. И выйдетъ ученикъ изъ школы, едва разбирая слово; ну, что же онъ будетъ понимать, если ему вздумается дома что-нибудь прочитать. Онъ будетъ слѣдить только за тѣмъ, какъ бы не пропустить какой-нибудь звукъ, а за разъясненіями содержанія статьи опять побѣжитъ къ своему старому учителю. А что это случится непремѣнно, въ этомъ легко убѣдиться гг. руководителямъ. Прежде чѣмъ браться за руководство другихъ, пусть попробуютъ они три года провести въ качествѣ учителей народной школы, тогда бы можно на дѣлѣ увидать, далеко ли они ушли со своими разглагольствованіями о пустякахъ. Думаю впрочемъ, что они скоро свернули бы со своей модной дорожки и научились бы цѣнить время, какъ увидѣли бы, что этого драгоцѣннаго продукта въ сельской школѣ очень мало, да и это немногое время не всѣ ученики проводятъ въ школѣ. Тогда они на дѣлѣ увидали бы, что читать цѣлый классъ статейку въ 10 строкъ, ковыряя ее на разные лады—дѣло чисто нелѣпое и, навѣрное, грустно имъ показалось бы, когда они стали бы подводить итогъ своимъ трехгодичнымъ занятіямъ. А то они теперь, разъѣзжая по школамъ и проводя въ каждой только по нѣскольку часовъ или даже минутъ, или открывая на нѣ-

сколько недѣль педагогическіе курсы, утѣшаются тѣмъ, что ученики хорошо ихъ понимаютъ, когда они выворотятъ какую нибудь статью на изнанку. Но вѣдь это минутное заблужденіе, хотя и пріятно поражающее взоры и уши гг. руководителей. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, что же тутъ восхитительнаго, гг. руководители, если разные Саши, Гриши и Коли, послѣ безчисленнаго повторенія одного и того же, дѣйствительно усвоятъ содержаніе какой нибудь ничтожной статьи. Да, вѣдь, и эти ученики зачастую еще до васъ своимъ учителемъ подготовлены; они и безъ разъясненій вашихъ часто чуть не наизусть знаютъ читаемую вами статейку. А вотъ еслибы гг. руководители, изо дня въ день, провели бы въ школѣ три года и совершенно послѣдовательно, не отступая ни на шагъ отъ своего метода, проводили бы время въ разсматриваніи и безконечныхъ объясненіяхъ о самыхъ ничтожныхъ предметахъ, можно было бы съ удовольствіемъ взглянуть на итоги ихъ школьнаго дѣла. Да, господа, итогъ-то будетъ какой? Итогъ не часа, не недѣли, не мѣсяца, а цѣлаго учебнаго года или, лучше сказать, всѣхъ трехъ учебныхъ годовъ, проведенныхъ мальчикомъ въ школѣ? Я и самъ, господа, отъ природы склоненъ къ разглагольствованіямъ, но во время недавняго моего учительства нѣсколько научился экономіи въ словоизверженіяхъ, когда увидалъ за первый годъ плоды своего напраснаго краснорѣчія и разныхъ остроумныхъ соображеній. И я было вступилъ на театрально-педагогическіе подмостки, и давай было вертѣть чуть не каждую статью и такъ, и сякъ—не хуже подслѣпой обезьяны, доставшей полдюжины очковъ и вертѣвшей ихъ на разные лады; но въ этотъ же первый годъ мнѣ и пришлось раскаяться въ своемъ заблужденіи: какъ пришлось ученикамъ читать на экзаменѣ по незнакомой книгѣ, такъ хотя Лазаря пой. И начали они, бѣдные, кой какъ колупать; ну, до разска-

зовъ ли тутъ? И къ счастію для школъ Нолинскаго уѣзда, что хотъ и раньше бывали, подъ предсѣдательствомъ того же г. Нурминскаго, учительскіе съѣзды (тѣ же курсы, только менѣе продолжительные), но большая часть учителей далеко не вполнѣ усвоила въ этомъ отношеніи просвѣщенные взгляды своего руководителя: погарцуютъ, правда, учителя немного на курсахъ, а потомъ, какъ явятся въ школу, школа скажетъ свое, и отложатъ они въ дальній ящикъ излишнія разсужденія, чтобы не попасть впросакъ на ближайшихъ экзаменахъ. Но пусть не думаютъ читатели, что я или эти учителя стоимъ за одно механическое чтеніе; напротивъ, я положительно признаю, что механическое чтеніе не можетъ имѣть мѣста ни въ какой школѣ. Я отрицаю въ этомъ случаѣ только излишнее усердіе гг. руководителей. Я стою только за то, что не для чего объяснять то, что ученики и безъ учителя хорошо понимаютъ, не къ чему придираться къ каждому, не къ чему, говоря о полушубкѣ, описывать всѣ свойства овецъ и барановъ. Понимаетъ или не понимаетъ ученикъ извѣстную статью, это будетъ видно изъ того, какъ онъ передастъ на словахъ ея содержаніе. Я стою только за то, что нужно знать мѣру всему, особенно въ виду краткаго учебнаго времени въ сельскомъ училищѣ.

Теперь нѣсколько словъ о преподаваніи ариѳметики на педагогическихъ курсахъ. Хотя я вовсе не врагъ нагляднаго обученія, но то, что я слышалъ отъ учителей, бывшихъ на курсахъ, приводитъ меня къ убѣжденію, что педагоги-теоретики, не принимая въ разчетъ непродолжительности сельскаго школьнаго обученія, злоупотребляютъ и этимъ прекраснымъ въ сущности способомъ. Между прочимъ съ достовѣрностію полагаю, что гг. руководители недовольны были въ душѣ тѣмъ, что въ Россіи мало разныхъ монетъ. Отчего бы правительству не начеканить монеты (хотя бы для

гг. руководителей) въ 7, 9, 12 коп. и т. д.—примѣрно до полусотни. Вѣдь тогда было бы можно на цѣлый годъ затянуть пѣсню о томъ, какъ размѣнять рубль или полтину на монеты такого и такого-то достоинства, что будетъ, если прибавить нѣсколько монетъ одного достоинства и убавить другаго. Тогда и передвигали бы разные Саши, Гриши и Коли эти монеты изъ одной кучки въ другую и пробовали бы различныя комбинаціи до тѣхъ поръ, пока не истощится весь запасъ разныхъ остроумныхъ соображеній какъ у учителя, такъ и у самихъ учениковъ. А вѣдь этихъ соображеній надолго хватило бы у нашихъ мастеровъ педагогическаго міра. Хватило же у нихъ остроумія на то, чтобы получше замаскировать смыслъ какой нибудь устной задачи. Задача въ сущности пустая; но ее обставятъ какими-нибудь мудреными, вовсе непрактичными условіями, глядишь, ученикъ и задумался. А это вѣдь только и нужно моднымъ учителямъ; нуженъ же въ самомъ дѣлѣ предметъ для ихъ объясненій. Поставь эту же задачу прямо, безъ фокусовъ, вѣдь тогда ученики сразу отвѣтятъ и не потребуется, пожалуй, никакихъ объясненій, а вѣдь это чистое несчастіе для нынѣшняго моднаго учителя. Что касается письменныхъ ариѳметическихъ упражненій, то не подивитесь, читатели, если скажу вамъ и скажу сущую правду, что учащихся уже по вторую зиму заставляли складывать и раскладывать число «шесть». По тѣмъ черепашьимъ шагамъ, которые мы уже видѣли при первоначальномъ обученіи чтенію и письму, пожалуй, и въ самомъ дѣлѣ не дальше дойдешь, если будешь шествовать строго по стопамъ гг. руководителей. Только это «шесть» надо будетъ въ нашей школѣ складывать и раскладывать не одинъ разъ, а по крайней мѣрѣ пять, но на разныхъ недѣляхъ, такъ какъ никогда не случается, чтобы вдругъ непремѣнно всѣ ученики были въ школѣ.

Но къ чему, спрашивается, это теоретическое складываніе и вычитаніе изъ извѣстнаго числа, сперва по единицѣ, потомъ по двойкѣ, тройкѣ и т. д? Или, можетъ быть, нравятся тѣ чуть не безконечныя клѣтки изъ цифръ, то постепенно увеличивающіяся, то постепенно уменьшающіяся? Инымъ я ничѣмъ не могу объяснить, такъ какъ не встрѣчалъ еще, особенно изъ учащихся по вторую зиму, такого болвана, который бы мнѣ отвѣчалъ, что достаточно пяти яблоковъ шести мальчикамъ, чтобы дать имъ по яблоку, или сказалъ бы, что шести мальчикамъ дано только три пера, хотя каждому изъ нихъ дано по перу. Значитъ, не довольно ли, въ особенности для сельской школы, того, чтобы практическими устными задачами повѣривъ степень пониманія ученика о величинѣ и различіи чиселъ, затѣмъ прямо приступить къ рѣшенію небольшихъ письменныхъ, но непремѣнно практическихъ задачъ. Впрочемъ, вспомнивъ о точкахъ и черточкахъ, не будешь удивляться и клѣточкамъ изъ цифръ. Но объ этомъ довольно.

Не могу не коснуться еще вечернихъ занятій гг. руководителей съ одними учителями безъ учениковъ. Тутъ даже сами учителя становились въ разрядъ учениковъ, а гг. руководители превращались въ авдиторовъ, которые во время оно бывали въ семинарской бурсѣ. Обыкновенно чуть не къ каждому вечеру задавалъ директоръ изъ книги для учителей Водовозова его руководительныя замѣчанія о преподаваніи извѣстнаго рода статей, помѣщенныхъ въ его книгѣ для первоначальнаго чтенія.

И вотъ учитель, ставшій въ положеніе школьника, прокорпѣвъ день, а можетъ быть и ночь, надъ изученіемъ заданнаго урока, и долженъ былъ вечеромъ читать наизустъ свой урокъ, боясь отступить отъ подлиннаго, а тѣмъ болѣе прибавить какое-нибудь свое замѣчаніе, выработанное собственной училищной практикой. Но вѣдь выдолбить-то наизустъ изъ книги Во-

довозова учителя могутъ и дома, не собираясь на курсы: книга эта есть въ каждой школѣ. Затѣмъ разбирались уроки, данные учителями во время дневныхъ занятій съ учениками, причемъ, какъ руководителями, такъ и учителями (конечно, сообразно взглядамъ гг. руководителей) дѣлались замѣчанія. Понятно, что только тотъ учитель и заслуживалъ здѣсь большаго или меньшаго одобренія, кто выказывалъ больше остроумной находчивости въ различныхъ объясненіяхъ при урокѣ; но никто и не обращалъ вниманія на то, съумѣлъ ли учитель занять правильнымъ образомъ всѣ отдѣленія школы,— этотъ вопросъ такъ и остался не тронутымъ. Въ концѣ вечернихъ занятій слѣдовало компилятивное изложеніе кѣмъ-нибудь изъ гг. руководителей различныхъ взглядовъ германскихъ и нашихъ кабинетныхъ педагоговъ на школьное народное обученіе; конечно, въ большинствѣ случаевъ эти взгляды педагоговъ-теоретиковъ также шли къ нынѣшней русской начальной школѣ, какъ горохъ къ стѣнѣ. Между настоящею жизнію школы и той идеальной школой, которая рисовалась руководителями, образовалась цѣлая пропасть. Да, гг. руководители, прежде чѣмъ проводить свои и чужіе, идеальные взгляды на школу, напередъ создайте заново эту школу, поставьте ее въ благопріятныя условія, чтобъ не тормозила ее ни народная бѣдность, ни народное невѣжество и непониманіе пользы ученія. А до тѣхъ поръ ваши взгляды и модные пріемы будутъ также смѣшины, какъ совѣты и предписанія врача бѣдняку кушать здоровую пищу, носить теплую одежду, не ходить гулять въ сырую погоду и т. д.

Ставлю еще вопросъ и желаю, чтобъ его разрѣшили г. руководители: сообщая учителямъ модные пріемы преподаванія, дѣйствительно ли убѣждены они въ возможности приложенія ихъ при нынѣшнемъ состояніи народной школы, или же и они сознаютъ всю негод-

ность своихъ разглагольствованій, да только стыдно отстать отъ утопій вѣка. Мнѣ кажется, послѣднее будетъ гораздо справедливѣе. Пусть не указываютъ они въ свое оправданіе на имена нашихъ великихъ педагоговъ; вѣдь изъ нихъ почти никто не былъ въ глухой сельской школѣ, а если и бывалъ, такъ на день, на два, наконецъ, на недѣлю, а въ такое короткое время вѣдь не узнать тѣхъ неблагопріятныхъ условій, въ которыя поставлена русская школа, да не подведешь и итоги своихъ хитрыхъ измышленій и широковѣщательныхъ толкованій. Такимъ образомъ, я полагаю, что если и доставили курсы кому-нибудь пользу, такъ это всего болѣе гг. руководителямъ, такъ какъ каждый изъ нихъ получилъ за 4 недѣли по 200 съ чѣмъ-то рублей. Какъ хотите, а такая прибавка къ получаемому ими и безъ того громадному содержанію составляетъ лакомый кусочекъ. Вѣдь эта сумма составляетъ годовое содержаніе сельскаго учителя, бьющагося изо дня въ день, въ теченіе семи съ половиной мѣсяцевъ, съ мало развитыми, а иногда и совсѣмъ тупоумными крестьянскими ребятами. Не знаю положительно, сколько за время курса получили всѣ учителя Нолинскаго уѣзда суточныхъ денегъ; но, судя по частнымъ ихъ полученіямъ (рублей по 8, 10 и 12), съ достовѣрностію можно положить, что общая сумма ихъ полученія едва ли превышаетъ сумму, ассигнованную земскою управою гг. руководителямъ. Впрочемъ не виноваты же гг. руководители, что такъ щедра была для нихъ земская управа; она выказала къ нимъ щедроты и въ другомъ отношеніи. Желая, вѣроятно, привлечь въ свой уѣздъ усиленную дѣятельность инспектора, она выдала ему билетъ на безплатные прогоны для его путешествій по школамъ, хотя онъ собственно на прогоны и безъ того получаетъ отъ правительства круглую цифру въ 500 р. Но онъ впрочемъ соблюдаетъ въ этомъ случаѣ земскую

экономію, немного затрудняетъ и земскихъ ямщиковъ и земскихъ лошадей. Такъ, напримѣръ, въ селѣ Зыковѣ г. Канаевъ во время своей, болѣе чѣмъ двухлѣтней инспекторской службы, побывалъ только разъ въ мартѣ 1875 года, да и то, по усиленной просьбѣ наставницы, заглянулъ всего на 5 минутъ въ женскую школу, а въ мужскую, не смотря ни на какія просьбы, и совсѣмъ не пошелъ. Впрочемъ это еще не диво. Канаевъ служитъ еще не такъ много. А вотъ г. Нурминскаго (вѣроятно и у него есть билетъ на безплатные земскіе прогоны), въ теченіе всей семилѣтней инспекторской и затѣмъ директорской службы, еще ни разу неудостоились зрѣть зыковскія школы. Да и зачѣмъ же въ самомъ дѣлѣ часто ѣздить по школамъ,—вѣдь ѣзди, не ѣздѣ, прибавки къ жалованью за это не будетъ—не то, что за курсы. Тутъ по крайней мѣрѣ сразу можно показать свою физіономію всему уѣздному учительскому міру, тутъ есть передъ кѣмъ излить накопившіяся въ послѣднее время педагогическія фантазіи,—чего же больше?

Въ заключеніе не могу не подать одного совѣта нолинской земской управѣ. Чѣмъ затрачивать на курсы по тысячѣ рублей, пусть она выпищетъ на эти деньги для учителей педагогическихъ журналовъ и руководствъ, а для учениковъ книгъ для чтенія.

Тѣми и другими совершенно бѣдны сельскія школы. А на тысячу рублей книгъ можно купить очень много. Изъ педагогическихъ журналовъ усердный учитель и безъ курсовъ выберетъ, что ему нужно для школы, а книгами для чтенія ученикъ могъ бы пользоваться какъ въ школѣ, такъ и послѣ, внѣ школы, чтобы пополнить скудный школьный запасъ своихъ свѣдѣній. А то теперь обратится ли ученикъ къ учителю за «хорошенькой» книжкой, чтобы почитать въ воскресенье дома, или какой-нибудь грамотный крестьянинъ, учителю прино-

дится только отрицательно покачать головой и сказать: «нѣтъ про тебя, другъ любезный».

По неволѣ приходится и еще поставить нуль и тѣмъ закончить статью.

XXVIII.

Зарвавшійся плутократъ.

(Письмо изъ Малмыжа).

«Пошелъ козелъ въ огородъ ..»
Нар. пѣсня.

I.

Въ настоящую минуту всѣ взоры устремлены на Турцію. Нѣтъ ничего удивительнаго, поэтому, если я попрошу читателя остановить на минуту свое вниманіе на Малмыжскомъ уѣздѣ. Это уѣздъ татарскій, башкирскій, инородческій, гдѣ православный людъ остается въ меньшинствѣ. Что касается свиней, то ихъ здѣсь насчитываютъ болѣе 20 тысячъ... Согласитесь, что не вездѣ можно найти такой урожай на этихъ благородныхъ животныхъ. Кромѣ свиней, въ уѣздѣ замѣчается еще обиліе хищныхъ птицъ, преимущественно коршуновъ, попавшихъ даже въ городской гербъ вмѣстѣ съ окружающимъ ихъ презрѣннымъ металломъ. Какъ затесался онъ туда—неизвѣстно, потому-что Малмыжъ отъ временъ сѣдой древности и поднесь всегда считался бѣднымъ Макаромъ, на котораго валились шишки 84-й пробы. Еще Рычковъ, авторъ Казанской исторіи, побывавшій въ Малмыжѣ въ 1771 году и глубокомысленно замѣтившій, что «жители его, кромѣ магомстанъ, всѣ православные», вмѣстѣ

съ тѣмъ находилъ, что тамъ «нѣтъ зажиточныхъ людей и всего только 2 деревянныя церкви да 100 обывательскихъ домовъ, въ коихъ живутъ пахатные солдаты и бѣдные купцы (!), не имѣющіе никакого промысла, кромѣ хлѣбопашества...»

Но не о свиньяхъ и не о хищникѣ на серебряномъ полѣ я собрался вамъ писать, а о нѣкоторыхъ мѣстныхъ земцахъ и предсѣдателѣ прошлаго уѣзднаго собранія, малмыжскомъ плутократѣ, Константинѣ Александровѣ Юшковѣ. Здѣшнее земство самое замѣчательное во всей Вятской губерніи: половина его волостей остается безъ школъ; учителя здѣсь обязаны заявлять о нуждахъ училищъ за $1^1/_2$ года впередъ (*); гласные имѣютъ право раскрывать ротъ, при обсужденіи какихъ либо вопросовъ въ собраніи, только три раза; мировые судьи, какъ, напримѣръ, г. Скуридинъ, занимающіеся болѣе винокуреніемъ и хандлеваніемъ, живутъ въ своихъ участкахъ по недѣлѣ въ мѣсяцъ, проводя остальное время въ другой губерніи и совершая эти прогулки на добрыхъ земскихъ лошадкахъ; врачи выписываютъ телятъ изъ Казани; члены управы (Арсаевъ) по 15 разъ на годъ навѣщаютъ своихъ присныхъ, проживающихъ въ Казанскомъ уѣздѣ и, покупая *кстати* для канцеляріи дюжину стальныхъ перьевъ и кусокъ резины, ставятъ, «при семъ удобномъ случаѣ», свои поѣздки на счетъ безгласныхъ мужичковъ. Собраніе, обнаруживши растрату денегъ въ управѣ (г. Колотовымъ) и найдя, что больница построена изъ стараго, сгнившаго лѣса, отпускаетъ ей наградныя деньги и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказывается, по предложенію г. Муравьева, благодарить архитектора Глазырина за его экономію 350 р. изъ 400; но за то глубокомысленно признаетъ губернскаго санитара и хи-

(*) См. Журналы малмыж. земскаго собранія IX очеред. сессіи, Вятка, 1876 г.

мика ненужными для Малмыжскаго уѣзда. Да и, въ самомъ дѣлѣ зачѣмъ они здѣсь?—Эка невидаль — санитаръ; да чѣмъ не «санитаръ» хоть бы нашъ же «воротила» Юшковъ. «Они», вѣдь, обучились въ дворянскомъ, благородномъ пансіонѣ и произошли и физику, и химику, и всю эфту механику... Значитъ, мы и сами умѣемъ зубы заговаривать.

Представьте же себѣ, что въ такую среду, гдѣ общественные интересы играютъ лишь роль декораціи или дойной коровы; гдѣ убѣжденія, принципы, нравственный долгъ фигурируютъ въ качествѣ иностранныхъ словъ; гдѣ всѣ дѣйствія, помыслы и разумѣнія сводятся къ одному общему знаменателю личныхъ отношеній — представьте себѣ, что въ такое болото попадаетъ нѣсколько человѣкъ, желающихъ потрудиться надъ очисткою уѣздныхъ авгіевъ стойлъ... Какой гвалтъ они должны вызвать въ этой еврейской синагогѣ, какую бурю выдержать со стороны своихъ противниковъ, привыкшихъ служить Мамонѣ, и вдругъ услыхавшихъ, что это самое грубое идолопоклонство!...

II.

«Партіи» малмыжскаго очереднаго собранія, о которомъ мы говоримъ, организованы были такимъ образомъ: съ одной стороны интеллигенція въ лицѣ Н. С. Веденскаго, А. П. Муравьева, лѣсничихъ фонъ-Эгерта, де-Бособра Пинегина и Батуева, съ другой—предсѣдатель собранія Юшковъ и вся остальная масса, выбравшая выразителемъ своихъ вожделѣній или секретаремъ мироваго туриста Скуридина, а когда тотъ оказался черезчуръ уже несостоятельнымъ и малограмотнымъ, призвавшая ему на помощь двухъ ассистентовъ — Е. Колотова и компаньона Скуридина по винокуренному заводу, г. Пафнутьева. Масти были подобраны недурно. Но нельзя

сказать того же про самую игру. Сначала она происходитъ за кулисами до поднятія занавѣса. Масса пронюхала и донесла своему принципалу Юшкову, что надъ его клевретовъ, Скуридинымъ, виситъ Дамокловъ мечъ, что интеллигенція собирается мироваго-туриста безцеремонно вытурить: затѣмъ самъ Юшковъ узнаетъ отъ Н. С. Веденскаго, что тотъ намѣревается занести руку на дорогаго ему Цвирко и требовать отъ собранія его увольненія. Дѣятельностью этого врача уже давно и многіе были недовольны; но протекція Юшкова замазывала всѣмъ рты и заставляла языки обывателей прилипать къ гортани. Все сходило ему съ рукъ; можетъ быть и потому еще, что другой врачъ, Іозефовичъ, «слабъ» еще болѣе. Наконецъ, нашла коса на камень: въ 80 верстахъ отъ Малмыжа какая то крестьянка Орѣхова около 5 дней мучилась родами; не зная, какъ ей помочь, мѣстная акушерка просила пріѣхать въ село г. Цвирко; но тотъ отписалъ ей, что, молъ, пошлите за другимъ врачемъ (за 120 верстъ!) или привезите ее ко мнѣ въ городъ. Подумали, подумали и, махнувши рукой, рѣшились везти. Но понятно, что такой дальней дороги подобная больная не могла выдержать и на 10-й, кажется, верстѣ скончалась въ страшныхъ мукахъ по всѣмъ правиламъ малмыжской земской медицины. Но что значитъ для такого просвѣщеннаго плутократа, какъ Юшковъ, смерть какой нибудь «бабы!..» Оказалось, что для него всякая женщина даже въ гробу, составляетъ лишь сюжетъ для повседневнаго клубничнаго языкоблудія, которое онъ тутъ же и развернулъ во всей его красѣ, пустившись въ различныя пошлости и сальности по поводу родовъ, ихъ причины и неудачнаго исхода. Малюя свой скабрезный пейзажикъ, нашъ плутократъ расчитывалъ представить все это дѣло мелочнымъ, пустымъ, незаслуживающимъ серьезнаго вниманья «случаемъ». Но когда изъ словъ г. Веденскаго стало ясно, что всѣ

его эскурсіи въ область клубники не только не отклонили отъ г. Цвирко угрожающей ему опасности, но вызвали въ «ходатаѣ за бабу» чувство омерзенія и еще болѣе утвердили въ немъ первоначальное намѣреніе довести о поступкѣ г. Цвирко до свѣдѣнія собранія, то Юшковъ сразу перемѣнилъ свой шутливо-благодушный тонъ на Юпитерскій и прямо отрубилъ, что онъ скорѣе пожертвуетъ всѣмъ своимъ имуществомъ, чѣмъ позволитъ управѣ (диктаторъ да и только!) уволить г. Цвирко.

— «Посмотримъ, кто изъ насъ побѣдитъ, заключилъ нахально плутократъ—и кому больше попадетъ на орѣхи: вамъ или Цвирко?».

III.

Вотъ интродукція, увертюра. Затѣмъ открывается занавѣсъ и начинается представленіе какъ будто бы земскаго собранія, на самомъ же дѣлѣ непрерывная травля Деруновскихъ «революціонеровъ...» Но какъ извести ихъ, какъ заставить ихъ смириться, какъ покорить подъ свои «нози всякаго врага и супостата?» Первое дѣйствіе комедіи сразу показало, что, соблюдая приличія, сдѣлать это довольно трудно. Говорятъ они спокойно, держатъ себя солидно; ни желанія пикироваться, ни входить въ «пререканія» съ предсѣдателемъ не обнаруживаютъ, ни на вызовы, ни на заигрыванія не поддаются, впередъ не забѣгаютъ и вообще выказываютъ необыкновенное терпѣніе... Оставалось поэтому одно изъ двухъ—или сложить оружіе и утратить на глазахъ «милостивыхъ государей» значительную часть своего многолѣтняго обаянія и авторитета или же отбросить всякія приличія и прямо двинуться на «ура». Нужно ли говорить, что г. Юшковъ, нелюбящій долго думать, выбралъ послѣднее.

Штурмъ крѣпости съ открытыми воротами начался съ третьяго засѣданія. Наскоро составленная диспозиція приступа заключалась въ слѣдующемъ: 1) отрядить бригадира Скуридина съ инвалидной командой его журналовъ для цѣлаго ряда запутанныхъ демонстрацій передъ лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи и 2) заставить противника выйти изъ фронта, чтобъ стать подъ защиту факта отъ направленныхъ на него боковыхъ выстрѣловъ и, когда онъ сдѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, открыть противъ него сосредоточенный огонь «предостереженій,» а за тѣмъ, при первомъ крикѣ отъ боли, составивъ своеручно полицейскій протоколъ о буйствѣ, на основаніи малмыжскихъ полевыхъ законовъ, взорвать непріятеля на воздухъ.

Травля открылась, какъ мы уже сказали, въ 3-е засѣданіе послѣ двухдневныхъ напрасныхъ ожиданій и разсчетовъ на оплошность «интеллигенціи». По прочтеніи Скуридинымъ журнала предъидущаго засѣданія, гласные Веденскій и Муравьевъ заявили, что мнѣнія, высказанныя ими вчерашній день при обсужденіи вопроса о перемѣщеніи аптеки, изложены секретаремъ невѣрно. Вмѣсто того, чтобъ дать собранію *высказаться* по поводу этого заявленія и *обсудить* его, предсѣдатель прямо перешелъ къ счету голосовъ *за* и *противъ* него. Приписывая такой лаконическій пріемъ разсѣянности г. Юшкова, Веденскій хотѣлъ было обратиться къ нему съ просьбой выслушать его, но не успѣлъ онъ сказать: «позвольте мнѣ, г. предсѣдатель...», какъ этотъ послѣдній метнулъ въ него «первымъ предостереженіемъ» *за перерывъ*. За «первымъ» предостереженіемъ послѣдовало второе, за вторымъ лишеніе правъ состоянія .. виноватъ, права голоса. И вся эта масса «дисциплинарныхъ мѣръ» обрушилась на голову Веденскаго въ теченіе какихъ нибудь нѣсколькихъ секундъ.

Но въ особенности интересно, какъ эти предостереженія

мотивированы въ журналѣ: «Предсѣдатель.... начавъ баллотировку, былъ вторично прерванъ г. Веденскимъ, *получившимъ* второе предостереженіе (выходитъ, что онъ его получилъ еще *до* втораго перерыва; но за что же?); наконецъ, при баллотировкѣ, вновь былъ прерванъ въ третій разъ, за что» и т. д. Мы рѣшительно не понимаемъ, какъ это можно *прервать* кого нибудь при баллотировкѣ, которая выражается не въ преніи, а въ безмолвномъ вставаніи. Что же, быть можетъ, г. Веденскій своимъ «позвольте мнѣ» прерывалъ звукъ отодвигаемаго предсѣдательскаго кресла и тѣмъ лишилъ возможности нѣкоторыхъ гласныхъ *мгновенно* отозваться на этотъ призывный сигналъ тѣми же нечленораздѣльными звуками и тѣмъ же неподражательнымъ вставаньемъ? Если такъ, то его, конечно, слѣдовало предостеречь... что это совершенно напрасно, такъ какъ у дисциплины, кромѣ ушей, есть еще глаза... Но мы всетаки желали бы знать, въ чемъ тутъ разница: «при началѣ баллотировки» и «при баллотировкѣ». Мудрый Эдипъ, разрѣши! Наконецъ, какъ это можно лишить кого нибудь права *голоса* по вопросу, рѣшаемому безъ *преній*? Но г. Скуридимъ весьма просто и образно, какъ настоящій малмыжскій Эдипъ, разрѣшаетъ намъ эту загадку, ставя на видъ г. Веденскому, что онъ, «не смотря на лишеніе его права голоса по *сему* вопросу, при баллотировкѣ всетаки всталъ». Подъ правомъ голоса законъ понимаетъ право участія въ *обсужденіи* тѣхъ или другихъ вопросовъ; поэтому, основываясь на толкованіи г. Скуридина, нужно полагать, что малмыжцы тоже обсуждаютъ вопросы, только не головой, а чѣмъ то другимъ. А если это такъ, то несомнѣнно, что и журналы засѣданій, они пишутъ вполнѣ безсознательно, наугадъ: авось, выйдетъ со смысломъ; къ несчастію, послѣднее рѣдко удается, а чаще всего являются курьезы въ родѣ слѣдующихъ: «редакція журнала принята всѣ-

ми, кромѣ *одного* г. Муравьева *и* Веденскаго, который»; «при разъясненіи предсѣдателемъ» (Веденскому) того-то и того-то «*и* просилъ удалиться»; «происходитъ не собраніе, а подписаніе акта»; началъ требовать допущенія его въ обсужденіе акта»; «вопросъ о подпискѣ акта онъ не предлагаетъ *обсужденію*»; «и онъ (актъ)... есть не постановленіе собранія, а актъ (актъ есть актъ»); «не усложнять преній разными не относящимися къ дѣлу разрѣшеніями»; «онъ высказалъ, что Казань есть городъ, въ которомъ такъ много удовольствій, или по своимъ торговымъ и семейнымъ дѣламъ и потому онъ находитъ нужнымъ поручить управѣ» и т. д.; «о принятіи мѣръ къ удержанію фанатическаго упорства муллъ къ распространенію русской грамоты» и проч, и проч., и проч.

Подобными курьезами испещрены всѣ журналы послѣдняго малмыжскаго собранія. Возможно ли послѣ этого предположить, чтобъ составлявшій ихъ секретарь —человѣкъ, неумѣющій считать до двухъ, былъ въ состояніи, если бы даже и желалъ, передавать вѣрно мнѣнія, высказанныя гласными во время преній? И не естественно ли поэтому, что, при чтеніи каждаго журнала, въ немъ должна была оказываться и дѣйствительно оказывалась цѣлая масса прорѣхъ, неточностей, упущеній и даже прямыхъ нелѣпицъ? Съ другой стороны и понимать такую тарабарщину довольно трудно. Мы по крайней мѣрѣ—признаемся—должны были нѣкоторыя мѣста скуридинскихъ анналъ перечитывать по два и по три раза для того, чтобъ доискаться въ нихъ какого нибудь подобія человѣческаго смысла. Но малмыжскій уѣздъ, какъ извѣстно, инородческій. Между его земскими гласными не рѣдкость встрѣтить татаръ, безъ сомнѣнія, еще менѣе знакомыхъ съ русской грамотой, чѣмъ даже Скуридинъ. Представьте же себѣ, что имъ *безъ преній* ставятъ для рѣшенія вопросъ о

правильности или неправильности «редакціи журнала», о вѣрности или невѣрности передачи секретаремъ вашихъ словъ, вашей мысли, вашего замѣчанія или мнѣнія... Не долженъ ли такой способъ «вотировки» (излюбленное малмыжское словечко) приводить къ нелѣпымъ результатамъ?

Но Юшкову, какъ видно, этого-то и хотѣлось. Вся его цѣль заключалась не въ разъясненіи того или другаго дѣла, а въ стараніи такъ или иначе «упечь» своего противника, *устроить* ему, по возможности, болѣе крупный скандалъ. Вотъ почему, когда въ слѣдующемъ засѣданіи возникъ снова вопросъ о невѣрномъ составленіи журнала и г. Веденскій, видя, что г. Юшковъ хочетъ, какъ и вчера, рѣшить его одной лишь «вотировкой», указалъ *въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ* на неудобство такого пріема по отношенію къ *составу* малмыжскаго ссбранія (и даже не указалъ, а только выразилъ сомнѣніе въ формѣ вопроса о его правильности — «будетъ ли, молъ, это правильно?»), то Юшковъ такъ сталъ на него *кричать*, что нѣсколькимъ гласнымъ сдѣлалось дурно и они принуждены были выдти изъ собранія, причемъ г. Муравьевъ явился на помощь къ своимъ ошеломленнымъ товарищамъ съ «успокоительными каплями...» Собраніе разстроилось, опустѣло и должно было закрыться.

IV.

— Ну, подумаетъ читатель, наконецъ-то Юшковъ попался и поплатится, какъ слѣдуетъ, за буйство.

Погодите. Собраніе дѣйствительно должно было закрыться, потому что въ немъ оказалось только 8 гласныхъ; но оно не закрылось, потому что для Юшкова законы не писаны. Точно также и актъ былъ дѣйстви-

тельно составленъ, не о буйствѣ Юшкова, а напротивъ—Юшковымъ о буйствѣ 4-хъ гласныхъ, имѣвшихъ дерзость не выслушать до конца его казарменнаго крика и почувствовавшихъ отъ него дурноту. Слыхали-ли вы, господа, народную сказку о томъ, какъ щука била челомъ на ерша, что ей нѣтъ житья въ прудѣ отъ этого забіяки? Такъ вотъ эта самая сказка и разыграна была здѣсь Юшковымъ при бенгальскомъ освѣщеніи, въ лицахъ послушныхъ ему земцевъ, изъ числа которыхъ г. Скуридинъ могъ бы про себя сказать—«первый есмь азъ».

Но какъ же могла произойти такая возмутительная подтасовка фактовъ? На это есть только одно объясненіе: «кого Богъ захочетъ наказать, у того отниметъ разумъ». И дѣйствительно, зарвавшись до чортиковъ, г. Юшковъ впадаетъ затѣмъ какъ бы въ безсознательное состояніе и вспомоществуемый Скуридинымъ (слѣпой ведетъ хромаго) начинаетъ выдѣлывать своими дальнѣйшими поступками какія-то безшабашно-пьяныя мыслете. Что тотъ и другой изъ нихъ находились въ это время въ положеніи невмѣняемости, всего лучше доказываетъ 38-я страница «Журналовъ», на которой оба они, такъ сказать, «расписались» въ своемъ лунатизмѣ. Тутъ, на 8 строкахъ, мы встрѣчаемся съ такой массой путаницы, противорѣчій, безграмотности и абсурдовъ, какая только можетъ помѣститься въ верхнемъ этажѣ Торопки Голована, про котораго говорится въ пѣснѣ: «голова его, что пивной котелъ». Судите сами.

«Вслѣдствіе возникшихъ безпорядковъ *было засѣданіе* закрыто». (Закрывши засѣданіе, Юшковъ тѣмъ не менѣе поручаетъ Скуридину составить актъ). «По изготовленіи акта, когда г. предсѣдатель пригласилъ участвующихъ въ его составленіи 8 гласныхъ (значитъ—актъ не былъ еще составленъ, такъ какъ «участвующій»—причастіе *настоящаго* времени) для подписа (чего?), г. Ве-

денскій началъ требовать допущенія его *въ* (!) обсужденіе акта, (!!) при разъясненіи г. предсѣдателемъ, что *происходитъ не собраніе, а подписаніе* акта (это, молъ, не дерево ростетъ, а ель стоптъ... Да вѣдь «подписаніе» ваше гдѣ было «учинено»? Развѣ не въ собраніи? Какже послѣ этого оно могло не происходить?...), составленнаго безъ бытности (!) его (кого — собранія, предсѣдателя или Веденскаго?) и просилъ удалиться (Предсѣдатель Веденскаго или Веденскій предсѣдателя? По конструкціи фразы выходитъ послѣднее); но онъ, настаивая на своемъ требованіи, спрашивалъ (,) лишенъ ли онъ голоса» (и вполнѣ резонно).

Мы не выписываемъ далѣе, потому, что въ дебряхъ Юшковской логики и Скуридинской литературы самъ чортъ ногу сломитъ. Каждому извѣстно, что никакое дѣйствіе гласныхъ безъ постановленія собранія не можетъ имѣть силы, что 8 гласныхъ по закону не могутъ составлять собранія; что *акты* о безпорядкахъ, отъ кого бы они не исходили, составляются полиціей при «бытности» обвиняемыхъ, а не безъ «бытности оныхъ»; причемъ они имѣютъ право дѣлать объясненія на самыхъ актахъ; что предсѣдатель земскаго собранія не полиціймейстеръ и не околоточный, а гласные не понятые; что каждый гласный, нелишенный права голоса, можетъ высказывать свое мнѣніе обо *всемъ*, что происходитъ въ собраніи, и, наконецъ, что тамъ, гдѣ нѣтъ «собранія» (какъ объяснено въ журналѣ), можетъ быть только организованная *сходка*, гдѣ предсѣдатель теряетъ свои законныя полномочія и является лишь *интриганомъ—подстрекателемъ*, рискующимъ познакомиться съ «Уложеніемъ о наказаніяхъ».

Все это г. Юшковъ отлично зналъ; зналъ онъ также и то, что никакого акта тутъ и не требуется, а все предположенное къ *изображенію* въ немъ, можно было

занести въ журналъ; но ему нужны были, во что бы то ни стало, зажиманіе рта своимъ противникамъ

И скандалъ, скандалъ...

Онъ понималъ, что никакая полиція не согласилась бы составить акта о выходѣ изъ засѣданія гласныхъ (на что они имѣютъ полное право, точно также какъ и право не ходить на цыпочкахъ передъ плутократомъ, какъ это дѣлаетъ добровольно большинство его «покорнѣйшихъ слугъ»), и поэтому рѣшился самъ превратиться въ полицію. Мы не можемъ хорошенько уяснить себѣ, зачѣмъ гг. Веденскому, Муравьеву и др. понадобилось разрѣшеніе г. Юшкова участвовать въ обсужденіи акта: на *сходкѣ* каждый можетъ говорить безъ дозволенія. Да, по правдѣ сказать, нечего тутъ было и говорить: это значило бы тоже самое, что отправиться въ желтый домъ и увѣрять Попрыщина, что онъ не Фердинандъ VII.

V.

Интересно видѣть, до какой степени хожденіе на цыпочкахъ большинства земцевъ уѣзда передъ Юшковымъ сдѣлало его нетерпимымъ, взбалмошнымъ и неспособнымъ къ оцѣнкѣ своихъ поступковъ. Онъ не только читалъ нотацію гласнымъ за ихъ поздній приходъ, но позволялъ себѣ дѣлать имъ, какъ школьникамъ, замѣчанія, чтобъ они не смѣли между собой шептаться и, когда г. Муравьевъ просилъ такое замѣчаніе предсѣдателя занести въ журналъ, то онъ не хотѣлъ исполнить его просьбы, предлагая ему подать объ этомъ отдѣльное мнѣніе. Вообще г. Юшковъ, какъ одинъ изъ щедринскихъ помпадуровъ, отдѣлывавшійся отъ всѣхъ вопросовъ жизни двумя фразами: «ахъ, матушка» и «нѣтъ закона», отдѣлывался отъ всякихъ преній съ помощью двухъ многосложныхъ вокабулъ: для большинства, которое всегда идетъ за нимъ какъ панургово стадо, у него

постоянно имѣлась въ запасѣ «вотировка» и для непокорнаго меньшинства «отдѣльное мнѣніе». Такимъ образомъ, и волки оставались голодными, и овцы невредимыми; «сеничкинъ ядъ» самостоятельныхъ мнѣній въ нихъ не могъ проникнуть также, какъ тарантулъ въ овчину. И просто и замысловато...

О, что касается до замысловатости, то по этой части онъ нестоющимъ... Какъ вамъ нравится, напримѣръ, такого рода случай. Наученные опытомъ предыдущаго засѣданія и опасаясь составленія новаго акта о произвольномъ выходѣ ихъ изъ тронной залы Константина-Малмыжероднаго, гг. Муравьевъ и Веденскій, вставши съ мѣстъ, обратились почтительно къ предсѣдателю съ вопросомъ: «не дѣлаютъ ли они этимъ шума и безпорядка и можно ли имъ выйти изъ засѣданія, не опасаясь, что это будетъ сочтено за нарушеніе порядка?» На это Юшковъ съ олимпійскимъ величіемъ отвѣчалъ, что «шумомъ не можетъ считаться то, въ чемъ не заключается онаго» и что «дѣйствіе, которое всякій можетъ сдѣлать и которое не производитъ безпорядка, не можетъ быть сочтено за оный». Когда же Веденскій замѣтилъ, что вчерашній день былъ составленъ актъ, какъ о безпорядкѣ съ его стороны за тоже самое «дѣйствіе», то Юшковъ остановилъ его, и велѣлъ секретарю занести его слова въ журналъ, какъ «неумѣстныя возраженія», что, конечно, услужливый палладинъ предсѣдателя, Скуридинъ, и поспѣшилъ исполнить безъ всякихъ возраженій, оставшись самостоятельнымъ лишь по вопросу о русской грамотѣ, въ которую Юшковъ, какъ видно, не входитъ.

VI.

Читатель, быть можетъ, спроситъ, почему-же Веденскій, Муравьевъ и другіе, видя себя атакованными со

всѣхъ сторонъ, не требовали копій съ журналовъ, съ тѣмъ чтобъ жаловаться на угощавшія ихъ треухами стѣнобитныя машины и представить эти журналы, куда слѣдуетъ, въ качествѣ вещественныхъ доказательствъ. Но что можно было бы сдѣлать съ подобными документами, въ которыхъ, отчасти намѣренно, отчасти по малограмотности, искажались слова, мысли объясненія и всѣ дѣйствія протестующихъ гласныхъ, гдѣ самыя обращенія ихъ къ предсѣдателю представлялись или въ задирательномъ или въ смѣшномъ видѣ. Для какой надобности могъ бы служить, напримѣръ, Батуеву лоскутъ бумаги, на которомъ прописано, что онъ «спросилъ предсѣдателя, можетъ ли онъ участвовать въ обсужденіи вопроса о смѣтѣ, (и) по полученіи удовлетворительнаго (можетъ быть *утвердительнаго?*) отвѣта, заявилъ, что о смѣтѣ онъ сказать ничего не можетъ» и т. д.? Вѣдь если бы у него кто нибудь прочиталъ подобную грамотку, то могъ бы невольно припомнить два не особенно благозвучные стиха изъ Пушкина:

Дурень, ты, дурень, бабень, ты, бабень,
То же бъ ты слово, да не такъ бы ты молвилъ.

— Такъ пусть же она лучше остается у Скуридина и Юшкова, рѣшилъ, по всей вѣроятности, не безъ внутренняго сарказма г. Батуевъ.

Да и какъ тутъ требовать себѣ журналъ, когда того и гляди, чтобъ какъ нибудь еще не пропали по разсѣянности «ваши собственныя отдѣльныя мнѣнія». Дѣло дошло до того, что гласные не иначе отдавали секретарю и предсѣдателю свои письменныя заявленія, какъ взявши съ него предварительно квитанцію въ ихъ полученіи. Вѣдь надо думать, что, безъ секретныхъ причинъ, къ такому страхованію отъ огня никто не станетъ прибѣгать. Значитъ, были-же основанія сомнѣваться...

Какъ посмотрѣть, да посравнить

Вѣкъ нынѣшній и вѣкъ минувшій,

времена новоселья вятскихъ земствъ и нынѣшняго ихъ кукушечнаго періода, такъ даже вчужѣ дѣлается тошно... Лучшіе люди перестаютъ вить свои гнѣзда на вятской землѣ, бѣгутъ изъ нея и несутъ свои яйца въ другіе края, гдѣ хотя и есть свои «печали и воздыханія», но нѣтъ, по крайней мѣрѣ, ни Юшковыхъ, ни Дерновыхъ, ни Шульцевъ, ни различныхъ внѣдряющихся въ земство и заправляющихъ всѣми его дѣлами пришлыхъ пройдохъ... Люди по мельче стараются обезпечить себя отъ какихъ либо непредвидѣнныхъ случайностей различнаго рода «квитанціями» (договорами, условіями, контрактами)... И только одна мразь чувствуетъ себя совершенно свободно и съ легкимъ сердцемъ и чисто выметенной совѣстью глядитъ смѣло впередъ «въ надеждѣ», конечно, не славы, но «добра», всеконечно, общественнаго. Эта то именно мразь теперь и хозяйничаетъ въ земскомъ огородѣ.

Но мы отклонились въ сторону. Какъ ни мало могли помочь протестантамъ гнилые фабрикаты винокура Скуридина, тѣмъ не менѣе они пытались запастись ими на всякій случай, и одинъ изъ нихъ (г. Муравьевъ) обращался къ Юшкову съ просьбой (требовать отъ него что либо въ Малмыжѣ, когда онъ окруженъ своимъ «вѣрнымъ холопствомъ», по меньшей мѣрѣ безполезно) о выдачѣ ему копіи журнала того засѣданія, въ которомъ предсѣдатель, являясь коноводомъ незаконной сходки, присвоилъ себѣ аттрибуты полицейской власти. Но такъ какъ г. Юшковъ человѣкъ о двухъ головахъ, то онъ на это отвѣтилъ, что «не имѣетъ *прямаго* указанія въ законѣ о выдачѣ гласнымъ копій съ журнала постановленій и по этому *не считаетъ себя въ правѣ* на выдачу ихъ, такъ какъ постановленія могутъ быть *опубликованы* только тогда, когда войдутъ въ законную

силу, т. е. по просмотрѣ ихъ губернаторомъ».—Joli?... Законъ, даже по *его* словамъ, не запрещаетъ выдачи гласнымъ копій, но онъ все таки считаетъ выдачу ихъ незаконной (хороша логика: что не запрещено, то не дозволено), такъ какъ приложеніе журнала къ жалобѣ, поданной въ сенатъ, есть опубликованіе... Joli?

— Но вѣдь Муравьевъ могъ его также и опубликовать безъ губернскаго разрѣшенія, и тогда предсѣдатель рисковалъ бы подвергнуться законной отвѣтственности.

— Увы, это всецѣло зависѣло отъ мѣстной цензуры, т. е. тоже отъ губернатора, безъ подписи котораго ни одна типографія не рѣшится печатать журналовъ земскихъ собраній.

Но вѣдь есть столицы, безцензурныя изданія?...

— Да, есть; но за то есть и *прямое указаніе закона*, что за подобное «опубликованіе» отвѣчаетъ лишь одинъ редакторъ газеты. Какой же редакторъ, при такихъ условіяхъ, сталъ бы помѣщать въ своей газетѣ белиберду Скуридина, когда читаешь котораго, то *чувствуешь*,

«Какъ будто тронулся обозъ,
«Въ которомъ тысячи немазаныхъ колесъ?»

Такъ или иначе, но кошка знала, чье мясо съѣла, и копій журналовъ выдавать *не приказано*.

Разсказываютъ, что какъ то Меттернихъ, иронизируя надъ логикой дипломатіи, сострилъ: «по всѣмъ правиламъ здраваго смысла долженъ быть миръ, а потому будетъ война». Но малмыжцы съ своимъ предсѣдателемъ пошли дальше: они стали иронизировать надъ самымъ здравымъ смысломъ. Такъ какъ декретъ г. Юшкова о невыдачѣ копій значительно облегчалъ трудъ секретарей, то одинъ изъ нихъ, Пафнутьевъ, предложилъ собранію, «избрать изъ *своей* среды (ну, конечно, изъ *своей*: не Веденскаго же въ самомъ дѣлѣ приглашать для *вѣрнаго* изложенія преній) *еще двухъ секретарей*»,

а другой, Скуридинъ, для довершенія большаго комизма, рекомендовалъ пригласить для этого, между прочимъ, Галея Курбангалеевича Арсаева... Какъ вамъ нравится, господа: собраніе изъ 9-ти гласныхъ *) (десятый предсѣдатель) при четырехъ секретаряхъ, изъ которыхъ одинъ татаринъ, столько же свѣдущій въ книжномъ языкѣ, сколько Скуридинъ въ журналахъ!! Арлекинада эта не состоялась лишь на 25% вслѣдствіе скромности Галея Курбангалеевича, благоразумно отказавшагося отъ предложенной ему чести. Тѣмъ не менѣе, треть гласныхъ превратилась въ секретарей, и журналы покатили по гладкой Юшковской дорожкѣ разомъ на трехъ предостереженіяхъ...

VII.

Далѣе «событія» идутъ все crescendo, какъ комъ снѣга, катящійся съ горы и постепенно растущій въ своихъ размѣрахъ, пока его, наконецъ, не остановитъ какое-нибудь физически непреодолимое препятствіе. Такимъ препятствіемъ для Юшкова могло быть, конечно, одно только закрытіе собранія. И онъ дѣйствительно стучался лбомъ въ свой затылокъ до самаго послѣдняго его момента. Противники, видимо, изнемогали. Веденскій даже заболѣлъ и просилъ «уволить» его отъ посѣщеній дальнѣйшихъ засѣданій; на что, конечно, не могло быть препятствій. Получивши «увольненіе», онъ оставилъ собраніе. Казалось бы, что тутъ и конецъ всему дѣлу, конецъ неравной борьбѣ... Но именно съ этого-то момента она и начинаетъ возгораться. Едва только успѣла закрыться дверь за уходившимъ Веденскимъ, какъ встаетъ Скуридинъ и предлагаетъ собранію баллотировать вопросъ объ *исключеніи* Веденскаго изъ

*) Журналы мал. зем. собр. IX очеред. сессіи, стр. 55 и 58.

собранія. Муравьевъ и Эгертъ протестуютъ противъ этого нелѣпаго (конечно, это не ихъ, а наше выраженіе) предложенія, требуютъ слова и просятъ, въ видѣ объясненія, прочесть поданное ими наканунѣ особое мнѣніе. Но Скуридинъ находитъ это «невозможнымъ», а Юшковъ, «соглашаясь» съ его *находчивостью*, объявляетъ такое чтеніе «незаконнымъ»... Мировой судья Пинегинъ заявляетъ, что, напротивъ, самая баллотировка будетъ *незаконной*, потому что ни одна изъ мѣръ указанной Скуридинымъ статьи (18 ст. Правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ земскихъ собраніяхъ) не подходитъ къ данному случаю. Но его не слушаютъ. Панургово стадо большинства слѣпо, механически идетъ по пути данныхъ ему инструкцій. Тогда четверо гласныхъ отказываются отъ баллотировки. Въ собраніи остается 9 человѣкъ. По закону, его слѣдовало бы закрыть. Но для Юшкова, какъ уже видѣлъ читатель, законы не писаны, за исключеніемъ одного неписаннаго «моему ндраву не препятствуй». Онъ не только не закрылъ засѣданія, но и приступилъ къ баллотировкѣ. Сначала не вытанцовывалось: у нѣкоторыхъ не хватило гнусности при открытой подачѣ голосовъ стать на одну доску съ бульдогами въ этой скотски-безобразной и животно-безсмысленной травлѣ; большинство оказалось въ пользу Веденскаго. Но тутъ имъ помогъ достойный компаньонъ Скуридина, г. Пафнутьевъ, какъ бы внезапно *открывшій* (и въ Малмыжѣ тоже есть свои Колумбы), что тутъ необходима закрытая баллотировка. Сыграли въ темную. Открыли карты — бита! Шестерка противъ тройки. Ура, наша взяла! Убили и задумались—гнать или нѣтъ? Ушли въ особую комнату. На десять, молъ, минутъ... Надѣли халаты, стали толковать. Судили, рядили — нѣтъ, все что-то не ладно.—Погодимъ, не уйдетъ вѣдь отъ насъ. Вотъ прибудетъ Сидорычъ, Поликарпычъ.—А дано имъ знать?—Сеня, ты, Сеня, нашелъ о чемъ спрашивать! — Ну,

вотъ тогда и прокатимъ самымъ, что ни на есть, законнымъ манеромъ.—А ты какъ думалъ то?—Такъ значитъ, идетъ?—Идетъ.—Ладно. Смотри-ка, ужъ $^1/_2$ часа прошло,—снимай халаты. Сняли. Выходятъ чинно, стройно.

Двѣ собачки впереди два лакея назади...

Сѣли—засѣданіе возобновляется!—Могу ли я присутствовать въ собраніи? спрашиваетъ Веденскій.—Гмъ... Оно, конечно, полицейскій актъ... 18 статья правилъ... баллотировка... и все такое... ну, и незаконное число гласныхъ... а вотъ мы спросимъ губернатора, не вышли ли какіе нибудь новые законы... Пока присядьте... Гдѣ предостереженія? (придвигаетъ къ себѣ пучекъ *оныхъ*). Но такъ какъ журналъ давно уже былъ прочитанъ, и разсуждали объ акушеркахъ, фельдшерахъ, повивальныхъ бабкахъ, сестрахъ краснаго креста, перевозѣ, лошадяхъ и врачѣ Іозефовичѣ, предлагавшемъ безплатно свои услуги земству, то пучекъ не понадобился и пошелъ въ дѣло лишь на слѣдующій день. Самымъ замѣчательнымъ постановленіемъ (я исключаю изъ нихъ незаконныя, относительно которыхъ самъ Юшковъ даже долженъ былъ сказать—«гмъ»..) этого засѣданія, послѣ выбора трети гласныхъ въ секретари, было «*подшить*» заявленіе Веденскаго (*).

Простая вещь, а смыслъ каковъ?...

Но всего болѣе смыслъ собранія, руководимаго Юшковымъ, выразился именно на другой день. Началось, конечно, съ редакціи журнала, затѣмъ дано адноактное предостереженіе и, наконецъ, чтобы не нарушить заведеннаго порядка — pour la bonne bouche — скандалъ... на основаніи «Правилъ о порядкѣ веденія дѣлъ въ малмыжскомъ собраніи». О немъ то собственно мы и скажемъ здѣсь нѣсколько словъ, какъ о заключительномъ актѣ энергической дѣятельности г. Юшкова.

(*) Журналы, стр. 55.

Наканунѣ онъ получилъ отъ управляющаго государственными имуществами телеграмму, въ которой тотъ увѣдомляетъ его, что Веденскій экстренно командируется въ лѣсничество по дѣламъ службы, а на мѣсто его назначается Загорскій. Вслѣдствіе этой телеграммы Загорскій былъ приведенъ къ присягѣ и тотчасъ же вступилъ въ отправленіе своихъ новыхъ обязанностей, а Веденскій отправился въ уѣздъ.

— Ну, подумаетъ читатель, теперь то ужъ съ Веденскимъ, навѣрно, покончено. Прежде онъ хотя и «увольнялся», но всетаки, еслибы захотѣлъ, то могъ бы всегда безпрепятственно придти въ собраніе, а послѣ офиціальной замѣны его Загорскимъ даже и это стало невозможнымъ. Если такимъ образомъ сами обстоятельства исключали Веденскаго изъ собранія, то нѣтъ, значитъ, и цѣли снова заводить рѣчь о баллотировкѣ этого вопроса.

Да, сама судьба какъ будто бы благопріятствовала Юшкову и избавляла его отъ скандала, и тѣмъ не менѣе онъ не избѣжалъ его, даже пошелъ къ нему на встрѣчу. Видно, дѣйствительно правда, что кого Богъ захочетъ наказать, у того отниметъ разумъ. Одно уже его заявленіе о томъ, что онъ за разрѣшеніемъ недоразумѣнія (!!) обратится къ губернатору, достаточно картинно показываетъ, въ какомъ градусѣ воспаленнаго состоянія находились его мозговыя полушарія.

Въ самомъ дѣлѣ, что могъ сдѣлать губернаторъ въ подобномъ случаѣ? Ни толковать существующихъ узаконеній, ни тѣмъ болѣе издавать новыхъ по отношенію къ земскимъ учрежденіямъ ему не предоставлено права. Вмѣшиваться въ дѣла собраній и производить на нихъ *давленіе* своими указаніями ему также не дозволяетъ законъ. Все, что ему тутъ оставалось, ато—только подумать объ авторѣ телеграммы: «должно быть, у него на губахъ взошло, а въ головѣ не засѣяно: какъ же

такъ, самъ человѣкъ орудовалъ незаконной баллотировкой, самъ допустилъ незаконное постановленіе и самъ же вдругъ на себя доноситъ, да еще проситъ содѣйствія!»

Не знаемъ, дѣйствительно ли г. Юшковъ посылалъ подобную телеграмму въ Вятку, но только въ засѣданіи 7-го октября онъ объявилъ, что получилъ отъ начальника губерніи отвѣтную депешу по поводу исключенія Веденскаго изъ собранія, въ которой тотъ будто бы *требуетъ* новой баллотировки по этому предмету (о содержаніи этой телеграммы Скуридинъ *умалчиваетъ* въ своихъ журналахъ), и когда нѣкоторые изъ гласныхъ оспаривали *возможность* такого требованія, то онъ сталъ застращивать ихъ, говоря, что отказъ отъ баллотировки долженъ быть сочтенъ за сопротивленіе власти. Впослѣдствіи оказалось, что никакой телеграммы подобнаго содержанія начальникъ губерніи не посылалъ (*), и что Юшковъ сочинилъ ее въ порывѣ своей разгоряченной фантазіи. Но въ то время этотъ фортель возъимѣлъ магическое дѣйствіе. Правда, Пигегинъ и другіе настаивали на безцѣльности и комичности изгнанія отсутствующаго лица и притомъ еще на срокъ, превышавшій время, остававшееся до закрытія собранія. (Закрытіе должно было послѣдовать на другой день, а Скуридинъ съ Юшковымъ добивались исключить Веденскаго изъ собранія на 5 дней). Однако ничто не помогло. Указаніе на «сопротивленіе требованіямъ законной власти» висѣло, какъ Дамокловъ мечъ, надъ головой собранія, и оно «страха ради полицейска» вынесло Веденскому обвинительный приговоръ: «исключить». Не желая оставить безъ наказанія и остальныхъ своихъ оппонентовъ—Муравьева, Этерта и Батуева, знаменитый юристъ Юшковъ, велѣлъ секре-

(*) Объ этомъ сообщено Сенату.

тарю собранія занести въ журналъ, что «особыя мнѣнія», переданныя ему этими гласными, подписаны ими «коллективно» (сообща) и обвинилъ *ихъ въ дѣйствіи* скопомъ, прибавивъ, что о *таковомъ* ихъ преступленіи будетъ представлено имъ, малмыжскимъ плутократомъ, Константиномъ Александровымъ Юшковымъ, на распоряженіе начальника губерніи. Потѣшникъ! А что же Цвирко? спроситъ читатель. — О, съ нимъ поступлено по патоновски: заявленіе Муравьева о его дѣйствіяхъ постановлено передать въ управу «для разслѣдованія и поступленія по законамъ», истолкователемъ которыхъ, по всей вѣроятности, явится тотъ же Константинъ Малмыжеродный.

Нужно ли прибавлять, что, послѣ выигранной кампаніи, Юшковъ, Скуридинъ и его компаньонъ Пафнутьевъ были выбраны въ мировые судьи?

Такъ кончилось малмыжское уѣздное скандальное собраніе IX-й очередной сессіи.

Mais rira bien, qui rira le dernier. Намъ извѣстно, что на дѣйствія Юшкова, какъ предсѣдателя собранія, подана обширная жалоба въ Сенатъ, и что Сенатъ уже потребовалъ отъ него объясненій. Быть бычку на веревочкѣ.

XXIX.

Вопросъ о подвижныхъ школахъ.

(*Письмо изъ Яранска*).

Недавно закрывшееся у насъ земское собраніе прошло съ шумомъ, громомъ, бенгальскими огнями и фальшфейерами. Много было споровъ, препирательствъ ... Зала засѣданій представляла собой настоящее поле

брани..... Наступало новое трехлѣтіе, а съ нимъ и новые шансы на участіе въ дѣлежѣ земскаго пирога. Однимъ словомъ, шла борьба за власть, борьба за трехлѣтнее существованіе на подножномъ земскомъ корму. Боролись Яранскъ и Кукарка—селеніе, не только не уступающее городу по своей населенности, торговлѣ и промысламъ, но даже превосходящее его во многихъ отношеніяхъ. Я не буду здѣсь описывать этой борьбы, гдѣ наша уѣздная столица потерпѣла чувствительное пораженіе—объ ней можно написать потомъ. Скажу только, что среди перекрестной пикировки, положительно наводнявшей собою всѣ засѣданія, изрѣдка пробивались и такіе голоса, которые заставляли посторонняго наблюдателя забывать о неприглядности общей картины нашего земскаго муравейника. Правда, ихъ было немного; но ихъ протесты и заявленія отличались безпристрастіемъ, основательностью и самостоятельнымъ отношеніемъ къ дѣлу. Таково, напримѣръ, заявленіе уполномоченнаго отъ управленія государственныхъ имуществъ, г. Валленбургера, сдѣланное имъ по поводу доклада управы о народномъ образованіи. Съ этимъ заявленіемъ, а также съ его судьбою я и хочу познакомить читателей «Незабудки».

Въ яранскомъ уѣздѣ — 40 начальныхъ школъ, причемъ средняя годовая стоимость каждаго изъ 2,500 учащихся въ нихъ превышаетъ 16 р. При такихъ расходахъ на обученіе грамотѣ, понятно, что число земскихъ училищъ въ уѣздѣ не могло увеличиваться соразмѣрно насущнымъ потребностямъ крестьянскаго люда. Но это не значитъ однако, чтобъ о такомъ увеличеніи не слѣдовало даже и заботиться. Между тѣмъ прежняя управа—теперь уже покойница—въ теченіе всего трехлѣтія не стукнула пальцемъ о палецъ, чтобъ хоть сколько-нибудь расширить это дѣло: принявъ отъ своей предмѣстницы 41 школу, она сдаетъ ихъ теперь 40,

Мало того, представляя отчетъ объ успѣхахъ народнаго образованія въ уѣздѣ за прошлый годъ, она наровила въ пользу *города* закрыть одну *земскую* школу (Большепольскую), а вмѣсто того, чтобъ открывать *свои* школы, оказало поддержку въ 2,000 р. церковно-приходскимъ школамъ; затѣмъ шли воскресныя школы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ уже были *постоянныя* училища, и нѣсколько другихъ палліативныхъ мѣръ. Противъ этой то палліативности и вооружился г. Валленбургеръ въ своей пространной запискѣ, чтеніе которой заняло около полутора часа. Вотъ резюме его заявленія.

Мѣры, предлагаемыя управою, черезчуръ односторонни и нисколько не бьютъ въ самый корень болѣзни —крайне неравномѣрное и баснословно медленное распространеніе грамотности въ *массѣ* мѣстнаго населенія. «Можно-ли, говоритъ авторъ записки, придавать какую-нибудь важность подобнымъ мѣрамъ, когда надъ дверями нашей народной школы неумолимая дѣйствительность написала свой библейскій *мани, факель, фаресъ?* 190 *новыхъ* учениковъ ежегодно на 270-тысячное населеніе, 1,300 селеній безъ школъ и учениковъ и притомъ почти никакой возможности на увеличеніе числа существующихъ училищъ!... Что можетъ подѣлать тутъ двухтысячная подачка, брошенная 10 прозябающимъ церковно-приходскимъ школамъ? Не все ли это равно, что предлагать для увеличенія роста придѣлать къ сапогамъ каблуки или встать на стулъ, чтобъ укусить себѣ носъ? Нѣтъ, не такимъ путемъ земство должно бороться противъ приближающагося истощенія его народно-школьныхъ силъ. Если неподкупныя цифры показываютъ земству, что, при его относительно скудныхъ средствахъ и теперешней однообразной организаціи сельскихъ училищъ, грамотность приходится отнести къ числу привиллегій, доступныхъ лишь для самаго незначительнаго меньшинства населенія, то оно

обязано, не откладывая на минуты, приняться за изысканіе *новыхъ* средствъ къ возможно болѣе широкому и равномѣрному ея распространенію въ народѣ».

Къ числу такихъ «новыхъ» средствъ г. Валленбургеръ относитъ учрежденіе школъ грамотности съ *переѣздными наставниками*, причемъ рекомендуетъ и самый планъ занятій въ такихъ школахъ,—планъ, разработанный два года тому назадъ вятскими губернскими гласными, гг. Полумордвиновымъ, Дидрихсономъ и Красовскимъ. По этому плану, на каждаго переѣзднаго наставника возлагается обученіе грамотѣ въ 6 учебныхъ пунктахъ, отстоящихъ другъ отъ друга не далѣе 5 верстъ, такъ чтобъ учитель могъ безъ затрудненія, по мѣрѣ надобности, перемѣщаться изъ одного селенія въ другое. Предполагая, что для первоначальнаго элементарнаго обученія чтенію и письму по новымъ раціональнымъ методамъ—въ особенности такимъ, которые, какъ наглядно-звуковой, допускаютъ возможность взаимнаго обученія и даже *само*-обученія (послѣ 16 уроковъ преподавателя)—совершенно достаточно 3 мѣсяцевъ и что въ каждомъ пунктѣ можно разсчитывать на 40 учащихся, г. Валленбургеръ, не безъ основанія, предполагаетъ, что въ теченіе года переѣздный наставникъ долженъ обучить грамотѣ не менѣе 120 человѣкъ, тогда, какъ учитель обыкновенной трехзимней школы, съ тѣмъ же числомъ учениковъ, обучаетъ грамотѣ лишь 15 мальчиковъ. Излишне было бы говорить, что распространеніе грамотности путемъ подвижныхъ школъ можно возложить, съ надеждою на успѣхъ, только на *лучшихъ* учителей въ уѣздѣ, которымъ поэтому г. Валленбургеръ и предложилъ назначить усиленный окладъ жалованья, не менѣе 400 руб. въ годъ. Кромѣ того, онъ настаивалъ на открытіи въ уѣздѣ сразу *двухъ* районовъ подвижныхъ школъ, съ тѣмъ, чтобъ возбудить между переѣздными наставниками соревнованіе и такимъ обра-

вомъ, по возможности, болѣе обезпечить успѣхъ этого, пока еще новаго у насъ дѣла.

Набросавъ примѣрный планъ организаціи рекомендуемыхъ имъ собранію школъ и приведя цифры въ доказательство всей выгодности для земства и крестьянъ *равномѣрнаго* распространенія въ массѣ народа хотя бы только элементарной грамотности, г. Валленбургеръ указалъ на ту связь, въ какой, по его мнѣнію, подвижныя временныя школы должны были бы находиться съ постоянными. Съ одной стороны, онѣ бы *вызывали* открытіе обыкновенныхъ начальныхъ училищъ съ трехлѣтнимъ курсомъ и способствовали ихъ росту, съ другой же—такъ сказать, подбирали бы разсѣянныя по всему уѣзду и глохнувшія до сихъ поръ даровитыя натуры крестьянскихъ ребятъ, которыя, какъ изъ земли, выдвигались бы въ различныхъ захолустьяхъ передъ глазами переѣзднаго учителя, невольно обращая на себя его вниманіе. Такимъ счастливымъ, далеко не рѣдкимъ исключеніямъ земство должно было бы оказывать матеріальную помощь для поступленія въ ближайшія постоянныя школы, а изъ нихъ, можетъ быть, и выше. Дѣйствительно, нельзя не сочувствовать этой свѣтлой мысли и не признать всей ея справедливости. Сколько дарованій, способностей, талантовъ гибнетъ въ массѣ народа только потому, что они заглушаются въ самомъ зародышѣ! Кто поручится намъ, что здѣсь не царитъ тотъ же законъ, какой управляетъ смертностью дѣтей въ первый годъ ихъ жизни? А вѣдь суровость этого закона или, вѣрнѣе—просто Молоха, страшнѣе всѣмъ извѣстнаго «желѣзнаго» экономическаго фатума: легко сказать,—40, а мѣстами даже 50%! Да, тутъ есть надъ чѣмъ подумать.

Замѣтимъ кстати, что, подобно тому, какъ временныя подвижныя школы были бы зондами даровитыхъ ребятъ въ безъ училищныхъ селеніяхъ, такъ точно и постоян-

ныя школы должны были бы дѣлать изъ своего контингента отборъ способнѣйшихъ учениковъ для доставленія имъ возможности продолжать свое образованіе, если не въ гимназіяхъ, то, на первый разъ, хотя въ особыхъ нормальныхъ училищахъ съ 3-лѣтнимъ или 4-лѣтнимъ реальнымъ курсомъ. Завести на уѣздъ *одну* такую школу, наполняемую исключительно *первыми* учениками всѣхъ *начальныхъ* училищъ, для земства, расходующаго на народное образованіе до 50 тысячъ рублей въ годъ, по нашему мнѣнію, было бы не только необходимо и полезно, но даже выгодно. Оканчивая курсъ въ такомъ училищѣ и разсѣваясь затѣмъ по всей площади уѣзда, эти первые по успѣхамъ ученики, эти, если можно такъ выразиться, сельскія жемчужины разносили бы съ собой всюду сѣмена настоящаго образованія и развитія. Они были бы для крестьянъ истинными свѣтлыми точками въ темномъ пространствѣ ихъ убогой захолустной жизни. Скажемъ болѣе: намъ кажется, что земство тогда только можетъ считать завершеннымъ свой *планъ* народнаго образованія, когда его нынѣшнія училища будутъ опираться снизу на подвижныя и, въ свою очередь, давать опору для дарованій, карабкающихся изъ нихъ вверхъ, но невстрѣчающихъ теперь надъ собой никакой руки, за которую они могли бы ухватиться... Вмѣсто того, чтобъ раздавать стипендіи учащимся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, земство должно бы было выдавать субсидіи даровитымъ дѣтямъ бѣдныхъ крестьянъ, не имѣющихъ средствъ посылать ихъ къ чорту на кулички или—что одно и тоже —въ школы, отстоящія иногда отъ тѣхъ или другихъ селъ на 12—15 и болѣе верстъ. Въ подобныхъ случаяхъ земство положительно обязано содержать въ нормальномъ училищѣ на свой счетъ сливки деревенскаго юношества, собираемыя туда отовсюду по дорогимъ каплямъ.

Но мы отклоняемся въ сторону. Г. Валленбургеръ

не ограничился однимъ предложеніемъ и рекомендаціей плана обученія въ подвижныхъ школахъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, разобралъ этотъ вопросъ и со стороны тѣхъ препятствій, которыя могли бы встрѣтиться на пути къ его осуществленію. Главное возраженіе, какого всего легче ожидать противъ учрежденія такихъ школъ, состоитъ въ томъ, что, при постоянныхъ разъѣздахъ учителей изъ одного пункта въ другой, ихъ дѣятельность какъ будто бы ускользаетъ отъ контроля учебной инспекціи. Но авторъ проэкта справедливо замѣчаетъ, что это можетъ *казаться* только при поверхностномъ отношеніи къ дѣлу. Дѣйствительно, по представленному имъ плану подвижныхъ школъ, переѣздный учитель остается въ каждомъ пунктѣ отъ 2 до 3 мѣсяцевъ; слѣдовательно, мѣсто, гдѣ онъ долженъ находиться въ то или другое время, *заранѣе* извѣстно какъ управѣ, такъ и училищному совѣту, дѣлающему заблаговременно росписаніе для его разъѣздовъ. Но такъ какъ все таки находятся люди, которые держатся противоположныхъ мнѣній, то г. Валленбургеръ на цѣлой серіи примѣровъ, взятыхъ изъ практики нашего *роднаго* «самоуправленія», доказалъ всю несостоятельность ихъ аргументовъ. «Многіе изъ гласныхъ, болѣе меня свѣдущіе въ практикѣ земскаго дѣла, заключилъ почтенный представитель лѣснаго вѣдомства, держатся даже того мнѣнія, что въ сущности собраніе, своею собственною властью, можетъ уполномочить управу на приведеніе въ исполненіе моего проэкта, такъ какъ ни положеніе о земскихъ учрежденіяхъ, ни послѣднее Высочайше утвержденное 25 мая 1874 года положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ не обязываютъ земство держаться какого-либо одного опредѣленнаго типа школъ и не запрещаютъ ему имѣть вмѣстѣ съ постоянными школами и школы временныя. Перемѣщеніе учителей изъ одного пункта въ другой также никогда не запрещалось зем-

ству; а что не запрещено, до дозволено: это—извѣстная юридическая аксіома. О дозволенномъ же не ходатайствуютъ».

Резюмируя все вышесказанное г. Валленбургеромъ, предсѣдатель собранія предложилъ на его обсужденіе слѣдующіе шесть тезисовъ:

1) Въ теченіе послѣднихъ трехъ лѣтъ народное образованіе въ Яранскомъ уѣздѣ не слѣлало почти никакихъ успѣховъ. Оно не распространяется ни въ ширину, ни въ глубину. Первое изъ этихъ заключеній доказывается точкой замерзанія, на которой стоитъ число нашихъ начальныхъ школъ: какъ три года тому назадъ, такъ и теперь мы имѣемъ ихъ 40. Второе подтверждается менѣе исправнымъ посѣщеніемъ школъ учениками и значительно меньшимъ процентомъ учениковъ, получившихъ свидѣтельства объ окончаніи курса за послѣдній годъ сравнительно съ предъидущимъ.

2) Земство должно заботиться не только объ улучшеніи существующихъ школъ и увеличеніи числа приходящихъ въ нихъ учениковъ, но и о возможно большемъ распространеніи грамотности среди всего населенія уѣзда. Нельзя оставлять — какъ это мы видимъ теперь — безъ всякаго школьнаго пособія цѣлыя волости.

3) При 46 тысячномъ бюджетѣ на народное образованіе, составляющемъ болѣе $^1/_4$ всѣхъ земскихъ доходовъ, и при невозможности увеличенія этихъ послѣднихъ безъ крайняго обремененія крестьянъ, земское собраніе находитъ, что для нашего уѣзда наступилъ моментъ, когда дальнѣйшее распространеніе грамотности въ народѣ путемъ постоянныхъ школъ въ тѣхъ размѣрахъ, какихъ требуютъ мѣстныя постоянныя нужды и общественная справедливость, становится не подъ силу земству.

4) Единственный выходъ изъ этого затруднительнаго положенія—помимо не зависящаго отъ земства установленія обязательности обученія—Яранское собраніе видитъ въ учрежденіи подвижныхъ школъ. Ни школы взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера, ни воскресныя школы не могутъ по своей цѣлесообразности конкурировать съ подвижными: первыя потому, что онѣ, требуя большаго скопленія учениковъ въ одномъ помѣщеніи, примѣнимы лишь къ городамъ и мѣстностямъ съ многолюдными селеніями, каковы, напримѣръ, наши юговосточныя губерніи; вторыя же потому, что почти нисколько не способствуютъ болѣе равномѣрному распространенію грамотности среди всего населенія: оставаясь въ тѣхъ же деревняхъ, гдѣ уже есть постоянныя школы, онѣ не устраняютъ того несправедливаго порядка вещей, въ силу котораго грамотность до сихъ поръ оставалась и остается привиллегіей, доступной лишь для самаго незначительнаго меньшинства на счетъ платящаго большинства.

5) Земское собраніе поручаетъ управѣ открыть въ уѣздѣ къ будущему отчетному году два района подвижныхъ смѣшанныхъ школъ, съ шестью учебными пунктами въ каждомъ, причемъ планъ обученія грамотѣ въ этихъ школахъ отдается на обсужденіе училищнаго совѣта, а назначеніе учителей на мѣста переѣздныхъ наставниковъ предоставляется усмотрѣнію мѣстной инспекціи. На открытіе вышеупомянутыхъ районовъ собраніе ассигнуетъ 1,500 руб., изъ которыхъ 800 руб. назначаются на вознагражденіе двухъ учителей, по 400 руб. каждому.

6) Дѣлая такое постановленіе, собраніе находитъ, что учрежденіе подвижныхъ школъ не можетъ ни малѣйшимъ образомъ затруднить инспекцію относительно ея надзора за дѣятельностью учителей, какъ потому, что представитель инспекціи ничѣмъ не ограниченъ въ ихъ выборѣ,

такъ и потому, что мѣстонахожденіе переѣздныхъ учителей въ каждый данный моментъ будетъ извѣстно управѣ, училищному совѣту и уѣздному инспектору, нарочно для этой цѣли приглашенному земствомъ изъ лицъ, служащихъ по министерству народнаго просвѣщенія. Если въ 1873 и въ началѣ 1874 года министерская инспекція надъ сельскими школами въ Вятской губерніи сосредоточивалась въ одномъ лицѣ директора, то въ настоящее время средства ея утроились, а съ будущаго года, когда предположено открыть въ Имперіи еще 70 новыхъ инспекторскихъ мѣстъ, или по 2 на каждую земскую губернію, они должны упятериться. Слѣдовательно, съ этой стороны земство не можетъ усматривать для себя никакихъ препятствій.

Со всѣми этими положеніями собраніе, состоявшее изъ 23 человѣкъ, согласилось *единогласно* и постановило вмѣнить въ обязанность управѣ назначить для каждаго изъ открываемыхъ двухъ районовъ подвижныхъ школъ соотвѣтственное число учебныхъ пунктовъ, выбравши на мѣста переѣздныхъ наставниковъ двухъ лучшихъ учителей въ уѣздѣ, по соглашенію съ новымъ инспекторомъ.

Такимъ образомъ все, повидимому, разрѣшилось къ общему благополучію; даже членъ училищнаго совѣта отъ министерства народнаго просвѣщенія, г. Шишкинъ, заявилъ на этотъ разъ публично свое полное сочувствіе къ проекту г. Валленбургера и призналъ его во всѣхъ отношеніяхъ заслуживающимъ вниманія, а самыя школы съ переѣздными наставниками нисколько не затрудняющими *нынѣшней* инспекціи, и обѣщалъ принять ихъ подъ свое особое попеченіе.

Но не такъ рѣшился вопросъ въ дѣйствительности. 3-го ноября управа получила отъ губернатора протестъ на постановленіе собранія объ открытіи подвижныхъ школъ и предложеніе пріостановиться его исполненіемъ

впредь до разъясненія этого вопроса въ ближайшей сессіи. Протестъ мотивированъ тѣмъ, что вятское губернское собраніе уже ходатайствовало въ 1873 году о дозволеніи открывать въ уѣздахъ подвижныя школы, но комитетъ министровъ отклонилъ это ходатайство.

Едва ли мы ошибемся, если замѣтимъ, что мотивъ, выставленный новымъ начальникомъ губерніи противъ нынѣшняго постановленія яранскаго собранія, мало согласуется съ сущностью дѣла. Вятское губернское собраніе въ своемъ стародавнемъ ходатайствѣ перешло съ предоставленной земству *хозяйственной* почвы на чисто учебную, педагогическую: оно просило о дозволеніи ему учреждать подвижныя школы и (въ этомъ-то «и» и вся заковыка) «*о допущеніи къ употребленію въ нихъ недавно появившагося руководства подъ заглавіемъ* «Наглядная азбука» *), т. е. такого учебника, который не только не былъ внесенъ въ каталогъ книгъ, одобренныхъ ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія, но даже въ моментъ разсмотрѣнія ходатайства въ высшей административной инстанціи былъ *запрещенъ*... Двѣ половины этого ходатайства были связаны между собой неразрывно, такъ какъ весь планъ преподаванія грамоты, по проекту 1873 г., основывался на наглядно-звуковомъ способѣ, по которому была составлена тогда лишь одна «Наглядная азбука». Кромѣ того, въ основаніе обученія чтенію и письму въ подвижныхъ школахъ 1873 года было положено *самообученіе*, которое также возможно было только при помощи «Наглядной азбуки». Вотъ почему вопросъ о допущеніи или недопущеніи ея въ новыя школы являлся вопросомъ жизни или смерти для этихъ послѣднихъ. Понятно

*) Журналы вятскаго губернскаго земскаго собранія VII очеред. сессіи Вятка. 1874, Т. III, стр 13,

безъ объясненія, что такое неудачное ходатайство только и могло быть отклонено.

Совершенно иное мы видимъ въ постановленіи яранскаго земскаго собранія. Оно не касается ни руководствъ, ни методовъ, оно не настаиваетъ ни на какой организаціи и не проектируетъ никакого плана обученія, предоставляя какъ то, такъ и другое въ безусловное распоряженіе училищнаго совѣта, а выборъ учителей на усмотрѣніе правительственнаго инспектора (до іюня 1874 года назначеніе учителей зависѣло отъ земскихъ управъ; это тоже могло служить одной изъ причинъ отказа вятскому губернскому собранію въ мартѣ 1874 г.). Оно рѣшаетъ чисто *хозяйственный* земскій вопросъ. Въ самомъ дѣлѣ, никто не станетъ отрицать, что если земство вправѣ содержать въ той или другой начальной школѣ четырехъ учителей (какъ, напр., у насъ въ Кукарскомъ училищѣ), то точно также и, наоборотъ, оно имѣетъ полное право содержать одного учителя для четырехъ школъ, съ разновременнымъ обученіемъ въ каждой изъ нихъ—все зависитъ отъ его средствъ и потребностей населенія. Повторяемъ, вопросъ этотъ чисто хозяйственный, экономическій, не имѣющій, по выраженію прокуратуры, никакого «касательства» съ учебно-педагогической стороной народнаго образованія. А если это такъ, то не вправѣ ли мы сказать, что мотивъ, приведенный въ протестѣ новаго начальника Вятской губерніи, Н. А. Тройницкаго, противъ постановленія яранскаго собранія, непримѣннымъ къ настоящему случаю.

Будемъ же надѣяться, что, по разъясненіи этого недоразумѣнія экстреннымъ собраніемъ (созваннымъ на 21 и 22 ноября), новый начальникъ губерніи сниметъ свое veto съ самаго плодотворнаго и популярнаго постановленія нашего земства за послѣднюю сессію и не захочетъ отнять отъ нашего уѣзда честь практической ини-

ціативы въ трудномъ дѣлѣ акклиматизаціи подвижныхъ школъ на русской почвѣ. Конечно, въ смыслѣ принципа, можетъ быть, выгоднѣе рѣшеніе *общаго* вопроса сенатомъ, который, безъ всякаго сомнѣнія, закрѣпитъ за земствомъ его хозяйственныя права въ школьномъ дѣлѣ. Но тяжело откладывать въ долгій ящикъ мѣру безотлагательной важности. Къ тому же, если важенъ принципъ, то не менѣе важна и сила совершившагося факта. А у насъ, быть можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ нибудь...

XXX.

Сборы пожертвованій при помощи полиціи.

(*Письмо изъ Сарапула*).

Автору: Кто ты? — Откликнись...
Нѣтъ отвѣта.

Сегодня сданы на почту 6,110 рублей, собранные въ пользу славянъ. Всѣ эти деньги, до послѣдней копѣйки, доставлены крестьянами Сарапульскаго уѣзда, которые нашли возможнымъ удѣлить изъ своихъ скудныхъ заработковъ по нѣсколько копѣекъ съ души и отнеслись къ дѣлу помощи славянамъ сознательнѣе и сочувственнѣе, чѣмъ многія лица изъ образованныхъ и богатыхъ сословій. Имъ только необходимо было объяснить—въ чемъ причина войны, происходящей на Балканскомъ полуостровѣ, требовалось только, чтобъ кто-нибудь въ нѣсколькихъ простыхъ словахъ объяснилъ имъ, что тамъ происходитъ великая борьба за вѣру и свободу родины, за честь поруганныхъ женщинъ и за жизнь невинно избиваемыхъ стариковъ и дѣтей! Такимъ толкователемъ крестьянству смысла славянской войны явился въ Сара-

пулѣ мѣстный *исправникъ*, г. Марасановъ. 23-го августа онъ разослалъ всѣмъ сельскимъ священникамъ и волостнымъ старшинамъ письма, гдѣ, объяснивъ въ удобопонятныхъ и простыхъ выраженіяхъ положеніе славянъ, борящихся съ турками, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ, что отъ нѣкоторыхъ волостныхъ правленій и старшинъ получены письменныя и словесныя заявленія о желаніи ихъ обществъ чѣмъ нибудь, по мѣрѣ средствъ, оказать помощь угнетеннымъ славянамъ и просьбы о разрѣшеніи созвать для обсужденія этого вопроса волостные сходы, и что сарапульское уѣздное по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе разрѣшило собрать съ этой цѣлью сходы на 30-е августа, въ торжественный день тезоименитства Государя Императора. Въ заключеніе, исправникъ предлагаетъ старшинамъ воспользоваться разрѣшеніемъ крестьянскаго присутствія, если, впрочемъ, они признаютъ это нужнымъ, а священниковъ просить пожаловать на сходы и оказать свою просвѣщенную помощь разъясненіемъ настоящаго положенія дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ и возбужденіемъ въ средѣ крестьянъ участія къ бѣдствующимъ славянамъ. 30-го августа собрались всѣ тридцать семь волостныхъ сходовъ Сарапульскаго уѣзда и единодушно постановили пожертвовать: нѣкоторыя общества по одной копѣйкѣ, а другія по двѣ, по 3, 5, 6, 10 и одно по 25 копѣекъ съ души. Благодаря сердечному участію къ этому дѣлу крестьянъ, къ положенію несчастныхъ славянъ, всѣ деньги были собраны въ теченіе нѣсколькихъ дней и отосланы вятскому губернатору. Трудно удержаться отъ негодованія *), когда рядомъ съ такихъ единодушнымъ сочувствіемъ крестьянъ (и рвеніемъ г. исправника?) къ положенію и участи балканскихъ славянъ, встрѣтишь чуть

*) Еще бы.

не поголовную анатію сарапульскаго образованнаго общества къ дѣлу славянъ... *).

Недавно у насъ былъ пожаръ, отъ котораго сгорѣло 24 дома и въ томъ числѣ реальное училище. Хватились пожарныхъ, а они всѣ «устали», потому что были на «помочи» у лица, видно, власть имѣющаго.

XXXI.

Слободская лепта «на всемірную свѣчу».

Событія на Балканскомъ полуостровѣ немного пошевыряли и въ нашемъ городкѣ, по выраженію Щедрина. Сочувствіе къ бѣдственному положенію славянъ соединило наше общество въ одно и заставило его дружно приняться за дѣло. Въ августѣ у насъ было устроено гулянье, сборъ съ котораго, за вычетомъ расходовъ, простирался до 200 р. Въ октябрѣ образовался дамскій кружокъ, члены котораго собирали пожертвованія деньгами, матеріалами, мѣхами и т. п. Мѣстный клубъ былъ превращенъ въ мастерскую, гдѣ желающіе собирались шить, кроить, вязать и т. д.; здѣсь же дежурныя дамы принимали пожертвованія и раздавали работу. Благодаря пожертвованіямъ, кружокъ успѣлъ заготовить теплой одежды и платья на 100 человѣкъ (платье и одежда отправлены въ вятское управленіе Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ). Наконецъ, 9-го ноября былъ данъ концертъ, доставившій до 150 р. сбора. Концертъ этотъ, впрочемъ не обошелся безъ курьеза.

*) А что же дѣлалъ г. Марасановъ? Неужели у него не было средствъ явиться и здѣсь «истолкователемъ смысла славянской войны?» Жаль, очень жаль: любопытно было бы посмотрѣть.

Изд.

По программѣ предполагалось прочитать стихотвореніе Майкова «Клермонтскій соборъ»; читать хотѣлъ г. Мусерскій; но чтеніе это не состоялось. На вопросы публики было объявлено, частнымъ образомъ, «по секрету», что г. Мусерскому читать запрещено. Но такъ какъ это было объявлено «по секрету» нѣкоторымъ, то большинство публики не знало причины невыполненія программы, чѣмъ осталось очень недовольно. Какъ бы то ни было, но наше общество дѣятельно сочувствуетъ славянамъ. Къ сожалѣнію, дальнѣйшее проявленіе этого сочувствія встрѣтило неожиданныя препятствія. Послѣ концерта предполагался спектакль; хотѣли дать комедію Мольера «Скупой» и водевиль «Женихъ, чемоданъ и невѣста». Роли были разучены, костюмы сдѣланы, помѣщеніе театра отапливалось; оставалось только отпечатать афиши; но... спектакль не получилъ разрѣшенія, какъ говорятъ, на томъ основаніи, что въ немъ участвовало нѣсколько лицъ, состоящихъ подъ надзоромъ полиціи. Сумма денежныхъ пожертвованій, доставленныхъ Слободскимъ, превышаетъ тысячу рублей.

XXXII.

Земцы—ростовщики.

(*Изъ Сарапула, 16-го ноября*):

9-го октября здѣсь открылось очередное земское собраніе десятой сессіи. Собраніе очень внимательно отнеслось къ вопросамъ, предложеннымъ для обсужденія. Не менѣе внимательно работала и ревизіонная комиссія. Она довела до свѣдѣнія собранія о нѣкоторыхъ крайне курьезныхъ обстоятельствахъ.

Сарапульское земство очень часто нуждается въ деньгахъ и прибѣгаетъ къ займамъ. Плательщики сарапульскаго земства почти исключительно крестьяне, и земскій сборъ поступаетъ иногда очень неаккуратно и несообразно съ производимыми земствомъ расходами. Займы эти иногда дѣлаются у частныхъ лицъ. Между частными лицами, снабжавшими земство деньгами, оказались: *предсѣдатель управы*—г. Ковалдинъ и *членъ ея*—г. Митрошинъ. Гг. Ковалдинъ и Митрошинъ, *снабжая земство деньгами, взимали за это по девяти процентовъ*. Гласные увидѣли въ этомъ преступленіе, предусмотрѣнное «Уложеніемъ о наказаніяхъ», и постановили: дѣйствія гг. Ковалдина и Митрошина передать на разсмотрѣніе губернскаго собранія.

Ревизіонная коммисія, между прочимъ, сообщила собранію, что счеты за прошлыя девять лѣтъ незакончены и что до сихъ поръ дѣлаются затраты изъ остатковъ неисполненныхъ статей смѣты первыхъ трехлѣтій существованія земства. Такой порядокъ, безъ сомнѣнія, неудобенъ, и земское собраніе постановило: поручить управѣ привести въ порядокъ эти дѣла къ будущему собранію и рекомендовать ей возложить эту работу на секретаря управы, г. Завадскаго. Вмѣстѣ съ этимъ собраніе постановило: за порядокъ въ дѣлопроизводствѣ и сокращеніе переписки благодарить г. Завадскаго и предсѣдателя управы, г. Ковалдина, прагласившаго секретаремъ г. Завадскаго. Постановленіе это было сдѣлано въ послѣдній день засѣданій земскаго собранія, т. е. 25-го октября. Черезъ три дня, т. е. 28-го октября, управа уволила г. Завадскаго. Это — по меньшей мѣрѣ, странный фактъ, тѣмъ болѣе, что секретаремъ управы, г. Завадскимъ, было заключено условіе, срокъ котораго оканчивается только въ іюлѣ будущаго года. Чѣмъ объяснить такое поспѣшное увольненіе секретаря, которому собраніе рекомендовало поручить

приведеніе въ порядокъ счетовъ за прошлое время—мы не знаемъ.

Съ 11-го февраля 1873 года существуетъ у насъ реальное училище. Первый директоръ этого училища, лѣтомъ 1875 года, переведенъ въ Казань; избранный на его мѣсто переведенъ, нынѣшнимъ лѣтомъ, въ Самару. Потеря этого директора для земства не можетъ считаться грустнымъ обстоятельствомъ. Это былъ человѣкъ, мало интересовавшійся образованіемъ края, незанимавшійся училищнымъ дѣломъ, какъ того можно было желать. Земство не особенно должно сожалѣть о немъ; напротивъ, оно должно радоваться возможности замѣнить его лицомъ, у котораго училищное дѣло стояло бы на первомъ планѣ. Выборъ директора—дѣло вообще нелегкое, особенно у насъ въ настоящее время. Въ ночь на 29-е іюля, зданіе сарапульскаго реальнаго училища сгорѣло; спасенное отъ пожара имущество такъ незначительно, что не стоитъ о немъ и говорить. Приходится вновь создавать училище. Сдѣлать это легче человѣку, знакомому съ мѣстными условіями вообще и съ тѣми, въ которыхъ училище стояло до пожара.

Прежняя обстановка училища обошлась очень дорого. Такъ, напр., за школьные столы платили отъ 12 до 15 руб. за каждый; теперь же они дѣлаются по 9 руб. 50 коп. среднимъ числомъ. За шкафы закрытые платили прежде по 40 руб.; теперь они обходятся по 18 руб. Это заставляетъ желать, чтобъ лицо, которому земство ввѣритъ управленіе училищемъ, знало цѣну земскихъ денегъ. Деньги же сарапульскаго земства дорогія: это крестьянскія деньги. Безъ сомнѣнія, сарапульское земство, затрачивающее болѣе 50,000 руб. на народное образованіе, обратитъ на это весьма важное обстоятельство свое вниманіе и не изберетъ директоромъ человѣка, который будетъ дѣлать на земскія деньги только опыты; мы, сарапульцы, дѣйствительно ожи-

дали, что прежній опытъ послужитъ земству урокомъ, что оно отнесется серьезнѣе къ выбору лица, которому придется ввѣрить управленіе реальнымъ училищемъ. Очередное собраніе, назначенное на начало декабря нынѣшняго года, должно избрать директора. Экстренное собраніе, бывшее въ августѣ, обязало управу собрать свѣдѣнія о возможно большемъ числѣ лицъ, чтобы очередное земское собраніе имѣло возможность выбирать.

Занять мѣсто директора Сарапульскаго реальнаго училища выразилъ желаніе г. Германъ, директоръ Вятской учительско-сельскохозяйственной семинаріи. Нынѣшнее собраніе отнеслось къ его предложенію такъ, какъ и слѣдовало ожидать—оно постановило: просить попечителя Казанскаго учебнаго округа назначить кого ему будетъ угодно, только не г. Германа.

XXXIII.

Живописное обозрѣніе.

(*Письмо изъ Вятки*).

Въ настоящемъ году въ нашей губерніи уѣздныя земскія собранія составились изъ новыхъ гласныхъ четвертаго созыва. Впрочемъ значительное число гласныхъ оказалось изъ лицъ, уже бывшихъ гласными и въ минувшія трехлѣтія; въ особенности крѣпко стараются держаться за свои мѣста лица, служащія въ управахъ предсѣдателями или членами. Изъ желанія получить тысячный окладъ, пускается въ ходъ все, что только возможно. Въ Котельническомъ уѣздѣ члены управы, вѣроятно, войдя въ соглашеніе съ непремѣннымъ членомъ крестьянскаго присутствія, въ двухъ выборныхъ участкахъ, не пожалѣли для выборщиковъ не только

вина, но и денегъ. Дѣло такъ и прошло бы безслѣдно; но нѣкоторые изъ крестьянъ были «обижены» и явились къ становому приставу съ заявленіемъ, что вотъ-де членъ управы обѣщалъ всѣмъ имъ выдать по пяти рублей, а между тѣмъ такіе-то получили, а насъ обманули. Далѣе обнаружилось, что предъ выборами большая часть крестьянъ такъ упилась въ ближайшемъ лѣску, что къ началу выборовъ не поспѣла. Отрезвившись нѣсколько, но все еще пьяные, крестьяне явились для подачи голосовъ за кого они желали; но непремѣнный членъ приказалъ запереть двери сборной избы. Однимъ словомъ, произошелъ скандалъ. По дознанію обнаружилось, что подкупъ былъ несомнѣнно *), и уѣздное земское собраніе нынѣ не имѣло представителей изъ двухъ большихъ участковъ уѣзда. Нечего и говорить, что въ Котельническомъ уѣздѣ дѣйствовали люди неумѣлые. Другое дѣло, если начнутъ заботиться о подборѣ гласныхъ люди культурные; тогда въ земскихъ собраніяхъ уже несомнѣнно являются: лѣсничіе—не по назначенію только, а и по выбору, мировые судьи, доктора, секретари управъ, даже бухгалтеры и т. д. При этомъ и самыя управы составляются немного странно. О знаніи служащими въ земствѣ народной жизни, экономическихъ потребностей и проч. совсѣмъ и заботы нѣтъ. Въ уѣздѣ, напримѣръ, съ вотскимъ населеніемъ, выбираютъ предсѣдателя управы еврея (Штейнфельда), а секретаремъ служитъ полякъ (Невинскій). Болѣе удобный способъ быть гласнымъ—это получить довѣренность отъ какого либо владѣльца безплодныхъ болотъ и пустошей. Способъ этотъ представляетъ удобства и для администраціи, потому-что вездѣ можно помѣстить «свой глазъ». Правда, полиціи не позволяется служить въ земствѣ; но

*) Двое изъ выбранныхъ въ гласные окружнымъ судомъ приговорены за подкупъ къ двухъ-мѣсячному тюремному заключенію.

правитель губернаторской канцеляріи, г. Шубинъ, можетъ быть и уѣзднымъ и губернскимъ гласнымъ (и гласнымъ вятской городской думы, гдѣ засѣдаетъ вмѣстѣ съ своимъ помощникомъ, Сырневымъ),—это еще лучше, хотя немного и не деликатно; но стерпится—слюбится. И не это только приводится терпѣть каждому уѣздному земству отъ мѣстной уѣздной администраціи. Благодаря ей, нынѣ лѣтомъ правильное теченіе земской жизни было рѣзко нарушено: массы служащихъ по найму отъ земства — учителей, докторовъ и проч. должны были оставаться совсѣмъ безъ средствъ для существованія. Извѣстно, что, по закону, сборъ на земскія потребности долженъ поступать впередъ, предпочтительно предъ государственными повинностями; но кто же услѣдитъ за взносомъ податей по разрядамъ. Обыкновенно волостныя начальства, видя грозныя требованія, спѣшатъ внести въ казначейство собственно подати и, чтобъ получить благодарность, уплачиваютъ даже и за лицъ, неизвѣстно гдѣ находящихся и проч., такъ что затѣмъ въ земскій сборъ остаются уже пустяки. Зная такіе порядки, здѣшнее губернское земство даетъ кредитъ по десяти тысячъ рублей каждому уѣздному земству, чтобъ не могло происходить критическихъ остановокъ въ земскихъ дѣлахъ отъ опустѣнія земскихъ кассъ лѣтомъ. Но этой ссуды не хватаетъ. Уѣздныя земства, съ своей стороны, стараются ублажить полицейскія управленія, выдавая «квартирныя» деньги исправникамъ, помощникамъ ихъ и пр. Но желаніе отличиться бываетъ сильнѣе всякихъ денежныхъ субсидій. Нужда въ деньгахъ на нетерпящіе никакого отлагательства расходы нынѣ была такъ велика, что приходилось уѣзднымъ управамъ брать въ кредитъ деньги уже у частныхъ лицъ. Нолинскій предсѣдатель управы (Тананинъ), не зная, что и дѣлать отъ безденежья, обратился съ жалобой къ губернатору на мѣстнаго исправника Лосева, который предписывалъ

энергично взыскивать государственныя подати, не заботясь о земскихъ. Губернаторъ приказалъ начать взысканіе земскаго налога; но что возьмешь съ крестьянъ, которые уже внесли все, что могли, и когда лѣтомъ у нихъ нѣтъ промысловъ, дающихъ деньги. Желая какъ нибудь выйти изъ непріятнаго положенія, земства, не надѣясь на исправниковъ, начали придумывать, какъ бы расположить къ себѣ волостныхъ начальниковъ. Въ вятскомъ уѣздномъ земствѣ думали уже выплачивать волостнымъ начальникамъ какой либо процентъ за полный сборъ земскаго налога. Примѣръ въ этомъ случаѣ представляется въ своевременномъ поступленіи страховаго налога, за что волостные начальники получаютъ именно процентъ съ суммы. По зрѣломъ обсужденіи, нынѣ признано за лучшее выдавать волостнымъ начальникамъ и писарямъ награды, и, для назиданія другимъ, нынѣ же два волостныя правленія получатъ по двадцати пяти рублей за то, что поступили честно—внесли земскій сборъ по принадлежности. Такимъ образомъ способы воздѣйствія теперь все болѣе и болѣе выясняются — одни бьютъ дубьемъ, а другіе—рублемъ; кто окажется сильнѣе—неизвѣстно.

XXXIV.

Инвалидная эпидемія

(*Письмо изъ Вятки*).

Гляжу я безмолвно на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

По введеніи земскихъ учрежденій въ большинствѣ губерній европейской Россіи, почти сразу Вятская губернія заявила о себѣ внимательнымъ отношеніемъ къ дѣлу

народнаго образованія. Не только всѣ бывшія до земства школы были поддержаны, но было устроено вновь на половину болѣе противъ бывшаго числа школъ. Открывая школы, земство не думало, что оно этимъ только однимъ обезпечитъ лучшее устройство обученія дѣтей мѣстнаго населенія. Уже въ первый же годъ яранское земство, а во второй и губернское земство высказались за необходимость имѣть педагоговъ-наблюдателей за школами. Обязанности этихъ наблюдателей характеризовались самымъ названіемъ—учителей-руководителей. Предполагали, что въ каждомъ уѣздѣ такихъ руководителей будетъ по нѣсколько на уѣздъ, по одному на извѣстный районъ. Выборъ руководителей предполагалось сдѣлать изъ учителей же, лучшихъ, заявившихъ о своихъ знаніяхъ на съѣздахъ, о своей опытности—въ достаточномъ времени занятій въ сельшколѣ. Но едва былъ поднятъ вопросъ объ учителяхъ-руководителяхъ, какъ учебный округъ потребовалъ мнѣній отъ земства относительно приравненія учителей-руководителей къ помощникамъ инспекторовъ, относительно пенсій, класса службы и прочаго. Въ 1870 году во всѣхъ земскихъ собраніяхъ губерніи шли обсужденія по поводу этого дѣла по предложенію губернатора. Время шло; земства убѣдились въ безполезности многихъ затратъ на народное образованіе, потому что земство выдавало лишь деньги, а слѣдить фактически за занятіями учителей, руководить послѣдними не могло. Ходатайства, уже о помощникахъ инспекторовъ и по одному на уѣздъ, шли одно за другимъ. Только въ 1875 году, наконецъ, вышло разъясненіе, что земство можетъ устраивать должность инспекторовъ училищъ, давать имъ жалованье, рекомендовать лицъ на эти должности. Съ теченіемъ времени, многое изъ взглядовъ на дѣло измѣнилось, много лицъ, преданныхъ дѣлу и знающихъ его, сошло со сцены. Уменьшились, вѣроят-

но, и надежды на громадную полезность учителей-руководителей въ видѣ чиновниковъ министерства, потому что земства отнеслись къ предоставленному имъ праву не вездѣ съ должнымъ вниманіемъ. Правда, принципъ необходимости руководителя школъ въ каждомъ уѣздѣ остался несомнѣнно вѣрнымъ; но кого же выбрать на это мѣсто? Если рекомендовать народныхъ учителей, то едва ли согласится начальство округа, да какъ то еще трудно примириться и съ мыслію дать 1,500 р. жалованья лицу, до того времени получавшему 200—300 рублей; людей почтенныхъ, но въ тоже время заявившихъ себя, какъ педагоговъ, нѣтъ. Но пока земскіе дѣятели стоятъ въ недоумѣніи, люди опытные, знающіе съ которой стороны лучше всего можно почать земскій пирогъ, не дремлютъ. Прежде чѣмъ кто либо изъ земцевъ успѣетъ избрать по своему желанію, какъ у него являются на плечахъ патентованные педагоги-старцы. Кому неизвѣстно, что за жалкіе люди, въ большинствѣ случаевъ, лица, торчащія на службѣ въ уѣздныхъ училищахъ. Штатные смотрители этихъ училищъ давно извѣстны всѣмъ и каждому по ихъ полной неспособности къ какому либо руководству учителей, такъ какъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ обязательно подъ ихъ собственнымъ наблюденіемъ и находились всѣ училища и учители. Они дѣйствительно и объѣзжали училища, угощались на счетъ средствъ учителей, заставляли послѣднихъ ухитряться дѣлать приношенія изъ восьмирублеваго мѣсячнаго жалованья; бывали случаи, что, оставшись ночевать въ квартирѣ учительницы, производили скандалы и т. п. Само министерство признало за несомнѣнную слабость педагогическихъ силъ лицъ, служащихъ въ уѣздныхъ училищахъ: оно, не говоря ни слова порицанія противъ настоящихъ смотрителей и учителей училищъ, замѣняетъ ихъ при преобразованіи училищъ двухклассныхъ, трехклассныхъ и проч.

новыми людьми, получившими образованіе въ учительскихъ институтахъ. Какъ же случается, что земства избираютъ на должности инспекторовъ изъ штатныхъ смотрителей? Дѣло въ сущности очень простое. Живетъ въ уѣздномъ городѣ смотритель много-много лѣтъ; перекумится со всѣми, каждый день за картежной игрой онъ встрѣчается то съ тѣми, то съ другими мѣстными вліятельными лицами и потому всегда умѣетъ связать свои интересы съ домашними интересами своихъ пріятелей, которые и должны, волей неволей, стоять за него. Когда, наконецъ, наступаетъ время поднятія вопроса объ инспекторѣ, устраивается какъ бы случайно пирогъ, обѣдъ или вечеринка у смотрителя. Гости расходятся съ благодарностію за вниманіе и дружескія изліянія «подъ вліяніемъ обильныхъ возліяній». Къ открытію засѣданія, смотритель является въ залу, садится поближе къ столу, какъ приглашенный участвовать въ обсужденіи дѣлъ. На собраніи рѣшается положительно вопросъ о необходимости приглашенія въ уѣздъ инспектора училищъ и ассигнуется сумма. Не давая передохнуть гласнымъ, какой нибудь вліятельный Павелъ Ивановичъ уже предлагаетъ внести ходатайство объ опредѣленіи на новую должность именно штатнаго смотрителя мѣстнаго уѣзднаго училища. Гласные въ недоумѣніи. Просятъ подумать, отложить до слѣдующаго засѣданія; а смотритель несокрушимо сидитъ противъ нихъ. Предсѣдатель подумать не даетъ. Подача голосовъ идетъ открыто и ходатайство о смотрителѣ постановляется. Но къ чему же поведутъ такія неудачныя назначенія? Нѣтъ никакого сомнѣнія, что старики, не смыслящіе ничего въ педагогикѣ, совершенно незнакомые съ методикой обученія предметовъ начальной школы, будутъ только «объѣзжать» по должности школы, имѣя въ виду лишь «объѣхать» земскихъ гласныхъ, чтобъ не лишиться жалованья. Но

рано или поздно ихъ бездѣятельность должна обнаружиться, и можетъ сложиться убѣжденіе, что пользы въ учрежденіи должности инспекторовъ нѣтъ никакой; должности эти закроются, и дѣло погибнетъ или затормозится на долгое время. Вопросъ этотъ важный и на него нужно смотрѣть серьезно. Желательно, чтобъ и учебный округъ или не поступался ужъ совсѣмъ своими бывшими взглядами на выборъ лицъ въ должности инспекторовъ, или же ужъ призналъ за лучшее выборъ дѣлать изъ свѣжихъ силъ—изъ среды лучшихъ учителей. Первое время на должности инспекторовъ назначались лица, получившія высшее образованіе; этого правила бы ужъ и держаться; хотя бывшіе инспектора и не отличались усердною дѣятельностію, но кое-что смыслили въ системѣ народнаго образованія. Теперь же назначенія на должности инспекторовъ бывшихъ штатныхъ смотрителей или уже состоялись, или состоятся въ большинствѣ случаевъ. Именно опредѣлены инспекторами изъ смотрителей въ уѣзды: Слободской, Котельническій, Елабужскій, Нолинскій и Яранскій. Повторяемъ, что полезнѣе опредѣлять на инспекторскія должности мѣстныхъ учителей, даже не лучшихъ, чѣмъ назначать штатныхъ смотрителей: если въ первомъ случаѣ особенной пользы не будетъ, то не будетъ и вреда, котораго неминуемо слѣдуетъ ожидать въ послѣднемъ.

XXXV.

Вопросъ о земскомъ журналѣ.

(Письмо изъ Яранска).

Ахъ, вы Сени мои, Сени,
Сени новые мои!..

Вамъ, вѣроятно, извѣстно, что яранское и нолинское земства ходатайстаами передъ губернскимъ собраніемъ

VIII очередной сессіи объ ассигновкѣ суммъ на изданіе періодическаго земскаго сборника и что губернское земское собраніе, согласно докладу губернской управы, который вскорѣ послѣ того былъ весьма справедливо осмѣянъ «С.-Петербургскими Вѣдомостями» и «Голосомъ», отвергло эти ходатайства, какъ незаслуживающія вниманія и столько же неосновательныя, сколько преждевременныя.

Въ виду того, что въ предстоящемъ очередномъ земскомъ собраніи нашего уѣзда предполагается снова возбудить вопросъ необходимости и своевременности изданія сборника, я считаю не лишнимъ въ краткихъ чертахъ резюмировать здѣсь какъ доводы, представленные въ позапрошломъ году яранской и нолинской управами въ своихъ ходатайствахъ, такъ и сдѣланныя противъ нихъ возраженія вятской губернской управы.

Уѣздныя управы высказывали слѣдующее:

1) Вопросъ объ изданіи періодическаго сборника вятскаго земства въ сущности уже рѣшенъ губернскимъ собраніемъ 1-го созыва, и если его постановленіе не было приведено въ исполненіе, то единственно лишь по винѣ губернской управы, которая не представила по этому предмету окончательнаго доклада, какъ это было поручено ей собраніями 1-й и 2-й очередной сессіи, т. е. явно нарушила свои подчиненныя отношенія передъ земскимъ представительствомъ губерніи.

2) Согласно съ мнѣніями, высказанными гг. Фармаковскимъ и Хрулевымъ и поддержанными всѣмъ составомъ гласныхъ 3-хъ первыхъ губернскихъ земскихъ собраній, нолинская и яранская управы полагаютъ, что земскія учрежденія, призванныя заботиться о нуждахъ населенія, могутъ успѣшно достигать этой цѣли только тогда, когда всѣмъ дѣйствіямъ земства будетъ придана широкая гласность. Въ настоящее время, хотя и печатаются отчеты и нѣкоторые доклады управъ, а

также постановленія собраній, но спустя болѣе или менѣе продолжительное время послѣ закрытія земскихъ собраній. Поэтому не только общество, болѣе или менѣе близко заинтересованное въ дѣлахъ земства, но даже гласные въ теченіе года не знаютъ, что дѣлается въ управахъ, какъ выполняются постановленія собранія, какіе вопросы и въ какомъ направленіи разработываются; словомъ, всѣ дѣйствія управъ цѣлый годъ остаются безъ критики и повторяются только во время собраній. Между тѣмъ такое положеніе не можетъ не вредить дѣлу, такъ какъ при разработкѣ никто изъ опытныхъ людей не можетъ дѣлиться съ управами своимъ знаніемъ, своимъ опытомъ; точно также и гласные, не имѣя возможности ознакомиться съ предположеніями управъ до собранія, не могутъ заблаговременно разузнать мнѣніе своихъ избирателей и быть въ собраніи выразителями не своего только личнаго взгляда, но и взглядовъ общества.

3) Расходы по изданію сборника почти сполна могутъ покрываться тѣми затратами, какія теперь приходится дѣлать уѣзднымъ земствамъ на печатаніе своихъ журналовъ и докладовъ.

Обходя молчаніемъ первый весьма важный пунктъ, высказанный яранскимъ земствомъ и не доложивши о немъ собранію, вятская губернская управа противъ остальныхъ двухъ высказала слѣдующее:

1) Вопросъ объ изданіи земскаго сборника, въ сущности, есть только вопросъ о формѣ, въ которой будутъ печататься журналы земскихъ собраній и доклады и постановленія управъ.

2) Ничего такого, что дало бы *подобному* сборнику характеръ журнала, въ смыслѣ изданія, имѣющаго общій интересъ, предназначаемаго для чтенія публики и способнаго привлечь необязательныхъ подписчиковъ, существовать *не можетъ*.

3) Нѣкоторыми земствами уже издаются такіе сборники и однако, по мнѣнію управы, они едва ли могутъ служить предметомъ подражанія.

4) Земской гласности не существуетъ не потому, что земство не имѣетъ своихъ органовъ, а вслѣдствіе общихъ литературныхъ условій настоящей минуты съ одной стороны и недостатка образованія въ большинствѣ мѣстнаго населенія—съ другой.

5) Едва ли вятскому земству удастся что нибудь сдѣлать съ своими слабыми литературными силами при другихъ его прямыхъ обязанностяхъ и

6) Изданіе періодическаго земскаго журнала не обошлось бы безъ денежныхъ *пожертвованій,* такъ какъ необходимо было бы содержать особое лицо для исполненія редакторскихъ и корректорскихъ обязанностей.

— Шесть этихъ только *фразъ*?—Не болѣе того.

— Такъ розгами жъ его!..

Перефразируя извѣстное выраженіе Гейне («всякій имѣетъ право быть глупымъ, но нѣмцы черезчуръ уже злоупотребляютъ этимъ правомъ»), противъ перваго возраженія губернской управы можно замѣтить, что всякій имѣетъ право быть канцеляристомъ, но вятскіе дѣльцы черезчуръ уже злоупотребляютъ этимъ правомъ. Если губернская управа не можетъ себѣ представить въ сферѣ земской дѣятельности ничего, кромѣ отношеній, представленій, постановленій, смѣтъ, отчетовъ и докладовъ, то уже вина не людей, смотрящихъ на вещи нѣсколько шире, чѣмъ можно ожидать отъ составителей номерованныхъ бумагъ, а тѣхъ, кто усвоилъ себѣ такую странную точку зрѣнія.

Откуда она произошла *въ данномъ случаѣ,* показать не трудно: изъ пятаго пункта управскихъ возраженій видно, что составители доклада принимаютъ за земство одни лишь управы, или—что одно и тоже—термометръ за температуру, а подъ земской дѣятельностью разу-

мѣютъ свое канцелярское дѣлопроизводство; иначе авторамъ «пунктиковъ» не къ чему было бы выражать опасеній за слабость «своихъ литературныхъ силъ» и сомнѣваться въ томъ, что едва ли вятское земство можетъ вести журналы, какъ слѣдуетъ, *при его прямыхъ обязанностяхъ*. Тѣ *прямыя обязанности*, подъ которыми, конечно, слѣдуетъ разумѣть, съ точки зрѣнія управы, канцелярское дѣлопроизводство, лежатъ, конечно, на управахъ; но вятскіе дѣльцы горько ошибаются, если полагаютъ, что, возбуждая вопросъ объ изданіи земскаго сборника, уѣздныя *земства* расчитывали на докладныя перья управскихъ исторіографовъ и помпадуровъ. Мы даже думаемъ, что главной причиной сопротивленія губернской управы по вопросу о земскомъ сборникѣ нужно считать не тѣ забавныя благоглупости, высказывая которыя, она, конечно, никого не могла благоудивить, а смутная боязнь *постояннаго* контроля надъ ея дѣятельностью со стороны *всего земства*, взамѣнъ ежегодныхъ двухнедѣльныхъ любезностей съ очередными собраніями, составъ которыхъ обусловливается не столько нравственными правами ихъ членовъ, сколько массой неуловимыхъ по своему разнообразію случайностей, иногда даже болѣе чѣмъ печальныхъ, каковы, напримѣръ, спаиваніе, подкупъ и т. п. Губернская управа, безъ сомнѣнія, понимаетъ, что издавать земскій журналъ, значитъ, по прудоновски, «не спускать глазъ съ народнаго капитала», принимая это слово въ самомъ широкомъ его значеніи. Вотъ истинная причина ея трусости, а не тѣ жалкіе «пунктики», которыми она хочетъ отвести глаза «милостивыхъ государей» и за которые ее слѣдовало бы посѣчь журнальными розгами.

Про волка только слава,
А ѣстъ овецъ то Сава...

Мы вполнѣ согласны съ губернской управой, что *такой* сборникъ, какимъ она его притворно себѣ

представляетъ, дѣйствительно, *не можетъ* имѣть никакого интереса для общества; но онъ *долженъ* его имѣть непремѣнно, если въ немъ будутъ *обсуждаться* дѣйствія управъ, дѣятельность собраній и вопросы, касающіеся мѣстныхъ пользъ и нуждъ земства, начиная съ народнаго образованія и общественной гигіены и кончая дорогами.

Что касается до мнѣнія управы, что «*едва ли*» существующіе земскіе сборники могутъ служить предметомъ подражанія, то, представляя такое милое возраженіе, она «*едва ли*» не борется съ мельницами. Никто и не указывалъ на существующіе сборники, какъ на образцы. Напротивъ, задача каждаго, сколько нибудь самостоятельнаго и уважающаго себя земства—стараться вести всякое дѣло такъ, чтобъ оно само могло послужить для другихъ предметомъ подражанія.

Объяснять одной узостью рамокъ оффиціально утвержденной программы для земскихъ сборниковъ и литературными условіями настоящей минуты неудовлетворительное состояніе существующихъ земскихъ органовъ нельзя. Всѣ они, правда, съ перваго взгляда, весьма похожи другъ на друга (хотя и тутъ нельзя, напримѣръ, смѣшать *казенный* «Черниговскій Сборникъ» съ «Вѣстникомъ ярославскаго земства», стремящимся совершенно къ другому типу); но мы видимъ на каждомъ шагу, что результаты дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ учрежденій, при однихъ и тѣхъ же юридическихъ правахъ, значительно отличаются другъ отъ друга. Всѣ петербургскія газеты имѣютъ почти одну и ту же программу; но можно ли найти между нѣкоторыми изъ нихъ хоть какое нибудь сходство? Всѣ земства 36 губерній считаются равноправными въ предѣлахъ «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ». Но что же общаго, напримѣръ, между яранскимъ и новомосковскимъ земствами по результатамъ ихъ работъ на пользу народной школы, ког-

да первое изъ нихъ отпускаетъ на народное образованіе 55,000 р., а второе ни копѣйки? и т. д. Права и пользованіе ими, программа и ея развитіе, дѣлопроизводство и преданность тому или другому дѣлу — вещи совершенно различныя.

Если же управа рѣшается указывать, какъ на неблагопріятный симптомъ будущей чахлости сборника — на отсутствіе или недостатокъ образованія въ большинствѣ мѣстнаго населенія, то это только показываетъ, съ одной стороны, что она для отвода глазъ «милостивыхъ государей» не пренебрегаетъ никакими средствами, принимая, вѣроятно, всѣхъ своихъ оффиціальныхъ слушателей за гоголевскихъ Петрушекъ (кто же, въ самомъ дѣлѣ, не понимаетъ, что журналы нигдѣ и никогда не ведутся большинствомъ, а весьма незначительнымъ интеллигентнымъ меньшинствомъ?); а съ другой — что она не совсѣмъ близко знакома съ умственными силами своей губерніи. Гдѣ въ рядахъ земства стоятъ такіе люди, какъ о. Блиновъ, Романовъ (статистикъ), Заволжскій, Рума; гдѣ могли, а, слѣдовательно, и могутъ служить такія лица, какъ Португаловъ, Песковскій, Нагорскій, Краснопеpовъ, Сергѣевъ (бывшій учитель), Романовъ (врачъ); гдѣ издаются такіе труды, какъ «Изслѣдованіе о земскихъ раскладкахъ», «Народное Образованіе въ Вятской губерніи за послѣднее десятилѣтіе», «Оспенная эпидемія въ Вятской губерніи», «Экономическое положеніе сѣвернаго края Вятской губерніи», «Статистическое описаніе Орловскаго уѣзда», «Движеніе народонаселенія въ Орловскомъ уѣздѣ» и т. п.; откуда выходятъ такія популярныя книжки, какъ «Школьная діэтетика», «Русская исторія», «Законы о гражданскихъ договорахъ», «О способахъ обученія», «Ученье—свѣтъ» и множество брошюръ, прямо идущихъ въ народъ (брошюры г. Фармаковскаго), не смѣшно ли тамъ говорить о какихъ то подражаніяхъ жалкимъ сборникамъ въ родѣ черниговъ-

ской макулатуры? Мы указали только на имена авторовъ и заголовки книгъ; но сколько есть людей, которые, въ силу одной своей профессіи и полученнаго ими образованія, всегда должны имѣть въ запасѣ рядъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ жизни, или наблюденій и замѣчаній, которыми они могли бы подѣлиться съ обществомъ!.. Таковы, напримѣръ, врачи, ветеринары, преподаватели сельско-хозяйственной семинаріи, реальнаго училища, молодые лѣсничіе, учители народныхъ школъ и т. д. Затѣмъ самое *земство*. Конечно, у насъ нѣтъ ни Самариныхъ, ни Васильчиковыхъ, ни Корфовъ. Но гдѣ же они есть? Такіе люди принадлежатъ не губерніямъ, а цѣлой Россіи. Ихъ такъ мало, что страшно даже считать.

Не знаю, серьезно или ради шутки губернская управа указываетъ въ числѣ препятствій къ изданію земскаго сборника на то, что, молъ, оно «не обошлось бы безъ денежныхъ пожертвованій». Но ни одна статья земскаго хозяйства не можетъ обойтись безъ расходовъ. Вѣдь и новомосковское земство было бы не прочь имѣть народныя школы, если бы онѣ, какъ грибы, выросли отъ одного дождя благихъ пожеланій. Вѣдь и канцелярія вятской губернской управы не даромъ обходится вятскому земству, а не находитъ же оно возможнымъ распустить ее по домамъ на томъ только, совершенно вѣрномъ въ принципѣ, основаніи, что расходамъ, употребляемымъ на ея содержаніе, можно было бы дать другое болѣе производительное назначеніе. Оно мирится съ нею, подобно современному государству съ милліонными арміями, какъ съ необходимымъ зломъ. Но если необходимы управы и канцеляріи, то не менѣе необходимъ и *постоянный* контроль надъ ихъ дѣятельностью, а слѣдовательно, и періодическій органъ земства.

Если бы меня спросили, на какихъ основаніяхъ долженъ издаваться земскій журналъ, то я бы сказалъ,

что съ самаго начала слѣдуетъ воспользоваться общеустановленной для подобныхъ изданій программой; но вмѣстѣ съ тѣмъ — ходатайствовать предъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, чрезъ начальника Вятской губерніи, о расширеніи этой программы, подобно тому, какъ было допускаемо постепенное расширеніе программы губернскихъ вѣдомостей! *). Восьмилѣтній опытъ существованія земскихъ сборниковъ и неусыпный надзоръ за ними мѣстной администраціи могутъ служить достаточнымъ залогомъ для правительства въ томъ, что земство солидно отнесется къ предоставленнымъ ему новымъ правамъ. Собственно сборникъ долженъ выходить ежемѣсячными книжками; но такъ какъ для многихъ актовъ земской дѣятельности мѣсячный срокъ былъ бы слишкомъ продолжителенъ (таковы, напримѣръ, протоколы о засѣданіяхъ очередныхъ и экстренныхъ земскихъ собраній, свѣдѣнія о занятіяхъ на учительскихъ съѣздахъ и педагогическихъ курсахъ, отчеты о текущихъ преніяхъ на съѣздахъ врачей, извѣстія о перемѣщеніяхъ и разъѣздахъ лицъ, находящихся на земской службѣ и т. п.), то не мѣшало бы ходатайствовать объ открытіи особаго самостоятельнаго земскаго отдѣла при губернскихъ вѣдомостяхъ.

Затѣмъ для того, чтобъ журналъ не попалъ въ исключительное и безграничное распоряженіе губернской управы, его бы слѣдовало поставить подъ общій контроль всѣхъ земскихъ учрежденій Вятской губерніи. Желательно, чтобъ всѣ уѣздныя управы ежегодно представляли своимъ собраніямъ обстоятельные отчеты о веденіи журнала и вопросъ о содержаніи и составѣ его книжекъ подвергался каждый разъ собраніями тщательному обсужденію, результаты котораго доводились бы, черезъ посредство губернской управы, до губернскаго собранія.

*) См. Полное Собраніе Законовъ, № 18,580—2 января 1845 г., № 29,059—1855 г., № 33,951—1858 г. и № 42,180—1865 г.

XXXVI.

Открытый вопросъ.

Вопросъ:—отчего ты босъ?
Отвѣтъ:—сапогъ нѣтъ.

Вчера въ вятскомъ губернскомъ собраніи разсматривался вопросъ объ изданіи земскаго сборника. Онъ оставленъ былъ открытымъ. Нужно замѣтить, что губернская управа и зависящія, а, быть можетъ, и независящія отъ нея обстоятельства сдѣлали все, что только было возможно для того, чтобъ затруднить его рѣшеніе. Такъ докладъ о сборникѣ былъ внесенъ въ собраніе внезапно, экспромптомъ, безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ гласныхъ; управа не позаботилась или, вѣрнѣе, просто не хотѣла заблаговременно отпечатать его, хотя отлично понимала всю его важность; она не представила по этому вопросу въ своемъ докладѣ сколько нибудь обстоятельныхъ объясненій и ограничилась лишь одной отрицательной стороной дѣла, тогда какъ для нея было обязательно всесторонне разсмотрѣть данный вопросъ и высказать свои соображенія относительно тѣхъ комбинацій, которыя она находитъ всего болѣе цѣлесообразными въ томъ случаѣ, если бы ея докладъ оказался также убѣдительнымъ, какъ докладъ объ училищѣ, внесенный въ послѣднее экстренное собраніе, гдѣ г. Дерновъ въ безсильной борьбѣ съ здравомысліемъ гласныхъ не могъ найти ничего болѣе убѣдительнаго, какъ указать, что корреспонденты пишутъ за пять копѣекъ со строчки, но въ то же время благоразумно умалчивая о томъ, во сколько обходятся земству его подписи подъ малининскими докладами. Не болѣе убѣдительно онъ аргументировалъ и вчерашній день по вопросу о жур-

налѣ, желая утопить его въ ложкѣ своей ораторской воды. Рѣчь нашего уважаемаго предсѣдателя представляла собой пеструю смѣсь самыхъ незамысловатыхъ софизмовъ съ «волчьими слезами» о народныхъ стонахъ. Такъ какъ всѣ пренія вчерашняго дня по вопросу о земскомъ журналѣ вращались именно около этой, какъ видно, обдуманной іереміады, то я и позволю себѣ коснуться нѣсколькихъ наиболѣе чувствительныхъ ея мѣстъ.

Г. Дерновъ не безъ основанія утверждалъ, что онъ не обладаетъ ни литературными, ни организаторскими способностями настоящаго, дѣйствительнаго редактора; но никому изъ гласныхъ не могло даже придти въ голову поручать ему дѣйствительную редакцію журнала. Какъ предсѣдатель, онъ долженъ быть по закону не дѣйствительнымъ,а только отвѣтственнымъ редакторомъ, что далеко не одно и тоже. Отвѣтственность перваго изъ нихъ внутренняя, нравственная; тогда какъ отвѣтственность втораго чисто внѣшняя, административная, формальная, хозяйственная. Онъ долженъ слѣдить лишь за правильнымъ расходомъ ассигнованныхъ на изданіе земскихъ денегъ повѣрять отчетность журнала, не допускать въ нихъ статей безъ разрѣшенія цензуры, заботиться о своевременномъ выходѣ книжекъ и исправной разсылкѣ ихъ подписчикамъ и, наконецъ, представлять собранію ежегодные доклады о положеніи даннаго дѣла въ связи съ желаніями, заявляемыми губернской управѣ отъ уѣздныхъ земствъ. Конечно, статьи, помѣщаемыя въ неоффиціальной части журнала, должны не выходить изъ предѣловъ установленной для него программы; но этотъ вопросъ, по всей вѣроятности, будетъ рѣшаться не управой, а цензурой или властью начальника губерніи. Вообще, необходимо замѣтить, что отвѣтственность редактора журнала, издающагося подъ предварительной цензурой, чисто номинальная, не имѣю-

щая никакихъ практическихъ послѣдствій: за то, что напечатано съ разрѣшенія цензуры, никто не можетъ отвѣчать передъ администраціей, кромѣ одного цензора. Поэтому домогаться распоряженія земскимъ журналомъ, въ силу лежащей на редакторѣ отвѣтственности, значитъ, умышленно отводить глаза гласнымъ и разсчитывать на недостаточное знакомство ихъ съ практикой печатнаго дѣла. Мы впрочемъ того мнѣнія, что, при настоящемъ положеніи земскаго дѣла въ Вятской губерніи или, вѣрнѣе, при нынѣшнемъ составѣ губернской управы, нечего и думать объ изданіи сборника. Эта управа, въ лицѣ г. Малинина и Дернова, уже 3 й годъ съ упорствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, напрягаетъ всѣ свои усилія, чтобъ похоронить даже самую мысль объ земскомъ журналѣ и сдать ее въ свой канцелярскій архивъ. Понятно, что, будучи поставлена во главѣ этого дѣла, управляя его рулемъ и парусами, она должна направить и, навѣрно, направить его въ то неудобоназываемое мѣсто, которое каждому изъ насъ извѣстно изъ шашечной игры. Давно уже сказано, что волкъ не пастухъ, а свинья не огородникъ. И дѣйствительно, можно ли ожидать сочувствія и содѣйствія какому нибудь дѣлу со стороны людей, готовыхъ, ради противодѣйствія ему, прошибить лбомъ стѣну? Новое вино не вливаютъ въ старые мѣхи и представители затхлаго канцелярскаго status quo немыслимы на мѣстахъ людей, отъ которыхъ требуютъ не рутины, а жизни, не печальной водянистой философіи, а движенія, не экономіи крыловскаго мельника, а здравыхъ соціально-экономическихъ воззрѣній... Что нибудь одно изъ двухъ: журналъ и новый предсѣдатель управы или старый предсѣдатель управы и полнѣйшая, безусловная независимость отъ него редактора неоффиціальнаго отдѣла. Никакого третьяго выхода изъ этой дилеммы нѣтъ и быть не можетъ. Третій выходъ—совсѣмъ отказаться отъ сборника, не выводить цыплятъ изъ печеныхъ яицъ.

Вторымъ доводомъ г. Дернова противъ неудобства изданія журнала была ссылка его на примѣръ херсонской управы, которая будто бы объясняла открытую въ ней прошлый годъ громадную растрату денегъ именно тѣмъ, что все вниманіе предсѣдателя было сосредоточено на журналѣ, вслѣдствіе чего денежная отчетность ускользала отъ его надзора... Конечно, въ извѣстной крыловской баснѣ «Моръ звѣрей», причиной всѣхъ бѣдствій оказался бѣдный волъ, стянувшій въ тяжелую годину клокъ чужаго сѣна; онъ и расплатился своей шкурой за всѣ злодѣянія волковъ, тигровъ и львовъ, которые охотно повѣрили, что онъ былъ причиной мора... Но вѣдь наши гласные не дикіе хищники, которые могли бы ухватиться за такую *выгодную* аргументацію. Они не знаютъ за собой такихъ грѣшковъ, которые закрывали бы имъ глаза передъ подобными незамысловатыми и топорно-грубыми софизмами. Они очень хорошо понимаютъ, что подобное объясненіе херсонской управы, столь понравившееся г. Дернову, ни болѣе, ни менѣе, какъ извѣстная всему собранію «подтасовка фактовъ». Изъ старыхъ дѣлъ можно убѣдиться, что въ растратѣ денегъ иногда являлись виноватыми даже мыши... Но мы живемъ въ другое время. Если же Дерновъ, принимая на себя роль Кассандры, желалъ предупредить собранію, что изданіе земскаго сборника, подъ его предсѣдательствомъ, можетъ и у насъ сопровождаться растратой десятковъ тысячъ земскихъ денегъ, то это еще разъ показываетъ только, что земскій сборникъ и г. Дерновъ—двѣ вещи несовмѣстныя другъ съ другомъ.

Теперь о неразрѣзанныхъ журналахъ уѣздныхъ собраній и «волчьихъ слезахъ» г. Дернова.

Когда человѣкъ, ратующій противъ чего нибудь хорошаго, начинаетъ чувствовать, что симпатіи его слушателей склоняются въ противоположную сторону, онъ обыкновенно старается принять видъ бойца за ненавистные

ему принципы и переодѣвается въ костюмъ солдата враждебной стороны съ тѣмъ, чтобы незамѣтно пробраться въ непріятельскій лагерь. Такъ именно поступилъ вчерашній день и г. Дерновъ. Онъ открыто высказалъ, что земское дѣло черезчуръ близко его сердцу, что онъ вполнѣ сознаетъ пользу и необходимость дальнѣйшаго его развитія, что нужно радоваться, если въ обществѣ проявляется интересъ къ изученію и знакомству съ земскими вопросами. Но, къ сожалѣнію, добавилъ г. Дерновъ, никакого интереса къ нимъ онъ не замѣчаетъ не только въ обществѣ, но даже въ самомъ ядрѣ земства въ его выборныхъ представителяхъ и его исполнительныхъ органахъ—уѣздныхъ управахъ. «Зачастую, говорилъ онъ, мнѣ приходилось видѣть въ управахъ журналы уѣздныхъ собраній неразрѣзанными; а ужь, кажется, имъ то было бы всего необходимѣе знакомиться съ ходомъ земскаго дѣла въ своей губерніи... Не показываетъ ли это, что мы смотримъ слишкомъ розово на вещи, предполагая, что всѣ должны интересоваться и дѣйствительно интересуются тѣмъ, что интересуетъ насъ самихъ? Если бы въ обществѣ была потребность въ знакомствѣ съ земскими вопросами, я первый подалъ бы свой голосъ за изданіе періодическаго земскаго сборника. Но ратовать за него теперь, значило бы закрывать глаза передъ бьющими въ носъ фактами».

Таковъ былъ общій смыслъ его тирады на тему—«мы не дозрѣли».

Прежде всего въ ней поражаетъ, какъ и во всѣхъ рѣчахъ и дѣйствіяхъ г. Дернова, отожествленіе земства съ управами и сведеніе послѣднихъ на людовиковское «я».

Но оставимъ это въ сторонѣ. И безъ этого, въ приведенномъ нами мѣстѣ предсѣдательскаго возраженія, существуетъ достаточно большая прорѣха, черезъ которую нетрудно видѣть притаившійся въ немъ софизмъ.

Въ самомъ дѣлѣ, журналы уѣздныхъ собраній, въ томъ видѣ, въ какомъ они теперь издаются, представляютъ собой груды сыраго матеріала, вымолоченнаго, но не провѣяннаго земскаго зерна. Въ такомъ видѣ это зерно можетъ потребляться на мѣстѣ, и нужно значительное количество труда, чтобъ сдѣлать его удобоваримымъ для посторонняго читателя. Если человѣкъ неохотно ѣстъ хлѣбъ съ мякиной, то отсюда нельзя еще заключать, что онъ не любитъ хлѣба и не чувствуетъ въ немъ потребности, а только то, что онъ не корова. Но г. Дерновъ, на основаніи своей опытности, кажется, иначе думаетъ о членахъ управъ. Повторяемъ еще разъ, что если въ земскомъ сборникѣ и будутъ помѣщаться матеріалы изъ такъ называемыхъ журналовъ собраній, то не сплошь и не цѣликомъ, а по выбору, смотря потому, насколько тѣ или другіе изъ нихъ могутъ имѣть общее значеніе и интересъ. Не смѣшно ли было бы, если бы въ сборникѣ фигурировали такія, напримѣръ, свѣдѣнія, какъ докладъ о фельдшерскомъ ученикѣ Бехтеревѣ, отношеніе яранской управы о томъ, что архитекторъ Андреевъ, вызванный для осмотра построенныхъ Ефремовымъ мостовъ, пріѣхалъ, ходатайство Нежнурскаго и Шарангскаго обществъ объ измѣненіи торговыхъ дней, о сложеніи земскихъ сборовъ за одно питейное заведеніе въ количествѣ 1 р. $2^3/_4$ коп. и т. п.? А такихъ докладовъ, ходатайствъ, отношеній и различнаго рода просьбъ въ журналахъ каждаго уѣзднаго земства — тьма. Вотъ почему они такъ и толсты, вотъ почему такъ и «плодовиты», по выраженію г. Дернова, наши управы. Они мало того, что суютъ въ журналы всякія пустяки, но еще и стараются ихъ печатать, какъ можно, разгонистѣй, чтобъ книжки выходили потолще и свидѣтельствовали объ ихъ неутомимой канцелярской дѣятельности. Сами управы, значитъ, затрудняютъ знакомство съ земскимъ

дѣломъ и для общества, и для своихъ собственныхъ уѣздныхъ тезокъ. Что касается до земскаго сборника, то имѣя въ виду совершенно другія цѣли, онъ будетъ избирать для достиженія ихъ и другія средства. На его страницы будетъ попадать не болѣе $^2/_3$ того, что печатаютъ теперь уѣздныя земства въ своихъ журналахъ, а, можетъ быть, даже и менѣе. Въ заключеніе дивертисемента, г. Дерновъ, вмѣстѣ съ г. Муравьевымъ, пролили цѣлый потокъ непритворныхъ слезъ о бѣдности народа, о доходящихъ до нихъ со всѣхъ сторонъ стонахъ меньшей братіи, которыхъ не можетъ облегчить даже «подтасовка фактовъ» и пр., и пр. «Право, сердечно замѣтилъ нашъ чувствительный предсѣдатель, зная, на какія деньги будетъ издаваться сборникъ, представляя себѣ, что корешки его книгъ должны вырѣзаться изъ мужицкихъ спинъ, я не въ состояніи ихъ былъ бы и читать, какіе бы перлы въ нихъ не заключались. Когда слышишь стоны, чтеніе не пойдетъ на умъ». Хорошо сказано:—и красиво, и гуманно, и экономно. Но мы не забыли вѣчно живой и справедливой притчи о мытарѣ и фарисеѣ, мы еще помнимъ мѣткую русскую пословицу: «всѣмъ бы простъ, да волчій хвостъ». Глубоко вѣрны и человѣчны стихи Некрасова, сопоставляющіе, разливы Волги съ переполнившей нашу землю народной скорбью, но не управамъ ихъ декламировать и не г. Дернову въ особенности. Стоны народа мѣшаютъ ему читать въ будущемъ земскій сборникъ и не мѣшаютъ въ настоящемъ выписывать на счетъ ремней изъ мужицкихъ спинъ литературные журналы и политическія газеты. Стоны народа не мѣшали и не мѣшаютъ управѣ выписывать на деньги меньшей братіи: «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Вѣстникъ Европы», «Недѣлю», «Голосъ», «Русскую Старину» и т. п. Вѣроятно, чтеніе ихъ такъ интересно, что заглушаетъ въ залахъ управы звуки этихъ стоновъ, заглушаетъ до того,

что предсѣдатель не сознаетъ, до какой степени уродлива аналогія между его вчерашней чувствительностью и составленіемъ библіотеки періодическихъ изданій на крестьянскіе гроши. Итакъ, мы видимъ, что стоны народа не мѣшаютъ людямъ, получающимъ тысячные оклады подъ акомпанементъ этихъ нотъ читать «Русскую Старину»; но они мѣшаютъ имъ подумать о сокращеніи расходовъ на содержаніе управы, потому что 20,000 р., конечно, самая сущая бездѣлица. Другое дѣло земскій сборникъ. Тутъ, можетъ быть, будутъ писать тивъ насъ... Тутъ, значитъ, и 5,000 р. много. Тутъ уже стоны будутъ мѣшать читать даже «Русскую Старину». Мы не отказываемся отъ ассигновки, но только такой, на которую ничего нельзя сдѣлать: если достаточно 3 тысячъ, мы готовы съ удовольствіемъ дать 2 даже $2^1/_2$, если достаточно 2-хъ, мы согласны дать $1^1/_2$ и т. д. А въ запасѣ, на всякій случай, у насъ цѣлый ворохъ, «стоновъ».

Вообще, если бы г. Дерновъ держалъ свою вчерашнюю рѣчь передъ простыми, но *толковыми* мужичками, то онъ сыгралъ бы роль того миссіонера, который до того разжалобилъ людоѣдовъ своей проповѣдью, что у нихъ пришла охота... съѣсть его. И дѣйствительно, странно было видѣть, какъ человѣкъ, проливающій слезы о народной бѣдности, говорящій съ жаромъ о народныхъ стонахъ, вслѣдъ затѣмъ тотчасъ же вносить докладъ объ отпускѣ 2,000 р. на явную, несомнѣнную спекуляцію, ненуждающуюся ни въ какомъ постороннемъ, а тѣмъ болѣе земскомъ пособіи. Будь у насъ журналъ, насъ нельзя было бы застигнуть въ расплохъ такими уродливыми сюрпризами. Обстоятельства этого дѣла мнѣ достаточно хорошо извѣстны, и я готовъ, съ цифрами въ рукахъ, доказать, что собраніе было введено тутъ въ грубое заблужденіе, о которомъ, конечно, было бы неумѣстно распространяться въ настоящемъ письмѣ.

Странно какъ-то слышать о непроизводительности расходовъ на изданіе земскаго сборника. Канцелярское строченье докладовъ, конечно, гораздо производительнѣе и потому оно оплачивается сравнительно весьма высоко. Но есть ли кому нибудь надобность знать о ходѣ земскаго дѣла въ уѣздахъ, полезно ли для управъ встрѣчать постоянно со стороны тѣ или другія указанія, легко ли находиться подъ постояннымъ опасеніемъ, что, кромѣ пріятелей гласныхъ, съ которыми всегда можно столковаться, и очередныхъ кратковременныхъ собраній, вамъ можетъ встрѣтиться необходимость объясняться, богъ знаетъ, съ кѣмъ и даже, быть можетъ, растерять при этомъ нѣсколько перьевъ изъ своего пѣтушинаго хвоста?.. Все это, скажутъ, полемика. Не такими цѣлями долженъ задаваться солидный земскій органъ. Безъ сомнѣнія, такъ. Полемика, какъ она ни необходима, не можетъ и не должна составлять исключительной задачи неоффиціальнаго отдѣла сборника. Какъ она ни полезна сама по себѣ, особенно въ періодѣ земской спячки, въ періодѣ управскаго самоуправленія, однако она должна въ журналѣ играть роль приправы—не болѣе. Кромѣ отрицательной пользы, сборникъ долженъ, конечно, приносить и положительную. Никто не будетъ спорить, что земство почти на каждой статьѣ своего хозяйства, вслѣдствіе недостатка контроля, несетъ много иногда даже довольно крупныхъ денежныхъ потерь. Исправленіе дорогъ, дорожныя сооруженія, постройки и ремонтъ зданій—все это одинъ бездонный омутъ, гдѣ только мелькаютъ тысячи, десятки и сотни тысячъ рублей... Этотъ омутъ, конечно, полонъ невѣдомыхъ финансовыхъ оборотовъ и операцій. Онъ представляетъ собою нетронутую руду міазмовъ, куда однако не устремлена экономія крыловскихъ мельниковъ. Нужно полагать, что земскій сборникъ не безъ пользы для земскаго кармана можетъ копнуть эту руду. Вообще въ какую бы сторону

мы ни поглядѣли, всюду оказывается, что если могутъ быть производительны земскія деньги, то это всего болѣе и скорѣе деньги, вложенныя въ сборникъ. Возьмемъ, для примѣра, народное образованіе. Всякій знаетъ, какія солидныя суммы отпускаются на это дѣло вятскимъ земствомъ. Но само вятское земство нѣсколько разъ сознавалось, что оно не можетъ сказать, насколько производительно тратятся его громадныя ассигновки въ пользу народной школы. Сознаніе этой неизвѣстности и заставило всѣ уѣздныя земства ходатайствовать передъ правительствомъ о дозволеніи имъ имѣть своихъ собственныхъ особыхъ инспекторовъ. Но ходатайства эти были отклонены и земство до сихъ поръ, пробавляясь штатными смотрителями *), лишено возможности имѣть точныя неоффиціальныя данныя о положеніи своихъ училищъ. Теперь обстоятельства нѣсколько измѣняются. Изданіе журнала даетъ средства собирать нужные факты на мѣстѣ и доводитъ ихъ до общаго свѣдѣнія. Правда, инспектора, открывая больныя мѣста въ школьномъ дѣлѣ, имѣютъ возможность и залѣчивать ихъ, руководя обученіемъ учителей и внося въ него разумную систему новѣйшей педагогики. Но, мы полагаемъ, что если журналъ дастъ возможность хоть только діагностировать школу, если онъ хоть только будетъ слѣдить за дѣйствительнымъ ея положеніемъ въ различныхъ мѣстахъ нашей губерніи, то и то заслуга его будетъ велика и всѣ затраченныя на него деньги окупятся сторицей. Не надо забывать, что вѣрное опредѣленіе болѣзни столько же, если не болѣе, важно, чѣмъ соотвѣтственный выборъ лѣкарства.. Обѣ половины дѣла заслуживаютъ, одинаковаго вниманія со стороны земства. Если же вспомнить при этомъ, что по заявленіямъ уѣздныхъ земствъ, они охотно бы ассигновали на наемъ инспектора болѣе

*) См. „Инвалидная эпидемія“.

1500 р., а для изданія земскаго сборника вполнѣ достаточно было бы 6000 р., то едва ли слѣдуетъ тратить слова на доказательства производительности такого расхода.

XXXVII

Необыкновенный консиліумъ

(*Изъ «Врачеб. Вѣд.»*).

Одно изъ самыхъ обыкновеннѣйшихъ золъ въ отношеніяхъ врачей между собою составляютъ и въ наше время разныя злоухищренія эскулаповъ другъ противъ друга, подкапыванія одного подъ другаго, не смотря на факультетскую клятву, и за глазные неблагопріятные отзывы о своихъ конкурентахъ... Положимъ, на все такое какъ-бы вызываетъ конкуренція; но, тѣмъ не менѣе, злонамѣренныя и несправедливыя дѣйствія конкурентовъ другъ противъ друга, кромѣ своей безнравственности, прямо вредятъ и професіи и, тѣмъ болѣе, наукѣ, которую, въ концѣ концевъ, «непосвященные въ нее» начинаютъ признавать неимѣющей ничего вѣрнаго, ничего обстоятельнаго, когда адепты не только не согласны между собой, но и при всякомъ удобномъ случаѣ доказываютъ, что коллеги ихъ ничего не понимаютъ и уже успѣли повредить больному. Извѣстна манера, почти общая у врачей, приглашаемыхъ одинъ за другимъ прописать непремѣнно другое средство, или то же самое, но въ другой формѣ,—предложить что-либо другое, съ сомнѣніемъ и качаніемъ головой и съ пожиманіемъ плечъ относясь къ предшествовавшему своему коллегѣ... «Хорошо, что обратились ко мнѣ, обыкновенно говоритъ вновь приглашенный врачъ, а то дождались бы чего-либо похуже»... Сказавши это, коллега,

можетъ быть, и выигрываетъ въ глазахъ вѣрящихъ въ въ каждаго новаго врача и надѣющихся отъ него на многое хорошее; но выигрышъ этотъ связанъ съ потерей нравственной высоты профессіи, съ паденіемъ личности и съ униженіемъ самой науки, и притомъ выигрышъ этотъ—временный, ибо другіе коллеги, конечно, дадутъ себя знать не менѣе, можетъ быть, доброжелательно у другихъ больныхъ и, такимъ образомъ, взаимныя услуги и отзывы дадутъ самое превратное понятіе о медицинѣ...

Къ сожалѣнію, нѣтъ никакихъ мѣръ противъ такихъ антикорпоративныхъ золъ и антиколлегіальныхъ поступковъ.. Помнится одно средство, такъ сказать, оффиціальное... Назадъ тому лѣтъ пять-шесть, одному изъ врачей, явно на судѣ провинившемуся въ излишней болтливости и въ разглашеніи тайны, опредѣлено было, въ присутствіи членовъ медицинскаго управленія, произнесть вновь факультетское клятвенное обѣщаніе, что онъ, конечно, и исполнилъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Общее презрѣніе, конечно, могло бы останавливать врачей отъ злонамѣреннаго обвиненія предъ публикой и больными своихъ товарищей, могло бы служить примѣрнымъ наказаніемъ для такихъ вредныхъ и лживыхъ дѣльцовъ; но общественнаго мнѣнія, конечно, не существуетъ при полномъ недостаткѣ солидарности между врачами. Остается товарищескій судъ, приговоры котораго могутъ быть иногда и весьма дѣйствительны. Это средство у насъ доселѣ совсѣмъ не практиковалось; только въ послѣднее время, вслѣдствіе ли того, что злоупотребленія правомъ товарищества дѣлаются болѣе и болѣе чуствительными, или вслѣдствіе большой зрѣлости корпораціи, или, наконецъ, вслѣдствіе того или другаго, начинаютъ появляться опыты такого товарищескаго суда и приговоры надъ недостойными поступками одного изъ членовъ корпораціи или медицинскаго общества.

Одинъ изъ такихъ опытовъ занесенъ въ протоколы общества *вятскихъ врачей*, и потому подлежитъ публичному разсмотрѣнію. Правда, изъ приговора общества не видно, какіе факты и какіе поступки вывели изъ долготерпѣнія, которымъ, не въ обиду будь сказано, непомѣрно отличаются врачи; но, тѣмъ не менѣе, можно предположить, что данныя были слишкомъ обязательны и дѣянія слишкомъ недостойны. Вятское губернское управленіе препроводило въ общество врачей протоколъ консиліума, бывшаго 22 марта 1876 года по поводу болѣзни сарапульской земской учительницы, Сундстремъ, —копію съ письма врача Спасскаго и исторію болѣзни и просило общество обсудить факты, изложенные въ этихъ бумагахъ, о чемъ ходатайствовали сарапульскіе врачи. Сущность же дѣла заключалась въ томъ, что врачи, Добранравовъ и Стельмаховичъ, вслѣдствіе отзывовъ врача Гридина, которыми послѣдній выставилъ ихъ незнающими и недобросовѣстными и которые онъ распускалъ, не стѣсняясь ничѣмъ,—рѣшились дѣйствія свои по отношенію къ больной и дѣйствія г. Гридина подвергнуть суду консиліума, въ коемъ приняли участіе и другіе сарапульскіе врачи.

По обсужденіи, какъ фактовъ, относящихся до лѣченія г-жи Сундстремъ, такъ и фактовъ, относившихся до поведенія г. Гридина относительно Добронравова и Стельмаховича, консиліумъ, 22 марта, высказалъ въ заключеніе: *„врачи, составляющіе консиліумъ, вынуждены отказаться считать болѣе Гридина своимъ товарищемъ и являться на совѣщанія къ его больнымъ или приглашать къ своимъ, во избѣжаніе тѣхъ непріятностей, съ которыми сопрягаются подобныя столкновенія съ Гридинымъ.*

Общество врачей г. Вятки, по прочтеніи означенныхъ бумагъ и по обсужденіи изложенныхъ въ нихъ фактовъ,

постановило: если справедливы факты, относящіеся къ поведенію врача Гридина относительно своихъ товарищей, то общество считаетъ поведеніе г. Гридина несовмѣстнымъ съ достоинствомъ врача, о чемъ и сообщить врачебному отдѣленію губернскаго правленія.

Какъ многимъ бы медицинскимъ обществамъ слѣдовало устроять консиліумы не надъ больными, а на самими врачами, и какъ много дикаго и недостойнаго открыто было бы подобными консиліумами!

XXXVIII.

Можно ли вѣрить Сарапульскому земству?

Въ № 83 «Врачебныхъ Вѣдомостей», въ статьѣ «Земско-медицинское дѣло», указывается на безцеремонность, съ которой верхнеднѣпровское, боровичское и тихвинское земства относятся къ земской медицинѣ и къ служащимъ у нихъ земскимъ врачамъ. Къ величайшему сожалѣнію, это только нѣкоторые изъ весьма многихъ случаевъ, остающихся въ неизвѣстности. Такъ, не отстало отъ вышеозначенныхъ земствъ и земство сарапульское, по крайней мѣрѣ по отношенію къ служащимъ у него врачамъ. Съ возникновеніемъ сарапульскаго земства, впродолженіе девяти лѣтъ его существованія, врачебный персоналъ мѣнялся у него 21 разъ (при пяти мѣстахъ), причемъ только пять разъ врачи ушли по собственной своей волѣ. Насколько земство послѣдовательно въ отношеніяхъ своихъ къ врачамъ—видно изъ того, что два мѣстныхъ врача, занимающіе въ городѣ другія мѣста, были нѣсколько разъ изгоняемы, ибо одинъ составъ земскихъ гласныхъ находилъ ихъ полезными, другой браковалъ, третій опять одобрялъ и приглашалъ и т. д. Такъ, въ прошломъ, 1875 году, на земскомъ

собраніи одинъ изъ гласныхъ заявилъ, что врачъ, завѣдывавшій въ то время хирургическимъ отдѣленіемъ сарапульской больницы—плохой операторъ, ибо онъ, гласный, знаетъ случай, гдѣ этотъ врачъ совѣтовалъ сдѣлать операцію, но дѣло обошлось и такъ: больной выздоровѣлъ безъ операціи. Земское собраніе согласилось, что необходимо пригласить другаго врача-оператора на мѣсто имѣющагося, для чего назначило жалованье въ 1,800 руб. Управа сдѣлала публикацію въ медицинскихъ и другихъ газетахъ, приглашая хирурговъ занять мѣсто въ сарапульской больницѣ; но желающихъ не находилось; тогда, въ январѣ 1876 года, приглашенъ былъ врачъ, хотя неимѣющій диплома оператора, но занимающійся хирургіей, на положенное земскимъ собраніемъ содержаніе. Врачъ этотъ приглашенъ съ мѣста изъ сосѣдняго города, гдѣ онъ служилъ при городской больницѣ, получая содержаніе 1,500 р., и гдѣ онъ былъ доволенъ земствомъ и земство имъ было довольно, такъ что мѣстная земская управа, при увольненіи его, нашла нужнымъ просить его сдѣлать оффиціальное заявленіе въ управу, что онъ переходитъ въ Сарапулъ не вслѣдствіе какихъ-нибудь пререканій съ земствомъ, а по собственнымъ своимъ соображеніямъ. А соображенія эти, помимо увеличенія содержанія на 300 р., заключались еще въ томъ, что въ Сарапулѣ имѣется большая больница на 80 человѣкъ (между тѣмъ какъ у него была больница на 25 человѣкъ), — слѣдовательно, больше матеріала для практическихъ занятій; затѣмъ, гораздо лучшія гигіеническія приспособленія въ ней; наконецъ, совмѣстная служба съ другимъ врачемъ, такъ какъ въ сарапульской больницѣ, по обширности ея, полагается имѣть двухъ врачей.

Но прошло девять мѣсяцевъ; собралось новое собраніе съ новымъ составомъ гласныхъ, которые, разсмотрѣвъ отчетъ больницъ (поясняющій, между прочимъ,

что впродолженіе шести мѣсяцевъ новымъ врачемъ сдѣлано въ больницѣ большихъ операцій 32, малыхъ 102, наложено неподвижныхъ повязокъ 23, амбуляторнымъ больнымъ сдѣлано большихъ операцій 3, малыхъ 243, вправлено 2 вывиха плеча, наложено неподвижныхъ повязокъ 3; смертныхъ случаевъ изъ оперированныхъ было 2), не признали новаго врача за оператора и, узнавъ, что онъ не имѣетъ еще и операторскаго диплома, нашли назначенное ему жалованье въ 1,800 рублей слишкомъ большимъ, несоотвѣтствующимъ его ученой степени и познаніямъ; а чтобы не было обидно ему одному, постановили сбавить у обоихъ врачей сарапульской больницы жалованье на 300 рублей каждому. Хотя предсѣдатель земской управы при этомъ пояснилъ собранію, что оба врача приглашены земствомъ на содержаніе въ 1,800 рублей, причемъ одинъ изъ нихъ съ мѣста, а другой тотчасъ же по пріѣздѣ въ Сарапулъ былъ приглашенъ въ губернское земство, гдѣ онъ могъ получить мѣсто на двѣ тысячи рублей съ готовой квартирой (мѣсто старшаго врача губернской земской больницы), и только не желая измѣнять разъ даннаго сарапульскому земству слова, согласился на просьбу управы остаться въ Сарапулѣ, отказавшись отъ приглашенія губернскаго земства, но большинство земскихъ гласныхъ не нашло такое заявленіе предсѣдателя управы достаточнымъ для оставленія въ неприкосновенности тѣхъ условій, на которыхъ были приглашены эти врачи, и постановило назначенное врачамъ содержаніе сбавить на 300 рублей каждому, не мотивируя ничѣмъ свое постановленіе.

Можно, пожалуй, подумать, что врачи эти, во время своего короткаго пребыванія въ Сарапулѣ, подали поводъ своею дѣятельностію къ подобной оцѣнкѣ представителей земства; но оказывается, что все интеллигентное общество города Сарапула не только не раз-

дѣляло взгляда земскихъ гласныхъ, но возмутилось такой несправедливостью и свое несочувствіе выразило въ особомъ адресѣ со множествомъ подписей къ означеннымъ врачамъ (Добронравову и Стельмаховичу), прося ихъ не оставлять своей службы и полезной дѣятельности въ Сарапулѣ. Такое разногласіе между постановленіемъ земскаго собранія и общественнымъ мнѣніемъ ясно указываетъ, какъ относится сарапульское земство къ своимъ врачамъ. Но какъ бы тамъ ни было, а всетаки содержаніе у двухъ врачей убавлено собраніемъ, и ничего тутъ не подѣлаешь. Принимая же во вниманіе, что прежнее содержаніе назначено самимъ же собраніемъ, и что адресъ врачамъ отъ интеллигентной сарапульской публики, кажется, можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ полезной ихъ дѣятельности; затѣмъ, что сарапульское земство не настолько бѣдно, чтобы, ради недостаточности средствъ, вынуждено было убавлять содержаніе у полезныхъ своихъ дѣятелей, мы невольно должны поставить вопросъ: какой же былъ истинный смыслъ означеннаго постановленія? А смыслъ этотъ, по всей вѣроятности, былъ только тотъ, что врачи эти тузу—земскому гласному, орудовавшему большинствомъ другихъ гласныхъ, не оказывали достодолжнаго уваженія:—«какіе это врачи, когда мы ихъ въ глаза не видимъ»; найдутся и такіе, которые и за меньшее вознагражденіе съ удовольствіемъ будутъ оказывать гораздо большее почтеніе». Таково, вѣдь, впрочемъ, положеніе большинства земскихъ врачей. Ты хоть и не больно много знай — соображаютъ тузы-воротилы—да лѣчи по нашему и насъ уважай. Это и совершенно вѣрно съ дѣйствительностью. Для того, чтобы земскій врачъ прочно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, ему, главнымъ образомъ, нужно находиться въ добрыхъ отношеніяхъ съ управой, съ вожаками гласными, а знаніе и усердіе—самое послѣднее дѣло. Каковы бы ни были

познанія врача и какъ бы онъ не былъ добросовѣстенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, но если у него нѣтъ этихъ, такъ называемыхъ, добрыхъ отношеній съ гласными воротилами, стремящимся попасть въ гласные въ большинствѣ случаевъ не ради интересовъ земскаго дѣла, а для того только, чтобы имѣть нѣкоторую власть и силу—его дѣло пропащее. Земство относительно содержанія, опредѣленія и увольненія врачей можетъ сдѣлать все: сегодня оно пригласитъ врача, получающаго, напр., 3,000 р., на службу къ себѣ за сколько угодно тысячъ, а завтра, когда врачъ, соблазнившись этимъ предложеніемъ, поступитъ къ нему на службу, назначитъ ему 300 руб.; сегодня оно приглашаетъ, а завтра увольняетъ безъ всякихъ причинъ. Разныя условія и контракты, какъ показываетъ практика, не имѣютъ тутъ почти никакого значенія, и врачу остается только одно—ѣздить изъ одного земства въ другое, изъ другаго въ третье и т. д. Справедливо выразился одинъ изъ врачей въ рѣчи своей на земскомъ съѣздѣ, что земскій врачъ походитъ на человѣка, у котораго всѣ вещи постоянно должны быть уложены въ чемоданы, чтобы всегда быть наготовѣ къ отъѣзду, т. е., стало быть, онъ долженъ изображать изъ себя нѣчто въ родѣ вѣчнаго жида. Вотъ тутъ и изучай санитарное состояніе мѣстности, дѣлай медико-топографическія описанія и собирай статистическія данныя! До какихъ же поръ будетъ продолжаться такое положеніе земскихъ врачей, отъ котораго страдаетъ самое дѣло, земскія деньги и сами врачи? Вѣроятно, до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, не будетъ положенъ какой-нибудь предѣлъ произволу земствъ по отношенію къ врачамъ, напримѣръ, хоть въ родѣ того, что земскіе врачи относительно своего опредѣленія, увольненія и содержанія будутъ сравнены съ мировыми судьями, учителями гимназій и реальныхъ училищъ, содержимыхъ насчетъ земства? Неужели земства

въ самомъ дѣлѣ болѣе компетентны въ медицинѣ, чѣмъ въ начальномъ образованіи дѣтей или въ пониманіи даже самыхъ простыхъ юридическихъ вопросовъ, что имъ предоставлено такое широкое право опредѣлять, увольнять и оцѣнивать достоинство врачей безапелляціонно, тогда какъ относительно учителей и мировыхъ судей право это весьма ограничено?!

XXXIX.

Общественное здоровье Вятскаго края.

Что представляетъ собой *сельская* медицина?—Ничто.
Что она должна собой представлять?—Все.

I.

Несомнѣнно, что естественныя условія страны опредѣляютъ образъ жизни ея обитателей: житель сѣвера, напримѣръ, не можетъ ограничиться той легкой одеждой, жилищемъ, той пищей, которыми довольствуется житель юга; но вліяніе внѣшнихъ условій на взаимныя отношенія людей нѣсколько ограниченнѣе. Два фактора обнимаютъ собою всю совокупность явленій жизни человѣка, какъ отдѣльнаго индивида, такъ и цѣлыхъ человѣческихъ группъ или обществъ. Это факторы—культура и цивилизація. Очень часто и даже первостепенными учеными эти два понятія между собой смѣшиваются. Такъ, Бокль подъ словомъ *цивилизація* разумѣетъ умственное развитіе; Д. С. Милль, въ своей статьѣ о цивилизаціи, понимаетъ, кажется, подъ этимъ словомъ степень распространенія матеріальнаго довольства. Кольбъ, въ своей «Исторіи Культуры», разумѣетъ подъ этимъ словомъ тоже степень матеріальнаго благосостоянія и историческаго развитія въ широкомъ смыслѣ.

Кажется, что эту путаницу понятій слѣдуетъ разъяснить болѣе точнымъ опредѣленіемъ и разграниченіемъ этихъ двухъ сферъ человѣческой жизни.

Подъ словомъ *культура* слѣдуетъ понимать весь матеріальный бытъ данной страны, какъ произведеніе человѣческихъ рукъ, а подъ словомъ *цивилизація*—весь духовный міръ или взаимныя отношенія людей. Такимъ образомъ цивилизацію будутъ составлять: 1) религія, 2) право, 3) нравы и обычаи (нравственность и гражданственность), 4) образованіе, воспитаніе, школа, степень распространенія знаній; культуру же—1) способъ добыванія произведеній отъ окружающей природы: a) пища, b) одежда, c) жилище; 2) средства передвиженія и сообщенія, 3) охрана или защита: военное и морское дѣло и, какъ вѣнецъ культуры—наука и искусство во всемъ ихъ объемѣ.

Степень и даже характеръ культуры и цивилизаціи несомнѣнно во многомъ зависятъ отъ внѣшней окружающей природы, которую однако же они, въ свою очередь, могутъ измѣнить и покорить. Притомъ же какъ въ культурѣ, такъ и въ цивилизаціи постоянно замѣтна извѣстная постепенность и градація. Какой разительный контрастъ представляютъ, напримѣръ, азіатскія степи съ ихъ абсолютизмомъ и береговая линія крошечной Аттики съ ея моремъ и несравненнымъ климатомъ. Азія, въ культурномъ отношеніи, дала намъ неподвижный китаизмъ, а въ отношеніи цивилизаціи продуктировала лишь религіи: сабеизмъ или поклоненія небеснымъ свѣтиламъ, религію Конфуція, браминизмъ, буддизмъ, религію Зароастра, іудаизмъ,магометанство. Въ ней, правда, родилось и христіанство; но она не съумѣла ни воспользоваться имъ, ни усвоить его. Греція продуктировала поэзію, философію, науку и искусство. Азія заботилась лишь о внѣшномъ могуществѣ,—это ея цивилизація. Греція первая создала внутреній государственно демо-

кратическій строй. Азія совершенно подавляла личность; въ Греціи впервые заблистала свобода личности, развилась сила и значенія индивидуальности. Въ Азіи многоженство держало женщину въ вѣчномъ рабствѣ; одноженство впервые явилось въ Греціи; тогда исчезло рабство женщины и соціальный строй коренными образомъ измѣнился.

Какой поразительный контрастъ между культурою и цивилизаціей Азіи и Европы вообразѣ Греціи и какой борьбы стоило человѣчеству добиться греческихъ результатовъ.

Все это я говорю къ тому, чтобы указать, какъ необходимо имѣть въ виду все разнообразіе обстоятельствъ, обусловливающихъ жизнь, здоровье, болѣзненность и смертность того или другого порядка или даже отдѣльной его части. А то, вѣдь, какъ это у насъ обыкновенно дѣлается? Положимъ, что появилась сильная эпидемія оспы, и вотъ сейчасъ же увѣряютъ, что эту эпидемію можно было совсѣмъ предотвратить нѣсколькими оспопрививаніями. Но такъ ли на самомъ дѣлѣ? Болѣзненность и смертность того или другого народа неужели такая бездѣлица, что ее можно видоизмѣнять по произволу, однимъ почеркомъ пера? Едва ли. Сейчасъ представимъ таблицу, доказывающую всю шаткость такихъ предвзятыхъ воззрѣній. Извѣстно, какъ высоко развиты культура и цивилизація въ Западной Европѣ; однако же и тамъ разница между отдѣльными странами должна быть очень велика, потому что періодъ лѣтъ, потребныхъ для удвоенія числа жителей той или другой страны, далеко не одинаковъ для различныхъ странъ всей Европы. Въ этомъ отношеніи очень интересны вычисленія Antoine Rouillet. Онъ представилъ таблицы данныхъ, на основаніи которыхъ, благодаря избытку рождаемости надъ смертностью, онъ вычислилъ, въ какой періодъ лѣтъ можетъ удвоиться населеніе Европы. Эти данныя суть:

(По алфавитному порядку):			(По порядку возрастающих удвоеній):		
1	для Австріи . . .	180 лѣтъ.	для Швейцаріи .	324	лѣтъ.
2	» Англіи	64 »	» Франціи . . .	185	»
3	» Баваріи . . .	113 »	» Австріи . . .	180	»
4	» Бельгіи . . .	97 »	» Румыніи . .	150	»
5	» Великобританіи	63 »	» Баваріи . . .	113	»
6	» Венгріи . . .	57 »	» Италіи . . .	99	»
7	» Греціи	94 »	» Бельгіи . . .	97	»
8	» Даніи	73 »	» Греціи . . .	94	»
9	» Ирландіи . .	74 »	» Испаніи . . .	92	»
10	» Испаніи . . .	92 »	» Португаліи .	92	»
11	» Италіи	99 »	» Швеціи . . .	88	»
12	» Нидерландовъ	75 »	» Россіи . . .	78	»
13	» Норвегіи . . .	51 »	» Пруссіи . . .	77	»
14	» Португаліи .	92 »	» Нидерландовъ	75	»
15	» Пруссіи . . .	77 »	» Ирландіи . .	74	»
16	» Россіи	78 »	» Даніи	73	»
17	» Румыніи . . .	150 »	» Англіи . . .	64	»
18	» Франціи . . .	185 »	» Великобританіи	63	»
19	» Швейцаріи .	324 »	» Венгріи . . .	57	»
20	» Швеціи . . .	88 »	» Шотландіи. .	53	»
21	» Шотландіи . .	53 »	» Норвегіи . .	51	»

См. Revue Scientifique, № 35—1876, стр. 216.

Всматриваясь пристально въ этотъ списокъ и въ значеніе этихъ цифръ, легко убѣдиться, что климатическія условія здѣсь теряютъ почти всякое значеніе, не играютъ никакой роли; такъ, напримѣръ, Франція, климатъ которой превосходенъ, можетъ удвоить число своихъ обитателей лишь въ 185 лѣтъ, между тѣмъ какъ Норвегія, климатъ которой несравненно хуже, можетъ удвоить число своихъ обитателей въ 51 г. Ясно, что мы должны искать причину этихъ явленій въ другомъ мѣстѣ, и тогда окажется, что причина этихъ явленій глубоко коренится въ условіяхъ культуры и цивилизаціи. Поэтому мы того убѣжденія, что смертность и болѣзненность въ какой нибудь странѣ нельзя опредѣлять однимъ какимъ нибудь явленіемъ, тѣмъ, что въ такой-то губерніи оспопрививаніе плохо развито, или медицинская часть

плохо организована,—то и другое уже явля тся результатомъ извѣстной формы или степени культуры и цивилизаціи. Слѣдовательно, болѣзненность и смертность всякой страны прежде всего зависятъ отъ этихъ двухъ великихъ всеобъемляющихъ факторовъ культуры и цивилизаціи. На этомъ основаніи мы и болѣзни дѣлимъ на двѣ крупныя категоріи: 1) на болѣзни отъ недостатковъ культуры, плохаго ея развитія, неравномѣрнаго ея распредѣленія и 2) на болѣзни отъ недостатковъ цивилизаціи, неправильныхъ, несправедливыхъ и дурныхъ отношеній между людьми. Норма культуры и цивилизаціи, ихъ идеалъ устраняетъ всякую болѣзненность и допускаетъ одну естественную лишь смерть отъ старости.

Всѣ эпидемическія болѣзни, какъ то: маларіи, холера, тифъ, корь, оспа, скарлатина, дифтеритъ—несомнѣнно продуктъ слабаго развитія культуры и чѣмъ больше эти болѣзни похищаютъ людей въ той или другой странѣ, тѣмъ хуже нецѣлесообразнѣе, тѣмъ ниже культура данной страны и наоборотъ.

Такія же болѣзни какъ, сифилисъ, дѣтскіе поносы, страшная смертность отъ пьянства, наконецъ болѣзненная мышечная усталость отъ напряженнаго труда — свидѣтельствуетъ о неправильныхъ и не справедливыхъ людскихъ отношеніяхъ, о дурномъ развитіи цивилизаціи.

II.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на общественное здоровье Вятскаго края. Предо мною лишь протоколы 1 и 3 съѣзда врачей и, на основаніи этого скуднаго матеріала, попробуемъ что нибудь сказать.

Вятская губернія содержитъ 135.000 квар. верстъ и на этомъ пространствѣ обитаетъ 2,450,000 жителей. Ежегодно въ Вятской губерніи отъ разныхъ болѣзней умираетъ то около, то выше 100,000 человѣкъ или одинъ

изъ 23,6 жителей; между тѣмъ какъ во всей Россіи умираетъ 1 на 27,4 человѣка (протоколы 3 съѣзда, стр. 63) Сравнительно, это величайшая смертность въ Европѣ. Гаузгоферъ, на основаніи Гауснера, раздѣляетъ страны Европы въ отношеніи смертности на 5 категорій.

Къ I-й категоріи, съ наибольшею смертностью, относится лишь одна Россія.

II категорія состоитъ изъ странъ съ значительной сметностью, какъ то: въ Виртембергѣ умираетъ 1 на 30,7, въ Австріи 1 на 31,9 въ Саксоніи 1 на 34,2.

III категорію составляютъ страны съ средней смертностію: въ Голландіи умираетъ 1 на 35, въ Пруссіи 1 на 36, въ Италіи 1 на 37.

IV категорію составляютъ страны съ незначительной смертностью: во Франціи умираетъ 1 на 41, въ Бельгіи 1 на 42, въ Швейцаріи 1 на 43, въ Великобританіи 1 на 43,9 въ Даніи 1 на 45, тоже въ Швеціи.

V категорія, самая счастливая, съ нисшней смертностью, и сюда принадлежитъ лишь одна Норвегія, въ которой умираетъ 1 изъ 53,5. Гаузгоферъ говоритъ (стр. 161), что еслибы всѣ люди достигали старческаго возраста, то ежегодная смертность равнялась бы 1 на 75. Къ этой идеальной нормѣ, повидимому, больше всего приближается Норвегія. Ясно, что она этимъ объязана не климату своему, а особеннымъ обстоятельствамъ, въ кругу которыхъ ея культура и цивилизація играютъ первенствующую роль. Если Вятская губернія наиболѣе удаляется отъ этого идеала, то, конечно, благодаря тѣмъ же условіямъ, т. е. низкому развитію культуры и цивилизаціи; климатъ же ея въ этомъ отношеніи играетъ самую невидную, второстепенную роль, потому что, благодаря культурѣ и цивилизаціи, человѣкъ имѣетъ полную возможность эманципироваться отъ вліяній окружающей природы, особенности сдѣлать для себя ничего незначущими климатическія вліянія.

Конечно, можно себя утѣшать тѣмъ, что крайняя смертность Вятской губерніи съ лихвой вознаграждается перевѣсомъ рожденій. И дѣйствительно, нигдѣ въ Европѣ нѣтъ такой избыточной рождаемости.

Такъ по Гаузгоферъ-Гауснеру въ восточной полосѣ Россіи рождается 1 на 17; въ Вятской губерніи одно-рожденіе приходится на 17, 4. Это первая категорія.

Ко второй категоріи относятся страны, гдѣ одно рожденіе на 20 — 25; сюда причисляется Россія, гдѣ одно рожденіе приходится на 20,6; Австрія одно рожденіе на 24, 5;

III категорія. Страны съ средней рождаемостью: одно рожденія на 30; Италія—одно рожденіе на 27, Великобританія—одно рожденіе на 28; Данія—одно рожденіе на 29.

IV категорія. Страны съ умѣренной рождаемостью: Норвегія—одно рожденіе на 30, Бельгія—одно рожденіе на 20, 7 ,Швейцарія—одно рожденіе на 33; и, наконецъ, Франція, гдѣ одно рожденіе приходится на 36.

Еслибы вся рождаемость въ Вятской губерніи вскорѣ не погибала, то она могла бы оправдать положенія Мальтуса, который утверждалъ, что, при прочихъ равныхъ условіяхъ, число жителей страны можетъ удвоиться въ 25 лѣтъ.

Но, говоритъ Кетле, благосостояніе страны опредѣляется не рождаемостью и не приростомъ, а сохраненіемъ народившихся; опять, значитъ, опредѣленной степенью культуры и цивилизаціи. Какую громадную разницу въ этомъ отношеніи представляютъ Норвегія и Вятская губернія. Тѣмъ не менѣе, процентъ естественнаго прироста въ Вятской губерніи не особенно великъ. Во всей Россіи онъ равняется 1,42, а въ Вятской губерніи 1,02% (стр. 70). Въ Норвегіи процентъ прироста между 1815 и 1825 ежегодно равнялся 1,62;

между 1825—1835=1,28; между 1845 и 1855 онъ равнялся ежегодно 1,15%.

Всѣ эти данныя позволяютъ намъ думать, что та или другая смертность, тѣ или другія эпидемическія болѣзни являются не причинами, а слѣдствіями, результатомъ извѣстнаго состоянія культуры и цивилизаціи. Оспа, корь, скарлатина поэтому не есть основная, производящая, а лишь ближайшая причина, завершающая жизнь сотень и тысячъ людей.

Каково состояніе культуры въ Вятской губерніи, видно изъ того, что въ ней въ 1875 году отъ кори, оспы и скарлатины умерло 16,000 дѣтей. Намъ совершенно безразлично, насколько эта цифра вѣрна. Мы положительно знаемъ, что въ Вятской губерніи ежегодно и искони вѣковъ умираетъ по 100,000 жителей. Слѣдовательно, появленіе той или другой эпидеміи играетъ второстепенную роль. Но положимъ, что это такъ. Положимъ, что дѣйствительно отъ острыхъ сыпей умерло 16,000, значитъ—16% всего числа умершихъ.

Остается, однако же еще 84 проц. умершихъ, въ виду которыхъ, 16 проц. острыхъ смертей нисколько не поразительно. Правда, въ виду смертности отъ этихъ болѣзней въ Европѣ, Вятская губернія представляетъ что то ужасное. Такъ, отъ оспы умирало въ Женевѣ въ 1855 году 2 изъ 1,000 умершихъ, во всей Англіи—8 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ, въ Пруссіи—5 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ, въ Баваріи—3 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ, въ Бельгіи—6 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ, а въ Лондонѣ 18 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ (Гаузгоферъ, стр. 246). Въ Вятской же губерніи отъ одной оспы приходится 120 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ, а отъ всѣхъ острыхъ сыпей—160 изъ 1,000 всѣхъ умершихъ. Но что же это доказываетъ? Это доказываетъ лишь то, что культурное развитіе Вятской губерніи находится на такой низкой степени, что разъ туда попадетъ какой нибудь ор-

ганизованный ядъ, онъ встрѣчаетъ самую плодотворную почву для своего могущественнаго развитія, внѣдряется въ эту почву самымъ безцеремоннымъ способомъ и безпрепятственно отравляетъ десятки тысячъ людей. Стоитъ вспомнить всю внѣшнюю обстановку вятскаго мужика, его жилище, его пищу, его одежду, то количество назьма, которое онъ сгнаиваетъ въ теченіе цѣлаго года и десятки лѣтъ, чтобы тутъ не находить ничего удивительнаго.

III.

Странная судьба у книгъ и у идей. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ наша литература (менѣе всего медицинская) увѣряетъ, что оздоровленіе селъ нужнѣе и доступнѣе, чѣмъ оздоровленіе городовъ. Раза два мы заявляли въ печати, что земство прежде всего и первѣе должно сосредоточить свое вниманіе на оздоровленіе селъ; но пока этотъ голосъ звучитъ въ пустынѣ. Намъ казалось это потому, что нѣтъ авторитета изъ Европы, что Европа не высказала еще по тому предмету своего мнѣнія, такъ какъ она стоитъ за городъ; Россія же—страна по преимуществу сельская. Но вотъ Европа уже твердитъ это же самое и притомъ такимъ зычнымъ голосомъ и устами такого авторитета, что не услышать ея нельзя и стыдно. Вирховъ взываетъ: «развѣ органы общественнаго здоровья не обязаны изслѣдовать причины сельской смертности и принять мѣры къ ея уменьшенію? Взгляните на улицы и дворы нашихъ деревень, на сорныя кучи у пороги хижины и у колодца, на лужи по улицамъ и площадямъ, на тѣсную связь хлѣвовъ съ жилищами поселянъ и вы должны будете сознаться, что здѣсь больше нечистоты, болѣе застоя всѣхъ изверженій, большее засореніе почвы, больше вони и большее отравленіе воздуха, чѣмъ въ

большинствѣ городовъ». Такъ говоритъ Вирховъ. «Не одно лишь оздоровленіе городовъ, но съ такимъ же правомъ и оздоровленіе деревень должно сдѣлаться преимущественной работой общества!» (См. Deutsche Virte Jahreschrift für öffentliche Gesundheitspflege, 1877. Erstes Heft, стр. 153). Отсюда мы узнаемъ, что культура во многихъ мѣстахъ Европы нисколько не лучше Вятской и что въ такихъ мѣстахъ Европы смертность, по всей вѣроятности, не уступитъ вятской. Докторъ Фридлендеръ въ упомянутой статьѣ проводитъ на то самыя осязательныя доказательства. Но тотъ же мечтатель дальше, на 154 страницѣ, увѣряетъ, что «санитарное дѣло нигдѣ не обѣщаетъ такого плодотворнаго успѣха, какъ тамъ, гдѣ вентиляція жилищъ, устраненіе влажности и быстрое удаленіе нечистотъ можетъ быть достигнуто безъ особеннаго усилія и большихъ издержекъ». «Только правильное ежедневное систематическое удаленіе навоза и другихъ нечистотъ дастъ возможность установить въ жилищѣ крестьянина ту идеальную чистоту, которая одна разнообразнѣйшими опытами считается теперь единственно вѣрнымъ предохранительнымъ средствомъ противъ всевозможныхъ эпидемій и разнаго рода другихъ болѣзней, что явствуетъ воочію какъ изъ проявленія чумы въ прошлыя вѣка, такъ и изъ нашествія тифа и холеры въ наше время» (стр. 156). Таково значеніе культуры. Нельзя потому не согласиться съ Вирховымъ, которой говоритъ, что обстоятельства, обусловливающія здоровье и смертность жителей до того сложны, что не позволительно, не хорошо, не практично, не научно выхватить, вырвать *одно* какое нибудь обстоятельство и сдѣлать его основой улучшенія или ухудшенія санитарнаго положенія народа.

Но еще могущественнѣе значеніе цивилизаціи. Мы видѣли, что въ Вятской губерніи отъ острыхъ сыпей умираетъ 16 %, конечно не ежегодно, но лишь въ 1875 г.

Обыкновенно же тамъ, вѣроятно, отъ этихъ болѣзней умираетъ меньше. За то тамъ несравненно значительнѣе дѣтская смертность отъ поноса, которая мѣстами доходитъ до 40%, но почти нигдѣ и никогда не бываетъ ниже 28%. Это болѣе, чѣмъ ужасно. И это—болѣзнь исключительно дурной цивилизаціи. Прошлымъ лѣтомъ я осмотрѣлъ нѣсколько башкирскихъ селъ и деревень, и нигдѣ не знали, что такое дѣтскій поносъ и смертность отъ поноса, потому что ни одна башкирка не позволитъ себѣ кормить ребенка чѣмъ либо инымъ, кромѣ собственной груди. Я знаю сплошнее населеніе мордвы, и нигдѣ у нихъ нѣтъ дѣтскихъ поносовъ; матери сами кормятъ своихъ ребятъ по два и по три года и притомъ какія матери. Если во Франціи лучшими кормилицами считаются нормандки и бретонки, то я думаю, что у насъ въ Россіи трудно отыскать кормилицу болѣе идеальною здоровья, какъ мордовки; мордовки всегда выходятъ замужъ не раньше 25 или 22—23 лѣтъ и всегда старѣе своихъ жениховъ и отличаются атлетическимъ здоровьемъ; сравните ихъ съ вятскими вотяками и съ тѣмъ жалкимъ вырожденіемъ русскаго народа, который населяетъ весь сѣверъ Вятской губерніи—Орловскій, Глазовскій, Слободской и Нолинскій уѣзды. Сравните ихъ брачные сроки и способъ питанія дѣтей съ брачными сроками башкиръ, мордвы и способомъ питанія дѣтей этихъ племенъ и вы тогда перестанете удивляться вятской дѣтской смертности отъ поноса, но, конечно, убѣдитесь, что этому не помочь гуттаперчевыми сосками.

Вторая болячка, истребляющая вятское населеніе — это сифилисъ. Извѣстно, какъ неплодородна Вятская земля и какая масса народа ежегодно уходитъ изъ Вятской губерніи на заработки въ отдаленныя стороны. Тамъ, въ часы досуга, они пріобрѣтаютъ сифилисъ и, если они большею частью возвращаются съ пустыми

руками и съ пустыми карманами, то всегда приносятъ съ собой такую дозу сифилиса, что его хватаетъ на нѣсколько поколѣній. Эти поколѣнія, нарождаясь съ подобными задатками, или быстро вымираютъ, въ силу этихъ задатковъ на смерть, или пріобрѣтаютъ такую воспріимчивость ко всякимъ вредностямъ, что становятся легкой добычей всякаго рода эпидемическихъ или заразительныхъ болѣзней. Но что же такое сифилисъ? Сифилисъ—несомнѣнное свидѣтельство дурныхъ человѣческихъ отношеній; самое вѣрное мѣрило или извращенной цивилизаціи, или самой низкой ея степени. Гдѣ одноженство является продуктомъ взаимной привязанности и искренней интимности, гдѣ эта естественная связь не нарушается постороннимъ вмѣшательствомъ—тамъ нѣтъ сифилиса, за исключеніемъ, конечно, сифилиса невинныхъ, являющагося продуктомъ убогой обстановки, убогой культуры. Одна изъ серьезныхъ причинъ крайней болѣзненности и смертности Вятской губерніи заключается, конечно, въ томъ, что тамъ населеніе почти исключительно крестьянское, которое въ жестокой борьбѣ съ окружающей природой вынуждено употреблять неимовѣрныя усилія и напрягать всѣ свои силы на добычу средствъ къ жизни, результатомъ чего является болѣзненная мышечная усталость, извѣстная въ народѣ подъ именемъ «ломоты». Это, конечно, продуктъ плохой цивилизаціи. Посмотрите, какая масса больныхъ ежедневно обращается къ врачамъ съ жалобой на ломоту, и врачи принимаютъ ее за ревматизмъ и даютъ противъ него іодъ. На самомъ же дѣлѣ это просто болѣзнь отъ напряженія мускульной дѣятельности, доведенной до крайности и отъ которой подъ часъ крестьяне еще лѣчатся излишнимъ потребленіемъ вина и тѣмъ подливаютъ масло въ огонь. Я называю эту болѣзнь продуктомъ плохой цивилизаціи потому, что она есть результатъ неравномѣрнаго распредѣленія труда и налоговъ.

Можетъ быть, что самое могущественное вліяніе на болѣзненность и смертность имѣетъ разница въ состояніи богатства и бѣдности. Случай, благодаря которому ребенокъ родился на соломенномъ ложѣ нищей, тѣмъ самымъ простеръ надъ его головой Дамокловъ мечъ, какъ орудіе стоголовой смерти; между тѣмъ какъ дитя, увидѣвшее свѣтъ среди роскоши и богатства, имѣетъ несравненно больше шансовъ на продолжительную жизнь и цвѣтущее здоровье.

Лордъ Эбрингтонъ опредѣлилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ смертность въ Лондонѣ въ 25 изъ тысячи. Но въ бѣдныхъ кварталахъ она доходила до 40, а въ богатыхъ понижалась до 13. Тоже замѣтилъ Виллермэ въ Парижѣ. Такое же наблюденіе сдѣлалъ относительно дѣтской смертности Benoiston de Chalcauneuf. Въ дѣтскихъ пріютахъ для нищихъ господствуетъ ужасающая смертность: 1 изъ 5,49 Такія же изслѣдованія сдѣланы Duepetiaux для Брюсселя, гдѣ онъ нашелъ, что въ богатыхъ кварталахъ города умираетъ одинъ изъ 50, а въ бѣдныхъ одинъ—изъ 30.

Соотвѣтственными изслѣдованіями Лихтенштедтъ убѣдился въ Петербургѣ, что, во время эпидемій, преимущественно усиливается смертность бѣдныхъ классовъ общества. Тоже самое наблюденіе подмѣчено другими учеными въ другихъ мѣстахъ; такъ что это теперь почти неоспоримо. Но болѣе всего это подтверждается утѣшительнымъ явленіемъ, которое обнаружилось въ Англіи у тамошнихъ такъ называемыхъ friendly societies (дружескія общества или братства). Эти friendly societies основаны на взаимной помощи, имѣютъ свои сберегательныя и страховыя кассы, и членами ихъ обыкновенно состоятъ люди рабочаго класса,—значитъ, та порода людей, которая попреимуществу подвергается очень значительной смертности. И вотъ эти отборные счастливцы рабочаго люда, которые принадлежатъ означен-

нымъ friendly societies, представляютъ собою самыхъ трудолюбивыхъ, трезвыхъ, заботливыхъ работниковъ и пользуются не только такою же среднею продолжительной жизнью, какъ состоятельные классы, но еще болѣе высокой средней продолжительностью жизни, чѣмъ высшій классъ общества, именно дворянство (Гаузгоферъ, стр. 185). Бѣдность, такимъ образомъ, какъ продуктъ цивилизаціи, порождаетъ наибольшую смертность, и средствомъ противъ нея являются опять таки орудія цивилизаціи—ассоціаціи.

IV.

Теперь, кажется, ясно, почему мы высшее значеніе въ происхожденіи и устраненіи болѣзней приписываемъ культурѣ и цивилизаціи. Отсюда также ясно, что стотысячная смертность Вятской губерніи свидѣтельствуетъ о весьма низкомъ уровнѣ тамъ какъ культуры, такъ и цивилизаціи и что могущественнѣйшая санитарная мѣра, могущая предупредить появленіе болѣзни—это развитіе культуры и улучшеніе цивилизаціи.

Медицина вся, цѣликомъ взятая—конечно, продуктъ культуры, какъ и вся наука вообще, и значеніе медицины въ дѣлѣ культуры, какъ фактора для устраненія огромной массы болѣзней, слишкомъ громадно. Что касается требованій, чтобъ медицина теперь приняла санитарное направленіе, то это лишь игра словъ. Я могу увѣрить, что медицина всегда имѣла санитарное направленіе. Еще Гипократъ толковалъ о чистомъ воздухѣ, водѣ, пищѣ и прочее; но далѣе этого и новѣйшая медицина не ушла. Что же касается до разныхъ вентиляторовъ, водопроводовъ, каналовъ для отвода нечистотъ, орошеній, разныхъ террасъ и бань, то древность всѣмъ этимъ до того щеголяла, что намъ не скоро удастся не только превзойти, но даже сравняться съ

нею. Великія же народныя эпидеміи, разнаго рода черная смерть, явились уже впослѣдствіи, въ темное время среднихъ вѣковъ. Какая нибудь моровая язва или черная смерть, истребившая въ Европѣ 25 милліоновъ людей, т. е. четвертую часть тогдашняго населенія Европы, какъ разъ свирѣпствовали въ 14 столѣтіи. Но въ то время не было никакой науки, не было никакой медицины.

Какъ санитарное направленіе, такъ и культурное значеніе медицины значительно поднимется и принесетъ несомнѣнные плоды, когда медицинская помощь будетъ лучше организована и болѣе справедливо распредѣлена между земскими плательщиками. Теперь уже ни для кого не тайна, что земство сразу не поняло своего настоящаго призванія и тратило земскія средства преимущественно въ городахъ, между тѣмъ какъ оно обязано нести всѣ свои средства въ село.

Вятская губернія содержитъ въ себѣ 135,000 квадратныхъ верстъ. Полагая, что врачъ долженъ имѣть районъ, площадь котораго равнялась бы не болѣе 2,500 квадратныхъ верстъ, причемъ онъ будетъ имѣть разстояніе во всѣ стороны не болѣе 25 верстъ, мы получимъ для Вятской губерніи 53 участка *). Въ каждомъ участкѣ долженъ быть врачъ, съ жалованьемъ 1,500 р. въ годъ и при немъ 4 фельдшера и одна акушерка, съ жалованьемъ, примѣрно, по 300 руб., итого 1,500 р. Небольшая участковая сельская больница на 20 кроватей, которой содержаніе въ годъ будетъ стоить 1,000 р. и на медикаменты по всему участку 1,000 р., такъ что всякій участокъ будетъ стоить 5,000 руб.; по всей же губерніи расходъ будетъ простираться до 265,000 руб. сер. въ годъ. Но теперь на медицину Вятское земство

*) А если исключить громадныя *сплошныя* площади лѣсовъ, занимающія мѣстами тысячи квадратныхъ верстъ, то не болѣе 45.

ежегодно тратитъ болѣе, а именно 300,000 р., не считая разныхъ единовременныхъ затратъ на постройку больницъ, телятниковъ et tutti quanti.

Такой медицинскій участокъ—основа всей земско-медицинской дѣятельности. Врачъ сидитъ на мѣстѣ четыре дня въ недѣлю, преимущественно базарные и праздничные дни, а остальные три дня обязательно выѣзжаетъ въ сосѣднія селенія, гдѣ осматриваетъ больныхъ въ присутствіи одного изъ своихъ фельдшеровъ, назначаетъ имъ лѣченіе, прививаетъ лично оспу и временно оставляетъ фельдшера продолжать начатое лѣченіе впредь до минованія болѣе настоятельной надобности. Въ теченіе одного, двухъ, трехъ лѣтъ онъ изучаетъ хорошо свой районъ и изыскиваетъ способы для санитарнаго его улучшенія соотвѣтственно экономическимъ условіямъ мѣстнаго населенія. Только такая система будетъ экономически-справедлива съ точки зрѣнія цивилизаціи и лишь при этихъ условіяхъ она будетъ настоящая земская медицина. Да процвѣтаетъ же *сельская* земская медицина въ Вятской губерніи!

Португаловъ.

20 февраля 1877 года,
село Черкасы.

XL.

Кайскій и Синеглинскій край *).

Невесела ты, родная картина!
Некрасовъ.

Кай и Синеглинье находятся на сѣверѣ Слободскаго уѣзда. Мѣстности эти лѣсистыя—97 проц. составляетъ

*) См. „Кайскій край“ и „Синеглинскій край“ санит. врача А. Радакова.

сплошной, можно сказать, дѣвственный лѣсъ. До Кая еще кой-какъ можно добраться, но добраться до Синеглинья стоитъ большаго труда: по дорогѣ цѣлыя котловины клейкой глинистой грязи, въ которой лошади вязнутъ по брюхо. Въ этихъ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, оторванныхъ отъ всякой цивилизаціи, обитаетъ не то русское, не то финское населеніе. Хорошо сложенныхъ, крѣпкихъ и великорослыхъ мужчинъ здѣсь очень мало. Кайцы вообще низкорослы, съ плохимъ развитіемъ мускулатуры, съ кривыми ногами и т. д. Женщины точно также малорослы и некрасивы.

Сырой, холодный климатъ и глинистая, песчаная почва дѣлаютъ здѣсь труды земледѣльца малопроизводительными. Въ то время, когда во Франціи рожь родится самъ 11, а въ Англіи самъ 34 *), въ Каѣ и Синеглиньѣ—maximum самъ 4. Такимъ образомъ, при посѣвѣ на душу 6 пудовъ ржи, и 10 пуд. овса, урожая приходится 24 пуда ржи и 38 пуд. овса на ревизскую мужскую душу. Въ Кайскомъ краѣ уже много лѣтъ, какъ существуютъ неурожаи, а въ Синеглинскомъ съ 1862 года *урожаевъ вовсе не бывало*. Хлѣба хватаетъ на 2—4 мѣсяца. Урожайнымъ годомъ жители этихъ мѣстностей называютъ тотъ, въ который хлѣба достаетъ до рождества. О мясѣ крестьяне не имѣютъ почти понятія; ѣдятъ одинъ сухой хлѣбъ, въ который примѣшиваютъ кору, отруби и т. п. Хлѣбъ перемалывается на ручныхъ жерновахъ самымъ первобытнымъ образомъ. Мука просѣвается чрезъ весьма рѣдкія рѣшота. Печеный хлѣбъ имѣетъ видъ комка грязи. Болѣзни желудка и кишокъ—постоянные спутники несчастныхъ жителей. Живутъ кайцы и синеглинцы въ курныхъ, полусгнившихъ избахъ, съ виду скорѣе похожихъ на телячью стойку. Внутри грязь, нечистота;

*) „Отеч. Зап.“ 77 г., № 2, стр. 303.

потолокъ весь въ сажѣ. Въ углу, въ зыбкѣ, качается ребенокъ, въ разлѣзающихся отъ ветхости тряпкахъ, весь въ мочѣ и калѣ. Рядомъ съ люлькой помѣщается въ зимнее время скотъ. Вслѣдствіе нечистоты, чесотка принадлежитъ къ числу самыхъ распространенныхъ болѣзней. Избы крайне тѣсны: на каждаго человѣка приходится $^2/_3$ куб. сажени воздуха, т. е. втрое менѣе, чѣмъ требуетъ гигіена. Браки очень рѣдки: въ Синеглинскомъ краѣ 1 бракъ приходится на 185 жит. Смертность громадная: въ Кайскомъ краѣ умираетъ 1 изъ 20, въ Мулинскомъ приходѣ—1 изъ 14. (По Бріану въ Норвегіи умираетъ 1 изъ 52, въ Англіи—1 изъ 46). Такая смертность была только въ средніе вѣка. Средняя продолжительность жизни въ Каѣ 18 лѣтъ, а въ Синеглиньѣ приходится 12—13. *) Въ Мулинскомъ краѣ мы замѣчаемъ перевѣсъ умершихъ надъ родившимися; такъ:

въ 1872	г.	родилось	68,	умерло	79 чел.
» 1873	»	»	66,	»	67 »
» 1874	»	»	93,	»	38 »
» 1875	»	»	222,	»	340 »

Въ 1875 г. перевѣсъ смертности надъ рождаемостью равнялся 53 проц. При такихъ условіяхъ народонаселеніе можетъ вымереть съ небольшимъ въ 40 лѣтъ **). Смертность дѣтей баснословна: до 5 лѣтняго возраста умираетъ въ Синеглинскомъ краѣ 72 проц. Отъ оспы

*) Во Франціи даже до революціи 1789 года, по таблицамъ Дювиляри, средняя продолжительность жизни была 28 $^3/_4$ лѣтъ.

**) Впрочемъ не въ одномъ Мулинскомъ приходѣ замѣчаемъ мы убыль населенія; въ Россіи есть цѣлыхъ девять губерній, въ которыхъ количество умершихъ болѣе количества родившихся. Эти губерніи слѣдующія: Костромская, Витебская, Рязанская, Ярославская, Пензенская, Тульская, Московская, Калужская и Таврическая. (Янсонъ, стр. 51). Въ Петербургскомъ уѣздѣ убыль населенія равняется 3,478 (См. «Санитарную статитистику Петербургской губерніи», доктора медицины Ю. Гюбнера).

въ Калинскомъ приходѣ въ 1875 г. умиралъ 1 изъ 23. (стр. 24 «Синег.»). Я уже говорилъ, что въ Кайскомъ краѣ умираетъ одинъ изъ 20; но въ 1875 умеръ одинъ почти изъ 30. Цифра, повидимому, очень благопріятная; она свидѣтельствуетъ какъ будто объ улучшеніи экономическаго быта. Но это можетъ только показаться съ перваго взгляда. Уже давно извѣстно, что законы статистики, вполнѣ примѣнимыя къ западной просвѣщенной Европѣ, мало приложимы къ Россіи. Мы здѣсь сталкиваемся именно съ однимъ изъ подобныхъ фактовъ. Въ 1875 г. уменьшеніе смертности произошло не отъ улучшенія экономической жизни Кая, а какъ разъ отъ ея ухудшенія. До 1870 года кайцы жили при болѣе благопріятныхъ условіяхъ; вслѣдствіе этого было и большее количество браковъ (одинъ бракъ на 86 жителей), отъ того и большее количество родившихся, а слѣдовательно, и большее количество умершихъ дѣтей. Въ 1875-же году браковъ было значительно меньше (одинъ бракъ приходился на 153 жителя), вслѣдствіе чего и родившихся стало меньше; слѣдовательно, и смертность дѣтей сдѣлалась точно также меньше. А такъ какъ цифру смертности увеличиваютъ въ Россіи преимущественно дѣти до 1 года, то, *при уменьшеніи рожденій, весьма естественно долженъ уменьшиться процентъ смертности*, что мы и видимъ въ Кайскомъ краѣ за 1875 годъ.

XLI.

Грустные факты изъ лѣтописи земской медицины.

(*Письмо изъ Вятки*).

Вятскія уѣздное и губернское земства употребляли, повидимому, всевозможныя усилія къ тому, чтобы поставить медицинское дѣло такъ, чтобы тѣ налоги на этотъ предметъ, которые падаютъ на народъ, возвращались населенію въ видѣ улучшенія народнаго здоровья и сохраненія въ немъ большаго числа рабочихъ силъ. Нельзя поэтому не пожалѣть, что въ ряду дѣйствительныхъ тружениковъ въ медицинскомъ персоналѣ попадаются весьма сомнительныя личности. Въ первые годы существованія глазовскаго земства, въ Унинскую больницу выписывались врачемъ Петровымъ медикаменты въ громадныхъ размѣрахъ — пудами и десятками фунтовъ. Скрѣпя сердце, говорится въ докладѣ уѣздной управы X очередному земскому собранію, городская аптека удовлетворяла требованія врача, отправляя транспорты медикаментовъ въ жертву невѣжественныхъ рукъ фельдшеровъ, завѣдывавшихъ Унинскою аптекою и, по своему усмотрѣнію, безотчетно расходовавшихъ лѣкарства. Годъ назадъ открыта была въ уѣздѣ земская санитарная коммисія. Въ первое же засѣданіе эта коммисія обратила вниманіе на невѣроятное истребленіе лѣкарствъ и что же узнала? Вся масса лѣкарствъ приготовлялась и отпускалась больнымъ въ Унинской больницѣ на глазомѣръ, ибо въ аптекѣ не оказалось не только вѣсовъ для жидкихъ тѣлъ, но и вообще не было ни однихъ вѣрныхъ вѣсовъ, даже ручныхъ. Понятно, что хаосъ въ лѣченіи былъ полнѣйшій, и трудно рѣшить, резо-

нерствуетъ управа, какой процентъ пользы (?) или вреда приносили мѣстному населенію отпускаемыя изъ Унинской аптеки лѣкарства, небрежно и безъ мѣры приготовленныя. Здѣсь впрочемъ видится усердіе, хотя и не по разуму; другое дѣло оказалось въ Яранскѣ. Тамъ былъ врачъ Шнейдеръ. Долго онъ считался за усерднаго служаку и хорошаго товарища, и только въ послѣднее время земство увидѣло, что достоинства врача главнымъ образомъ заключаются въ близкомъ родствѣ съ предсѣдателемъ управы. Разочарованіе было полное. На земскомъ собраніи категорически было заявлено о случаяхъ рѣзкихъ упущеній по службѣ этого врача, заключающихся въ неподаніи вовсе или несвоевременной помощи больнымъ, отчего больные преждевременно помирали. Самъ предсѣдатель собранія подтвердилъ это, указавъ на случай, когда врача четыре раза приглашали къ больному ребенку. Ноглавное—раздались жалобы на то, что врачъ пренебрегаетъ лѣченіемъ бѣдныхъ людей и указывались факты, когда смерть больныхъ прямо относилась родственниками къ тому, что врачъ не подалъ просимой помощи Гласные-крестьяне удостовѣрили, что они «извѣстны», что врачъ этотъ тяжелъ для простаго и небогатаго народа. Видя такое безобразіе, собраніе намѣревалось баллотировать исключеніе врача изъ службы, но онъ упросилъ не баллотировать, ибо самъ желаетъ отказаться отъ службы.

Или еще характерный случай. Въ Елабужскомъ уѣздѣ въ 1876 году сильно распространилась чума рогатаго скота. Мѣстный ветеринаръ не имѣлъ возможности справиться одинъ съ эпизоотіей, почему въ уѣздъ губернской управой были командированы на помощь еще два ветеринара. Но тѣ, пріѣхавъ на мѣсто, не пожелали безпокоить себя долгимъ уходомъ за крестьянскимъ «животомъ», почему взяли отъ волостныхъ правленій удостовѣреніе, что чума прекратилась, и уѣхали

во свояси спокойно. Между тѣмъ чума продолжала свои опустошенія, свирѣпствуя въ разныхъ частяхъ уѣзда. О всемъ этомъ членъ елабужской земской управы заявилъ мѣстному земскому собранію.

Бываютъ, правда, рѣзкія упущенія и со стороны самихъ земскихъ управъ. Осенью 1876 года изъ Великорѣцкой больницы Орловскаго уѣзда врачъ, г. Сычуговъ, уѣхалъ въ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ. Почему-то управа предположила, что больница можетъ существовать и безъ врача, а потому никого въ Великую рѣку и не командировала. Послѣдствія этой небрежности оказались крайне неблагопріятныя. Фельдшера запьянствовали и по цѣлымъ недѣлямъ не являлись къ больнымъ. «Разъ слышу, разсказываетъ одинъ очевидецъ, бывшій въ больницѣ, неестественный стонъ въ сосѣдней комнатѣ; вхожу туда; оказывается, что это умираетъ крестьянинъ въ ужасныхъ мукахъ и хоть бы кто нибудь изъ прислуги былъ при этомъ,—совсѣмъ никого». Прислуга само собой ограничила свои труды тѣмъ, что совала больнымъ пищу и исчезала куда вздумается.

Нельзя также не пожалѣть, что иные врачи берутъ на себя совсѣмъ неподходящія обязанности. Въ предшествовавшіе годы развилась въ губерніи страсть къ доносамъ, такъ что мѣстный преосвященный Аполлосъ, чрезъ напечатаніе въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ выразилъ свое порицаніе. Разъ въ селѣ Верхошижемскомъ Орловскаго же уѣзда у становаго пристава произошла семейная сцена, во время которой откуда-то, съ печки что-ли, свалилась сковорода и попала въ лобъ крестьянину, десятнику. Послѣдній пошелъ полѣчится къ живущему съ селѣ врачу Бадикову. У крестьянина была ссадина не больше; врачъ же призналъ такое поврежденіе, которое угрожаетъ опасностію жизни и поспѣшилъ донести и врачебному отдѣленію, и г. губернатору,

описывая жестокія истязанія крестьянина становымъ приставомъ, и разныя семейныя сцены. Г. губернаторъ, конечно, отвѣтилъ, что въ семейныя дѣла онъ не вмѣшивается.

Гораздо проще поступаетъ аптекарь въ губернской земской больницѣ. При больницѣ существуютъ фельдшерскіе курсы для мужчинъ и женщимъ. Въ извѣстные періоды учащіеся должны заниматься въ лабораторіи, въ аптекѣ. Не зная часто, чѣмъ занять учащихся, провизоръ г. Желеховскій заставляетъ ихъ клеить бумажные кошели, мыть склянки и т. д., и горе тѣмъ, которые ропщутъ на такое «ученье». При всякомъ малѣйшемъ поводѣ раздается въ лабораторіи крикъ, брань, самыми скверными словами. И это должны выносить, повторяемъ, не только мужчины, но и дѣвушки. Кажется, такого педагога не мѣшало бы и поукротить немного. Но на послѣднее трудно разсчитывать.

Жажда эксплуатировать, кого только можно, развита между нѣкоторыми врачами весьма значительно. Упомянувъ о фельдшерскихъ курсахъ, мы еще замѣтимъ, что на учащихся управленіе больницы смотритъ, какъ на батраковъ. Пользуясь своею властію, г. Свистуновъ-Свисловскій, старшій врачъ больницы, обязываетъ учащихся не только исполнять всѣ работы, лежащія на служащихъ въ больницѣ, и при томъ еще въ учебное время, но не позволяетъ ни ученикамъ, ни ученицамъ уѣзжать домой и даже на праздники. Такъ, на рождественскіе каникулы могли уѣзжать только немногіе и и притомъ самовольно. Между тѣмъ для учащихся требовался и отдыхъ, и сбереженіе расходовъ, и необходимость сдѣлать поправки въ платьѣ, бѣльѣ и проч. Во время двухъ или трехмѣсячныхъ занятій въ аптекѣ, каждый учащійся долженъ ежедневно не менѣе пяти часовъ готовить лѣкарства, рѣзать корни, травы и проч. Когда кончаются годичныя занятія и учащихся нужно

бываетъ отпустить по домамъ, то въ больницѣ усиливаютъ штатъ фельдшеровъ, сидѣлокъ и проч. Не понятно, чего желаетъ г. Свистуновъ-Свисловскій: сдѣлать ли земству непрошенную услугу—сберечь нѣсколько рублей, или только показать, что и мы, молъ, начальство. Намъ говорили, что фельдшерскіе курсы находятся подъ непосредственнымъ контролемъ съѣзда земскихъ врачей; если это такъ, то съѣзду не слѣдуетъ давать въ обиду своихъ птенцовъ, будущихъ помощниковъ.

Приведенныхъ здѣсь указаній на устройство въ медицинской семьѣ, кажется, достаточно для того, чтобъ составить понятіе о томъ, что успѣху улучшенія медицинскаго дѣла иногда вредятъ сами же врачи, поселяя въ обществѣ сомнѣніе вообще въ полезности людей, любящихъ комфортъ, не пренебрегающихъ сплетнями, грубыхъ въ обращеніи и проч. Но нельзя не сказать, что темныя пятна не мѣшаютъ видѣть все полезное, что дѣлается на пользу народнаго здравія врачами, искренно преданными дѣлу и готовыми на всякіе труды для пользы этого дѣла. Жаль только, что ихъ не такъ много, какъ было бы желательно.

XLII.

Орловскій экспромтъ.

Въ концѣ февраля нынѣшняго года, въ Орловѣ былъ избранъ городскимъ головой Т. Ф. Булычевъ, который, по вступленіи въ должность, задался мыслію обновить канцелярію управы и началъ, разумѣется, съ секретаря. Инатьевъ былъ удаленъ отъ должности экспромтомъ, но былъ оставленъ секретаремъ думы съ 150 руб. жалованья и обѣщаніемъ выдать еще 150 руб. изъ эко-

номическихъ суммъ управы. На Ипатьева это повліяло такъ сильно, что онъ сталъ, по словамъ свидѣтелей, «самъ не свой»: то *плакалъ*, то *смѣялся*, то былъ *очень задумчивъ*. Голова далъ ему на поѣздку въ Вятку (за 50 верстъ) 25 рублей, для пріисканія мѣста. Ипатьевъ удалился на нѣсколько часовъ и купилъ револьверъ. Въ началѣ апрѣля было засѣданіе орловской думы, въ которомъ присутствовалъ и Ипатьевъ въ качествѣ секретаря. Обсуждался вопросъ о правѣ головы представлять должность секретаря думы по своему усмотрѣнію и о возможности соединенія этой должности съ должностью въ управѣ. Было постановлено представить этотъ вопросъ на разрѣшеніе губернскаго присутствія. Въ это время Ипатьевъ ушелъ въ другую комнату, двери которой были въ трехъ шагахъ отъ кресла городскаго головы, и потомъ, когда гласные перешли къ другому вопросу, выстрѣлилъ изъ револьвера. Къ счастью, пуля попала въ ободокъ вѣнскаго гнутаго кресла, на которомъ сидѣлъ голова. Послѣ выстрѣла Ипатьевъ впалъ въ безсознательное состояніе и былъ отправленъ въ больницу. Только слышно было, какъ онъ шепталъ: «порѣшилъ, порѣшилъ!...» Дѣло разсматривалось еще въ іюнѣ, но отложено по требованію защиты, заявившей, что подсудимый психически болѣнъ, вслѣдствіе чего онъ былъ отправленъ на испытаніе въ Вятскую больницу.

Присутствовавшая на судѣ экспертиза прежде всего заявила, что испытаніе душевно больныхъ въ больницѣ очень неудобно, такъ какъ оттуда устранены всѣ болѣе или менѣе рельефныя явленія жизни, соприкасаясь съ которыми испытуемый могъ бы опредѣленно обнаружить свое душевное состояніе. По мнѣнію экспертовъ, у Ипатьева было, вѣроятно, очень сильное возбужденіе нервной системы, которое разрѣшилось катастрофой. Послѣдовавшая реакція объясняетъ то тихое и молча-

ливое состояніе, въ которомъ находился подсудимый въ больницѣ.

Присяжные признали Ипатьева невиновнымъ. Онъ отданъ на поруки.

XLIII.

Яранское очередное земское собраніе 1876 г.

(*Письмо изъ Яранска*).

Мчатся .. сшиблись въ общемъ крикѣ...
Посмотрите каковы:
Делибашъ уже на пикѣ,
А казакъ безъ головы.

I.

Читали ли вы послѣдній разсказъ Жюля Верна, «Фантазія доктора Окса»? Если нѣтъ, то я позволю себѣ вкратцѣ разсказать его содержаніе. Авторъ рисуетъ намъ одинъ изъ голландскихъ городковъ, Кокадонъ, гдѣ жизнь течетъ по сонному руслу, гдѣ всюду царствуетъ безмятежная апатія; жители занимаются исключительно лишь ѣдой, попойками, бесѣдами съ Храповицкимъ, гдѣ, однимъ словомъ, все погружено въ хроническую умственную дремоту. Но вотъ является докторъ Оксъ и задумываетъ произвести надъ кокадонцами физіологическій опытъ. Онъ строитъ за городомъ, какъ будто-бы для освѣщенія, газовый заводъ; на самомъ же дѣлѣ—фабрику кислорода, проводитъ кислородъ по трубамъ въ улицы, дома, квартиры, пропитываетъ имъ городской воздухъ и производитъ между кокадонцами нѣчто въ родѣ столпотворенія вавилонскаго. Весь строй ихъ жиз-

ни летитъ «кувыркомъ». Какъ будто имъ далъ кто-нибудь подзатыльника или стегнулъ сзади кнутомъ. Изъ самыхъ лѣнивыхъ они мгновенно становятся забіяками, для которыхъ «море по колѣно». Скандаламъ, неистовствамъ, безобразіямъ нѣтъ числа. Наконецъ, окончательно зарапортовавшись, мирные передъ тѣмъ жители объявляютъ своимъ сосѣдямъ войну за потраву, сдѣланную тѣми 800 лѣтъ тому назадъ, на городской землѣ. Но вдругъ, въ этотъ самый моментъ, на кислородной фабрикѣ Окса происходитъ взрывъ. Возбуждающаго газа въ воздухѣ не стало, и Кокадонъ снова надѣваетъ на себя ночной колпакъ... до втораго пришествія ученаго физіолога.

Буквально тоже самое случается въ каждомъ изъ нашихъ уѣздныхъ городовъ съ наступленіемъ новыхъ земскихъ трехлѣтій. Сонная жизнь, заволакивающая все и вся своимъ однообразнымъ сѣрымъ покровомъ, вдругъ какъ бы вспыхиваетъ; равнодушіе, вялость, апатія смѣняются горячечной суетой, толками, пересудами. Все приходитъ въ лихорадочное движеніе, начинаются визитаціи «господъ» къ плебеямъ и плебевъ къ господамъ, устраиваются кормежки съ цѣлью переманить то или другое благоутробіе изъ лагеря Ивана Сидорыча въ станъ Сидора Ивановича, организуются посольства—мужскія и женскія—для уловленія въ сѣти не аппробованныхъ еще лицъ и въ концѣ задумывается потрава съ хлыстовскими радѣніями въ пользу «родныхъ человѣчковъ». Старая управа изгоняется, новая водворяется, коноводы ублаготворяются, собраніе закрывается и Храповицкій возобновляется. Однимъ словомъ, все какъ въ «Фантазіи доктора Окса...»

II.

Хотя

Яранскъ на картѣ генеральной
Кружкомъ означенъ не всегда,

но онъ ни въ чемъ не отстаетъ отъ другихъ, отмѣченныхъ на ней кружками и даже, пожалуй, можетъ перещеголять кой-кого по части этихъ послѣднихъ; къ сожалѣнію, все это кружки мелкіе, личные, не стоющіе, съ общественной точки зрѣнія, выѣденаго зайца. Не обладая каждый въ отдѣльности никакой нравственной силой, они должны были въ земскомъ собраніи то брататься между собой, то, всего чаще, простирать руки къ чуждому розни крестьянству и, внося въ него разлагающее начало «divide et impera» (дѣли и властвуй), разыгрывать предъ нимъ мѣсто дѣйствительныхъ земскихъ ярыжекъ роль яко-бы настоящихъ заправскихъ земцевъ, одушевленныхъ любовью къ меньшей братьѣ. Въ сущности же, по неотразимой силѣ вещей, всѣ эти мелкіе кружки сливались въ двѣ болѣе крупныя «партіи»— собственно яранцевъ и кукарцевъ. Описывать ихъ борьбу другъ съ другомъ мы не будемъ, отчасти потому, что вся суть здѣсь въ закулисныхъ интригахъ, которыя намъ недостаточно хорошо извѣстны, отчасти же и потому, что, съ нашей точки зрѣнія, она не представляетъ собой никакого общественнаго интереса. Гораздо лучше давать отчетъ о пьесѣ, какъ она происходила предъ публикой и на подмосткахъ сцены уже послѣ репетицій, не утомляя читателя зрѣлищемъ разучиванія ролей. Такъ мы и сдѣлаемъ, сосредоточивши все свое вниманіе на результатахъ дѣятельности представителей яранскаго земства—собранія и управы.

Предсѣдателемъ собранія былъ назначенъ мѣстный обыватель, г. Андреевъ. Едва ли можно было сдѣлать

болѣе неудачный выборъ. Имѣя въ городѣ типографію, бакалейную лавку, занимая мѣсто члена уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, отправляя почтовую гоньбу и исполняя, съ недавнаго времени, роль агента г. Залѣсскаго по завѣдыванію книжнымъ складомъ, онъ до такой степени оказывался разѣяннымъ и неподготовленнымъ къ новому для него дѣлу, что все время служилъ и для собранія, и для публики какимъ то посмѣшищемъ, надъ которымъ нѣкоторые гласные не стѣснялись en face du monde изощрять свое плоскодонное остроуміе. Жалко было смотрѣть на этого человека: не ознакомившись съ земскимъ положеніемъ, не успѣвая прочитывать *передъ* засѣданіями докладываемыхъ бумагъ и чистосердечно въ этомъ сознаваясь, онъ въ тоже время не умѣлъ ни управлять преніями, ни резюмировать ихъ, и ставить, какъ слѣдуетъ, предлагавшихся къ разрѣшенію собранія вопросовъ. Вслѣдствіе этого, въ засѣданіяхъ царствовалъ страшнѣйшій кавардакъ; въ залѣ стоялъ гулъ отъ безпорядочной болтовни разомъ всѣхъ гласныхъ, гулъ, среди котораго иногда рѣшительно ничего нельзя было разобрать. Предсѣдатель тутъ какъ бы стушевывался. Слово его не имѣло никакого вѣса, такъ что на него почти никто не обращалъ вниманія, а нѣкоторые положительно издѣвались надъ нимъ.

— Прошу васъ занять мѣсто, обращается вѣжливо предсѣдатель къ одному гласному, «*весьма* безпечно» расположившемуся въ боковой комнатѣ и, какъ бы на смѣхъ, ежеминутно выскакивавшему оттуда къ дверямъ съ односложными замѣчаніями.

— На полъ что-ль я сяду? безконечно весело и столь же грубо выстрѣливаетъ тотъ изъ своего прекраснаго далека.

— Вотъ тутъ есть свободное мѣсто, отвѣчаетъ съ робкимъ раздраженіемъ въ голосѣ сконфуженный обыватель, указывая на скамью, по серединѣ зала.

— Далеко отъ дверей...
— Садитесъ же—прошу васъ.
— Мнѣ и такъ хорошо.

Или такая сцена. Двое мировыхъ судей начинаютъ грызться между собой. Выходитъ нѣчто въ родѣ дароваго балаганнаго представленія. Предсѣдатель старается ихъ разнять. Но друзья не унимаются. Тогда г. Андреевъ, выведенный изъ терпѣнія, обращается къ наиболѣе задорному изъ нихъ и предупреждаетъ его, что можетъ сдѣлать ему *замѣчаніе*.

— Это весьма легко, отвѣчаетъ тотъ, улыбаясь, но для подобной вещи надо имѣть... и оборвавши фразу, судья начинаетъ ощупывать свой лобъ (дескать— «имѣть царя въ головѣ.»).

И все это сходило съ рукъ, оставалось, какъ говорится, «безъ послѣдствій». Такая кротость и незлобивость предсѣдателя, конечно, объясняется всего болѣе его несостоятельностью; но, съ другой стороны, она и рекомендуетъ его, какъ человѣка въ высшей степени терпимаго, дававшаго высказываться всѣмъ и ненасиловавшаго ни чьихъ мнѣній. По отношенію къ гласнымъ, онъ держалъ себя вполнѣ нейтрально и только въ одномъ вопросѣ, касавшемся врача Шнейдера, о которомъ мы будемъ говорить далѣе, эта нейтральность была имъ выдержена невполнѣ строго.

III.

Между тѣмъ про самое собраніе этого совсѣмъ нельзя сказать. Во время своихъ двухнедѣльныхъ преній оно дало такія доказательства своей незрѣлости, разнузданности, нетерпимости и невоздержности, что приходилось только разводить руками. Такъ, присвоивая себѣ прерогативы предсѣдателя, который, по правиламъ о порядкѣ веденія дѣлъ въ земскомъ собраніи, одинъ только имѣетъ

право рѣшать вопросъ объ умѣстности или неумѣстности какихъ либо частныхъ заявленій со стороны гласныхъ, оно *не позволило* г. Валленбургеру прочесть его возраженія на лѣсную раскладку управы. Торопились ли почтенные земцы въ клубъ, или провѣдали, что записка г. Валленбургера такъ редактирована, что должна загнать ихъ въ ловушку и заставить большинство, не смотря на все его нежеланіе, согласиться съ доводами уполномоченнаго отъ министерства государственныхъ имуществъ, — только г. Валленбургеру положительно замазали ротъ единогласными «не надо», «не хотимъ», «дѣло уже рѣшено» и т. д., причемъ г. Андреевъ, какъ мокрая курица, игралъ роль безмолвнаго статиста. Здѣсь его кажущееся пристрастіе, безъ сомнѣнія, обусловливалось незнаніемъ своихъ правъ, которые, какъ видно, не были извѣстны и г. Валленбургеру; иначе онъ, какъ человѣкъ вполнѣ независимый, конечно, никогда бы не уступилъ галдящему большинству.

Другой, быть можетъ, еще болѣе рѣзкій примѣръ нетерпимости собраніе дало при обсужденіи записки ветеринарнаго врача Казаченко. Дѣло въ томъ, что, исполняя постановленіе губернскаго собранія, Вятская губернская управа въ прошломъ году командировала гг. Казаченко и Транчука въ Пермскую губернію для покупки тамъ жеребцовъ-производителей, предназначавшихся къ улучшенію породы рабочихъ лошадей въ Вятской губерніи. Закупивши на пермскихъ ярмаркахъ назначенное число производителей, г. Казаченко развелъ ихъ по уѣздамъ, причемъ Яранскому уѣзду пришлось принимать дары губернскаго земства послѣднему, а такъ какъ «остатки всегда бываютъ сладки», то неудивительно, что они оказались негодными и управа ихъ забраковала. Тогда г. Казаченко, уязвленный со стороны своего кармана, а, быть можетъ, и еще чего нибудь другаго, настрочилъ

«непочтительную» записку, въ которой, чуть ли не на 50 слишкомъ страницахъ, пролилъ цѣлый ушатъ желчи на неимѣвшихъ счастія учиться въ ветеринарномъ институтѣ мѣстныхъ экспертовъ. Тутъ были и «святскія дебри» и «o tempora, o mores», и указанія на англійскія повозки, и «sic transit gloria mundi», и клистирныя трубки, и Финляндія, и «la critique est aisé», и чего-чего только не было. Вмѣсто того, чтобъ посмѣяться надъ всѣмъ этимъ ветеринарнымъ винигретомъ и сдать его въ архивъ, собраніе пришло въ такой азартъ, въ залѣ поднялась такая страшная буря, что нѣсколько стеколъ въ окнахъ собирались уже было лопнуть и только, вспомнивши изрѣченіе гоголевскаго городничаго объ Александрѣ Македонскомъ, пріостановились, отдавшись на волю божью и милость г. Каченовскаго. Дѣйствительно, онъ хотя и лѣзъ на стѣны, но оконъ не трогалъ, за что впослѣдствіи, вѣроятно, и получилъ отъ нихъ благодарность. Этотъ, поддержанный мировымъ судьей Сметанинымъ, достопочтенный джентельменъ сталъ изрыгать противъ дерзновеннаго Казаченко такія проклятія и анаѳемы, выпустилъ изъ своего чрева столько «глупцовъ», «недоучекъ» и «помѣшанныхъ», что, подъ конецъ, разрѣшившись отъ бремени и придя въ совершенное изнеможеніе, но всетаки не желая отказаться отъ своего базарнаго священнодѣйствія, могъ только беззвучно шамкать губами на манеръ горбуновскаго бискупа.

Кончилось тѣмъ, что всѣ, кромѣ трехъ лѣсничихъ — гг. Боссе, Валленбургера и Ярмоловича — подбросили по полѣну въ костеръ, сооруженный управой для Казаченко и затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ предложеній о преданіи его суду, рѣшили настаивать передъ губернскимъ собраніемъ на сожженіи дерзостнаго еретика.

Конечно, г. Казаченко не правъ. Записка его написана черезчуръ уже рѣзко и мѣстами даже просто

безобразно. Но не нужно забывать, что она была адресована имъ не въ яранскую, а въ вятскую губернскую управу, откуда препровождена была г. Дерновымъ въ подлинникѣ: «на-те, молъ, скушайте, закусите и больше не просите». Значитъ, въ сущности, передъ яранскимъ земствомъ виноватъ былъ не Казаченко, а исключительно одинъ лишь г. Дерновъ, не только принявшій, но и пустившій въ обращеніе это классическое словоизверженіе; къ сожалѣнію, ни оскорбленная управа, ни взбаломученное ея докладомъ и горячечнымъ бредомъ г. Качеповскаго, собраніе не хотѣло взять этого въ толкъ...

IV.

Какъ ни терпимо оказалось большинство благородныхъ яранскихъ земцевъ, но управѣ удалось таки заткнуть и ихъ за поясъ по части отстаиванія своего point d'honneur. Вышло настоящее столпотвореніе вавилонское. Весь сыръ боръ загорѣлся изъ за нѣсколькихъ, тоже, быть можетъ, не конфектныхъ (но имѣющихъ основаніе) выраженій сельскаго учителя Бехтерева, извлеченныхъ изъ его переписки съ уѣздной управой.

Надо вамъ сказать, что въ предпрошлую сессію (74-го года) было постановлено: обязать учителей подпиской въ томъ, что если они не прослужатъ въ послѣдній учебный годъ всѣ 8 учебныхъ мѣсяцевъ, то должны возвращать жалованье, полученное ими за лѣтнее каникулярное время. Проходитъ около 2 лѣтъ; но управа подписки не отбираетъ. Зачѣмъ? Вѣдь всякій долженъ знать, что невѣдѣніемъ законовъ отговариваться нельзя... Между тѣмъ оказалось, что такое постановленіе не всѣмъ было извѣстно. Такъ лѣтомъ учитель Бехтеревъ, находившійся въ отпуску въ Вяткѣ, былъ весьма удивленъ, когда на просьбу о высылкѣ ему мѣсячнаго жалованья,

онъ получилъ, вмѣсто послѣдняго, отвѣтъ съ требованіемъ письменнаго обязательства о возвращеніи денегъ, въ случаѣ если бы онъ не прослужилъ 8 учебныхъ мѣсяцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, судите сами: пока человѣкъ былъ на мѣстѣ, въ уѣздѣ, съ него не брали никакой подписки, хотя онъ разъ 10, если не болѣе, былъ самолично въ управѣ (а можетъ быть и получилъ прошлое лѣто все жалованье на прежнемъ основаніи) и вдругъ потребовали ее только тогда, когда онъ терпѣлъ нужду и не могъ тотчасъ же явиться за полученіемъ. Вмѣсто того, чтобъ послать деньги *подъ условіемъ* такого то обязательства, управа держитъ у себя деньги и кормитъ человѣка бумагой .. Какъ хотите, а это хоть кому покажется страннымъ; для нуждающагося же труженика такой способъ задерживанія чужой собственности (инаго представленія и не можетъ составиться въ головѣ человѣка, осуждаемаго на голоданіе) долженъ звучать возмутительной насмѣшкой надъ его спазмами въ желудкѣ. Неудивительно поэтому, если Бехтеревъ, узнавши о такомъ постановленіи и желая намекнуть на своеобразный способъ его исполненія, назвалъ его «страннымъ» и «благоразумнымъ». Управа вошла въ амбицію.— Какъ, молъ, вы смѣете говорить такія вещи; да знаете ли, что, кромѣ васъ, ни одинъ учитель не видитъ въ этомъ постановленіи ничего страннаго, и всѣ наставники съ готовностью даютъ подобную подписку... (Ну, а деньгами, думаетъ про себя строгій предсѣдатель, можно обождать: не помретъ вѣдь съ голоду—въ Вяткѣ есть благотворительное общество... Къ тому же управа дѣйствуетъ «на законномъ основаніи»). Видя, что предсѣдатель не понимаетъ его намековъ или притворяется непонимающимъ и что, кромѣ потери времени, изъ этого дисциплинарнаго водотолченія ничего не можетъ выдти, г. Бехтеревъ, наконецъ, соглашается дать подписку «не только на 8 мѣсяцевъ, а даже на 8 лѣтъ», лишь бы

ему прислали деньги; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не безъ прони замѣчаетъ, что, зная составъ учителей и отношенія къ нимъ управы, онъ и самъ не сомнѣвается въ готовности ихъ исполнять *всевозможныя* требованія управы: къ такому повиновенію они, молъ, побуждаются глубокимъ сознаніемъ своего долга, а можетъ и еще чѣмъ нибудь другимъ». Вотъ это-то «*чѣмъ нибудь другимъ*» и заставило управу соскочить съ рельсовъ. Соорудивши пространный обвинительный актъ противъ кощунствующаго enfant terrible, или, по терминологіи г. Каченовскаго, ни болѣе, ни менѣе какъ «молокососа», и приложивши къ нему кипу «оправдательныхъ документовъ», г. Коробовъ настаивалъ въ немъ на необходимости разобрать это важное дѣло (еще бы не важное) со всею подобающею ему подробностью. Ну, и началась разборка... Разбирали цѣлый вечеръ... Коробовъ въ доказательство честности управы, «потрясая небесами, облака сжималъ рукой», Каченовскій въ безсвязно-административномъ лепетѣ превосходилъ самого себя, но

. . . . . вотще:
Ихъ вопли и моленья
Господь во гнѣвѣ отвергалъ,

и докладъ, надъ которымъ такъ потѣлъ предсѣдатель управы (намъ извѣстно, что секретарь отказался отъ его составленія), остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Никакого желанія со стороны Бехтерева оскорбить почтенныхъ самоуправцевъ собраніе не усмотрѣло. Въ такомъ случаѣ, кипятился г. Коробовъ, пусть собраніе баллотируетъ вопросъ: умѣстны или нѣтъ выраженія г. Бехтерева (не мытьемъ, молъ, такъ хоть катаньемъ). Но и тутъ кривая не вывезла: самое предложеніе г. Коробова найдено неумѣстнымъ. Однако point d'honneur не оставилъ его и послѣ такой неудачи:—Подаю отдѣльное мнѣніе... Къ сожалѣнію, русская грамматика ока-

залась вѣроломнѣе point d'honneur'a.... она тотчасъ же оставила своего узурпатора, и такимъ образомъ наглядно показала ему, что было бы несравненно полезнѣе, если бы то время, которое учителя выстаивали у него въ передней и выслушивали отъ него грубые вопросы и предложенія, онъ употребилъ бы на выслушиваніе отъ нихъ маленькихъ наставленій по части твердыхъ и мягкихъ знаковъ вмѣстѣ съ разборомъ простыхъ, сложныхъ, главныхъ и придаточныхъ предложеній.

Да, и отъ сельскаго наставника г. Коробовъ могъ бы многому научиться. Между тѣмъ, какъ видно по нѣкоторымъ разсказамъ и отчасти по случаю съ Бехтеревымъ, онъ считалъ ихъ въ отношеніи къ своей достопочтенной особѣ чѣмъ то въ родѣ турецкой райи.

Вѣроятно, въ самомъ дѣлѣ, не сладко живется учителямъ въ Яранскомъ уѣздѣ, если сама управа, въ одномъ изъ своихъ докладовъ о народномъ образованіи, должна была признаться, что лучшіе наставники отъ нея бѣгутъ и рѣдко кто изъ нихъ служитъ въ уѣздѣ долѣе 3—4 лѣтъ; большинство же остается на земской службѣ по одному и много по два года, т с. бросаетъ школу, не доведя учениковъ до конца курса. Понятно, что, при такой хронической перетасовкѣ учителей, нельзя ожидать сколько нибудь сноснымъ результатовъ въ дѣлѣ обученія и развитія крестьянскихъ дѣтей. Управа объясняетъ такое грустное явленіе болѣе высокой цифрой учительскаго жалованья въ Уржумскомъ уѣздѣ, куда, молъ, и устремляются всѣ наставники; но объясненіе это чисто искусственное и, во всякомъ случаѣ, крайне односторонне: «лихія болѣсти» нашей школы столько же зависятъ отъ внутреннихъ причинъ, сколько отъ внѣшнихъ—и отъ первыхъ, даже больше, чѣмъ отъ послѣднихъ. Ни при какомъ жалованьи учитель, третируемый, какъ парія, плебей или лакей, котораго принимаютъ въ передней, не уживется долго на мѣстѣ

и будетъ постоянно высматривать, куда бы ему юркнуть изъ подобныхъ земскихъ трущобъ.

Продолжайте, господа самоуправцы, развивать между наставниками субординацію, требуйте отъ нихъ угодливости, низкопоклонства, прислужничества и вы скоро освободитесь отъ Бехтеревыхъ—я хочу сказать: людей, искрено преданныхъ школьному дѣлу—и окружите себя лавровымъ вѣнкомъ изъ различныхъ проходимцевъ, подлипалъ или такихъ личностей, которыхъ можно будетъ запречь въ одно дышло съ г. Огородниковымъ. Вотъ какое, напримѣръ, прошеніе прислалъ этотъ господинъ въ прошлое земское собраніе:

«Избранные дѣятели земства и благородные его представители! «Я думаю и полагаю, что изъ васъ никто не сомнѣвается и не будетъ «оспаривать того, что вся основа благоденствія народовъ, царствъ, «вѣдомствъ, корпорацій и частныхъ лицъ зиждется на религіи и «исполненіи ея законовъ, а всѣ прочія благородныя науки есть только «относительныя и вспомогательныя ей. Дѣйствователи и руководители «религіи суть пастыри и учители церковные, нарочито поставленные «Богомъ. Эти то лица, Высочайшею волею нашего любвеобильнаго «отца Монарха для блага его дѣтей — подданныхъ поставлены путево- «дителями во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ въ знаніи религіи — этой «Божественной науки, основы всякаго благоденствія людей и насади- «телями въ молодыхъ сердцахъ учащихся благаго сѣмени для произ- «раценія полезно спасительныхъ плодовъ, какъ для настоящей земной «жизни, такъ и для загробной. Руководители религіи и исполнители «ея, какъ и прочіе дѣятели, стоящіе на поприщахъ государственныхъ «и общественныхъ дѣлъ, суть люди, нуждающіеся въ матеріальной «поддержкѣ для своего содержанія отъ трудовъ, понесенныхъ ими «для общественнаго блага, которые должны быть благородно и спра- «ведливо оцѣнены. Почти каждое государственное и общественное «учрежденіе щедро и достойно вознаграждаетъ за труды своихъ дѣя- «телей но къ прискорбію и сожалѣнію, можно сказать, наше яранское «земство не оцѣниваетъ, какъ должно, труды путеводителей въ своихъ «учебныхъ заведеніяхъ, какъ оно щедро вознаграждаетъ всѣхъ своихъ «прочихъ труженіковъ. Въ отношеніи законоучителей у него остается «пробѣлъ щедрости...

«Избранные дѣятели земства и благородные представители его! «Обратите свое милостивое и справедливое вниманіе на приличное «вознагражденіе законоучителю, если не окладное, то за уроки и за-

«мѣстите пробѣлъ своей щедрости, чтобы законоучитель исполнялъ «свою обязанность безъ прискорбія и униженія, а съ большей энергіей «и преслѣдованіемъ цѣли своего назначенія и съ достоинствомъ!»

(Жур. яран. зем. собранія IX очер. сессіи, стр. 36⅝).

Если управа желаетъ отдать школу на аренду подобнымъ «дѣйствователямъ» и «путеводилямъ», то конечно, посредствомъ передней это сдѣлать всего легче. Не пройдетъ и двухъ лѣтъ, какъ ея «дѣйствователи» пустятъ въ школу глубокіе корни и уже никогда, не обнаружатъ злостной попытки къ бѣгству, ибо бѣжать такимъ «путеводителямъ» рѣшительно некуда.

V.

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, идетъ «народное образованіе» въ Яранскомъ уѣздѣ? На это намъ должны отвѣтить докладъ управы о начальныхъ училищахъ и отчеты женской прогимназіи и ремесленной школы. Первый изъ нихъ составленъ довольно обстоятельно и содержитъ въ себѣ много полезныхъ статистическихъ данныхъ. Но нельзя сказать того же про «отчеты». Тутъ вы или натыкаетесь на голые ряды цифръ и тонете въ благовонныхъ волнахъ классныхъ отмѣтокъ, или же встрѣчаетесь съ обзоромъ короче воробьинаго носа и ничѣмъ неосвѣщенной, безконечной вѣдомостью о приходѣ и расходѣ суммъ съ 15, 14, 12 и даже 10 копѣечными статьями.

Всего расходуется яранскимъ земствомъ на народное образованіе 45,000 рублей. Изъ нихъ собственно на народные школы идетъ 32,000. Всѣхъ школъ 40, изъ которыхъ 3 двухклассныхъ. Учащихся 2,500. Изъ нихъ $^{4}/_{5}$ приходится на мальчиковъ и $^{1}/_{5}$ на дѣвочекъ. При населеніи уѣзда въ 170,000 жителей, это даетъ пропорцію 1 : 70. Среднее число учащихся въ школѣ 60 человѣкъ. Изъ доклада видно, что при 1,800 селеніяхъ,

числящихся въ уѣздѣ, 1,300 изъ нихъ не посылали въ школу ни одного мальчика и 1,750—ни одной дѣвочки. Фактъ болѣе чѣмъ краснорѣчивый, особенно если еще прибавить къ нему, что три года или, вѣрнѣе, три зимы, ходятъ въ школу лишь $^1/_5$ (22 проц.) всѣхъ «учащихся», половина же изъ нихъ (43 проц.) оставляетъ школу по истеченіи перваго года. Но и это не все. При 140 учебныхъ дняхъ въ году, только около $^2/_3$ трехзимнихъ учениковъ *постоянно* посѣщаютъ училища, остальная же треть не высиживаетъ въ нихъ и 70 дней. Значитъ, вполнѣ исправно ходятъ въ школы въ теченіе трехлѣтняго періода лишь 350 учениковъ изъ 2,500 или менѣе $^1/_7$. Вотъ какіе плачевные результаты дала намъ земская школа за послѣднее трехлѣтіе...

Что же сдѣлало собраніе для ея улучшенія? Нельзя сказать, чтобъ оно осталось глухо къ ея вопіющимъ нуждамъ, чтобъ оно отнеслось невнимательно къ этому важному вопросу. Напротивъ, скорѣе можно удивляться тому единодушію, которое проявила въ данномъ случаѣ вся разношерстная масса гласныхъ, начиная отъ крестьянъ, этихъ тощихъ коровъ фараона, и кончая самыми тучными—Андреевымъ и Курбановскимъ, впрочемъ съ маленькой оговоркой въ будущемъ относительно этихъ послѣднихъ. Употребивши на обсужденіе вопросовъ о народномъ образованіи 4 засѣданія, собраніе увеличило земскій годовой школьный бюджетъ на 9,000 р. (сумма немалая!). Если бы всѣ его постановленія могли осуществиться, то съ нынѣшняго года въ Яранскомъ уѣздѣ были бы открыты не только воскресныя, но даже подвижныя школы—этотъ bête noire людей, смотрящихъ на міръ съ Деруновской точки зрѣнія. Къ 40 существующимъ школамъ собраніе прибавило еще 4. Затѣмъ было постановлено выдавать безплатно учебныя пособія *всѣмъ* ученикамъ какъ земскихъ, такъ и церковно-приходскихъ школъ безразлично, при

чемъ для поддержки послѣднихъ назначено довольно значительная сумма въ видѣ 5 рублевыхъ премій, выдаваемыхъ наставникомъ за каждаго обученнаго грамотѣ мальчика и вдвойнѣ (10 р.) за окончившаго курсъ со свидѣтельствомъ, дающимъ право на льготу при отбываніи воинской повинности. Такія же преміи за успѣшно оканчивающихъ курсъ положены и для народныхъ учителей. (Въ нынѣшнемъ году получило свидѣтельства всего только 156 человѣкъ, на 13 менѣе прошлогодняго). Преміи эти, однако, черезчуръ низки, а именно по 3 р.: «дѣтишкамъ на молочишко» и то не хватитъ. Хотѣли было открыть въ уѣздѣ нѣсколько книжныхъ складовъ и даже уже было получено на это «надлежащее разрѣшеніе»; но когда дѣло дошло до баллотировки, всѣ хлопоты и ходатайства земства прошлаго трехлѣтія вдругъ провалились какъ будто бы въ тартарары. Какъ ни объяснялъ крестьянамъ пользу такихъ складовъ для всего населенія г. Молдавскій, они остались при своемъ—«это, молъ, для богатыхъ». Видно, что ихъ кто-то уже обработалъ *). Тогда собраніе обратило особенное вниманіе на правильную выписку книгъ, которая здѣсь находилась до послѣдняго времени въ малмыжской фазѣ развитія. Изъ ходатайствъ собранія,

*) Въ 1-е изданіе «Вятской Незабудки» вкралась весьма грубая ошибка относительно г. Кедрова. Тамъ было сказано, что онъ, вмѣстѣ съ г. Молдавскимъ, отстаивалъ передъ крестьянами пользу и необходимость для населенія земскихъ книжныхъ складовъ; между тѣмъ какъ, въ дѣйствительности, г. Молдавскій встрѣтилъ себѣ въ Кедровѣ неожиданнаго противника: этотъ почтенный пастырь и членъ училищнаго совѣта держалъ сторону предсѣдателя, г. Андреева, который, въ качествѣ агента г. Залѣсскаго (книгопродавца), естественно могъ находить излишнимъ земскій складъ... Если смотрѣть на завѣдующихъ складами, какъ на медвѣдей, то, конечно, нельзя было не пристать къ г. Андрееву: два медвѣдя въ одной берлогѣ не уживаются. Но можно ли такъ смотрѣть на вещи — это другой вопросъ, который безъ труда рѣшитъ каждый читатель.

относящихся къ дѣлу народнаго образованія, заслуживаютъ упоминанія ходатайства объ открытіи въ уѣздѣ воскресныхъ школъ съ публичными чтеніями «дѣловыхъ статеекъ» (какъ ихъ называлъ Ушинскій), преимущественно сельско-хозяйственнаго характера и о дозволеніи на педагогическихъ курсахъ обсуждать вопросы, касающіеся устройства училищной части, а также о разрѣшеніи земству приглашать отъ себя руководителями курсовъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ, по его мнѣнію, можно было бы ожидать наибольшей пользы для дѣла, такъ какъ правительственные инспектора и мѣстный директоръ начальныхъ училищъ оказались на практикѣ несостоятельными.

VI.

Какъ пріятно намъ было говорить о только что перечисленныхъ здѣсь постановленіяхъ собранія, такъ, напротивъ, становится грустно при воспоминаніи о послѣднемъ его шагѣ, которымъ оно завершило свою «просвѣтительную» дѣятельность. Мы говоримъ о выборѣ штатнаго смотрителя, г. Шишкина, на должность земскаго инспектора народныхъ школъ въ Яранскомъ уѣздѣ и о ходатайствѣ передъ попечителемъ учебнаго округа относительно утвержденія этого выбора. Въ сущности, тутъ не было никакого выбора, а только одна грубая комедія. Сначала, конечно, г. Шишкинъ устроилъ у себя пирушку подъ скромнымъ именемъ «пирога», на который были созваны даже и такіе гласные, фамиліи которыхъ онъ теперь, вѣроятно, забылъ. Затѣмъ, на другой день, одинъ изъ самыхъ *вліятельныхъ* гласныхъ, лѣсничій П. И. Боссе, съ развязанностью и ловкостью «почти военнаго человѣка» заявилъ, что, дескать, мы,

въ прошломъ году, сдѣлали постановленіе о приглашеніи на должность инспектора человѣка съ университетскимъ образованіемъ... Но къ чему, господа, намъ стѣснять себя, когда между нами есть такой просвѣщенный, дѣятельный и опытный педагогъ, какъ г. Шишкинъ?.. Можетъ быть, онъ и не получилъ высшаго образованія. Но что же за бѣда? За то мы его знаемъ и хорошо знакомы съ его трудами на пользу земства... Онъ уже третій годъ заботится о нашихъ школахъ, объѣзжаетъ ихъ, осматриваетъ, руководитъ учителями, помогаетъ имъ и каждое собраніе представляетъ намъ свои *обширные* отчеты .. Странно было бы, если бы мы предпочли ему кого нибудь другаго: вѣдь отъ добра— добра не ищутъ. Не будемъ же и мы искать инспектора, когда онъ у насъ уже есть, когда у насъ есть почтенный Николай Васильевичъ, заключилъ ораторъ, мысленно доѣдая кусокъ вчерашняго пирога и усматривая въ перспективѣ толстый бокъ новаго, восходящаго на горизонтѣ.

— Просить, просить!! подхватили десятки голосовъ.

Но Николай Васильевичъ не заставилъ себя просить. Съ перваго же слова Павла Ивановича у него были «ушки на накушкѣ»... Зардѣвшись, «по положенію», какъ маковъ цвѣтъ, и опуская масляные глазки, какъ сорокалѣтняя невинность, улавливающая въ свои сѣти неопершагося птенца, онъ поспѣшилъ, согласно общепринятому для подобныхъ случаевъ церемоніалу, раскланяться, поблагодарить и выразить надежду... Затѣмъ«—конецъ и Боссе слава». Ни преній, ни споровъ, ни малѣйшей попытки выяснить условія даннаго вопроса и важности задачи, лежавшей на земствѣ при его разрѣшеніи.

Что же, спрашивается, пріобрѣтетъ «новая» земская школа въ лицѣ «стараго» и скоро, быть можетъ, заштатнаго смотрителя уѣзднаго училища? *Руководить*

учителями онъ, конечно, не можетъ: для этого ему не достаетъ ни должнаго образованія, ни соотвѣтствующей спеціальной подготовки; между яранскими наставниками найдется немало изъ кончившихъ гимназическій курсъ, передъ которыми ему придется пасовать. Вести, какъ слѣдуетъ, педагогическіе курсы ему тѣмъ болѣе не подъ силу. Объѣзжать школы и давать учительницамъ совѣты относительно линованія тетрадей? Но это и безъ того исполнялось имъ въ теченіе трехъ лѣтъ за 300-рублевое жалованье, а теперь вѣдь ему за тоже самое рѣшено отваливать ежегодно по 1,500 р. Что касается его «обширныхъ отчетовъ», то они дѣйствительно объемисты, особенно послѣдній, написанный спеціально на тему—«хочу быть инспекторомъ». Но всю ихъ суть и содержаніе можно исчерпать въ нѣсколькихъ строкахъ: «*Училище такое-то.* Пріѣхалъ такого то числа. Учениковъ засталъ столько-то. Учитель поступилъ въ школу тогда-то и занимается старательно или недостаточно усердно. Чтеніе идетъ бойко. Пишутъ удовлетворительно. По ариѳметикѣ дѣти слабы. Въ правописаніи не сильны. Поютъ важно. Учитель жалуется на недостатокъ руководствъ. Я рекомендовалъ этому учителю обратиться за книгами въ мѣстную земскую управу, куда обыкновенно обращаются и другіе. Совѣтовалъ ему также держаться въ преподаваніи ариѳметики такого-то учебника, но онъ оставилъ службу и перешелъ въ другой уѣздъ. Надеждъ на полученіе совѣта обратно не имѣется. Будущая учительница, г-жа Сметанина, за добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей, заслуживаетъ награды».

Сравнивая между собой отчеты по обозрѣнію земскихъ школъ, представляемыя ежегодно собранію г. Шишкинымъ и мѣстныхъ исправникомъ Чистяковымъ, какъ членомъ училищнаго совѣта, мы, по совѣсти, должны сказать, что между ними если и можно замѣтить какую

нибудь разницу, то скорѣе въ пользу послѣдняго, а между тѣмъ г. Чистяковъ не получаетъ за нихъ никакого вознагражденія. Не слѣдуетъ ли послѣ этого считать ходатайство объ утвержденіи г. Шишкина въ должности земскаго инспектора, по меньшей мѣрѣ, крупнымъ промахомъ со стороны собранія, а ассигнованныя имъ 1,200 р. (сверхъ 300), на *содержаніе* г. Шишкина—«бѣшеными деньгами», брошенными на вѣтеръ?

Вся бѣда въ томъ, что въ яранскомъ земствѣ почти совсѣмъ нѣтъ «людей»! Вотъ почему тамъ и могутъ рѣшаться однимъ махомъ, при помощи «пирога», такіе серьозные вопросы, какъ выборъ «собственнаго» инспектора, а инициативу въ рекомендаціи педагоговъ-руководителей принимаютъ на себя лѣсничіе стараго закала: извѣстно, что между слѣпыми кривой—первый вождь.

VII.

О женской прогимназіи, этомъ полуземскомъ-полугородскомъ яранскомъ ублюдкѣ сказать многаго нельзя, особенно при той системѣ «отчетности», какую усвоило себѣ это «заведеніе»: въ прошломъ году, вмѣсто отчета, въ собраніе былъ представленъ, по мѣткому выраженію одного гласнаго, *счетъ изъ мелочной лавки*; въ нынѣшнемъ же—акафистъ изъ балловъ. Съ своей стороны, собраніе провозгласило «путеводительницамъ» и «дѣйствовательницамъ» оной *многія лѣта*... Но, сколько намъ извѣстно, тамъ преподаютъ по методѣ «отъ сихъ и до сихъ»; манкированіе уроками не оставляетъ желать ничего лучшаго; дѣвочки запуганы и дрожатъ передъ «начальницей» (г-жа Попова); лучшія ученицы пишутъ «лопъ» и «штопъ»; но за то, вѣроятно, преус-

пѣваютъ въ parler français или, вѣрнѣе, смѣси нижегородскаго съ французскимъ (*).

Басня эту можно бы и больше пояснить,
Да *штопъ* гусей не раздразнить...

Ремесленная школа также процвѣтаетъ подъ неусыпнымъ попеченіемъ П. И. Боссе. Будучи хозяиномъ ея и вмѣстѣ съ тѣмъ предсѣдателемъ постоянной ревизіонной коммиссіи, онъ въ одно и тоже время и управлялъ ею, и ревизовалъ ее. Такое трогательное единство дѣйствій, конечно, должно было много способствовать установленію въ ней строгой отчетности и экономіи: извѣстно вѣдь, что у семи нянекъ дитя безъ глазу. Впрочемъ, при ремесленной школѣ существуетъ комитетъ; значитъ, управленіе коллегіальное и при томъ довольно самостоятельное. Такъ, напримѣръ, предсѣдатель управы, Коробовъ, въ теченіе трехъ лѣтъ не могъ добиться отъ коллегіи приходо-расходныхъ книгъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за любопытство! Понятно, книги, какъ книги. Такъ нѣтъ же:—вынь да положь. Бываютъ же такіе назойливые люди. А все отъ необразованія... Подъ конецъ, однако коллегію оставили въ покоѣ, какъ глухонѣмую, тѣмъ болѣе, что она добровольно, безъ полицейскихъ понужденій, каждый годъ представляла всѣ свои книги аккуратно *передъ самымъ закрытіемъ собранія*, когда ихъ можно было всего легче и внимательнѣе повѣрить, потому что гласные, покончивши дѣла, дѣлались свободными отъ занятій. Но г. Коробову, который во время собраній былъ, конечно, не ревизующимъ, а ревизуемымъ, такъ и не удалось взглянуть ни однимъ глазкомъ на ремесленные гроссъ-бухи:—не сподобился,

(*) Хотя французскій языкъ и не входитъ въ программу обязательныхъ для прогимназій предметовъ, но г-жа Попова предложила *отъ себя* задавать ученицамъ уроки изъ грамматики Марго, конечно за извѣстную плату.

значитъ. Впрочемъ, видѣвшіе ихъ, единогласно свидѣтельствуютъ, что всѣ *имѣющіеся* при книгахъ оправдательные документы находятся на лицо.

Болѣе подробныхъ свѣдѣній на этотъ счетъ мы собрать не могли. За три года существованія ремесленной школы на нее затрачено 13600 р. Всѣхъ воспитанниковъ, среднимъ числомъ, было 25 человѣкъ (въ нынѣшнемъ году 30), такъ что приготовленіе каждаго столяра и кузнеца обходится Яранскому земству около 550 рублей. Немножко дороговатo; но за то какой духъ выносятъ они изъ заведенія! Во время нахожденія въ школѣ они съ любовью перестилаютъ полы, вставляютъ рамы и вообще производятъ всякаго рода удѣлки и передѣлки въ квартирѣ своего pater familias'а, который щедро вознаграждаетъ ихъ за это своимъ искреннимъ расположеніемъ (понятно, что *презрѣннаго* металла они не берутъ). По окончаніи же курса, составляютъ елейно-благодарственные адресы своему *начальству*, которое ихъ препровождаетъ въ собраніе для торжественнаго чтенія. И таково-то выходитъ трогательно, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Неудивительно поэтому, если я затрудняюсь передать вамъ впечатлѣнія, волновавшія «милостивыхъ государей» при чтеніи этимъ неподдѣльныхъ юношескихъ изліяній. Слушая ихъ, какъ будто самъ становишься моложе и, наконецъ, до какой степени молодѣешь, что едва-едва удерживаешься отъ возгласа: «папа, позови таракана изъ щелочки!» Но вотъ чтеніе кончено, наивно-дѣтская мысль о тараканѣ исчезаетъ сама собой, въ душѣ чувствуется какой-то бальзамъ,

И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко,...

Помните, какъ орелъ, поднявшись на вершину Кавказскихъ горъ и царственно любуясь открывавшейся подъ

нимъ картиной необъятнаго пространства, благодарилъ Зевеса?

Хвала тебѣ, Зевесъ, что, управляя свѣтомъ,
Ты разсудилъ снабдить меня такимъ полетомъ,
Что неприступной я не знаю высоты и т. д.

Ну вотъ такимъ же точнымъ манеромъ и ученики ремесленной школы благодарили свое просвѣщенное начальство: «Слава тебѣ — лепеталъ неувѣренно юноша, обращаясь къ мастеру столярнаго дѣла — слава тебѣ, показавшему мнѣ свѣтъ: ты научилъ меня владѣть рубанкомъ, рашпилемъ и коловоротомъ, ты вывелъ меня въ люди и теперь нѣтъ такой доски, которой я не могъ бы обратить въ стружки. Твои *вліятельныя* бесѣды со мной о шпунахъ снабдили меня идеалами на всю жизнь и мнѣ, выходя изъ сего «заведенія», ничего не остается, какъ только зайти по сосѣдству въ другое и разнести его іерихонскія стѣны торжественнымъ многолѣтіемъ яранскому добросердечному земскому воинству».

— Папа, позови таракана изъ щелочки!

VIII.

Отъ многолѣтія земству къ народному здоровью и земской медицинѣ переходъ не особенно рѣзокъ, по крайней мѣрѣ, не болѣе, чѣмъ между желаніями «сто лѣтъ жить» и «двѣсти на карачкахъ ползать». Здѣсь намъ опять придется имѣть дѣло съ баталіей, впрочемъ болѣе серьозной, чѣмъ двѣ предыдущія. Но будемъ кратки. Народное здоровье въ Яранскомъ уѣздѣ дѣйствительно «ползаетъ на карачкахъ». Умираетъ 1 изъ 23, тогда какъ *вообще* въ Россіи смертность едва достигаетъ 1: 27. Въ больницахъ нѣтъ отбоя отъ приходящихъ. Такъ, въ прошломъ году, ихъ было болѣе 100 тысячъ человѣкъ,

а всего лѣчилось у врачей—110 тысячъ. Если причесть сюда не лѣчившихся—а ихъ вѣроятно болѣе чѣмъ лѣчившихся—и принять въ соображеніе, что нашъ крестьянинъ ходить по пустякамъ въ больницу не станетъ, то можете себѣ представить, каковы физическія, экономическія и бытовыя условія его жизни. Все это земство не только знаетъ и видитъ, но даже весьма осязательно чувствуетъ, такъ какъ медицинская часть обходится ему болѣе 50,000 р. въ годъ. Вы скажете конечно: «какая щедрость!»—Можетъ быть, но за то какая вмѣстѣ съ тѣмъ и близорукость! Въ то время, когда изъ его кармана плывутъ такія суммы на пичканье лѣкарствами, оно не хочетъ принять никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ оздоровленію своего уѣзда и отказываетъ медицинскому совѣту въ ассигновкѣ 2,000 р. на приглашеніе врача-санитара, который одинъ только могъ бы принести истинную пользу народному здоровью. Медицинская статистика доказываетъ, что *врачеваніе* ни на волосъ не понижаетъ цифры смертности: будете ли вы лѣчить *заболѣвшихъ* холерой или нѣтъ, половина ихъ, все равно, умретъ. Но понизить процентъ *заболѣваній* и этимъ косвеннымъ путемъ бороться со смертностью — до извѣстной степени во власти науки. Живые современные факты наглядно показываютъ, какимъ могущественнымъ рычагомъ въ дѣлѣ народнаго здоровья является общественная гигіена или предупрежденіе болѣзней, вмѣсто ихъ врачеванія.—Все это такъ, отвѣчаютъ земцы, но какая польза намъ отъ того, если земству скажутъ, что такая то деревня, расположенная на болотистой почвѣ, пьетъ нездоровую воду, или что пища крестьянъ такой то мѣстности приближается по своей питательности къ съѣдомой глинѣ дикарей? Развѣ мы можемъ улучшить свойство воды, превратить болото въ садъ или перенести деревню съ одного мѣста на другое? Точно также не въ нашей власти и улучшить пищу

крестьянъ. Да, въ области дѣятельности санитарнаго врача есть много неосуществимаго въ данную минуту, при нынѣшнихъ средствахъ земства. Но если бы санитарный врачъ обратилъ вниманіе только на гигіеническія условія помѣщеній и содержанія рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и всякаго рода мастерскихъ, если бы онъ только занялся школьной гигіеной и раціональнымъ устройствомъ отхожихъ мѣстъ, то и тогда затраченная на него сумма вдесятеро вознаградилась бы приносимой имъ пользой. Возьмемъ, напримѣръ, хоть отхожія мѣста. Пренебреженіе этою статьею даетъ 12 лишнихъ смертей на 1000 человѣкъ. А такъ какъ въ Яранскѣ, Кукаркѣ и Царевосанчурскѣ не менѣе 8000 жителей, то одни отхожія мѣста отнимаютъ у нихъ ежегодно лишнихъ 100 человѣкъ. Но на каждый смертный случай приходится 25 заболѣваній; значитъ, къ ста умершимъ отъ дурнаго устройства и содержанія отхожихъ мѣстъ надо прибавить еще 2500 больныхъ. Вѣдь все это вмѣстѣ, считая тутъ расходы на лѣкарства, потерю заработки и проч., обходится жителямъ названныхъ нами трехъ пунктовъ никакъ не дешевле 10—15 тысячъ рублей.

Но яранцы взять этого въ толкъ не хотятъ. Они не любятъ никакой ариѳметики и предпочитаютъ все мѣрить на глазъ. Содержитъ земство, напримѣръ, 6 акушерокъ и 5 повитухъ. Но по счету оказывается, что за цѣлый годъ всѣ онѣ вмѣстѣ приняли только 147 новорожденныхъ и что, такимъ образомъ, каждая «перевязка пуповины» обходится 9 слишкомъ рублей. Медицинскій совѣтъ предлагаетъ пригласить въ уѣздъ нѣсколькихъ калинкинскихъ акушерокъ, которыя, кромѣ родовспоможенія, могли бы также лѣчить сифились и женскія болѣзни. Понятно, что тогда расходъ на акушерокъ сдѣлался бы несравненно производительнѣе. Но на это, видите ли, необходимо прибавить нѣсколько

сотъ рублей—и одной грошовой остроты г. Курбановскаго на счетъ «*ученыхъ*» акушерокъ съ присовокупленіемъ сальной улыбочки оказалось достаточнымъ, чтобъ сдать это предложеніе въ бездонный земскій архивъ...

Судя по нѣкоторымъ фактамъ, открывшимся во время собранія, нужно думать, что яранскіе врачи чувствуютъ себя утомленными. Тутъ впрочемъ нѣтъ еще ничего предосудительнаго (если вѣрить отчету, то каждый изъ нихъ въ теченіе цѣлаго года ежедневно долженъ былъ осматривать по 74 человѣкъ). Но предосудительно то, что они не говорятъ этого прямо, а различными изворотами, въ явный ущербъ народному здоровью, стараются свалить съ своихъ плечъ тяготящее ихъ бремя непосильныхъ занятій. Такъ, желая уменьшить число приходящихъ больныхъ и не довольствуясь тѣмъ, что крестьяне, при полученіи лѣкарства, должны приносить свою посуду или покупать ее въ аптекѣ (даже *Малмыжъ* и тотъ отпускаетъ аптечную посуду даромъ), они въ нынѣшнемъ году настаивали на *платѣ крестьянами за прописываемые имъ рецепты*. Болѣе всего распинался за обложеніе болѣзней земскими налогами врачъ Шнейдеръ, какъ наиболѣе утомленный. Въ этомъ случаѣ онъ дѣйствовалъ совершенно послѣдовательно, такъ какъ былъ всегда ревностнымъ противникомъ безплатнаго лѣченія, за что, наконецъ, и поплатился.

Я разскажу вамъ коротенько эту исторію или, вѣрнѣе, бурю въ стаканѣ воды, такъ какъ она возбудоражила весь Яранскъ и долго служила предметомъ всевозможныхъ городскихъ толковъ, пересудъ и сплетенъ.

Поступивши на службу въ яранское земство, врачъ Шнейдеръ скоро породнился съ предсѣдателемъ земской управы, Коробовымъ—сдѣлался его зятемъ. Какъ только это состоялось, явился вопросъ: «нельзя ли какъ-нибудь перебраться изъ Кукарки въ Яранскъ?» Яранской боль-

ницей въ то время завѣдывалъ г. Шульцъ, человѣкъ, хотя и не безъ слабостей, но пользовавшійся *всеобщимъ*, вполнѣ заслуженнымъ уваженіемъ за его всегдашнюю готовность помогать всѣмъ и каждому—въ особенности бѣднякамъ—не только словомъ и дѣломъ, но даже своими собственными средствами.

Чтобъ исполнить желаніе Шнейдера, нужно было непремѣнно выжить этого человѣка. И вотъ г. Коробовъ открылъ противъ него кампанію. Шульцъ сразу понялъ, въ чемъ дѣло и по своей мягкости тотчасъ же уступилъ. Перемѣщеніе состоялось безъ всякихъ затрудненій: оба подали прошенія и оба были «удовлетворены». Кукарка и Яранскъ помѣнялись врачами.

Поселившись въ Яранскѣ, г. Шнейдеръ тотчасъ же занялся *раціональной* медициной и такъ успѣшно, что, подъ конецъ, получалъ разомъ три жалованья (являясь единымъ въ трехъ лицахъ — больничнаго, городскаго, уѣзднаго и участковаго врача) и уже простиралъ руки къ четвертому,

Но тутъ кошель прорвался...

Понятно, что при такихъ спеціальныхъ занятіяхъ, требовавшихъ счетоводства по тройной бухгалтерской системѣ Езерскаго, онъ чувствовалъ себя весьма утомленнымъ, въ особенности же когда его приглашали къ себѣ бѣдняки.

На своей квартирѣ онъ больныхъ не принималъ, а всѣхъ приходящихъ отсылалъ въ больницу, стоящую на краю города, хотя бы вы жили о бокъ съ его домомъ и еле-еле волочили ноги... Отсюда выходили иногда уморительные курьезы. Дотащится, бывало, кой-какъ такой больной до больницы и ждетъ очереди — «Ну какъ же, наставительно замѣчаетъ докторъ, вамъ не болѣть. Зачѣмъ вы ходите,—вамъ необходимо лежать».— Да вы сами меня послали. — «Слѣдующій!..» Трудно

больные бѣдняки даже и въ расчетъ не принимали Шнейдера. Его считали не докторомъ, а «бариномъ».— «Вы когда заболѣли-то?» спрашиваетъ пріѣзжій у обывателя. — Да ужъ день семь будетъ. — «Чего жъ вы думаете?»—Да все жду Шульца, вотъ-вотъ подъѣдетъ.— «А Шнейдеръ-то на что жъ?»—Захотѣли вы, чтобъ эфтотъ баринъ къ намъ поѣхалъ. Да онъ нашего-то брата и за людей не считаетъ. Такой это гордый, что не приведи богъ...

Словомъ, стонъ стоялъ по всему городу. Но жаловаться не смѣли или, вѣрнѣе, считали лишнимъ. Да и, въ самомъ дѣлѣ, смѣшно тестю подавать челобитную на зятя. Всѣ видѣли, всѣ знали, всѣ были недовольны и тѣмъ не менѣе всѣ молчали... пока, наконецъ, не заговорилъ единственный вполнѣ независимый гласный въ яранскомъ собраніи, г. Валленбургеръ. Онъ перечислилъ передъ собраніемъ рядъ извѣстныхъ ему фактовъ изъ врачебной дѣятельности своего коллеги по медицинскому совѣту, указалъ на нѣсколько смертныхъ случаевъ, свидѣтельствовавшихъ о его равнодушіи къ исполненію своихъ обязанностей и, въ заключеніе, выразилъ свое негодованіе по поводу того, что предсѣдатель управы, вмѣсто обузданія своего родственника, рѣшается представлять его къ наградѣ.

Нужно было самому быть въ залѣ собранія, чтобъ составить себѣ сколько нибудь вѣрное понятіе о впечатлѣніи, произведенномъ на публику протестомъ г. Валленбургера. Пока онъ читалъ свою записку, въ заднихъ рядахъ, наполненныхъ полушубками и кацавейками, только и слышались восклицанья: Вѣрно, вѣрно!..

— Правда... все какъ есть, значитъ.—Ай да баринъ!..

— Вотъ это такъ истинно, что *нашъ* баринъ: *своихъ* не покрываетъ... — Теперь ему капутъ... — Кому?—Извѣстно, дохтуру, какому еще лѣшему?—А ему-то, *нашему*, не достанется?—Дурааа!..

Но вотъ всталъ г. Шнейдеръ и заявилъ, что онъ требуетъ *судебнаго* разбирательства по только что прочитанной запискѣ... Это было уже черезчуръ.

Сдѣлавши такой рискованный пируэтъ, г. Шнейдеръ самъ себя погубилъ. Угроза его такъ вѣрно попала въ цѣль, что про нее потомъ кто-то сказалъ: «мѣтко бьетъ ружье — съ полки упало, шесть горшковъ разбило». И дѣйствительно, вмѣсто того, чтобъ молча принять къ свѣдѣнію предостереженіе Шнейдера и тѣмъ подать ему хоть маленькую надежду на возможность благопріятнаго исхода дѣла, г. Валленбургеръ вѣжливо поблагодарилъ доктора за то, что онъ даетъ средство въ будущемъ удесярить списокъ всѣхъ извѣстныхъ ему случаевъ при его врачебной дѣятельности и подтвердить свои сообщенія многочисленными свидѣтельскими показаніями. Съ этой минуты Шнейдеръ уже *пересталъ существовать*. Какъ прежде все молчало противъ него, такъ теперь, когда плотина была прорвана, все разомъ заговорило: заговорили крестьяне, купцы, чиновники, судьи, священники,—однимъ словомъ, заговорило то, что зовется гласомъ народа. Волненіе такъ было велико, что предсѣдатель отложилъ рѣшеніе вопроса объ участи Шнейдера до вечера. Вечеромъ большинство, *по иниціативѣ г. Андреева*, рѣшило баллотировать вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли оставить на службѣ Шнейдера или нѣтъ. Но гласный Коробовъ, сначала молчавшій, а потомъ старавшійся всѣми мѣрами не допустить собраніе до баллотировки подобнаго вопроса, заявилъ въ самую послѣднюю минуту, когда гласные готовились уже брать шары, что г. Шнейдеръ самъ оставляетъ службу, а потому безцѣльно было бы рѣшать такъ или иначе вопросъ объ его удаленіи. Черезъ $^1/_4$ часа явился, по требованію собранія, самъ Шнейдеръ и лично подтвердилъ сообщеніе г. Коробова.

Такъ кончилась эта тяжелая сцена, за которой впо-

слѣдствіи наступило не менѣе тяжелое раздумье. Нужно ли было доводить дѣло до такой развязки?—Не достаточно ли было ограничиться въ отношеніи къ г. Шнейдеру замѣчаніемъ, предостереженіемъ или, наконецъ, самое большее—выговоромъ?—Кто долженъ считаться главнымъ виновникомъ удаленія г. Шнейдера съ земской службы? — Вотъ вопросы, которые невольно вставали передъ каждымъ земцемъ и требовали, во что бы то ни стало, того или другаго рѣшенія, но, во всякомъ случаѣ и прежде всего, рѣшенія спокойнаго, обдуманнаго, независимаго, короче—рѣшенія по совѣсти, чуждаго всякихъ домашнихъ увлеченій и посторонніихъ вліяній. Теперь, когда улеглись страсти, остылъ жаръ ожесточеннаго земскаго побоища, когда всѣ перипетіи этой сложной борьбы сдѣлались для насъ прошлымъ, мы можемъ, нисколько не измѣняя себѣ, сказать, что во всемъ этомъ дѣлѣ было слишкомъ много увлеченія, слишкомъ много задора и поспѣшности, которые дѣйствовали ослѣпляющимъ образомъ на безразличное табунное большинство. Всѣмъ извѣстно, что, раздѣлавшись со Шнейдеромъ менѣе чѣмъ въ 24 часа, сами гласные потомъ удивлялись своей прыткости. Видимо, что они поступали какъ бы надъ дѣйствіемъ какого то особаго безсознательнаго аффекта. Конечно, виноватъ—и много виноватъ—тутъ былъ самъ Шнейдеръ, заговорившій сразу о судѣ и слѣдствіи, когда повѣрка фактовъ, указанныхъ г. Валленбургеромъ, могла бы быть произведена простымъ домашнимъ дознаніемъ; тѣмъ не менѣе, главнымъ виновникомъ такой печальной, крутой и неожиданной развязки слѣдуетъ всетаки считать, почти всецѣло, г. Андреева, который, открывши вечернее засѣданіе, началъ, какъ говорится, *съ оников*; «дѣло приняло, дескать, такой оборотъ, что намъ ничего не остается, какъ баллотировать вопросъ о томъ, можетъ или не можетъ оставаться на земской службѣ г. Шнейдеръ»? Кто рѣ-

шилъ, что оно приняло «*такой* оборотъ» и почему «ничего не остается», этого, я полагаю, никто не могъ бы объяснить и теперь, а тогда и подавно; напротивъ, никто изъ гласныхъ—ни Валленбургеръ, ни Курбановскій, ни представители Кукарки, ни даже самъ Андреевъ—не заикались объ *увольненіи* г. Шнейдера. Судя по редакціи записки, читанной г. Валленбургеромъ и послужившей отправнымъ пунктомъ всей заварившейся каши, цѣль автора заявленія формулировалась въ трехъ словахъ: «врачу, исцѣлися самъ». Поэтому г. Валленбургеръ указывалъ, съ одной стороны, на неумѣстную придирчивость врачей къ аптекарю Порфирьеву, не согласовавшуюся съ собственнымъ нерадѣніемъ одного изъ ихъ коллегъ, г. Шнейдера, и съ другой—на пристрастную оцѣнку заслугъ своего зятя г. Коробовымъ. Ни изъ того, ни изъ другаго необходимость увольненія не вытекала, и г. Андреевъ просто-таки клеветалъ на собраніе (если только не заблуждался), говоря, что оно поставлено въ безвыходную необходимость баллотировать вопросъ объ увольненіи Шнейдера и что ничего другаго ему не остается въ данную минуту; тогда какъ на самомъ дѣлѣ, собранію ничего не оставалось и не могло оставаться, кромѣ повѣрки заявленій, сдѣланныхъ гласными въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ. Нужды нѣтъ, что г. Шнейдеръ потребовалъ самъ *судебнаго* разбирательства и тѣмъ какъ бы отклонялъ земское вмѣшательство: судебное изслѣдованіе нужно было для него, какъ отдѣльнаго лица; для земства же, какъ учрежденія, точно также необходимо было *свое* домашнее дознаніе и оно не только имѣло на это право, но даже обязано было его сдѣлать. Я говорю, конечно, о нравственной обязанности: вѣдь г. Шнейдеръ могъ не безъ расчета *раздумать* относительно своей угрозы и, такимъ образомъ, безслѣдно похоронить въ своемъ личномъ ящикѣ чисто общественное дѣло, чего, конечно, земство

не могло желать. Но разъ отказавшись отъ дознанія, оно, волей-неволей, должно было бы подчиниться и всѣмъ послѣдствіямъ подобнаго отказа. Эта важная сторона дѣла была *упущена* собраніемъ, единственно благодаря тому, что г. Андреевъ примѣнилъ къ преніямъ о Шнейдерѣ «порядокъ сокращеннаго дѣлопроизводства», быть можетъ, и умѣстный въ извѣстнаго рода гражданскихъ взысканіяхъ, но совершенно немыслимый тамъ, гдѣ, вмѣсто устава гражданскаго судопроизводства, слѣдуетъ руководствоваться положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ. Лично, мы полагаемъ, что съ г. Шнейдеромъ было поступлено черезчуръ круто и что яранскому земству не было никакого разсчета разставаться съ нимъ, какъ съ человѣкомъ способнымъ и притомъ оказавшимъ мѣстной земской медицинѣ немаловажныя услуги... Предостереженіе бы о *необходимо*, но не болѣе. Конечно, есть люди, которые крестятся только при громѣ, но г. Шнейдера ни въ какомъ случаѣ нельзя причислить къ подобнымъ субъектамъ. Нѣтъ; сомнѣнія, что земству нужны *лѣкаря*, но еще болѣе ему необходимы труженики, организаторы и люди съ инициативой: на каждаго изъ послѣднихъ найдутся десятки первыхъ. Врачъ, обладающій этими тремя качествами, всегда можетъ сдѣлаться и лѣкаремъ; но никогда лѣкарь не сдѣлается «просвѣщеннымъ дѣятелемъ». Вотъ почему мы полагаемъ, что какъ бы не посмотрѣли на исторію, случившуюся съ г. Шнейдеромъ въ Яранскѣ, земства другихъ уѣздовъ не должны закрывать передъ нимъ своихъ дверей. Пожелаемъ ему болѣе вниманія къ бѣднымъ и затѣмъ *искренно* всякаго успѣха...

Хотѣлъ было написать еще 5—6 страницъ; но помѣшали, а потому обрываю письмо не доведя его до конца. Слѣдовало бы побесѣдовать немного о старой управѣ и нѣкоторыхъ постановленіяхъ собранія, но объ этомъ можно будетъ сообщить особо, въ отдѣльномъ письмѣ.

XLIV.

Слободское земское собраніе 1876 года.

И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ
ровный путь безъ цѣли....

I.

Кому приходилось бывать на земскихъ собраніяхъ въ Слободскомъ хотя бы только за послѣдніе 6—7 лѣтъ, тотъ не могъ не замѣтить значительной перемѣны къ худшему въ отношеніи гласныхъ къ земскимъ дѣламъ. Прежде на этихъ собраніяхъ можно было иногда услышать и дѣльный, обстоятельно составленный докладъ, и горячее слово въ защиту своего взгляда, и живое сочувствіе къ интересамъ населенія и, наконецъ, увидѣть основательное знакомство съ той или другой отраслью земскаго хозяйства. Но, мало по малу, все это измѣнилось: гласные начали относится къ своимъ обязанностямъ холодно, безучастно, какъ чиновники; рутина поглотила земское дѣло окончательное и въ 1876 году, напримѣръ, все, начиная съ докладовъ и кончая преніями, носило на себѣ печать самой безнадежной формальности. Этому не мало содѣйствовало и назначеніе предсѣдателемъ члена присутствія по крестьянскимъ дѣламъ, Клименки, здѣшняго старожила, человѣка, такъ сказать, *своего*, съ которымъ нечего церемониться и притомъ же вполнѣ несостоятельно для руководства совершенно равнодушными къ земскому дѣлу гласными. Въ прежніе

годы предсѣдатель Тучемскій хотъ своей грубостью и самодурствомъ вызывалъ иногда земскихъ дѣятелей на отпоръ и заставлялъ обнаруживать нѣкоторые признаки жизни; въ прошломъ году предсѣдатель Короваевъ оказывалъ хорошее вліяніе своимъ честнымъ отношеніемъ къ дѣлу, умѣньемъ разъяснять вопросы и привлекать, по возможности, всѣхъ гласныхъ къ ихъ обсужденію. Притомъ же оба эти предсѣдателя были все-таки люди пріѣзжіе, которыхъ было иногда и совѣстно; въ нынѣшнемъ же году, подъ руководствомъ *своего человѣка*, халатное отношеніе къ дѣлу проявилось въ полномъ блескѣ. Каждый, видимо, только мирился съ необходимостью прожить 10 дней въ Слободскомъ и «отсидѣть» извѣстное число засѣданій, опасаясь въ противномъ случаѣ взысканій со стороны начальства; сдѣлать же что нибудь въ это время, быть полезнымъ—объ этомъ почти никто и не думалъ. При такихъ условіяхъ гласные, конечно, ужасно скучали во время засѣданій и, чтобы поддержать въ себѣ хотя видимую бодрость, то и дѣло уходили покурить или поболтать между собою, вслѣдствіе чего для голосованій предсѣдатель долженъ былъ собирать разбѣжавшихся гласныхъ по разнымъ комнатамъ дома, гдѣ помѣщается собраніе. Клименко добродушно покорялся этой печальной необходимости, сознавая, вѣроятно, что не малую долю скуки вноситъ въ засѣданія онъ самъ своимъ неумѣлымъ снотворнымъ чтеніемъ, запутанными объясненіями и совершенной неспособностью помирить иногда противорѣчащіе другъ другу интересы представителей различныхъ сословій. Извѣстно вѣдь, что у насъ гласные считаютъ своимъ долгомъ «принимать во вниманіе» только выгоды тѣхъ сословій или учрежденій, представителями которыхъ они являются, т. е. города, лѣснаго вѣдомства, заводовъ, землевладѣльцевъ и сельскихъ обществъ; кромѣ того, представители этихъ послѣднихъ дѣлились еще по волостямъ, такъ

что, напр., гласный отъ Мухинской волости былъ всегда противъ мѣръ, касающихся благосостоянія Островновской и наоборотъ.

II.

Впрочемъ подобныя разногласія всетаки возникаютъ рѣдко; въ большинствѣ же случаевъ гласные единодушно придерживаются извѣстныхъ, освященныхъ уже давностію времени, рубрикъ—«передать въ ревизіонную коммисію,» принять къ свѣдѣнію, «отклонить,» отказать» или же «поручить управѣ представить свои соображенія будущему собранію,» такъ что и задумываться ни надъ чѣмъ не приходится. По статьямъ, требующимъ затраты денегъ, гласные дѣлятся на двѣ половины: интелигенція, т. е. лѣсничіе, мировой судья, купечество и пр., не принимающіе этоть вопросъ *близко къ сердцу* и «чернь непросвѣщенная,» преимущественно изъ волостныхъ старшинъ, писарей и кабатчиковъ, тѣсно сплотившаяся вокругъ члена управы, Зязяева, тоже бывшего волостнаго писаря, подающая голосъ только по его указанію и, конечно, всегда противъ новыхъ расходовъ, если только ихъ можно избѣжать. Впрочемъ въ этой партіи, если позволительно назвать такъ сторонниковъ Зязева, все таки замѣтно единодушіе, даже иногда пониманіе земскихъ нуждъ; въ «*интелигенціи*» же всякій молодецъ на свой образецъ, а сколько нибудь опредѣленной программы дѣйствій нѣтъ и въ поминѣ, вслѣдствіе чего, напр., предсѣдатель управы вотируетъ противъ собственныхъ ея докладовъ, имъ самимъ... ну хоть подписанныхъ, членъ училищнаго совѣта подаетъ свой голосъ за стѣснительныя для школы мѣры, напр., постановленіе, чтобы сельскія общества *непремѣнно* давали для

училищъ помѣщеніе, отопленіе и сторожа, хотя это для нихъ и затруднительно и пр.

III.

Обыкновенно докладъ по народному образованію читается первымъ; но въ нынѣшнемъ году онъ не обсуждался тотчасъ же, а на другой день, потому что къ преніямъ рѣшено было пригласить «соственнаго» инспектора училищъ слободскаго земства, Коробова. Кстати, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ новомъ *охранителѣ* народной школы. Въ принципѣ, конечно, нельзя отрицать пользы назначенія особыхъ инспекторовъ отъ земства, особенно въ такіе громадные уѣзды, какъ Слободской; на практикѣ же эта польза оказывается весьма сомнительной, если принять въ соображеніе недостатокъ въ лицахъ, подготовленныхъ къ такого рода дѣятельности, и разныя «независящія обстоятельства». Такъ, собраніемъ 1874 года постановлено было имѣть инспектора непремѣнно съ высшимъ образованіемъ; но вслѣдствіе протеста со стороны министерства народнаго просвѣщенія, пришлось отмѣнить его; затѣмъ, изъ двухъ лицъ, явившихся претендентами на эту должность, утвержденіе получило именно то лицо, имѣть котораго не особенно желало земство, но за котораго хлопоталъ директоръ народныхъ училищъ Вятской губер., Нурминскій. Земство сознаетъ теперь, что совершенно непроизводительно затрачиваетъ 2 тысячи руб. на содержаніе своего инспектора, даже менѣе свѣдущаго и менѣе дѣятельнаго, чѣмъ былъ правительственный инспекторъ, человѣкъ еще молодой, получившій высшее образованіе, хотя и въ духовной академіи и успѣвшій уже зарекомендовать себя съ хорошей стороны во время завѣдыванія слободскимъ

уѣздомъ, но не знаетъ, чѣмъ помочь горю. «Собственный» же земскій инспекторъ, въ качествѣ бывшаго смотрителя уѣзднаго училища, и чуть ли уже не выслужившій пенсію, привыкъ дѣйствовать, какъ чиновникъ, ограничиваясь одной только формальной стороной дѣла, сохраненіемъ одного только внѣшняго благоустройства и порядка; при томъ же онъ въ такихъ лѣтахъ, что постоянные разъѣзды по училищамъ ему рѣшительно не подъ силу. По этому онъ старается отлынивать отъ этой непріятной обязанности подъ разными благовидными и неблаговидными предлогами; пріѣхавъ же въ отдаленную школу, такъ ослабѣваетъ умственно, что бываетъ способенъ интересоваться цѣною рябчиковъ и другихъ съѣстныхъ продуктовъ больше, чѣмъ положеніемъ школы или способомъ преподаванія. Свою несостоятельность, свое полное равнодушіе къ народному образованію нашъ инспекторъ блистательно доказалъ и въ земскомъ собраніи. Видимо стѣсняясь необходимостью говорить публично и не ознакомившись хорошенько ни съ докладомъ управы, ни съ положеніемъ училищъ, онъ или отмалчивался, или бормоталъ что-то непонятное, такъ что если и состоялось нѣсколько дѣльныхъ постановленій, наприм., пособіе библіотекѣ въ 200 р., кабинету наглядныхъ пособій въ 50, ограниченіе обязательнаго доставленія квартиры, отопленія и прислуги со стороны сельскихъ обществъ вновь открываемымъ училищамъ, то исключительно благодаря участію нѣкоторыхъ гласныхъ изъ интеллигенціи. Также равнодушно отнесся инспекторъ и къ постановленіямъ противоположнаго свойства; напр., объ ассигнованіи по 23 р. на школу для пріобрѣтенія учебныхъ пособій и классныхъ принадлежностей—суммы крайне мизерной и недостаточной, о пособіи въ 250 р. на открытіе 4-го класса при женской прогимназіи, расходъ, который долженъ бы всецѣло принадлежать городу, такъ какъ для крестьянскихъ дѣвочекъ еще и первоначаль-

ныхъ училищъ существуетъ слишкомъ недостаточно, объ устройствѣ учительскихъ съѣздовъ, совершенно недостигающихъ цѣли, при неимѣніи опытнаго руководителя, объ обязательной работѣ въ ремесленныхъ школахъ *по 12 ч.* въ сутки (точно на фабрикѣ или заводѣ!), что слишкомъ утомительно для учениковъ, не достигшихъ еще 16 лѣтняго возраста, а такихъ, конечно, большинство, хотя есть и 20 лѣтніе.

Впрочемъ, не смотря на желаніе непросвѣщенныхъ гласныхъ уѣзда урѣзать какъ нибудь расходъ на народное образованіе, онъ оказался всетаки значительнымъ, а именно 25 слишкомъ тысячъ, т. е. вдвое больше противъ ассигновки 1874 года.

IV.

Къ вопросу о продовольствіи, этому больному мѣсту нашего уѣзда, съ его хроническими неурожаями, вслѣдствіе которыхъ большинству населенія не достаетъ своего хлѣба даже на полгода съ ежегоднымъ уменьшеніемъ количества запашекъ, измельчавшимъ до послѣдней степени скотомъ, крайне бѣдствующими земледѣльцами собраніе отнеслось не менѣе безучастно, чѣмъ и ко всѣмъ остальнымъ. Думали было облегчить бѣдняковъ хотя немного, разложивъ хлѣбную недоимку на всѣхъ крестьянъ, но этого не допустили сдѣлать волостные *патріоты* и потому постановлено взыскать по 50 к. только съ недоимщиковъ; съ обязательнымъ страхованіемъ полей отъ градобитія рѣшили «остановиться»; на обсѣмененіе полей признано необходимымъ просить ссуды въ 20 т. р. изъ губернскаго продовольственнаго капитала, а для поднятія земледѣлія оставлено прежнее средство—открытіе ссудо-сберегательныхъ товариществъ,

составляющее уже давно неосуществимую мечту земскихъ дѣятелей, или вслѣдствіе несочувствія крестьянъ къ товариществамъ такого рода, или неумѣнья учредителей взяться за дѣло.

Бѣдственное положеніе сѣверныхъ волостей нашего уѣзда было, наконецъ, засвидѣтельствовано оффиціальной бумагой—«отношеніемъ слободскаго уѣзднаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія», послужившимъ какъ бы протестомъ на прошлогоднее постановленіе земскаго собранія о причинахъ накопленія недоимокъ за этими волостями и о мѣрахъ къ устраненію такого зла. Для большей ясности, необходимо привести сначала самое постановленіе въ томъ видѣ, какъ оно напечатано въ журналахъ земскаго собранія, сессіи 1875 года. Вотъ оно:

«Обращаясь къ заявленію управы, что жители Трушниковской волости въ настоящемъ году нуждаются въ пособіи и просятъ о выдачѣ имъ 20,000 руб. на хлѣбъ, земское собраніе считаетъ подобное заявленіе требующимъ точной и основательной повѣрки, такъ какъ оно не подкрѣплено никакими доказательствами о неурожаѣ хлѣба въ той мѣстности. Градобитій, какъ извѣстно, тамъ почти не было, ибо побило градомъ всего до 80 десятинъ въ цѣлой волости; урожай былъ въ нынѣшнемъ году лучше прошлогодняго. *Вообще же* извѣстно, что жители Кайской, Трушниковской и другіе прилежащихъ волостей—народъ безпечный и лѣнивый, избалованный частыми ссудами и слабыми сборами податей. Недѣятельность ихъ доходитъ до того, что они накопили на себѣ большую недоимку, а въ настоящемъ году, хотя многіе изъ нихъ совсѣмъ собрались идти на плоты и этимъ заработать средства къ пропитанію, но, узнавъ, что идетъ судно съ хлѣбомъ, купленнымъ для нихъ на счетъ продовольственнаго капитала, или, какъ они называютъ „съ пайками“, всѣ остались дома и не пошли на работы. Не платя податей и накопивъ по одной Трушниковской волости до 42,786 р. 11 к., а по Кайгородской 78,390 р. 28 коп. недоимки, жители выбираютъ въ волостные начальники людей, которые потворствуютъ имъ и не даютъ порядочнаго жалованья старшинамъ и писарямъ, опасаясь, что тогда найдутся строгіе люди, которые будутъ заботиться о взысканіи податей и сборовъ. Между тѣмъ край этотъ нельзя назвать совершенно бѣднымъ, хотя есть мѣстности вполнѣ неплодородныя и жителей ихъ слѣдовало бы выселить въ Уфимскую губернію или въ другія края, на что собраніе

готово оказать денежное пособіе переселенцамъ; но за то въ другихъ мѣстахъ съ успѣхомъ могло бы быть заведено звѣроловство, птицеловство, выдѣлка смолы, лѣсной промыселъ и другіе. Но все это недоступно для жителей сѣверной части Слободскаго уѣзда отъ снисхожденія къ нимъ мѣстнаго начальства и отъ частовременныхъ выдачъ ссудъ. Чтобы исправить тотъ край, собраніе полагаетъ, что неплательщиковъ податей и сборовъ необходимо чаще подвергать исправительнымъ взысканіямъ, которыя предоставлены волостному старшинѣ и сельскимъ старостамъ, а именно: общественнымъ работамъ до 2-хъ дней, денежному, въ пользу мірскихъ суммъ, взысканію до 1 р., аресту не долѣе 2-хъ дней; затѣмъ, наказаніямъ, которыя можетъ налагать волостной судъ, т. е. общественнымъ работамъ до 6 дней, денежному взысканію до 3 руб., аресту до 7 дней и тѣлесному наказанію розгами до 20 ударовъ; далѣе, людей, на которыхъ не дѣйствуютъ исправительныя взысканія, выселять въ Сибирь. Собранію извѣстно, что, какъ крестьяне, такъ и волостные начальники мало знаютъ объ этихъ правахъ, а также мало знаютъ, что за дурное поведеніе можно ссылать въ Сибирь. Почему собраніе постановляетъ просить Слободское уѣздное присутствіе по крестьянскимъ дѣламъ командировать члена въ Трушниковскую, Кайгородскую и др. волости, гдѣ замѣчаются объясненныя недостатки и просить, не признаетъ ли присутствіе возможнымъ, чтобы этимъ членомъ были разъяснены волостнымъ и сельскимъ начальникамъ ихъ права и обязанности относительно недоимщиковъ и вредныхъ людей въ обществахъ и чтобы сдѣлано было настояніе крестьянамъ о взносѣ податей и недоимокъ и о томъ, что за такое уклоненіе можно подвергнуться не только исправительнымъ взысканіямъ, но даже ссылкѣ въ Сибирь. Наконецъ, чтобы исправить самое сельское управленіе, а именно, чтобы заставить крестьянъ выбирать дѣльныхъ волостныхъ начальниковъ и волостныхъ писарей, собраніе постановило просить правительство исходатайствовать законодательнымъ порядкомъ для Кайскаго края слѣдующее распоряженіе: если волостные сходы будутъ замѣчены ближайшимъ ихъ начальствамъ въ пристрастномъ и неправильномъ выборѣ на должности волостныхъ старшинъ и писарей неблагонадежныхъ людей, то таковыхъ удалять отъ должностей и замѣнять другими по усмотрѣнію присутствія, хотя бы они были и не изъ мѣстныхъ жителей; жалованье назначить старшинѣ и писарю по 500 р. каждому изъ казны съ правомъ полученія онаго изъ уѣзднаго казначейства и съ требованіемъ, чтобы эта сумма была наполняема изъ мірскихъ сборовъ или съ души наравнѣ съ податями. Если волостные старшины и сельскіе старосты, по окончаніи срока службы, будутъ оставаться въ томъ краѣ, какъ мѣстные жители, то, въ теченіе 2-хъ трехлѣтій по окончаніи службы, избавлять ихъ отъ налога произвольныхъ сборовъ со стороны общества, какъ

напримѣръ, за убылыя души и т. п., чѣмъ обыкновенно общества мстятъ волостнымъ и сельскимъ начальникамъ, которые во время своей службы требовали отъ подчиненныхъ крестьянъ строгаго исполненія ихъ обязанностей и тѣмъ навлекали на себя ихъ гнѣвъ и ненависть. Объ этихъ предположеніяхъ сообщить г. губернатору на зависящее распоряженіе» *(Журналъ, 30-го сентября 1875 г.)*.

И вотъ теперь, т. е. чрезъ годъ, крестьянское присутствіе, извѣщаетъ собраніе, что, не смотря на всѣ разъясненія крестьянамъ и волостному начальству ихъ правъ и обязанностей (*какъ* было разъясняемо, интересно знать!) не смотря на массу наказанныхъ розгами, въ *Кайгородской волости 1,329, а въ Трушниковской 400 человѣкъ* (къ болѣе суровымъ мѣрамъ, *рекомендованнымъ* собраніемъ, должно быть, не прибѣгали), недоимокъ всетаки невозможно было собрать; взысканіе же податей сопряжено съ величайшими затрудненіями. Причину этого присутствіе видитъ совсѣмъ не въ бездѣйствіи волостнаго начальства, не въ лѣности или въ не пониманіи своихъ обязанностей со стороны населенія, а въ бѣдственномъ экономическомъ положеніи. Однако этотъ печальный фактъ, еще разъ доказавшій полное незнакомство земскихъ дѣятелей съ нуждами и положеніемъ народа, не произвелъ на нихъ, повидимому, никакого впечатлѣнія, потому, что въ виду такого вопіющаго зла, они всетаки ограничились только постановленіемъ—«принять», заявленный крестьянскимъ присутствіемъ фактъ къ свѣдѣнію. Тѣмъ не менѣе, хорошо уже и то, что истина, наконецъ, обнаружилась, что земство лишено теперь возможности прикрывать свое равнодушіе къ бѣдствіямъ плательщиковъ ссылками на лѣность мужиковъ да на бездѣйстіе волостнаго начальства. За такое разоблаченіе не жаль было ассигновать члену крестьянскаго присутствія и на канцелярію 500 р. и на мебель—150 руб. и, наконецъ, вознаградить его за помѣщеніе для присутствія впродолженіи года, а также за наемъ разсыльнаго 100 р., хотя

помѣщеніе это состояло изъ небольшой комнатки въ занимаемой членомъ квартирѣ, а на 150 р. можно меблировать цѣлый домъ, не только эту комнатку. Забавно было слушать, какъ маститый старецъ, непремѣнный членъ присутствія, онъ же и предсѣдатель собранія, распинался предъ гласными, показывая, сколько лишеній испытывалъ онъ (пожалуй, не менѣе трушниковцевъ и кайгородцевъ), давая у себя въ квартирѣ помѣщеніе для присутствія и покупая на свой счетъ канцелярскія принадлежности, онъ, человѣкъ, получающій *только двѣ тысячи* въ годъ и какая медленность въ дѣлопроизводствѣ является у него вслѣдствіе невозможности нанять письмоводителя. Ну, да Богъ съ нимъ, съ этимъ доживающимъ свой вѣкъ старцемъ.... Онъ всетаки далъ земскимъ дѣятелямъ полезный урокъ своимъ «отношеніемъ» о неплательщикахъ податей, тѣмъ болѣе, что и отказать ему въ просьбѣ было неловко, потому что для гласныхъ крестьянъ, въ числѣ которыхъ 4—5 волостныхъ старшинъ, онъ всетаки *начальство* и притомъ не малое.

Между прочимъ собраніе утвердило одно дѣльное предложеніе управы относительно мѣры, которая могла бы хотя немножко облегчить населеніе сѣверныхъ волостей, гдѣ много дичи, — это продажа пороха изъ управы по цѣнѣ, за какую онъ обойдется ей самой. Къ сожалѣнію и тутъ, кажется, путнаго ничего не выйдетъ, потому что бывшій членъ управы, Плюснинъ, уже предвосхитилъ у земства мысль о торговлѣ порохомъ и уже заранѣе запасся имъ. Какъ человѣкъ *коммерческій*, онъ, конечно, поведетъ это дѣло успѣшнѣе управы, которая пока еще будетъ собираться да вести переписку, а крестьяне между тѣмъ привыкнутъ покупать порохъ у Плюснина и переплатятъ ему, конечно, вдвое больше, чѣмъ заплатилъ онъ за него самъ, такъ какъ послѣ цѣнъ, существовавшихъ

до сихъ поръ,—въ Кайскомъ краѣ, напр., за фунтъ пороху брали иногда по 2. р. сер.,—получить барышъ отъ операціи съ порохомъ будетъ весьма легко.

V.

Но не въ одномъ вопросѣ рутинный взглядъ гласныхъ не выказался такъ полно, какъ въ медицинскомъ Самое устройство земской медицины они считаютъ, кажется, нужнымъ только для порядка, а никакъ не для спасенія крестьянъ отъ всевозможныхъ болѣзней, мнѣніе, поддерживаемое отчасти и самими врачами, изъ которыхъ двое, живя въ городѣ, заняты преимущественно городской практикой и стараніемъ пополнить земское, довольно значительное жалованье (1,200 р.) доходами отъ богатыхъ пацієнтовъ-горожанъ. Поэтому собраніе, безъ всякихъ разсужденій, приняло соображеніе управы о числѣ врачей, фельдшеровъ, оспопрививателей и бабокъ, при чемъ двумъ послѣднимъ членамъ земско-медицинскаго персонала постаралось назначить самое скудное вознагражденіе, утвердило смѣту расходовъ въ 20,960 р. и, въ концѣ концовъ, гласные осмотрѣли, городскую земскую больницу. Здѣсь, конечно, все оказалось въ отличномъ порядкѣ: господствующая обыкновенно въ палатахъ вонь была замаскирована разными куреніями, бѣлье на больныхъ сіяло безукоризненной чистотой, фельдшера и служители были всѣ «въ своемъ видѣ» и обнаруживали отеческую заботливость о больныхъ; пища же была на этотъ разъ до того вкусно приготовлена, что лучше и не надо. И никто не поинтересовался узнать, что дѣлается въ этой больницѣ въ обыкновенное «непарадное» время, когда воздухъ бываетъ отвратительный (ю это, какъ говоритъ врачъ, завѣдующій больницей, зло

неустранимое при ея теперешнемъ устройствѣ), бѣлье, часто изорванное, не перемѣняется по 2 недѣли и больше, вслѣдствіе чего больные страдаютъ еще и отъ множества насѣкомыхъ, фельдшера (кромѣ одного только, Михайлова) и служителя чуть не постоянно пьяные и обходятся съ больными крайне грубо, а пища убійственно однообразна (ежедневно супъ, непремѣнно съ рисомъ, и каша) и нерѣдко до того отвратительно приготовлена, что ея не выносятъ даже неприхотливые крестьянскіе желудки. Чаю не даютъ вовсе, опасаясь, вѣроятно, избаловать паціентовъ, и замѣняютъ его молокомъ, тоже весьма сомнительнаго достоинства. Женское отдѣленіе больницы содержится нѣсколько опрятнѣе, но и тамъ не мало безпорядковъ, дающихъ обильную пищу языкамъ больничнаго персонала. Врачъ, завѣдующій больницей, Бартновскій, старается игнорировать отрицательную сторону ея; въ случаѣ же невозможности сдѣлать это, обвиняетъ во всемъ земскую управу, отъ которой онъ *будтобы* находится въ полной, чуть не крѣпостной зависимости, что однако же невѣроятно, такъ какъ управа вѣдь постоянно поддерживаетъ врача въ его требованіяхъ о прибавкѣ жалованья, чего, какъ извѣстно, гласные очень не любятъ, и обращаетъ мало вниманія на внутреннее управленіе въ больницѣ. Впрочемъ собраніе утвердило и одну хорошую мѣру относительно больницы—отмѣну взысканія платы въ 3 р. съ пользуемыхъ въ ней земскихъ плательщиковъ, что, конечно, сдѣлаетъ ее болѣе доступной для нихъ. А прежде крестьяне, и безъ того всегда избѣгающіе больницъ, пользовались своей, земской, лишь въ случаѣ крайности, да и тогда чуть ли не притворялись здоровыми, чтобы только поскорѣе выписаться и не накопить на себѣ еще новой *недоимки*, которая, въ случаѣ состоятельности (а вѣдь это весьма неопредѣленное понятіе), взыскивалась черезъ волостныя правленія; полученіе же удостовѣренія въ несостоятельности стоило большихъ хлопотъ и расходовъ.

VI.

Собраніе закончилось выборами предсѣдателя и членовъ управы, что происходитъ всегда въ послѣднее засѣданіе,—изъ опасенія, что, въ противномъ случаѣ, не останется и половины гласныхъ—и составляетъ дивертисментъ всей этой трагикомедіи. Тутъ уже въ земскихъ дѣятеляхъ замѣтно небывалое одушевленіе; публики, обыкновенно мало посѣщающей земскія засѣданія (что опять-таки становится съ каждымъ годомъ замѣтнѣе, и въ нынѣшнемъ, напр., на многихъ засѣданіяхъ не бывало никого изъ посторонннихъ), набирается очень много, повсюду замѣтно оживленіе, слышатся шутки, смѣхъ, остроты. Въ дивертисементѣ отличаются иногда лѣсничіе своей оригинальностью, считаю нужнымъ прибавить, *въ хорошемъ смыслѣ*. Такъ, при нынѣшнихъ выборахъ, лѣсничій Двораковскій отказался отъ баллотировки, потому что онъ, какъ человѣкъ недавно пріѣхавшій сюда, совершенно не знаетъ лицъ, изъявившихъ желаніе баллотироваться, а на прошлыхъ выборахъ тоже самое сдѣлалъ лѣсничій Миштовтъ, заявившій, что онъ не считаетъ этихъ лицъ достойными избранія, что было занесено въ журналъ и признано скандаломъ, хотя на такое заявленіе требовалось не мало, если не *гражданскаго*, то, такъ сказать, *общественнаго* мужества.

Составъ управы обновился, впрочемъ только въ лицѣ трехъ членовъ; четвертый же, Зязевъ, и предсѣдатель, Булгаковъ, избраны снова, первый потому, что, какъ дѣйствительно полезный работникъ для земства, пользуется въ средѣ гласныхъ уваженіемъ, второй—за неимѣемъ лучшаго. Вообще бѣдность въ людяхъ, достойныхъ занимать выборныя должности, здѣсь такъ

велика, что избиратели бываютъ поставлены въ большое затрудненіе, кому отдать преимущество и, пожалуй, многіе были бы готовы послѣдовать примѣру Миштовта, да смѣлости не хватаетъ, ну и выбираютъ *на авось*: ужъ если, молъ, очень дуренъ будетъ, такъ выживемъ тѣмъ или другимъ способомъ. Грустно то, что и конца не видно этому печальному положенію нашего *самоуправленія*, такъ какъ молодое, подрастающее поколѣніе, которое должно смѣнить прежнихъ дѣятелей, не подаетъ никакой надежды на лучшее будущее.

VII.

Въ заключеніе слѣдуетъ поговорить и объ исполнительницѣ земскихъ постановленій, земской управѣ. Составъ ея въ 1876 г. былъ слѣдующій: предсѣдатель—Булгаковъ, бывшій полицейскій чиновникъ (служилъ становымъ и помощникомъ исправника) да еще стараго времени. Очень естественно поэтому, что онъ внесъ въ управу всѣ порядки полицейскаго управленія—крайній формализмъ, чинопочитаніе, грубость въ обращеніи съ подчиненными и страсть къ сплетнямъ, къ доносамъ. Чрезвычайно оригинально относится этотъ господинъ къ земскимъ расходамъ, земскому сундуку, который, повидимому, во всѣхъ отношеніяхъ не различаетъ отъ своего собственнаго. Такъ, напр., предсѣдателю вздумается съѣздить на земскихъ лошадяхъ или послать кого-либо изъ служащихъ въ Вяткѣ, исключительно по своему дѣлу, привести себѣ на земскій счетъ няньку, кухарку изъ деревни, открыть своимъ дѣтямъ неограниченный кредитъ на письменныя принадлежности, пріобрѣтаемыя управой на земскіе гроши, и въ тоже время охотно ссужаетъ эту вѣчно нуждающуюся въ

деньгахъ управу довольно крупными суммами (до $1^1/_2$ тысячи рублей) и на продолжительные сроки *безъ процентовъ*. Можетъ быть, въ концѣ концовъ, земство же остается въ барышахъ, а всетаки эти мелочи доказываютъ распущенность и могутъ дурно вліять на остальныхъ служащихъ. Изъ четырехъ членовъ выдается и пользуется значеніемъ только одинъ Зязевъ, мужикъ дѣловитый, смышленый, но немножко самодуръ, слишкомъ уже односторонне и узко понимающій интересы земства; трое же остальныхъ членовъ обладаютъ только отрицательными качествами; эти личности крайне безцвѣтныя и служатъ лишь послушными орудіями Зязева.

Составъ канцеляріи вполнѣ подходящій къ начальствующимъ лицамъ; въ главѣ ея стоялъ до половины декабря 1876 года въ качествѣ секретаря, который обыкновенно даетъ тонъ всему земскому хору, бывшій правитель канцеляріи вятскаго губернатора Мусерскій, удаленный оттуда за взяточничество и «нерадѣніе по службѣ», долго бывшій подъ судомъ и въ концѣ прошлаго года сосланный по приговору казанской судебной палаты «въ мѣста не столь отдаленныя», т. е. въ Тобольскую губернію, съ лишеніемъ правъ. Принятый въ земскую управу какъ бы изъ милости, въ силу прежнихъ «связей» и ради большаго семейства, Мусерскій не только не давалъ *тона* въ земскомъ хорѣ, а напротивъ, самъ поддѣлывался подъ его строй и старался только «ладить» со всѣми. Въ помощники себѣ, т. е. писцы управы или «столоначальники», какъ они обыкновенно величаютъ себя, онъ взялъ прежде всего собственнаго сына его, юношу, весьма неглупаго, но уже испорченнаго до мозга костей формалиста и «дѣльца» въ самомъ узкомъ смыслѣ, а затѣмъ уже окружилъ себя разными проходимцами, вродѣ отставнаго тюремнаго смотрителя Завьялова, канцелярскаго служителя Мызникова, прогорѣвшаго купчика и пр., и пр.

Безобразія въ управѣ дошли тогда до крайнихъ предѣловъ, и сама она превратилась въ какой-то кабакъ: сюда сносились грязныя сплетни со всего города; служащіе не только приходили сюда пьяные, но даже тутъ пили и закусывали; здѣсь гибла репутація женщинъ и развращалась нравственность всѣхъ, кто имѣлъ несчастіе находиться въ какой бы то ни было зависимости отъ управы. Роль начальства разыгрывали и члены, и оба Мусерскіе, и всѣ писцы, не говоря уже о самомъ Булгаковѣ, который по отношенію къ мелкимъ «чиновникамъ» земства: учителямъ, бабкамъ, фельдшерамъ и пр., являлся настоящимъ Юпитеромъ громовержцемъ,— на провинившихся чѣмъ бы то ни было служащихъ кричалъ неистово, топалъ ногами, ругался, грозилъ имъ всевозможными карами. Особенно доставалось учителямъ и учительницамъ, которыхъ, послѣ извѣстнаго циркуляра, приглашавшаго къ охранѣ земскихъ школъ вѣрное дворянство,—здѣсь, за неимѣніемъ этого послѣдняго, управа сочла нужнымъ держать въ ежевыхъ рукавицахъ. Каждая сплетня служила поводомъ къ увольненіямъ, перемѣщеніямъ на худшее мѣсто и къ самой унизительной бранѣ въ присутствіи всѣхъ служащихъ, которые также позволяли себѣ и шуточки, и насмѣшки, и высокомѣрное обращеніе, и неприличныя вольности и поборы, если не прямо деньгами, то въ видѣ угощенія, разумѣется, съ женщинами, въ чемъ особенно отличался Мызниковъ. Молодыхъ дѣвушекъ не разъ доводили такимъ образомъ до слезъ, до истерики; такъ что идти въ управу за собственнымъ жалованьемъ сдѣлалось для нихъ чистымъ мученьемъ и онѣ старались или оттянуть эту печальную необходимость на нѣсколько мѣсяцевъ или поручали взять жалованье той изъ подругъ, которая побойчѣе, или же пользуется значеніемъ, состоитъ въ родствѣ съ кѣмъ-нибудь изъ начальства, какъ, напримѣръ, свояченица самаго Булгакова, или дочка священника Во-

бровскаго; аристократа въ средѣ здѣшняго духовенства, потому что къ этимъ дѣвушкамъ относились почтительно.

Конечно, наставники и наставницы и сами отчасти виноваты, что допускали грубое обращеніе съ собой; но примите во вниманіе, что большинство ихъ забиты семинаріей, искалѣчены бѣдностью, домашнимъ воспитаніемъ, запуганы всѣмъ строемъ общества, что, наконецъ, апелляція на управу невозможна, потому что инспекторъ состоитъ у нея же на службѣ; другія же инстанціи немыслимы для бѣдняка, и вы согласитесь, что, борьба для этихъ лицъ была невозможна. Протестовали только выходомъ изъ службы, и всѣ даровитые, свѣдующіе, любящіе свое дѣло учителя и учительницы мало по малу перебрались въ другіе уѣзды. При назначеніи же вновь, управа стала руководствоваться не способностью учителя къ занятіямъ, а разными посторонними соображеніямъ, какъ, напримѣръ, бѣдностью претендента, его желаніемъ не попасть въ солдаты, большимъ семействомъ, услугами, оказанными земству его отцомъ, умѣньемъ его угодить, поддѣлаться, наконецъ, даже неспособностью къ другаго рода дѣятельности, вслѣдствіе чего народное образованіе стало дѣломъ благотворительности, а не педагогіи. Такъ, помощника, Блинова, держатъ уже нѣсколько лѣтъ изъ-за того только, что никакой другой должности ему не дадутъ, потому что онъ слишкомъ уже «скорбенъ главою»; бывшему учителю приходскаго училища, Попову, дали мѣсто, чтобы онъ могъ избѣжать солдатчины, хотя это франтикъ и кутила; учителя Глазырина не увольняютъ потому, что иначе онъ совсѣмъ сопьется; дочь бывшаго служащаго управы, Гака, дѣвочку 13 лѣтъ сдѣлали помощницей потому, что отецъ ея умеръ на службѣ и оставилъ большое семейство; а когда наставница попробовала заявить, что ребенокъ - помощница для нея совершенно безпо-

лезна и просила назначить другую, то Булгаковъ раскричался и пригрозилъ выгнать наставницу, такъ какъ она «*суется, гдѣ ея не спрашиваютъ*»; наконецъ, недавно мѣсто помощницы дано было дѣвочкѣ 15 лѣтъ, Салтыковой, необладающей никакими педагогическими способностями, чтобы избавить ее отъ необходимости «жить въ прислугахъ», какъ выразился самъ Булгаковъ; словомъ, управа разыгрываетъ тутъ роль «благодѣтельницы». А до чего преслѣдуютъ облагодѣтельствованныхъ разными формальностями и канцелярскими порядками, видно изъ слѣдующихъ фактовъ: если бумага, присланная въ управу, названа «заявленіемъ», а не «прошеніемъ» или «отношеніемъ», какъ это требуется по какимъ-то тамъ правиламъ, то учителю дѣлаютъ выговоръ; наставника, написавшаго—«прошу»,вмѣсто—«честь имѣю покорнѣйше просить», грозятъ уволить. Какая-то весьма нужная бумага была прислана учителемъ въ земскую управу, вмѣсто училищнаго совѣта, такъ ее не передали туда, но препроводили обратно къ учителю за сотни верстъ, разумѣется, съ приличнымъ внушеніемъ!

Судите сами, возможно ли процвѣтаніе школы при такихъ порядкахъ или скорѣе «безпорядкахъ»; взвѣсьте все сказанное здѣсь относительно дѣятельности нашей земской управы, хотя это, можетъ быть, только ничтожная доля фактовъ, бо́льшая часть которыхъ остается неизвѣстной вслѣдствіе несчастной привычки «не выносить сора изъ избы», хотя бы его накопилось столько, что «самъ чортъ ногу сломитъ»,—и вы будете имѣть довольно вѣрное понятіе о нашемъ земскомъ самоуправленіи, что собственно и составляло цѣль автора этой правдивой лѣтописи.

XLV.

Какъ собирать свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣбовъ?

Наибольшую важность для земской статистики имѣютъ свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣбовъ за каждый годъ; но эти именно свѣдѣнія, въ настоящемъ ихъ видѣ, слѣдуетъ признать наименѣе удовлетворительными. Сознавая вполнѣ малую достовѣрность такихъ свѣдѣній, само земство не придавало и не придастъ имъ почти никакого значенія и собираетъ ихъ ежегодно главнымъ образомъ потому, что они требуются разными правительственными учрежденіями. Я нахожу нелишнимъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о способахъ собиранія статистическихъ свѣдѣній относительно посѣвовъ и урожаевъ, такъ какъ вопросъ этотъ разсматривался въ нашемъ губернскомъ собраніи. Поводомъ къ его обсужденію послужило ходатайство уржумскаго земства передъ губернскимъ о разработкѣ этого вопроса при помощи нашего статистическаго бюро. Уржумская земская управа, въ докладѣ своемъ о народномъ продовольствіи, представленномъ его уѣздному собранію очередной сессіи нынѣшняго года, высказала, между прочимъ, слѣдующія заключенія: «по мнѣнію управы, необходимо совершенно отказаться отъ собиранія черезъ волостныя правленія положительныхъ цифровыхъ свѣдѣній о пространствѣ озимыхъ и яровыхъ посѣвовъ, о количествѣ урожаевъ, о достаткѣ или недостаткѣ ихъ на мѣстное потребленіе, и тѣмъ болѣе о посѣвахъ и урожаяхъ льна, конопли, гречи и проч. Всѣ эти количества должны опредѣляться путемъ вычисленій, при-

чемъ только нѣкоторыя данныя, собранныя на мѣстахъ, должны служить, такъ сказать, масштабомъ для вычисленій. Эти мѣстныя данныя должны собираться съ научною точностію и по однообразной для всѣхъ уѣздовъ программѣ». По этимъ соображеніямъ, уѣздная управа просила уѣздное собраніе войти въ губернскую управу съ ходатайдтвомъ о томъ, чтобы въ состоящемъ при управѣ статистическомъ бюро была выработана подробная инструкція для уѣздныхъ управъ о порядкѣ составленія свѣдѣній о посѣвахъ и урожаяхъ. Уржумское собраніе постановило—предетавить губернскому земству такое ходатайство.

Въ настоящее время, по моему мнѣнію, не представляется возможности совершенно устранить или освободить волостныя правленія отъ доставленія земству свѣдѣній собственно о количествѣ посѣвовъ разнаго рода хлѣбовъ. Собирать эти свѣдѣнія, безъ участія волостныхъ и сельскихъ должностныхъ лицъ, невозможно, такъ какъ такой работы не въ состояніи выполнить въ цѣломъ два или три члена земской управы. Все, что вояможно возложить въ этомъ случаѣ на членовъ управы, слѣдуетъ отнести собственно къ повѣркѣ свѣдѣній, составляемыхъ волостными правленіями. Но въ настоящее время волостныя правленія вовсе не собираютъ свѣдѣній о количествахъ хлѣбныхъ посѣвовъ, а только списываютъ ихъ съ прежде составленныхъ свѣдѣній, по произволу нѣсколько измѣняя ихъ. Такъ какъ подобная ежегодная переписка устарѣвшихъ и, можетъ быть, никогда небывшихъ достаточно вѣрными, свѣдѣній о посѣвахъ продолжается уже въ каждомъ уѣздѣ болѣе или менѣе долгое время, то теперь было бы весьма полезно каждому уѣздному земству единовременно вновь собрать свѣдѣнія о посѣвахъ по каждой волости своего уѣзда. Пусть каждое волостное правленіе составитъ списокъ всѣхъ селеній своей воло-

сти съ показаніемъ, по каждому селенію, числа ревизскихъ душъ мужескаго пола и средняго размѣра, по крайней мѣрѣ, озимаго посѣва на ревизскую душу, т. е. на душевой участокъ пахатной земи въ каждомъ селеніи. Такъ какъ въ настоящее время неизвѣстно въ точности самимъ крестьянамъ количество десятинъ воздѣлываемой пахатной земли въ каждомъ полѣ ихъ селеній, то единственнымъ, довольно вѣрнымъ масштабомъ для опредѣленія количества посѣвовъ можетъ служить число душевыхъ надѣловъ земли и извѣстный крестьянамъ размѣръ посѣва на каждый такой надѣлъ. Относительно посѣвовъ овса также можно требовать въ спискахъ селеній обозначенія среднихъ размѣровъ этихъ посѣвовъ на душу, такъ какъ овесъ сѣютъ всѣ домохозяева. Относительно посѣвовъ ячменя и, по нѣкоторымъ мѣстностямъ, посѣвовъ гречихи, пшеницы или полбы можетъ быть указанъ, хотя приблизительно, средній размѣръ посѣвовъ на домохозяина, причемъ необходимо указывать, какая, приблизительно, часть домохозяевъ вовсе не дѣлаетъ такихъ посѣвовъ; количество посѣвовъ льна или конопли также возможно опредѣлять приблизительно по преобладающимъ въ каждой мѣстности или волости обыкновеннымъ среднимъ размѣрамъ этихъ посѣвовъ у каждаго домохозяина или у каждой женщины рабочаго возраста. По такой программѣ свѣдѣнія о всякаго рода посѣвахъ въ каждой волости уже необходимо будетъ каждому волостному правленію составить, на основаніи нарочно для того собранныхъ отзывовъ сельскихъ старостъ и сельскихъ сходовъ. А члены земскихъ управъ должны будутъ взять на себя трудъ, по возможности, провѣрить составленныя волостными правленіями свѣдѣнія тоже посредствомъ отобранія отзывовъ отъ сельскихъ старостъ и сельскихъ сходовъ. По указаннымъ въ спискахъ селеній среднимъ размѣрамъ разнаго рода посѣвовъ уже сами управы могутъ

вывести по каждой волости общее число пудовъ всякаго посѣва соотвѣтственно числу ревизскихъ душъ и домохозяевъ.

Предположеннымъ мною порядкомъ должны быть собираемы свѣдѣнія о посѣвахъ не въ каждый годъ, но ихъ необходимо собрать такимъ порядкомъ собственно въ видѣ опыта въ настоящее время, чтобы возможно было, хотя приблизительно, узнать, на сколько слѣдуетъ считать невѣрными и на сколько нужно исправить тѣ свѣдѣнія о посѣвахъ, которые имѣетъ земство теперь. Нынѣшнія свѣдѣнія уже потому и не заслуживаютъ вѣроятія, что они обыкновенно собираются не на мѣстахъ, въ волостяхъ и сельскихъ обществахъ, а только составляются чисто канцелярскимъ путемъ. Слѣдовательно, необходимо прежде всего дѣйствительно собрать отзывы о количествѣ посѣвовъ отъ самихъ жителей каждой данной мѣстности и уже на основаніи ихъ дѣлать общіе выводѣ о томъ, сколько въ какой мѣстности высѣвается разнаго рода хлѣбовъ. А такъ какъ крестьяне въ состояніи удовлетворительно отвѣчать относительно посѣвовъ только на одинъ вопросъ, велики ли у нихъ посѣвы на душу, то и возможно въ настоящее время опредѣлять посѣвы только по полученнымъ отвѣтамъ на этотъ именно вопросъ.

Что касается свѣдѣній о степени урожаевъ хлѣбовъ за каждый годъ и о количествѣ всякого рода именно хозяйственныхъ продуктовъ необходимыхъ на мѣстное потребленіе и могущихъ поступать въ продажу, то въ собираніи и составленіи этихъ свѣдѣній можно обойтись безъ участія волостныхъ правленій. Опредѣлять въ каждый годъ, по окончаніи жатвы хлѣбовъ, среднюю степень полученнаго урожая каждаго хлѣба во всякомъ случаѣ весьма трудно, но не слѣдуетъ обходить эту трудность такимъ путемъ, какъ теперь, т. е. требовать только опредѣленія степени урожаевъ отъ волостныхъ

правленій и полагаться вполнѣ на ихъ показанія. Мнѣ кажется, лучше было-бы въ каждомъ уѣздѣ свѣдѣнія объ урожаяхъ собирать управамъ черезъ своихъ членовъ и всѣхъ вообще извѣстныхъ управамъ лицъ изъ сельскаго населенія, заслуживающихъ уваженія и довѣрія. Управы и каждый членъ ихъ въ отдѣльности могутъ собрать очень много достовѣрныхъ отзывовъ о томъ, сколько въ бывшій урожай съ того или другого количества посѣва получено было овиновъ хлѣба и какой оказался высшій, средній и низшій умолотъ съ овина. Само собою разумѣется, свѣдѣнія объ урожаяхъ нужно собирать уже въ то время, когда урожаи вполнѣ выяснятся, т. е. тогда, когда значительная часть хлѣба новой жатвы будетъ обмолочена, неранѣе, напр., ноября мѣсяца. Если же и сохранить существующій порядокъ собиранія свѣдѣній объ урожаяхъ черезъ волостныя правленія, то, въ предупрежденіе со стороны ихъ совершенно вымышленныхъ показаній, нужно бы, по крайней мѣрѣ, измѣнить вопросы, которые въ данномъ случаѣ предложатся волостнымъ правленіямъ. Нынѣ волостныя правленія прямо показываютъ, сколько по ихъ мнѣнію, получено того или другаго хлѣба во всей волости, въ общей суммѣ, но достаточно было-бы, если бы они показывали, и ужь не на основаніи соображеній писаря, а по отзывамъ сельскихъ старостъ и другихъ крестьянъ, сколько съ извѣстнаго количества посѣвовъ на душевой надѣлъ получилось овиновъ урожая и какіе были лучшіе, средніе и худшіе умолоты съ овиновъ. Вообще я, на основаніи собственнаго опыта, склоняюсь къ тому мнѣнію, что и отъ волостныхъ правленій или сельскихъ старостъ можно получать довольно вѣрныя показанія о посѣвахъ и урожаяхъ, если не требовать отъ нихъ опредѣленія общихъ суммъ, а опредѣленія, возможно точнаго, тѣхъ среднихъ единицъ, на основаніи которыхъ можно уже вычислить и общія суммы по-

сѣвовъ или урожаевъ. Совершенно излишне требовать отъ волостныхъ правленій доставленія, за каждый притомъ годъ, свѣдѣній о томъ, сколько необходимо разнаго рода продовольственныхъ средствъ на мѣстное потребленіе въ каждой волости и сколько такихъ средствъ можетъ оставаться въ избыткѣ отъ того урожая, который былъ полученъ въ послѣднюю жатву. Такого рода свѣдѣнія вообще возможно составлять съ болѣе или менѣе приблизительною точностію только на основаніи тѣхъ среднихъ нормъ, какія на этотъ предметъ установлены въ статистикѣ. Эти, выработанныя статистикою, среднія нормы волостнымъ правленіямъ совершенно неизвѣстны, а потому, по меньшей мѣрѣ, совершенно безполезно заставлять ихъ дѣлать такія вычисленія, для какихъ они не имѣютъ въ виду никакого руководящаго начала.

XLVI.

Экстренное Яранское земское собраніе.

(*Письмо изъ Яранска*).

Экстренное собраніе далеко не было такъ шумно, какъ очередное. Во всемъ же остальномъ они мало отличались другъ отъ друга Г. Андреевъ также искусно сидѣлъ на предсѣдательскомъ креслѣ и также мастерски руководилъ преніями, обнаруживая глубокія познанія по всевозможнымъ земскимъ вопросамъ—въ особенности же по части печатанія бланокъ; г. Курбановскій по прежнему апеллировалъ противъ М. А. Молдавскаго, халатно заявляя, что врачъ, такой-то, все время «билъ баклуши»; а г. Молдавскій кассировалъ отдѣльное мнѣніе г.

Курбановскаго указаніемъ на то, что у его, апеллятора, «языкъ привѣшенъ не на мѣстѣ»; г. Касьяновъ, по настоянію *большинства*, такъ же добросовѣстно, какъ и прежде заносилъ всю эту арлекинаду въ журналъ, а тамъ гдѣ-то, неподалеку отъ Яранска, опять-таки по прежнему и съ прежней отеческой заботливостью, вычеркивали всѣ эти вензеля колыбельнаго остроумія. Однимъ словомъ всѣ и каждый неизмѣнно дѣлали свое дѣло, «всякое дыханіе», не мудрствуя лукаво, «хвалило» *своего* «господа».

Цѣль экстреннаго собранія состояла въ разсмотрѣніи протестовъ начальника губерніи на нѣкоторыя постановленія очереднаго. Сюда относились, между прочимъ, постановленія объ истребленіи волковъ при помощи отравы, о разсылкѣ жалованья учителямъ черезъ посредство волостныхъ старшинъ, пріѣзжающихъ въ городъ по дѣламъ службы, о преданіи лѣкаря Шнейдера суду (по собственному его желанію) безъ предварительнаго обсужденія этого вопроса врачебнымъ отдѣленіемъ, такъ какъ г. Шнейдеръ былъ утвержденъ въ должности земскаго врача министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и потому имѣетъ право пользоваться льготами по судебной отвѣтственности наравнѣ со всѣми другими служащими лицами. Такимъ же точно образомъ было опротестовано и постановленіе собранія объ изъявленіи благодарности нѣкоторымъ волостнымъ старшинамъ за успѣшное взысканіе ими земскихъ налоговъ.

Губернаторъ высказываетъ въ своемъ протестѣ, что земство не имѣетъ права объявлять благодарности лицамъ, состоящимъ на государственной службѣ, съ чѣмъ собраніе *постыдилось* согласиться, хотя не въ состояніи было хорошенько уяснить себѣ, почему несовмѣстно съ достоинствомъ *выборныхъ* лицъ принимать невещественныя благодарности отъ представителей всѣхъ сословій и въ тоже время непредосудительно для чиновъ поли-

ціи получать отъ земства *денежныя* субсидіи различныхъ наименованій, которыя, конечно, будутъ почище всякихъ изъявленій признательности. Быть можетъ, съ точки зрѣнія «строгой и неукоснительной формальности», мы въ чемъ нибудь и погрѣшаемъ; но намъ кажется, что если присяжные могутъ объявлять свою благодарность предсѣдателямъ судовъ, т. е. лицамъ состоящимъ на коронной службѣ; если гласные могутъ такимъ же образомъ оффиціально благодарить назначаемыхъ отъ правительства предсѣдателей земскихъ собраній (конечно, только не г. Свиду) и эти благодарности заносить въ протоколы, которые потомъ печатаются въ такъ называемыхъ «Журналахъ»; если, наконецъ, отдѣльныя сословія и общества могутъ посылать *благодарственные* адресы такимъ лицамъ, по отношенію къ которымъ они находятся въ подчиненномъ положеніи, то тѣмъ болѣе это было бы естественнымъ и, повидимому, непротивозаконнымъ для представителей *всѣхъ* сословій по отношенію къ низшимъ органамъ выборной полиціи. Такія благодарности тѣмъ болѣе естественны, что ихъ ни въ какомъ случаѣ нельзя заподозрить въ искусственности, тогда какъ относительно всѣхъ остальныхъ, перечисленныхъ нами благодарностей, практикуемыхъ чуть не на каждомъ шагу, этого далеко нельзя сказать. Да и вообще «въ настоящее время, когда...» область Щедрина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе расширяется, мы полагали, что, по крайней мѣрѣ, благодарить за благонамѣренныя дѣйствія и «почтительнѣйше» просить о чемъ либо не выходящемъ изъ круга, предначертаннаго закономъ для спокойныхъ обывателей, еще *пока* не воспрещается. Впрочемъ, нужно признаться, что о вопросахъ права могутъ говорить такъ категорически лишь одни юристы и, во всякомъ случаѣ, люди, болѣе насъ знакомые съ духомъ и буквою закона

Съ гораздо большей увѣренностью мы могли бы гово-

рить о подвижныхъ школахъ, открытіе которыхъ въ Яранскомъ уѣздѣ, по постановленію очереднаго собранія, также было опротестовано губернаторомъ; но этотъ вопросъ былъ уже достаточно подробно разобранъ въ «Недѣлѣ» (№№ 46—47 за 76 г.). Намъ остается только сказать, какъ отнеслось собраніе къ протесту начальника губерніи. Протестъ этотъ, вмѣстѣ съ приложеннымъ къ нему докладомъ управы и объяснительной запиской уполномоченнаго отъ управленія государственныхъ имуществъ, Э. Э. Валленбургера, разсматривался въ теченіе двухъ засѣданій: въ первомъ изъ нихъ—вечернемъ—читались бумаги; во второмъ—утреннемъ—происходили самыя пренія. Впрочемъ начались они еще съ вечера. Утромъ въ залу засѣданій прибылъ мѣстный исправникъ—вопросъ, видимо, представлялъ собой жгучій интересъ. По крайней мѣрѣ въ губерніи на него было обращено вниманіе. Да и неудивительно—тамъ находилась его колыбель, тамъ завязанъ былъ первый его узелъ. Еще въ 1871 году въ «Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» (№ 16) была помѣщена, по *иниціативѣ* бывшаго губернатора В. И. Чарыкова статья «О народномъ образованіи», въ которой, со словъ «Семьи и Школы», излагалось современное состояніе подвижныхъ школъ въ Швеціи и рекомендовалось земству уже отъ автора статьи (редактора «Вѣдомостей») завести такія же школы у насъ, такъ какъ, молъ, этого требуютъ экономическія и климатическія условія Вятской губерніи, во многомъ сходной по бѣдности и разбросанности населенія со многими округами Скандинавскаго полуострова. Magister dixit... Съ тѣхъ поръ много утекло воды и, въ поясненіе такой классической «утечки», мы можемъ только сказать опять-таки по латыни—sapienti sat! — что въ *вольномъ* переводѣ на русскій языкъ значитъ: «всякій Еремѣй про себя разумѣй». Интересъ остался прежній, но только пере-

мѣнилъ свой цвѣтъ изъ розоваго въ красный. Любопытно по этому знать, какъ отразилась на дѣлѣ такая сакраментальная перекраска. Неиспорченная натура простаго человѣка, зорко отличающая уродливыя огородныя пугала отъ страшныхъ привидѣній, за которыя выдаютъ ихъ дѣтямъ невѣжественныя няньки, не поддалась этой перекраскѣ: крестьяне, составлявшіе большинство собранія, всѣ, какъ одинъ, высказались за подтвержденіе своего первоначальнаго постановленія, за необходимость воспользоваться предоставленнымъ земству правомъ распространять грамотность въ народѣ всѣми зависящими отъ него средствами, хотя бы эти средства и не нравились тѣмъ или другимъ *лицамъ* и настояли на томъ, чтобъ дѣло о подвижныхъ школахъ, по несогласію собранія во взглядахъ на этотъ предметъ съ губернаторомъ, было перенесено въ Сенатъ, гдѣ и будетъ въ скоромъ времени разсматриваться этотъ важный для всего русскаго земства вопросъ въ первый разъ со времени открытія земскихъ учрежденій.

Но если крестьяне отнеслись такъ трезво къ затронувшему ихъ за живое проэкту г. Валленбургера, то, съ другой стороны, нашлись и люди, пытавшіеся стать поперегъ дороги этому благому начинанію. Впрочемъ, къ чести земства надо сказать, что всѣ они представляютъ чуждый, пришлый элементъ канцелярской интеллигенціи. Ихъ было четверо. Первымъ высказался противъ подвижныхъ школъ, конечно, *назначенный* на этотъ годъ предсѣдателемъ собранія, г. Андреевъ, хотя, безъ сомнѣнія, ему слѣдовало бы высказываться послѣднимъ (къ сожалѣнію, *назначаемые* предсѣдатели, по крайней мѣрѣ въ Вятской губерніи, почти никогда не исполняютъ этого важнаго правила). Ему слѣдовало бы высказываться послѣднимъ еще и потому, что онъ занимаетъ должность непремѣннаго члена мѣстнаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, по отношенію къ которому

волостные старшины не могутъ не чувствовать своей зависимости. И вотъ доказательство. Хотя г. Андреевъ высказывался противъ школъ не столько членораздѣльными звуками, сколько своимъ вѣсомъ, тѣмъ не менѣе за нимъ поднялся и г. Касьяновъ, кукарскій волостной старшина, тотъ самый, который въ засѣданіи 5 октября поддерживалъ г. Валленбургера. Мы, конечно, не утверждаемъ, чтобъ г. Касьяновъ былъ терроризованъ лишь однимъ предсѣдательскимъ вѣсомъ, такъ какъ, кромѣ Андреева, въ собраніи находился не менѣе вѣскій гласный, кукарскій мировой судья Курбановскій *) (попавшій въ земство изъ нѣдръ губернскаго правленія, гдѣ онъ десятки лѣтъ проходилъ свою почтенную карьеру), высказывавшійся такъ противъ подвижныхъ школъ, но, къ счастью, напоминавшій своей искусной діалектикой русскую поговорку: «охота смертная, да участь горькая». Желая порадѣть, но, въ тоже самое время, и не осрамиться, онъ сталъ увѣрять, что, молъ, конечно, подвижныя школы—вещь полезная, но для нихъ нельзя будетъ найти помѣщенія—никто изъ крестьянъ не дастъ своей избы подъ временную школу—и хотя всѣ гласные изъ крестьянъ утверждали, что, напротивъ, никто въ этомъ не откажетъ, а гласный М. А. Молдавскій объявилъ, что онъ беретъ на себя наемъ квартиръ подъ школы цѣлой волости, въ случаѣ если бы это оказалось затруднительнымъ, но г. Курбановскій продолжалъ твердить безъ всякаго смысла одну и туже пѣсню про «неудобнаго» бѣлаго бычка.

Четвертый противникъ подвижныхъ школъ также не связанъ никакими духовными интересами съ земствомъ—это лѣсничій г. Ярмоловичъ, участвовавшій въ собраніи

*) Попалъ онъ въ гласные не самостоятельно, а по довѣренности городскаго головы, г. Бѣляева (не можемъ поздравить почтеннаго довѣрителя съ его выборомъ).

по службѣ и обладающій такой сильной логикой, въ которой можетъ провалиться не только подвижная школа, но и весь британскій музей безслѣдно. Поэтому о доводахъ его мы и не будемъ говорить, опасаясь погибнуть въ водоворотѣ его непобѣдимой аргументаціи.

Кромѣ обсужденія губернаторскихъ протестовъ, на экстренномъ собраніи разсматривалось нѣсколько постороннихъ вопросовъ, изъ которыхъ «наиболѣе интересовали *публику*» — если только публикой можно назвать двухъ изображавшихъ ее слушателей (sic transit gloria mundi!)—докладъ управы о врачахъ и коллективное прошеніе сельскихъ наставниковъ объ открытіи учительской библіотеки.

Еще три года тому назадъ собраніе постановило открыть такую библіотеку и ассигновало на нее 300 р. съ тѣмъ, чтобы потомъ ежегодно отпускать на ея пополненіе по 100 р. Но управа почему-то не хотѣла приводить въ исполненіе это постановленіе, не смотря на то, что содержательница городской библіотеки А. С. Филимонова тогда же предлагала безвозмездно свои услуги земству и даже обязалась (также безъ всякаго вознагражденія) выдавать учителямъ для чтенія не только земскія книги, но и свои, которыхъ по каталогу у ней насчитывается до 1,000 названій. Признаемся, дѣло это довольно *некрасивое* и стоило бы самаго подробнаго разслѣдованія. Нужды нѣтъ, что теперь, на основаніи *новаго* постановленія, библіотека будетъ открыта и притомъ въ видѣ отдѣла при существующей уже библіотекѣ г-жи Филимоновой (поступить иначе было бы не только не разсчетливо, но и неблагоразумно)—всетаки вопросъ о произволѣ исполнительнаго органа земства и о возмутительномъ равнодушіи прежней управы къ самымъ насущнымъ нуждамъ народныхъ учителей, какъ педагоговъ, остается открытымъ.

Послѣ вопроса о подвижныхъ школахъ, самымъ важнымъ изъ подлежавшихъ рѣшенію экстреннаго собранія былъ, безъ сомнѣнія, вопросъ объ эпидемическомъ врачѣ. Нужно отдать справедливость г. Шнейдеру относительно его медицинскаго доклада очередному собранію. Необходимость и польза санитарной медицины для народнаго здоровья въ немъ была выяснена весьма наглядно. Но земство до сихъ поръ еще недостаточно хорошо усвоило себѣ эту истину, не только въ уѣздахъ, но даже въ «губерніяхъ». Вотъ почему и яранское собраніе не такъ горячо отнеслось къ предложенію своего медицинскаго совѣта, какъ это было бы желательно въ данномъ случаѣ: ему, какъ и многимъ другимъ, недостаетъ современно развитыхъ людей. Оно не «отклонило» предложенія, но и не дало средствъ къ практическому его выполненію, назначивши эпидемическому врачу ту же годовую плату, какъ и участковому (1500 р.). Понятно, что такое содержаніе не можетъ служить приманкой для сколько нибудь дѣльнаго спеціалиста. На эту именно сторону дѣла, и было обращено вниманіе г. Борджженецкимъ, только что пріѣхавшимъ изъ Малороссіи уѣзднымъ врачемъ. Вмѣсто того, чтобы защищать передъ собраніемъ, въ качествѣ эксперта, преимущества санитарной медицины передъ терапевтической, и добиваться увеличенія ассигновки на жалованье эпидемисту, г. Борджженецкій явился самымъ отсталымъ рутинеромъ, сводя общественную гигіену къ кабинетнымъ *теоріямъ*»... Тутъ мы невольно пожалѣли о г. Шнейдерѣ... Но въ потьмахъ и гнилушка свѣтитъ: поле дѣйствія осталось за практикомъ, и постановленію объ эпидемическомъ врачѣ данъ красный билетъ. Свою практичность г. Борджженецкій доказалъ въ томъ же засѣданіи, согласившись исполнять временно должность земскаго участковаго врача (т. е. дѣлать два дѣла) и обусловивши передачу этой должности *только* врачу,

рекомендованному московской врачебной общиной... Расчетъ его былъ основанъ на томъ, что онъ *самъ* членъ этой общины. Какъ только это раскрылось, ему выдали такую же чистую отставку, какъ и провалившемуся по его милости эпидемисту. Какъ аукнется, такъ и откликнется...

Собраніе кончилось выборами 3-го члена управы взамѣнъ Кожевникова, отказавшагося, вслѣдствіе протеста губернатора, отъ своей «кандидатуры». На его мѣсто былъ избранъ большинствомъ *одного* голоса, одинъ изъ уполномоченныхъ отъ управленія государственныхъ имуществъ. Это уже третій лѣсничій, протискивающійся въ земскіе воротилы. Первымъ подалъ примѣръ г. Веденскій (въ Уржумѣ), за нимъ г. Львовскій (въ Малмыжѣ) и, наконецъ, г. Боссе, въ Яранскѣ. Не знаемъ, къ чему приведетъ это постепенное внѣдреніе пришлаго служилаго элемента въ земское тѣло, если оно акклиматизируется въ Вятской губерніи и изъ случайнаго явленія превратится въ хроническое. Правда, наше теперешнее представительство бѣдно «людьми»; но и лѣсное вѣдомство не особенно ими богато... Скажемъ болѣе. Вѣдомство это не изъ такихъ, которое бы пользовалось особенно завидной репутаціей и потому относительно вербовки изъ него земскихъ людей сдва-ли можетъ представлять собой урну изобилія. Старыя традиціи продолжаютъ въ немъ жить еще довольно прочно и мы по временамъ бываемъ свидѣтелями такихъ живыхъ «картинокъ съ натуры» на подмостокъ судебной сцены, какія желательно было бы сдать окончательно въ дореформенный архивъ. Конечно, спорадически разсѣянно являются и тамъ свѣтлыя личности вродѣ Валленбургера или Миштовта, но ихъ можно было бы пересчитать по пальцамъ. Вообще же, чего можетъ ожидать земство отъ лѣсничихъ—всего лучше показали въ послѣднемъ губернскомъ собраніи г. Муравь-

евъ и его alter ego Свида *). Рутина, формализмъ, подкрашенный обрывками красивой фразы и крытый подъ орѣхъ *показнаго* апломба съ густой закваской самой узкой корпоративности—вотъ характеристическія качества, какими отличались и отличаются эти избранные стражи лѣсныхъ интересовъ.

О дѣятельности Веденскаго мы подробно будемъ говорить въ будущемъ выпускѣ «Вятской Незабудки». Что же касается до г. Боссе, то мы пожелали ему менѣе «радѣть родному человѣку», а то, рекомендуя на вакантное мѣсто земскаго врача своего знакомаго г. Петрова (прославившагося громкимъ процессомъ по обвиненію его въ злоупотребленіяхъ по рекрутскому набору **) и упрекая въ тоже время прежняго предсѣдателя яранской земской управы, Коробова, въ покровительствѣ своимъ родственникамъ, онъ рискуетъ превратиться въ краснорѣчивую иллюстрацію къ приговору одного воинственнаго олимпійца надъ приказными, поражавшими его даму своей несвѣтскостью: «Vous avez raison, madame—развязно отвѣчалъ воитель черноокій—они такіе-сякіе (слѣдуетъ непечатное слово), ужасные mauvais genre».

XLVII.

Подвижныя школы и обязательное обученіе

(*Приложеніе къ предыдущему письму*).

Мы находимся наканунѣ разрѣшенія вопроса о введеніи обязательнаго обученія въ народныхъ школахъ. Въ

*) См. „Не позволямъ!“

**) См. „Старые порядки передъ новымъ судомъ“.

настоящее время вопросъ этотъ поднимается уже не печатью, не литературой, не обществомъ и даже не земствомъ, а самимъ правительствомъ, которое на дняхъ чрезъ директоровъ и инспекторовъ разослало всѣмъ членамъ училищныхъ совѣтовъ отъ министерства народнаго просвѣщенія брошюру въ 20 страницъ подъ заглавіемъ: «Вопросы по поводу предположенія о введеніи обязательнаго обученія въ начальныхъ училищахъ». Всѣхъ вопросовъ, по которымъ учебная администрація желаетъ получить отвѣты отъ своихъ представителей школьнаго дѣла, 34. Каждый изъ нихъ сопровождается болѣе или менѣе обстоятельными разъясненіями. Имѣя одну изъ такихъ брошюръ въ своихъ рукахъ, я считаю не лишнимъ, съ одной стороны, показать собранію полное соотвѣтствіе моего проекта съ намѣреніями правительства, и съ другой — выяснить ту связь, въ какой вопросъ о подвижныхъ школахъ, по неотразимой силѣ вещей, долженъ находиться съ вопросомъ объ обязательномъ обученіи въ Россіи.

Изъ 29 пункта «Вопросовъ» видно, что правительство не только желаетъ сдѣлать обученіе обязательнымъ, но и стремится, чтобъ крестьяне внутренно сознавали пользу обученія дѣтей. Вотъ почему оно спрашиваетъ: «какія мѣры могутъ быть приняты для разъясненія народу пользы обязательнаго обученія?» причемъ въ разъясненіяхъ къ этому пункту замѣчаетъ: «особенно слѣдовало бы обратить вниманіе на вопросъ о томъ, въ какой мѣрѣ православное сельское духовенство можетъ принять участіе въ объясненіи крестьянамъ пользы посѣщенія школы»? Не отрицая цѣлесообразности этого участія, мы однако же смѣло утверждаемъ, что однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ убѣжденію крестьянъ въ пользѣ разумнаго обученія будетъ, безъ сомнѣнія, самое *дѣло*, съ которымъ не въ состояніи конкурировать никакія *слова*. Такимъ именно фактическимъ

аргументомъ и должны являться въ глазахъ крестьянъ подвижныя школы: крестьянинъ, какъ мы уже говорили, тогда только сочувственно и активно относится къ новому для него дѣлу, когда успѣетъ убѣдиться на опытѣ въ успѣшности его хода. А что же можетъ быть для него убѣдительнѣе и нагляднѣе успѣшности занятій его сына съ переѣзднымъ наставникомъ? Опытъ другихъ странъ показываетъ, что подвижныя школы магически дѣйствуютъ на ростъ постоянныхъ. Такъ, напримѣръ, въ Норвегіи, гдѣ теперь 2.350 подвижныхъ школъ и 4,000 постоянныхъ, въ теченіе 26 лѣтъ, на мѣсто 4,788 подвижныхъ школъ, явились 3,777 постоянныхъ. Тоже самое будетъ и у насъ: подвижныя школы сдѣлаются самыми дѣйствительными, самими неутомимыми жизнебудителями постоянныхъ училищъ и самой лучшей поддержкой правительства въ его благихъ намѣреніяхъ относительно распространенія элементарнаго образованія въ народныхъ массахъ.

Намѣреваясь ввести въ Россіи обязательное обученіе, правительство желаетъ, чтобъ крестьяне, по выходѣ изъ школы, не забывали пріобрѣтенныхъ въ ней свѣдѣній. Поэтому въ пунктѣ 18-мъ министерскихъ «Вопросовъ» оно спрашиваетъ: «не слѣдуетъ ли, при введеніи обязательнаго обученія, принять какія либо мѣры для того, чтобы дѣти, кончившія курсъ въ школѣ, не забыли пріобрѣтенныхъ знаній?» и затѣмъ въ разъясненіяхъ къ этому вопросу замѣчаетъ: «было бы въ высшей степени желательно изыскать какія либо мѣры для того, чтобы бывшіе ученики школы могли, отъ времени до времени, снова быть упражняемы въ чтеніи, письмѣ, счетѣ и проч.». Понятно безъ объясненія, какую громадную услугу могли бы оказать въ этомъ случаѣ переѣздные наставники, т. е. учителя подвижныхъ школъ!

Правительство наше желаетъ, чтобъ введеніе обязательнаго обученія, по возможности, менѣе стѣсняло ра-

бочій людъ. Это прямо слѣдуетъ изъ 21-го вопроса, который формулированъ въ слѣдующихъ словахъ: «такъ какъ помощь дѣтей при домашнихъ работахъ во многихъ случаяхъ необходима родителямъ, особенно среди сельскаго населенія, то какія мѣры можно принять для того, чтобъ не лишать совершенно родителей этой помощи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать дѣтямъ возможность получить необходимое общее образованіе»? Въ разъясненіи же къ этому вопросу говорится, что, въ ряду такихъ мѣръ, можетъ быть, между прочимъ, уменьшеніе срока обязательнаго обученія. Но проектируемыя нами подвижныя школы именно къ этому и стремятся—дать возможность дѣтямъ, неимѣющимъ средствъ къ образованію, по бѣдности или отдаленности отъ постоянной школы, получить хотя минимумъ знаній, сводящихся къ элементарной грамотности. Подвижныя школы отвѣчаютъ на данный вопросъ непоколебимымъ положеніемъ: «лучше что нибудь, чѣмъ ничего». Понятно, что такое рѣшеніе основательнѣе и разумнѣе, чѣмъ «все или ничего».

Намъ могутъ замѣтить, что рекомендуемый нами 3 мѣсячный срокъ обученія въ подвижныхъ школахъ черезчуръ непродолжителемъ, чтобъ отъ него можно было ожидать какой нибудь осязательной пользы, что въ сущности это тоже «ничего», но подъ бумажнымъ соусомъ праздныхъ фразъ. На это мы отвѣтимъ, что 3-хъ мѣсячный срокъ взятъ нами не съ вѣтра и не измышленъ нашей фантазіей, а основанъ на указаніяхъ долгаго учебнаго опыта. Такъ, напримѣръ, въ Швеціи и Норвегіи, стоящихъ по народному образованію во главѣ европейскихъ государствъ, гдѣ въ настоящее время 3,550 подвижныхъ школъ съ 360,000 учащихся въ нихъ, законный минимумъ обученія равняется 12-ти, 9-ти и даже 7-ми недѣлямъ въ году, причемъ $^1/_5$ дѣтей не высиживаетъ въ школѣ и этого короткаго срока. Обученіе сверхъ этого минимума предоставляется волѣ родителей. На

вопросъ о пользѣ подвижныхъ школъ мы также отвѣтимъ фактами. Особенный толчекъ народное образованіе въ Швеціи получило въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Съ 1845 до 1864 года большинство дѣтей этой страны обучалось въ подвижныхъ школахъ, да и теперь въ нихъ учится немного менѣе $^1/_2$ всѣхъ дѣтей, а именно 44 проц. Какіе же результаты дало такое, повидимому, скудное обученіе за упомянутый нами періодъ времени? Тюремному заключенію въ Швеціи въ 1845 году подвергался 1 изъ 214 жителей, въ 1864-мъ же году— изъ 342; прелюбодѣяній въ 1845 г. было 150, въ 1864-мъ же—67; убійствъ въ 1845 г.—150, въ 1864 г.—23: оскорбленій въ 1847 г.—1600, въ 1864 г.—650; случаевъ воровства въ 1845 г.—5000, въ 1864 г.—3300; грабежей съ убійствомъ въ 1845 г.—20, въ 1864 г.—7. Количество выпитой водки уменьшилось на 400 милліоновъ кружекъ въ годъ; число всѣхъ обвинительныхъ приговоровъ съ 30,000 въ годъ понизилось до 20,000. Вообще же въ 1845 году подвергался наказанію 1 изъ 104, а въ 1864-мъ—1 изъ 190, т. е. почти вдвое меньше. И это еще тогда, когда населеніе возросло на 25 проц. или на $^1/_4$ противъ 1845 года!

Задумывая ввести въ Россіи обязательное обученіе, правительство наше сознаетъ, какъ трудно разомъ поднять число школъ до того количества, которое дѣлало бы возможнымъ эту обязательность. Всего яснѣе это выражается въ 10-мъ вопросѣ министерства: «возможно ли, не увеличивая числа школъ, увеличить число учащихся въ данной мѣстности какими нибудь палліативными мѣрами?» Мы отвѣтимъ на это, ни минуты не колеблясь: «да, возможно; но единственнымъ практическимъ и вездѣ примѣнимымъ средствомъ для этого можетъ служить лишь одна подвижная школа». Въ сущности, это—не школа, въ которую идутъ дѣти, а—учитель, идущій

къ дѣтямъ; это, по выраженію русской пословицы—«хлѣбъ, идущій за брюхомъ», потому что она сосредоточивается въ одномъ лицѣ переѣзднаго наставника. Только этимъ путемъ и можно, не увеличивая числа школъ, повысить число учениковъ въ любой мѣстности. Что же касается до мѣръ, перечисляемыхъ въ разъясненіи къ данному вопросу, то однѣ изъ нихъ, какъ напримѣръ, воскресныя школы, чрезчуръ уже палліативны, другія же могутъ найти самое ограниченное приложеніе на практикѣ. Такъ, напримѣръ, раздѣленіе учащихся на двѣ очереди—дообѣденную и послѣобѣденную—возможно лишь въ городахъ; въ мѣстностяхъ же съ рѣдкимъ населеніемъ, въ которыхъ числится, по однимъ только чисто-русскимъ губерніямъ Европейской Россіи, 15 слишкомъ милліоновъ жителей или исключая городское населеніе—12 $^1/_2$ милліоновъ, это—рѣшительно немыслимая вещь: при 2-хъ-верстномъ районѣ школъ, въ нихъ не только нельзя ожидать двухъ очередей, но едва-ли наберется и одна, если вмѣстѣ съ министерствомъ считать за среднее число учащихся въ школѣ 40—50 человѣкъ. Затѣмъ остальныя двѣ мѣры неосуществимы по условіямъ даннаго времени или вѣрнѣе по недостатку учителей.

Чтобъ показать, въ какой связи съ подвижными школами находится и долженъ находиться вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ начальныхъ училищахъ, необходимо обратиться къ 4 и 6 пунктамъ министерскихъ «вопросовъ». Вотъ, вкратцѣ, ихъ содержаніе. Въ 4 пунктѣ министерство проситъ отвѣтить ему, сколько среди большаго числа нынѣ преподающихъ народныхъ учителей слѣдуетъ считать на столько опытными, что они могутъ успѣшно заниматься съ классомъ въ 40—50 учениковъ и при этомъ поясняетъ, что заставлять учениковъ посѣщать школу въ мѣстности, гдѣ учитель не можетъ справиться съ большимъ

количествомъ учениковъ, было бы по меньшей мѣрѣ безполезно. Здѣсь же оно говоритъ о «великой нуждѣ въ учителяхъ». 6-й вопросъ заключается въ опредѣленіи наибольшаго района школы, а въ разъясненіи къ нему сообщается, что «во многихъ мѣстностяхъ у насъ существуетъ правило, въ силу котораго дѣти должны ходить въ школу, если она не далѣе 2-хъ верстъ отъ ихъ мѣстожительства». «Это разстояніе, прибавляетъ составитель вопросовъ, принято за норму во многихъ предположеніяхъ о введеніи обязательнаго обученія, представленныхъ различными земствами» и затѣмъ предлагаетъ отвѣтить, возможно ли такое правило сдѣлать общимъ?

Сопоставляя эти вопросы въ совокупности съ приложенными къ нимъ разъясненіями, мы должны придти къ слѣдующимъ неоспоримымъ заключеніямъ:

1) Нормой постоянныхъ начальныхъ училищъ правительство признаетъ народныя школы съ числомъ учениковъ отъ 40 до 50 человѣкъ.

2) Оно признаетъ крайній недостатокъ въ учителяхъ, хорошо подготовленныхъ къ школьному дѣлу.

3) Желая облегчить населеніе, министерство принимаетъ за крайній предѣлъ обязательнаго района школъ двухъ-верстное разстояніе отъ ихъ селеній.

4) Высшая учебная администрація предполагаетъ введеніе обязательнаго обученія сдѣлать постепеннымъ.

Теперь посмотримъ, возможно ли при этихъ данныхъ введеніе обязательнаго обученія въ Яранскомъ уѣздѣ. Число дѣтей школьнаго возраста у насъ равняется 40,000. При 2-хъ верстномъ районѣ каждая школа обнимаетъ собою площадь, равную 12 квадр. верстамъ. Вся площадь Яранскаго уѣзда равняется 12,000 квадр. верстъ. Такимъ образомъ школъ съ предполагаемымъ обязательнымъ райономъ у насъ должно быть 1000; но тутъ прежде всего мы встрѣтились бы съ крайнимъ недо-

статкомъ въ хорошо подготовленныхъ учителяхъ. Затѣмъ содержаніе благоустроенной постоянной школы, по исчисленію г. министра народнаго просвѣщенія, приведенному въ его отчетѣ за 1873 годъ, обходится 500 руб., или по 10 руб. на ученика (яранское земство тратитъ даже болѣе, а именно по 16 руб.). Значитъ, училищный бюджетъ Яранскаго уѣзда долженъ былъ бы доходить до $^1/_2$ милліона руб., что понятно, не по силамъ не только для земства, но даже и для государства.

Допустимъ однако же, что деньги найдены, учителя выросли изъ земли и посмотримъ, устраняются ли чрезъ это всѣ препятствія къ введенію обязательнаго обученія въ 1000 школахъ Яранскаго уѣзда съ обезпеченнымъ содержаніемъ. Въ Яранскомъ уѣздѣ на 1 квадр. версту приходится среднимъ числомъ $1^1/_2$ селенія и $22^1/_2$ жителя. Слѣдовательно, на 12-верстной площади школьнаго района живетъ 270 человѣкъ, которые могутъ посылать въ школу не болѣе 38 мальчиковъ и дѣвочекъ. Такимъ образомъ внѣ района школъ остается 12,000 дѣтей или около $^1/_3$ общаго числа. Для того чтобъ всѣ они могли ходить въ школу, необходимо было бы приписать къ одному училищу площадь въ 55 квадратныхъ верстъ; но тогда препятствіемъ къ введенію обязательности обученія представилась бы дальность разстояній. Отсюда ясно, что мы попадемъ въ заколдованный кругъ: «хвостъ вылѣзъ — носъ завязъ; носъ вылѣзъ—хвостъ завязъ» и т. д. до безконечности. Единственный выходъ изъ этого на первый взглядъ безвыходнаго противорѣчія мы находимъ лишь во всеобщей подвижной школѣ, существующей совмѣстно съ постоянной. Дѣйствительно, обязательное обученіе, вслѣдствіе крайней бѣдности населенія, можетъ вводиться у насъ только «постепенно». Но эта постепенность должна состоять не въ томъ, чтобъ одни получали *полное* элементарное образованіе, а другіе *никакаго* и число первыхъ постепенно возра-

стало бы, а число послѣднихъ убывало; но въ томъ, чтобъ всѣ безъ исключенія получали минимумъ школьныхъ знаній, а число получающихъ полное элементарное образованіе съ каждымъ годомъ росло болѣе и болѣе. Грамотность должна быть *общимъ* достояніемъ... Такая постепенность и составляетъ цѣль нашего правительства; но достигнуть ее, безъ помощи подвижныхъ школъ, рѣшительно невозможно не только для Яранскаго уѣзда, но для цѣлой громадной полосы Россіи, состоящей, по крайней мѣрѣ, изъ слѣдующихъ 12 губерній съ мелкими поселеніями: Псковской, Олонецкой, Вологодской, Костромской, Архангельской, Ярославской, Новгородской, Смоленской, Петербургской, Тверской, Владимірской и Вятской. Въ нихъ на одно селеніе приходится среднимъ числомъ отъ 7 до 28 дворовъ, съ числомъ ревизскихъ душъ отъ 21 до 76.

Скажемъ болѣе. Не только въ перечисленныхъ нами мѣстностяхъ, но и во всей Европейской Россіи введеніе обязательнаго обученія не можетъ быть поставлено сколько нибудь прочно безъ подвижныхъ школъ. Въ самомъ дѣлѣ, число дѣтей школьнаго возраста въ земской части Имперіи доходитъ до 4-хъ слишкомъ милліоновъ, для обученія которыхъ въ постоянной школѣ пришлось бы расходовать ежегодно около 34 милліоновъ рублей. Такъ какъ изъ министерскихъ «вопросовъ» видно, что правительство думаетъ возложить большую часть расходовъ по народному образованію на мѣстное населеніе, то не трудно предвидѣть размѣръ той постепенности, какая выпадетъ на долю обязательнаго обученія.

Чтобъ имѣть понятіе о размѣрахъ нашей народной бѣдности, достаточно указать на слѣдующія цифры. По свѣдѣніямъ о выкупной операціи, крестьяне только въ весьма немногихъ губерніяхъ и притомъ по большей части съ плохою почвою имѣютъ по $4^1/_2$ десятины на

ревизскую душу. Въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ Архангельской, на каждаго жителя приходится 1/4 десятины, въ Воронежской — около 2-хъ, а во многихъ мѣстностяхъ на югѣ Россіи около одной десятины на душу (Грицько — «Крестьянская реформа»). При такомъ недостаткѣ земли и количество скота въ земской Россіи крайне ничтожно. Такъ, въ Олонецкой губерніи приходится одна овца на 3 жителей, въ Новгородской—на 4, въ Московской—на 6, въ Петербургской— на 20. Одна лошадь приходится въ Полтавской губерніи на 10 человѣкъ, въ Харьковской (въ Волчанскомъ уѣздѣ) — на 15, въ Кіевской (въ Черкасскомъ уѣздѣ)—на 20 и т. д. *). При такой бѣдности, крестьяне земскихъ губерній платятъ съ десятины среднимъ числомъ 1 р. 64 к., или, какъ доказываетъ извѣстный изслѣдователь народнаго хозяйства кн. Васильчиковъ («Вѣстникъ Европы», № 9-й, ст. 335), на 1 копѣйку болѣе, чѣмъ получаютъ сами дохода съ этой средней десятины. О бѣдности Вятской губерніи, въ частности, я не буду распространяться. Достаточно сказать, что она крестьянская и что въ то время, какъ въ Россіи вообще умираетъ ежегодно 1 изъ 27, у насъ въ губерніи умираетъ 1 изъ 22, а въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, какъ напримѣръ, въ Орловскомъ и Вятскомъ, 1 изъ 20 (Блиновъ—Оспенная эпидемія). Многіе изъ васъ, по всей вѣроятности, знакомы съ экономическими изслѣдованіями Заволжскаго и Романова. Поэтому я и оставлю ихъ въ сторонѣ. Но вотъ что, напримѣръ, пишетъ г. Латкинъ въ 10 № «Древней и Новой Россіи» за нынѣшній годъ о нашей бѣдности: «въ Котельническомъ уѣздѣ жители *перерубаютъ избы изъ старыхъ* до 3-хъ разъ; размѣры избы такимъ образомъ уменьшаются съ каж-

*) «Статистическій Временникъ», серія II, выпускъ 9-й, отдѣлъ III-й.

дымъ разомъ и, въ концѣ концовъ, доходятъ чуть не до величины телячьей стойки *).

При такомъ стѣсненномъ положеніи народа, ожидать, чтобъ онъ могъ вынести на своихъ плечахъ еще 85,000 дорого стоющихъ постоянныхъ школъ, по меньшей мѣрѣ, напрасно. Поэтому повторяемъ еще разъ, что сама жизнь требуетъ въ Россіи заведенія подвижныхъ школъ, сама жизнь указываетъ, что безъ этого повсемѣстнаго подспорья элементарное обученіе у насъ должно превратиться изъ обязательнаго въ полуобязательное, въ $^1/_4$ обязательное и даже еще менѣе; однимъ словомъ—выродиться въ какой-то регламентъ, гдѣ будетъ болѣе исключеній, чѣмъ правилъ.

Въ Швеціи и Норвегіи подвижныя школы существуютъ болѣе 150 лѣтъ и до сихъ поръ роль ихъ не кончена. Г. Заннини говоритъ, что онѣ должны просуществовать еще болѣе полустолѣтія. Но мы далеко не достигли той фазы умственнаго и экономическаго развитія, на какой стоятъ Шведы и не намъ отказываться отъ выработаннаго ими учрежденія, оказавшаго неисчислимыя услуги ихъ странѣ. Всѣ условія къ ихъ процвѣтанію у насъ на лицо. Въ самомъ дѣлѣ, что вызвало подвижную школу въ Швеціи и Норвегіи? Суровость климата, продолжительность осени и зимы, недостатокъ хорошихъ путей сообщенія, разбросанность и мелкость поселеній и, наконецъ, бѣдность. Всѣми этими благами Россія богата не менѣе своихъ скандинавскихъ сосѣдокъ. Но одинаковыя условія должны разрѣшаться и одинаковыми послѣдствіями. Вотъ почему Лавлей, авторъ извѣстнаго сочиненія о народномъ образованіи во всѣхъ государствахъ, сопоставляя между собою историческія, экономическія и климатическія данныя нашего отечества съ тѣми же данными двухъ сѣверныхъ государствъ, кате-

*) «Старая и Новая Россія», 1876 года, № 10, стр. 150.

горически заявляетъ, что Россія въ своемъ дальнѣйшемъ движеніи по пути распространенія народнаго образованія ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять себѣ за образецъ Пруссію, но должна во чтобы-то ни стало подражать Швеціи, т. е. рекомендуетъ ей тоже, что и мы, а именно—не исключительно одну только постоянную школу, но разумную комбинацію изъ постоянной и подвижной, которыя, поддерживая другъ друга, дали-бы возможность немедленно приступить къ общему введенію обязательнаго обученія безъ обремененія народа.

Мы душевно жалѣемъ, что обстоятельства не дозволяютъ намъ подробно развить здѣсь примѣрный планъ введенія обязательнаго обученія, основанный на указанныхъ нами началахъ. Замѣтимъ только, что въ Яранскомъ уѣздѣ для этого понадобилось бы 200 постоянныхъ школъ и 80 переѣздныхъ учителей. То и другое, при посильной помощи государства, возможно было бы создать въ теченіе 10 лѣтъ. Что касается до приготовленія учителей въ подвижныя школы, то они могли бы выходить изъ нормальнаго училища съ 3-хъ лѣтнимъ курсомъ, куда поступали бы изъ всѣхъ постоянныхъ школъ первые по успѣхамъ ученики. Само правительство, въ разъясненіи къ 4 пункту министерскихъ «Вопросовъ», говоритъ, что «при великой нуждѣ въ учителяхъ должно считать сноснымъ всякаго преподавателя, который можетъ научить дѣтей правильно писать, читать и считать».

Резюмируя все вышеизложенное, я предлагаю на обсужденіе земскаго собранія 3 слѣдующихъ положенія:

1) Подвижныя школы, какъ образовательныя учрежденія, вполнѣ отвѣчаютъ намѣреніямъ и цѣлямъ правительства, выраженнымъ въ министерскихъ «Вопросахъ», такъ какъ школы эти значительно облегчаютъ введеніе обязательнаго обученія чтенію, письму и счету.

2) Признавая ихъ такими и находя, что учрежденіе

ихъ нисколько не противозаконно, собраніе не только не можетъ отмѣнить своего первоначальнаго постановленія по этому предмету, но даже желало бы, чтобъ оно послужило примѣромъ для другихъ земствъ.

и 3) Яранское земское собраніе открытіемъ подвижныхъ школъ желаетъ не только, по возможности, болѣе распространить грамотность въ мѣстномъ населеніи, но и облегчить для правительства наблюденіе надъ тѣмъ типомъ начальнаго училища, который рано или поздно сдѣлается господствующимъ въ нашемъ сѣверномъ краѣ.

Э. Валленбургеръ.

XLVIII.

Педагогъ-сыщикъ.

Что провинція, вообще говоря, не любитъ гласности, враждебно относится къ ней — дѣло давно извѣстное. Лучшимъ доказательствомъ тому служитъ слѣдующій фактъ. Въ № 17-мъ «Русскаго Обозрѣнія», за прошлый годъ, въ «хроникѣ», помѣщена была замѣтка о Вятской земской сельско-хозяйственной учительской семинаріи. Въ замѣткѣ этой выражено было полное сочувствіе къ цѣли этой семинаріи и приэтомъ указано было, что, по какимъ-то непонятнымъ обстоятельствамъ, семинарія встрѣчаетъ довольно странныя и загадочныя препятствія къ осуществленію цѣли, вполнѣ разумно принятой земствомъ при учрежденіи семинаріи; что семинарія, имѣя уставъ de jure (утвержденный на 9 лѣтъ, считая съ 1871 г.), de facto не пользуется имъ: уставъ нарушается всѣми, причастными училищу, во всѣхъ частяхъ и на каждомъ шагу. Нарушеніе это дошло, наконецъ, до того, что въ минувшемъ году долженъ былъ

быть первый выпускъ изъ училища, а большинству выходящихъ учениковъ не дали даже того экзамена и тѣхъ правъ, какія приличествуютъ имъ по уставу училища. Нужно замѣтить, что замѣтка о семинаріи строго основана была на оффиціальныхъ земскихъ документахъ «журналахъ засѣданій вятскаго губернскаго земства» и всевозможныхъ «запискахъ» и «мнѣніяхъ» о семинаріи лицъ, служащихъ въ семинаріи и радѣющихъ о превращеніи ея въ реальное училище, вопреки основной цѣли семинаріи и стремленіямъ вятскаго земства.

Къ удивленію, въ минувшую сессію вятскаго губернскаго земскаго собранія (въ декабрѣ), преподаватель учительской семинаріи, исправлявшій должность директора семинаріи, г. Лаговскій, приглашенный въ собраніе для обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ о семинаріи, прочиталъ изъ № 17-го «Русскаго Обозрѣнія» замѣтку о семинаріи и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго дѣла, принялся коментировать ее, какъ направленную противъ семинаріи и даже *подстрекающую кого-то* и къ *чему-то*. Это еще куда бы ни шло. Это доказываетъ только, что г. Лаговскій не понимаетъ основной цѣли семинаріи; не понимаетъ, какое серьезное и важное значеніе для земства имѣетъ Вятская семинарія, проводящая въ жизнь, вмѣстѣ съ общимъ образованіемъ, и прикладныя знанія; не понимаетъ, наконецъ, значенія того произвола, въ силу котораго на практикѣ можно обращать въ ничто уставы училищъ и не обращать ровно никакого вниманія на желанія земства, издержавшаго на учительскую семинарію больше *200,000* руб. *трудовыхъ крестьянскихъ* денегъ! Правда, странно немного, какъ г. Лаговскій, при такомъ оригинальномъ *непониманіи* состоитъ преподавателемъ сельско-хозяйственной семинаріи и существуетъ на тѣ же *земскія—крестьянскія* деньги... Одного никакъ нельзя простить г. Лаговскому, какъ лицу, получившему университет-

ское образованіе и преподавателю семинаріи — это *сыскъ* газетныхъ корреспондентовъ. Г. Лаговскій, прочитавъ въ собраніи замѣтку «Русскаго Обозрѣнія» и прокомментировавъ ее, вѣроятно, ему одному свойственнымъ образомъ, началъ докапываться, *кто* и *какъ* относится къ семинаріи и *кто* пишетъ газетныя корреспонденціи. Въ этомъ *сыскѣ* г. Лаговскій зашелъ такъ далеко, проявилъ такую безцеремонность и полицейскую догадливость, что, безъ всякихъ данныхъ, прямо назвалъ предъ собраніемъ одного изъ жителей Вятки, — человѣка, извѣстнаго въ литературѣ своими дѣльными педагогическими и статистическими работами, обвиняя его въ подстрекательствѣ противъ семинаріи путемъ печати.... Само собою разумѣется, что неумѣстная выходка г. Лаговскаго встрѣтила въ собраніи должное возмездіе. На заявленіе г. Лаговскаго, гласный г. Кузнецовъ высказалъ замѣчаніе, которое равносильно самому жесткому порицанію: г. Кузнецовъ нашелъ заявленіе г. Лаговскаго оскорбительнымъ для достоинства представителей земства.

Такъ какъ поводомъ къ инсинуаціямъ г. Лаговскаго послужила замѣтка «Русск. Обозрѣнія», то мы, съ своей стороны, считаемъ необходимымъ сказать г. Лаговскому и подобнымъ ему, что замѣтка принадлежитъ не кому нибудь другому изъ жителей Вятки, а постоянному сотруднику «Русскаго Обозрѣнія». Это, наконецъ, г. Лаговскій легко могъ понять по самому характеру замѣтки, если только онъ имѣетъ понятіе о періодической печати и послѣдняя не представляется ему китайской грамотой.

(*Изъ «Русск. Обозрѣнія»*).

XLIX.

«У насъ, въ Елабугѣ».

Съ 1 августа въ нашемъ земствѣ открытъ медицинскій совѣтъ. Если я скажу, что у насъ даже натуральная дорожная повинность до сихъ поръ не переложена на денежную, то для васъ будетъ ясно, насколько наше земство отстало отъ другихъ. Медицинская часть здѣсь въ самомъ первобытномъ фазисѣ развитія. Кромѣ врача, завѣдующаго городской больницей, здѣсь есть еще 3 участковыхъ. Живутъ они не въ населенныхъ пунктахъ, не въ центрахъ своихъ участковъ, а въ мѣстахъ жительства гласныхъ-помѣщиковъ, хотя бы это было на границѣ уѣзда, въ заброшенной мѣстности. Самое желательное для помѣщиковъ устройство земской медицины, по видимости, такое: пригласить столько участковыхъ врачей, сколько есть вліятельныхъ помѣщиковъ и поселить этихъ врачей въ имѣніяхъ послѣднихъ, съ тѣмъ чтобъ въ свободное отъ отдыха время врачи играли, съ кѣмъ слѣдуетъ, въ преферансъ и вистъ. Ни больницъ, ни пріемныхъ покоевъ при участковыхъ врачахъ не имѣется. Больныхъ они принимаютъ у себя, на квартирѣ. Здѣсь же помѣщаютъ и аптеку. Для народа въ нашемъ уѣздѣ предназначены главнымъ образомъ фельдшера (врачи для помѣщиковъ); ихъ 10, а въ прошломъ году было 15. Всѣ живутъ въ участкахъ и лѣчатъ народъ только тѣми медикаментами, которые показаны для фельдшеровъ въ законѣ. И дешево, и сердито!

Мы слышали, что на будущій годъ проэктируется устройство при участковыхъ врачахъ пріемныхъ по-

коевъ на 10 кроватей, перемѣщеніе врачей въ пункты болѣе центральные, переустройство оспопрививанія, снабженіе врачей инструментами и еще кой-какія мелочи. Понятно, что все это проэктируется самими врачами, а выгоритъ ли ихъ дѣло, извѣстно одному богу и развѣ еще г. Дернову, который здѣсь орудуетъ собраніемъ. Какъ угодно будетъ, слѣдовательно, его высокородію.

Болѣзненность Елабужскаго уѣзда далеко интенсивнѣе другихъ. Сифилисъ и перемежающіяся лихорадки здѣсь достигаютъ весьма сильнаго напряженія: лихорадочныхъ больныхъ за августъ (изъ общаго числа больныхъ 400) 82 случая; сифилисомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ заражены цѣлыя селенія.

L.

«Все обстоитъ благополучно!»

(*Письмо изъ Орлова*).

Глядя на нашихъ орловскихъ дѣятелей, чиновниковъ-новаторовъ, мы, мѣстные жители, невольно задаемся вопросами: дорого ли для крестьянина время или нѣтъ? слѣдуетъ дорожить безпокойствомъ и трудомъ крестьянъ или не слѣдуетъ? Вѣроятно — нѣтъ. Иначе, какъ объяснить отправленіе служебныхъ обязанностей, напримѣръ, нашимъ судебнымъ слѣдователемъ, г. Тихоміровымъ. Разскажемъ одинъ случай. Въ одной деревнѣ, кажется, въ тридцати верстахъ отъ города, случилось «происшествіе»: въ одно осеннее утро 1876 г. оказалась лежащей среди деревни убитая женщина съ значитель-

ной раной на головѣ. Послѣ медицинскаго освидѣтельствованія и полицейскаго дознанія трупъ былъ похороненъ. Началось дѣло о розысканіи виновниковъ убійства. Выѣзжаетъ слѣдователь. Но задолго до его пріѣзда, еще съ утра, вытребованы были въ волостное правленіе крестьяне, человѣкъ пятнадцать; слѣдователь же является вечеромъ, держитъ всѣхъ до поздней ночи и допрашиваетъ только троихъ. Ничего не разузнавши, онъ уѣзжаетъ. Проходитъ нѣсколько дней,—опять приказъ: явиться всѣмъ однодеревенцамъ въ волостное же правленіе. Приходятъ туда крестьяне около полудня и ждутъ до 10-ти часовъ вечера, когда подъѣзжаетъ къ правленію слѣдователь и приказываетъ отправляться по домамъ, съ тѣмъ, чтобъ явиться вновь на утро. Изъ нихъ опять допрашиваются только двое, а затѣмъ увольняются домой. Да такимъ образомъ слѣдователь до четырехъ разъ наѣзжалъ въ правленіе и держалъ по цѣлымъ суткамъ всю деревню. Мало этого: потребовалъ, чтобъ опять всѣ мужчины явились къ слѣдователю сюда въ городъ—допрашиваются тоже лишь нѣкоторые. Чуднѣе всего при этомъ то обстоятельство, что допросы чиняться «такъ», показанія допрашиваемыхъ крестьянъ не записываются. Однако, чѣмъ же объясняется такое непеременное отношеніе г. Тихомірова къ «мужикамъ»? Вѣроятно, ревностію къ дѣлу правосудія. Это можно заключить изъ его словъ, обращаемыхъ къ крестьянамъ: «я васъ припеку, я васъ такъ промаю!..» Видите ли, онъ разсчитывалъ, что мужикамъ надоѣстъ къ нему шататься, и они будутъ откровеннѣе. Дѣло не кончено и теперь, и крестьяне еще въ страхѣ — не вздумаетъ ли слѣдователь такимъ же образомъ мучить ихъ лѣтомъ, въ рабочее время. А допросы ведутся въ такомъ родѣ: требуется, напримѣръ, одинъ крестьянинъ, положимъ Ермолай; слѣдователь встрѣчаетъ его словами: «ахъ, ты, с... с... Ермилка! сказывай: ты убилъ»?... За-

тѣмъ слѣдуетъ нецензурное слово... Слава богу, хоть не бьетъ.

Кстати, ужъ разскажу о весьма энергичной дѣятельности тоже здѣшнихъ другихъ чиновниковъ и въ особенности становаго пристава г. Кибардина. Въ 1874—1875 годахъ въ Орловскомъ уѣздѣ были сильные неурожаи; крестьянамъ не удалось, какъ они выражаются, перейти изъ поля въ поле, т. е. полученнаго хлѣба не хватило на сѣмена. Нужда была на столько сильна, что земской управѣ пришлось раздать въ пособіе крестьянамъ въ одномъ только 1875 году болѣе шестидесяти тысячъ рублей. Понятно, что крестьянамъ было очень трудно выплачивать исправно подати; но, можетъ быть, именно поэтому въ концѣ октября и въ ноябрѣ были приняты экстренныя, энергическія мѣры. Изъ ближайшихъ къ городу Орлову волостей были вытребованы въ полицейское управленіе волостные судьи. Въ базарные дни низшіе полицейскіе чины отправлялись на охоту по городу и по кабакамъ въ особенности. Ловились мужики и приводились къ волостнымъ судьямъ, содержавшимся при полиціи. Здѣсь справлялись по книгамъ, заплочены ли у взятыхъ лицъ подати, и если нѣтъ, то тутъ же дѣлалось постановленіе и приговоръ къ тѣлесному наказанію; и хотя полагается продолжительный срокъ на обжалованіе рѣшенія волостнаго суда, но приговоръ приводился въ исполненіе. Нечего и говорить, что по сельскимъ сходамъ тоже начали разъѣзжать полицейскіе чиновники. Пріѣзжаетъ на сходку приставъ Кибардинъ. Первымъ его привѣтствіемъ бываетъ: «ахъ, вы, такіе сякіе, подати не платите (слѣдуетъ крѣпкое словцо)! Податную книгу!» Приставъ просматриваетъ книгу и отмѣчаетъ, кого слѣдуетъ *выписать*; онъ не говоритъ выдрать—это будетъ грубо, а «выписать». Волостные судьи уже тутъ. Они тотчасъ же, по указанію пристава, дѣлаютъ приговоры. Приговоры приво-

дятся въ исполненіе десятскими. Разъ приставъ былъ недоволенъ исполненіемъ экзекуціи, которая, по его мнѣнію, производилась десятскимъ слабо; долго не думая, онъ приказалъ наказать и десятскаго. Судьи, разумѣется, постановили приговоръ. И законно, и удобно! А какъ мало совѣтятся при подобныхъ случаяхъ, показываетъ слѣдующій случай: одного бѣдняка-неплательщика, который уже мѣсяца два былъ болѣнъ, доставили въ правленіе и, не смотря на всѣ его просьбы и увѣренія о болѣзни, надъ нимъ совершена экзекуція. Несчастный плакалъ всю дорогу; по возвращеніи домой, дня черезъ два или три, онъ умеръ.

LI.

Трудный юридическій случай.

(*Письмо изъ Яранска*).

Съ нѣкоторыхъ поръ въ нашемъ городѣ стало жить не совсѣмъ безопасно (конечно, нельзя сказать, чтобъ у насъ происходили *такія* же истязанія, убійства и грабежи, какъ въ Болгаріи, но откуда-то и въ нашемъ маленькомъ городкѣ, чуждомъ всякихъ автономическихъ стремленій, появились баши-бузуки). Даже дѣло дошло до того, что въ послѣднее время человѣкъ, ненадѣленный отъ природы джонъ-буллевскими мускулами, не можетъ разсчитывать на благополучное возвращеніе домой, если ему приходится совершать эту прогулку позже 12 часовъ. Такъ недавно у насъ, въ одну ночь, случилось три грабежа. Два изъ нихъ прошли благополучно для баши-бузуковъ, и только на третьемъ имъ не совсѣмъ повезло. Я говорю «*не совсѣмъ*», пото-

му что не вмѣшайся въ это дѣло слѣдователь, г. Щавинскій—никакого бы грабежа не оказалось, и мѣстные баши-бузуки были бы поощрены къ продолженію своихъ ночныхъ похожденій: полиція, куда были препровождены грабители, опросивши потерпѣвшихъ лицъ (4 человѣка) и баши-бузуковъ, нашла, по своему крайнему разумѣнію, что запоздавшіе путники на дорогѣ были *обокрадены*, и потому составила актъ о кражѣ. Къ сожалѣнію (нельзя же не сожалѣть о «прискорбномъ столкновеніи» между представителями мѣстныхъ властей; это вѣдь вѣтви одного и того же дерева), слѣдователь настоялъ, чтобъ полицейскій надзиратель Ивановъ уничтожилъ документъ своего крайняго разумѣнія и замѣнилъ его актомъ о грабежѣ. O tempora! o mores!!... Вы спросите, безъ сомнѣнія, какъ можно было смѣшать грабежъ съ кражей? Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго: очень ужъ запутанное дѣло... Во-первыхъ, нападеніе было совершено почти при дневномъ освѣщеніи полной луны, на самой людной улицѣ, какъ разъ противъ почтовой конторы. Во-вторыхъ, жертвами нападенія были 2 дюжихъ объѣздчика, недавно передъ тѣмъ получившіе отъ лѣсничаго, г. Боссе, деньги для раздачи жалованья лѣсникамъ и хотя кричавшіе при этомъ во все горло, но всетаки не такъ, чтобъ ихъ крикъ былъ слышенъ начальнику губерніи, находившемуся въ то время, быть можетъ, всего только въ 20—30 верстахъ отъ города. Въ-третьихъ, говорили, что хозяйка того дома, возлѣ котораго происходила ночная борьба, услыхавши крики, стала въ переполохѣ будить своихъ работниковъ; но, какъ послѣ оказалось по частнымъ распросамъ, она видѣла страшный сонъ... Видите, сколько тутъ осложняющихъ обстоятельствъ. Да и какъ могъ быть тутъ грабежъ, когда лѣсные объѣздчики повстрѣчались на улицѣ не съ разбойниками, а съ 3 совершавшими свой обычный ночной обходъ дозорными или — по здѣшнему

названію — караульщиками! Согласитесь сами, что же тутъ, для неопытнаго человѣка, похожаго на грабежъ: объѣздчики кричали—«караулъ!» но караульщики до того ревностно относились къ исполненію своихъ обязанностей, что даже *предупредили* этотъ сакраментальный возгласъ и, бережно вынувши все изъ нихъ карамановъ, поспѣшили отнести найденное тамъ въ кабакъ, гдѣ дѣйствительно и *прокараулили* казенныя деньги «до послѣдней капли крови»... виноватъ—до тѣхъ поръ пока ихъ не взяли. Вотъ какой трудный юридическій случай пришлось распутывать нашему надзирателю. Впрочемъ бываютъ случаи и потруднѣе. Я знаю, напримѣръ, такой: Ночь, луна... На переднемъ планѣ Держиморда во всеоружіи старинной полицейской весталки и обыватель въ *одной* рубашкѣ—безъ каламбура. На заднемъ планѣ уленетывающіе «тихимъ шагомъ въ три пріема» ночные chevaliers d'industrie. Въ полумракѣ слышны звуки неположеннаго на ноты романса:

Къ Держимордамъ по неволѣ
Долженъ я узлы нести:
Иль они со мною въ долѣ,
Иди я у нихъ въ *части*...

— «Какъ же это, служивый, плачется импровизированный санкюлотъ, я кричалъ, кричалъ, а ты хоть бы сдвинулся съ мѣста: они отъ меня все отняли и ободрали, какъ липку».—А кто жъ тебя зналъ, отвѣчаетъ невозмутимо весталка: я думалъ, вы—*свои*, деретесь»...

Такъ вотъ какіе бываютъ запутанные случаи!.. Да, г. Ивановъ, «тяжела наша ученая служба», говорилъ сторожъ, подметая панель возлѣ уѣзднаго училища...

P. S. Сейчасъ слышалъ, что слѣдователь далъ знать, куда слѣдуетъ, о «крайнемъ разумѣніи» надзирателя. Впрочемъ, въ достовѣрности этого слуха я сомнѣваюсь.

LII.

Разграбленіе почты.

(Письмо изъ Сарапула).

21-го декабря 1876 года, около пяти часовъ вечера, отправлена была изъ Сарапула, по елабужскому тракту, почта, съ которой ѣхалъ почтальонъ, молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати, и съ нимъ ученикъ сарапульскаго реальнаго училища, мальчикъ 15-ти лѣтъ, ѣхавшій къ отцу, въ городъ Елабугу, на рождественскіе праздники. На 4-й верстѣ за первою отъ города станціей, Кичбаево, около 8-ми часовъ вечера, напали на почту двое злоумышленниковъ, ѣхавшихъ по тому же тракту въ саняхъ, на одной лошади. Когда почта поравнялась съ ними, послѣдовалъ выстрѣлъ въ кореннную лошадь, а за нимъ другой, далѣе третій въ кибитку, въ которой сидѣли почтальонъ и мальчикъ. Ямщикъ, во время перваго выстрѣла, соскочилъ съ козелъ и забѣжалъ нѣсколько впередъ, чтобъ подогнать переднюю лошадь. Но увидѣвъ, что коренная лошадь ранена и сдѣланъ выстрѣлъ въ кибитку, къ которой, тотчасъ же вслѣдъ за этимъ, устремился одинъ изъ злоумышленниковъ, ямщикъ бросилъ лошадей и побѣжалъ въ ближайшую деревню, Коробейниково, отстоящую отъ мѣста происшествія въ $2^1/_2$ верстахъ, гдѣ и далъ знать о случившемся. Въ это время злоумышленники звѣрски изувѣчили почтальона, разбили ему голову (повидимому, рукояткою револьвера, который и найденъ изломаннымъ здѣсь же, на мѣстѣ), такъ что куски мозга вышли наружу и оказались возлѣ трупа; разможили ему челюсти, вслѣдствіе

чего лицо было страшно изуродовано, и на снѣгу около кибитки валялись зубы. Сверхъ того, по вскрытіи трупа, оказалось, что пуля прошла черезъ животъ до позвоночника, гдѣ и найдена сплющенною. Мальчикъ убитъ ударомъ по головѣ. Убійцы захватили тюкъ съ посылками и, отправившись по направленію къ городу Сарапулу, разбили и раскидали по дорогѣ посылки, предполагая, повидимому, найти тамъ деньги, чего имъ однако жъ не удалось, такъ денежная сумка, лежавшая въ повозкѣ подъ козлами, не попала имъ въ руки, и около 12,000 рублей остались нетронутыми. Часа полтора спустя, пріѣхалъ въ городъ нарочный и сообщилъ о случившемся, кому слѣдуетъ. Около $10^1/_2$ вечера на мѣсто происшествія отправились: помощникъ исправника, судебный слѣдователь и почтмейстеръ. Преступники, разумѣется, успѣли скрыться. Заподозрѣны были въ убійствѣ ямщики — везшій почту и другой, оставшійся на станціи Кичбаево. На другой день, около полудня, въ Кичбаево прибылъ товарищъ прокурора для наблюденія за производствомъ слѣдствія, а вечеромъ пріѣхалъ и исправникъ. Благодаря энергическимъ мѣрамъ, напали на слѣдъ дѣйствительныхъ преступниковъ и одинъ изъ нихъ арестованъ въ воткинскомъ заводѣ, въ 100 верстахъ отъ мѣста происшествія, а другой въ 150-ти верстахъ, на границѣ Пермской губерніи. Улики противъ нихъ собрано столько, что судебный слѣдователь нашелъ возможнымъ обоихъ привлечь къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемыхъ и заключить подъ стражу. Такое быстрое обнаруженіе преступниковъ произвело на мѣстныхъ жителей пріятное впечатлѣніе.

LIII.

Судъ въ провинціи.

(Письмо изъ Яранска).

«Ужъ сколько разъ твердили міру», что audiatur et altera pars; а между тѣмъ въ уѣздахъ, куда судъ наѣзжаетъ только по временамъ, скамья подсудимыхъ, съ гомоздящимися на ней обитателями деревень: Забитовой, Горѣловки, Неѣловой и т. п., вотъ уже 10 лѣтъ, какъ представляетъ собой печальную пустыню, надъ которой парятъ одиноко орлы прокурорскаго надзора, смѣло описывающіе въ воздухѣ, своимъ полетомъ, классическое — «veni, vidi vici!...»

Въ послѣднюю осеннюю сессію отдѣленія окружнаго суда, подсудимые всѣ поголовно оставались безъ защитниковъ. Мудрено ли что, при такомъ положеніи, человѣкъ иногда можетъ быть «виноватъ уже тѣмъ, что хочется мнѣ кушать?» Но до такой откровенности дѣло, конечно, никогда не доходитъ. Въ наше время общаго смягченія нравовъ на все существуетъ свой достодолжный цивилизованный декорумъ; мы говоримъ и *за*, и *противъ*, соблюдая гуманность, приличія, сохраняя невинность и (conditio sine qua non) пріобрѣтая капиталы. Мы говоримъ: «да, не виновенъ, но заслуживаетъ снисхожденія». И почему не сказать? Вѣдь все равно шаръ будетъ въ лузѣ, сдѣлаемъ ли мы его прямо или дублетомъ. Почему же и не повеликодушничать?

Тяжела была роль обвинительной власти въ послѣднее судебной сессіи въ нашемъ городѣ. Но, какъ я слышалъ, она исполняла ее добросовѣстно, т. е. не

только просвѣщала массы по вопросамъ о насиліи, побояхъ, кражѣ со взломомъ и безъ онаго, грабежѣ, поджогахъ и пр., но и указывала на смягчающія обстоятельства, причемъ однако не забыла совсѣмъ устранить одного защитника, конечно по законнымъ причинамъ. При такихъ слухахъ, нельзя было имѣющему уши слышати не послушать. И я отправился. Первый блинъ вышелъ комомъ: заключительныя пренія по разбиравшемуся дѣлу были закончены; присяжные уходили въ совѣщательную комнату. Пришлось ждать слѣдующаго дѣла, такъ какъ ихъ въ этотъ день назначено было къ разбору три, а это было первое. Но, прочитавши рѣшеніе, предсѣдатель Лѣсковъ объявилъ засѣданіе «закрытымъ». Судъ, значитъ, утомился. Сначала это меня немного удивило, но потомъ оказалось, что такъ и слѣдуетъ: судьи регулярно каждый день являлись въ залу съ «заранѣе уже составленными», какъ для присяжныхъ, такъ и для себя вопросами, слушали, чертили вензели на бумагѣ и черезъ 2, много $2^1/_2$ часа «утомлялись». Предсѣдатель объявляетъ: «судъ идетъ отдохнуть на четверть часа», забывая однако предупредить, что въ его судейскомъ часѣ болѣе 240 минутъ. И такіе завтраки, длившіеся по часу и болѣе, начинались иногда до приступа къ разбору перваго по очереди дѣла, т. е. до начала судебнаго слѣдствія, до опроса свидѣтелей. Невольно подумаешь, что вся процедура суда производилась у насъ какъ бы въ пользу голодающихъ. Но и это еще не все. Разъ случилось даже такъ: пріѣзжіе судьи до того зазавтракались, что, начавъ снова засѣданіе, забыли о присяжныхъ и только когда всѣ стали удивленно смотрѣть на предсѣдателя, тотъ встрепенулся «и слабымъ маніемъ руки» присяжныхъ двинулъ онъ полки.

Именно въ этотъ самый день мнѣ и пришлось быть въ судѣ. Разбиралось дѣло, по объявленію, прибитому у

входныхъ дверей, о грабежѣ, а на самомъ дѣлѣ, какъ объяснилъ прокуроръ, о разбоѣ. Это было единственное, кажется, дѣло за всю сессію, гдѣ двое изъ четырехъ подсудимыхъ имѣли защитника, вызваннаго ими изъ Вятки. Я не буду разсказывать подробностей дѣла, а передамъ только его сущность, такъ какъ фабула его черезчуръ проста и весь интересъ тутъ заключается не въ немъ, а въ отношеніи къ нему суда и прокуратуры.

Какъ-то въ январѣ мѣсяцѣ, въ морозный день, два шерстобита отправились изъ города въ деревню Черемисскіе Дубники. По дорогѣ, подъ вечеръ, они зашли въ кабакъ, гдѣ въ это время сидѣли два крестьянина, Шалаевъ и Ячменевъ. Оба они были «подпимши». Началось приставанье. Пьяные выгнали трезвыхъ. Шерстобиты пошли далѣе своимъ путемъ-дорогой. Но не успѣли они отойти и версты, какъ ихъ настигаютъ въ саняхъ тѣ же два молодца, съ парой какихъ-то другихъ подручныхъ товарищей. Одинъ шерстобитъ успѣлъ спрятаться за снѣжный сугробъ, а другого они захватили и, требуя денегъ, стали бить, по чему попало; когда же «утомились», привязали бѣднягу на длинной веревкѣ къ санямъ и такъ протащили его вскачь до амбаровъ ближайшей деревни Маркитановой, гдѣ снова начали бить и затѣмъ, въ концѣ концовъ, снявши съ него полушубокъ, оставили тутъ, а сами опять закатили въ кабакъ. Тамъ ихъ и накрыли по указанію скрывшагося за сугробомъ шерстобита. До сихъ все ясно. Но затѣмъ начинается мракъ. Кто эти двое, сидѣвшіе въ однихъ саняхъ съ Шалаевымъ и Ячменевымъ? Они не участвовали въ побоищѣ, а только держали въ это время лошадь, и, въ темнотѣ, потерпѣвшій не могъ хорошо ихъ разглядѣть. Да и мудрено это было: по свидѣтельству сотскаго и волостнаго старшины, «рожу у него разнесло во-какъ»! Ячменевъ и Шалаевъ указали

на двухъ богатыхъ мужиковъ, Назарова и Орлова, которые вмѣстѣ съ ними и были арестованы, а затѣмъ привлечены прокурорскимъ надзоромъ на скамью подсудимыхъ.

Что же выяснило судебное слѣдствіе относительно этихъ двухъ лицъ? Прежде всего, какъ это бываетъ сплошь и рядомъ, оно показало, что предварительное слѣдствіе было произведено небрежно. Правда, изъ дѣла видно, что избитый шерстобитъ «самъ» призналъ въ толпѣ неизвѣстныхъ ему до того, Назарова и Орлова. Но изъ этого еще ровно ничего не слѣдуетъ: если мнѣ дадутъ пріемъ морфія, то я также *самъ* засну.... Весь вопросъ здѣсь въ томъ, самъ ли онъ *указалъ* на нихъ или только *подтвердилъ* сдѣланное на нихъ сторонее указаніе, что далеко не одно и тоже, особенно принимая въ соображеніе, что его «разнесло во-какъ». А этотъ-то вопросъ какъ разъ и былъ оставленъ безъ вниманія слѣдователемъ. Но тутъ, можетъ быть, помогло бы показаніе другаго, спасшагося отъ крушенія, шерстобита. Къ сожалѣнію, его объ этомъ не спрашивали.... На судѣ же ни потерпѣвшаго, ни его товарища не было на лицо.

Далѣе изъ опроса свидѣтелей, оказалось: 1) что во время совершенія преступленія, Назаровъ и Орловъ находились въ гостяхъ у одного изъ своихъ односельцевъ; 2) что потерпѣвшій признавалъ въ Назаровѣ и Орловѣ сообщниковъ Шалаева и Ячменева не утвердительно, а гадательно, говоря «кажется», «какъ будто бы» и т. п.; 3) что тѣ же Шалаевъ и Ячменевъ въ присутствіи волостнаго старшины сознавались, что они напрасно оговорили арестованныхъ, подчиняясь совѣтамъ своихъ знакомыхъ, и 4) что арестантскій сторожъ при волостномъ правленіи слышалъ, какъ Ячменевъ и Шалаевъ, полагая, что все дѣло кончится по домашнему, водкой, уговаривались между собой до конца затягивать

въ дѣло Назарова, потому что онъ, какъ богатый мужикъ, выкупая себя передъ міромъ, долженъ былъ вмѣстѣ выкупить и ихъ.

Казалось бы, что, послѣ *совокупности* такихъ новыхъ данныхъ, представитель прокурорской власти, г. Сенявинъ, долженъ былъ бы отказаться отъ обвиненія Назарова и Орлова; но онъ, какъ видно, приготовившись заранѣе, не хотѣлъ отступить ни на шагъ отъ обвинительнаго акта, продолжая съ апломбомъ (онъ все дѣлалъ съ апломбомъ, даже сморкался) утверждать на манеръ одной непобѣдимой въ діалектикѣ «матушки», что хотя ружье и разряжено, а всетаки оно можетъ выстрѣлить и потому его необходимо убрать въ чуланъ.

Мы не знаемъ и даже не въ состояніи понять, кому и чему можетъ принести пользу такое неразсчетливое — чтобъ не сказать болѣе — рвеніе... А съ такимъ именно безплоднымъ рвеніемъ каждый изъ посѣтителей суда встрѣчается чуть не ежедневно. Пора бы, кажется, оставить такой допотопный, узкій взглядъ на обязанности обвинительной власти, потому что онъ можетъ скорѣе ронять ея авторитетъ въ глазахъ общества, чѣмъ поддерживать къ ней уваженіе. Лучшіе представители прокуратуры давно уже это поняли, а у насъ, къ сожалѣнію, такое отношеніе къ дѣлу считается еще какою-то либеральною ересью. Неужели же достойнѣе, утверждая съ апломбомъ «брито», вслѣдъ затѣмъ, съ удвоеннымъ апломбомъ, прикусить языкъ, послѣ болѣе чѣмъ легкой побѣды защитника (на его долю выпала роль канонира, бомбардирующаго крѣпость безъ гарнизона), какъ это принужденъ былъ сдѣлать г. Сенявинъ, чѣмъ съ самаго же начала немного подстричь свое заранѣе составленное quand même обвиненіе?

Теперь два слова о судѣ. Никто не будетъ спорить, что изъ двухъ практическихъ народныхъ школъ—земства и суда—послѣдній изъ нихъ гораздо воспитательнѣе

перваго: въ немъ каждый участникъ является дѣйствующимъ лицомъ, онъ захватываетъ большее количество сторонъ жизни и не исключаетъ никого изъ сферы своего дѣйствія. Однимъ словомъ, земство—частная школа, судъ же, школа общая—въ обширномъ смыслѣ этого слова. Понятно, что, при такомъ его значеніи, представители суда должны служить для той среды, куда они являются, какъ олицетвореніе права, образцомъ вниманія, сдержанности и готовности служить дѣлу безъ явной, но крайней мѣрѣ, небрежности.

Но можно ли сказать, чтобъ нынѣшняя сессія въ Ярансѣ отличалась всѣми этими качествами въ должной степени? Можно ли сказать, чтобъ присутствовавшіе при разборѣ дѣла Шалаева и Ячменева вынесли изъ залы засѣданія какія нибудь освѣжающія впечатлѣнія? Едва ли. Мы уже говорили о старческомъ утомленіи судей, о часовыхъ завтракахъ, предшествующихъ разбирательству дѣлъ. Прибавимъ здѣсь что по этой части уѣздному обществу не приходится брать уроковъ отъ суда—тутъ оно, пожалуй, еще само можетъ поучить любаго эпикурейца. Съ небрежнымъ отношеніемъ къ публикѣ оно также достаточно хорошо знакомо съ незапамятныхъ временъ. Оно ждетъ отъ суда другихъ примѣровъ. Но судъ, кажется, смотритъ на это иначе.

По части вниманія мы можемъ, напримѣръ, указать на слѣдующій невѣроятный эпизодъ. Когда забытые сначала присяжные заняли свои мѣста и начался допросъ свидѣтелей, то одинъ изъ нихъ, между прочимъ, разсказывалъ: «было больно студено, и я пошелъ на улицу, чтобъ закрыть обоконки (ставни)». Не успѣлъ онъ кончить, какъ позавтракавшій предсѣдатель вдругъ обращается къ нему съ вопросомъ: «а когда это было лѣтомъ или зимой?» Представьте удивленіе свидѣтеля и слушателей.

По части сдержанности, нельзя не указать на отношеніе того же предсѣдателя къ защитѣ. Всякому извѣстно, что крестяне медвѣжьихъ угловъ, а тѣмъ болѣе черемисы, которые составляли большинство свидѣтелей по дѣлу Шалаева и К°.—очень туго понимаютъ нашъ, какъ они называютъ, «модный» языкъ. Точно также, въ свою очередь, и мы часто бываемъ въ затрудненіе относительно ихъ жаргона. Я не могу забыть комической сцены, бывшей на моихъ глазахъ въ Вяткѣ. Предсѣдатель окружнаго суда, г. Рененкампфъ, спрашиваетъ свидѣтеля: «Къ кому вы послѣ того пошли?«—» Я, говоритъ, побѣжалъ за картошкой».—«А кто такой Картошка? какъ онъ вамъ приходится?» дополнилъ свой вопросъ предсѣдатель. Тотъ, конечно, вылупилъ глаза. Такъ вотъ какіе могутъ выходить забавные qui pro quo изъ взаимнаго непониманія. Можно положительно сказать, что нѣтъ такого дѣла, гдѣ бы свидѣтели-крестьяне *вполнѣ* понимали всѣ задаваемые имъ вопросы. Неудивительно, что и въ дѣлѣ Шалаева зачастую встрѣчалось то же самое. Такихъ свидѣтелей, понятно, приходится переспрашивать. Такъ разъ и сдѣлалъ защитникъ Назарова, г. Бѣловъ. Но предсѣдатель тотчасъ же остановилъ его:— «Прошу васъ, замѣтилъ онъ рѣзко, не *подсказывать* отвѣтовъ свидѣтелю».—Я не подсказываю, резонно отвѣчалъ г. Бѣловъ, а переспрашиваю; свидѣтель не...»— «Прошу со мной не пререкаться», оборвалъ тотъ еще рѣзче.

Не думаемъ, чтобъ такое обращеніе съ защитой могло сколько нибудь служить интересамъ правосудія. Не болѣе того могутъ послужить его интересамъ и *заблаговременно* (!?) составляемые резюме изъ заключительныхъ преній; мы замѣтили у предсѣдателя тетрадку, въ которую онъ, сбиваясь, то и дѣло заглядывалъ безъ всякихъ церемоній. Съ такими татрадками далеко не уѣдешь...

Затѣмъ, по части уваженія къ публикѣ. Зала была

полна. Все слушало съ напряженнымъ вниманіемъ, всюду царила тишина. Вдругъ раздается зычный голосъ: «Очистить залу!» Это, видите ли, предсѣдатель «утомился» и ему захотѣлось, чтобъ свидѣтели поскорѣе проходили пространство отъ заднихъ дверей до судейскаго стола. Намъ кажется однако, что вмѣсто «очистки» залы было бы гораздо проще и цѣлесообразнѣе вводить свидѣтелей черезъ другія, т. е. переднія двери. Но тогда, быть можетъ, тотъ путь, который ведетъ отъ зерцала къ комнатѣ, возвращающей силы утомленнымъ служителямъ слѣпой Ѳемиды, осквернился бы слѣдами мужичьихъ лаптей... Но что же я?... Вѣдь этакъ могутъ, пожалуй, сказать, что вашъ корреспондентъ «пререкается» съ предсѣдателемъ.

Нѣтъ, не того мы ждали отъ суда.

LIV.

«Не позволямъ!»

(Изъ Вятки).

Мнѣ душно здѣсь—я въ лѣсъ хочу.

Бывшая въ декабрѣ 1876 г. X сессія вятскаго губернскаго земскаго собранія ознаменовалась рядомъ такихъ казусовъ, что вятчане долго не могли прійти въ себя отъ изумленія. Трудно разшевелить провинціаловъ интересомъ къ общественнымъ дѣламъ, а это собраніе подняло на ноги даже такихъ лицъ, которыя, вѣроятно, ни въ какія общественныя собранія, кромѣ увеселительныхъ мѣстъ, никогда не ходили. Зала, гдѣ происходили засѣданія земскаго собранія, иногда наполнялась такъ,

что не оставалось ни одного свободнаго стула. И вотъ, на виду массы публики, совершалась, какъ упомянуто, цѣлая серія казусовъ. Нельзя не сознаться, что почва для этого была удобная, но возможность проявленія ихъ главнымъ образомъ обусловливалась качествами лица, руководившаго собраніемъ. Вятская губернія принадлежитъ къ числу немногихъ губерній Европейской Россіи, гдѣ нѣтъ предводителей дворянства, а потому въ ней на каждое земское собраніе въ предсѣдатели собранія назначается особое лицо изъ мѣстнаго «чиновенства». Само собой, назначеніе бываетъ не безъ согласія лица, которое избирается въ предсѣдатели, и вотъ нельзя не подивиться, что люди, явно неспособные, рѣшаются принимать на себя весьма важныя полномочія, а не отказываются отъ предлагаемой имъ чести. Бывшій предсѣдатель X сессіи земскаго собранія, г. Свида, велъ дѣла такимъ образомъ, что можно подумать, что онъ или не знаетъ вполнѣ положенія нетолько о земскихъ учрежденіяхъ, а вообще всякихъ общественныхъ собраній, или же любитъ дѣйствовать въ духѣ извѣстной партіи и, въ послѣднемъ случаѣ, не щадитъ живота своего.

Приводимъ факты. Порядокъ большей части коллегіальныхъ учрежденій таковъ, что каждый членъ его, будучи не согласенъ съ рѣшеніемъ большинства, имѣетъ право приложить къ журналу особое мнѣніе. Такое, повидимому, простое правило такъ и осталось для бывшаго предсѣдателя собранія неизвѣстнымъ,—по крайней мѣрѣ онъ прикидывался незнающимъ этого правила. Уже въ послѣднее засѣданіе десятью гласными было подано особое мнѣніе относительно несогласія ихъ на редакцію журнала предшествовавшаго засѣданія; предсѣдатель сначала самъ отказывался принять это мнѣніе, а потомъ, когда гласные стали настаивать, баллотировалъ вопросъ: слѣдуетъ ли приложить къ журналу особое мнѣніе

гласныхъ. Несогласное большинство, конечно, рѣшило не прилагать. Чуднѣе такого поступка трудно что-либо выдумать. Кому неизвѣстно, что предсѣдатель долженъ руководить преніями; а бывшій предсѣдатель часто, прежде чѣмъ кто-либо изъ гласныхъ откроетъ ротъ, уже предрѣшаетъ вопросы и, не зная, что онъ поступаетъ противозаконно, требуетъ, чтобъ и въ журналъ вносилось, что вотъ-де, по прочтеніи доклада такого-то, предсѣдатель нашелъ то-то и то-то. Ненормальность веденія собранія усиливалась еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что предсѣдатель собранія былъ заинтересованъ въ односторонненъ рѣшеніи одного изъ главныхъ вопросовъ земства—земскихъ раскладокъ. Онъ, по службѣ—управляющій государственными имуществами губерніи. А въ Вятской губерніи съ прошлаго года приняты основанія раскладокъ, по которымъ на вѣдомство государственныхъ имуществъ сталъ приходиться налогъ нѣсколько большій, чѣмъ былъ прежде. Дѣло относительно признанія раскладокъ правильными доходило до сената и тамъ рѣшено въ пользу земства. Предсѣдатель собранія въ прошлогоднее собраніе, будучи представителемъ государственныхъ имуществъ, сильно ратовалъ противъ принимаемыхъ основаній раскладки, называя ихъ фантазіей и проч. Въ собраніе 1876 года, за назначеніемъ самого управляющаго государственными имуществами предсѣдателемъ собранія, представителемъ отъ государственныхъ имуществъ былъ назначенъ лѣснойревизоръ г. Муравьевъ, хотя въ положеніи о земскихъ учрежденіяхъ, прямо сказано, что такимъ представителемъ долженъ быть никто иной, какъ управляющій. Послѣдствія нынѣшняго назначенія обнаружились вскорѣ по открытіи собранія. Пользуясь однимъ частнымъ случаемъ, г. Муравьевъ подалъ въ собраніе записку, въ которой основанія раскладокъ земства называлъ «подтасовкой фактовъ» и, очевидно, расчитывая на безнаказанность своей брани,

заявлялъ, что голосъ его останется гласомъ вопіющаго въ пустыни. Гласные, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, конечно, не могли снести такого поруганія. На другой день, по прочтеніи записки уполномоченнаго отъ государственныхъ имуществъ, гласный М. А. Молдавскій обратился съ просьбой къ предсѣдателю предложить г. Муравьеву взять свои слова обратно и извиниться предъ собраніемъ. М. А. Молдавскій говорилъ приэтомъ, что обвинять представителей земства въ подтасовкѣ фактовъ—значитъ считать ихъ шуллерами, мошенниками и проч. Другой гласный г. Семакинъ просилъ подвергнуть записку г. Муравьева критикѣ, такъ какъ, будучи напечатана безъ объясненій, она можетъ служить поводомъ къ предположенію, что губерское собраніе признало справедливымъ мнѣніе уполномоченнаго отъ государственныхъ имуществъ. Предложенія эти были поддержаны другими гласными гг. Заволжскимъ, Пашкинымъ и пр. Предсѣдатель долго не зналъ, что дѣлать, лишь смотрѣлъ въ разныя стороны, не говоря ни слова; въ спорахъ между гласными прошло не менѣе получаса. Надумавшись, г. Свида вдругъ объявилъ перерывъ и принялся толковать съ своимъ подчиненнымъ... По открытіи вновь засѣданія, къ удивленію всѣхъ, г. Свида сказалъ, что вопросъ о запискѣ Муравьева онъ считаетъ покончеинымъ и, на основаніи 7 статьи приложенія къ 84 параграфу положенія о земскихъ учрежденіяхъ, не допускаетъ по этому предмету преній. По указанной статьѣ предсѣдатель собранія можетъ не позволить обсуждать предложеніе только несогласнаго съ закономъ, или выходящаго изъ круга предметовъ вѣдомствъ собранія; притомъ онъ не долженъ допускать и постановки вопроса, а разъ вопросъ начали обсуждать, то предсѣдатель уже не можетъ рѣшить его своею властію. М. А. Молдавскій, услышавъ такое рѣшеніе, заявилъ, что намъ, гласнымъ, остается уходить изъ собранія,—

предсѣдатель за насъ самъ рѣшитъ всѣ вопросы. Но далѣе дѣло пошло еще невѣроятнѣе. Возмущенные такимъ способомъ рѣшенія вопроса объ оскорбленіи собранія, четверо гласныхъ: Молдавскій, Заволжскій, Красовскій и Семакинъ подали заявленіе, въ которомъ, указывая на оскорбленіе собранія Муравьевымъ, выставляли на видъ и противозаконныя дѣйствія предсѣдателя собранія. Предсѣдатель не далъ никакого хода заявленію два дня и, на вопросы гласныхъ, отвѣчалъ, что не успѣлъ еще съ нимъ «познакомиться». Наконецъ, «познакомившись», онъ произнесъ трескучую рѣчь, въ которой говорилъ, что, пользуясь правомъ предсѣдателя, онъ не позволяетъ читать заявленіе гласныхъ въ собраніи, а рѣщаетъ лишь приложить его къ дѣламъ собранія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ заявилъ, что въ «мнѣніи» есть оскорбительные на него намеки, а потому онъ будетъ жаловаться... Такимъ образомъ, собраніе вдругъ было лишено права, предоставленнаго ему закономъ, заявлять протестъ противъ дѣйствій предсѣдателя и вноситъ этотъ протестъ въ сенатъ. Поступать такъ предсѣдатель не имѣлъ никакого основанія— онъ долженъ былъ, если ужъ почему либо находилъ чтеніе заявленія неудобнымъ, изложить его словесно. Затѣмъ подано было еще особое мнѣніе одного гласнаго и это, тоже по рѣшенію г. Свиды, было «приложено къ журналу» безъ чтенія. Изъ всего, съ чѣмъ мы здѣсь ознакомились, уже можно заключать, что спокойствія въ обсужденіи вопросовъ не могло быть. Едва прочитывался какой либо докладъ, предложеніе и проч., какъ г. Муравьевъ начиналъ рѣшительно высказывать свой взглядъ, ставить вопросъ, или жъ г. Юнусовъ начиналъ толковать о чемъ либо вовсе не относящемся къ дѣлу, но что, по его мнѣнію, было «въ пику» нѣкоторымъ гласнымъ. Нерѣдко рѣшеніе вопросовъ осложнялось неожиданными частностями. Приглашенъ былъ

разъ въ засѣданіе собранія исправлявшій въ теченіе мѣсяца должность директора земскаго училища, г. Лаговскій, для уясненія состоянія «общежитія» учениковъ. Вмѣсто требуемаго объясненія, этотъ кальфъ на часъ принялся доставать для г. Германа голыми руками изъ огня каштаны — пустился толковать, прикинувшись услужливой кумушкой, о томъ, о чемъ его не спрашивали,—именно вздумалъ разсказывать исторію условій, при которыхъ возникло училище. Но какъ самъ лично онъ дѣла не знаетъ, а исторію ему читалъ какой нибудь пройдоха, то г. Лаговскій изложилъ предъ собраніемъ нѣчто нелѣпое. Именно, по его мнѣнію, при основаніи училища существовало три лагеря (хотя, въ то время не было еще всеобщей воинской повинности); лагери эти, состоявшіе изъ учителей, членовъ управы и гласныхъ, шли сначала дружно, рядомъ; но впослѣдствіи, разойдясь въ стремленіяхъ, стали другъ другу во враждебныя отношенія, которыя продолжаются и теперь. По мнѣнія г. Лаговскаго, лагерь № 2 (даже нумера есть) пріобрѣлъ вліяніе на нѣкоторыхъ гласныхъ собранія. При этомъ г. Лаговскій принялся читать статейку изъ хроники «Русскаго Обозрѣнія» № 17—1876 г. о Вятскомъ земскомъ училищѣ. Какимъ-то образомъ, г. Лаговскій въ этой статейкѣ, принадлежащей редакціи газеты, усмотрѣлъ и цѣль подстрекательства, и оскорбленіе высшаго начальства, которое будто бы вслѣдствіе подобныхъ выходокъ должно, оскорбляясь, не благосклонно относиться къ училищу. Затѣмъ, неизвѣстно къ чему, сдѣлалъ доносецъ на одно лицо изъ мѣстныхъ жителей, которое, по смыслу выраженія г. Лаговскаго, если не командуетъ лагеремъ, то даетъ ему тонъ. Наконецъ, весь этотъ бредъ разстроеннаго воображенія заключить просьбой къ собранію принять мѣры, внушающія ученикамъ уваженіе къ учителямъ (вѣроятно—сѣченіе розгами). Предсѣдатель собранія долженъ

былъ, конечно, остановить болтуна, но, вѣроятно, не хотѣлъ для какихъ либо цѣлей; можетъ быть, интересны были и злостныя заявленія о какихъ-то лагеряхъ; сами уже гласные возмутились и заговорили--одни (напримѣръ, Заволжскій), что они находятъ разсужденія и поученія Лаговскаго неидущими къ дѣлу, а другіе (Кузнецовъ), что взглядъ его на гласныхъ собранія, какъ на лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ дѣятелей извѣстнаго лагеря, оскорбителенъ для представителей земства и что вообще г. Лаговскій не имѣетъ права читать поученіе гласнымъ. Такимъ образомъ вышло, что пригласили человѣка, чтобъ выслушать отъ него умное слово, а онъ, за неимѣніемъ его, взялъ да обругалъ гласныхъ: вы, дескать, сами ничего не понимаете, а вотъ что вамъ скажутъ изъ того или другаго лагеря, то вы и говорите. Все это должно бы остаться въ тайнѣ, потому что засѣданіе было закрытое, но протоколъ этого засѣданія былъ записанъ сравнительно подробно и, будучи прочитанъ въ публичномъ засѣданіи, произвелъ въ собраніи новые толки. Нѣкоторымъ гласнымъ не понравились подробности протокола и они предложили принять краткую редакцію, что и было сдѣлано. Но треть гласныхъ подала особое мнѣніе, и вотъ относительно «пріобщенія къ журналу засѣданія» этого особаго мнѣнія предсѣдатель и предложилъ противозаконную баллотировку— пріобщить или нѣтъ. Нужно ли говорить, что подъ такимъ руководствомъ порядочности въ засѣданіяхъ не могло быть.

LV.

Вятское законовѣдѣніе.

Еслибы меня спросили, чѣмъ отличается Вятская губернія отъ другихъ русскихъ департаментовъ, то я бы отвѣтилъ: необыкновенно глубокимъ знаніемъ и чисто кассаціоннымъ толкованіемъ отечественныхъ законовъ. Еще не такъ давно наша мѣстная почтовая контора полагала, что пересылать книги по уменьшенной таксѣ можно только изъ столицъ. Нолинскій почтмейстеръ только 3 года назадъ узналъ о существованіи бандерольныхъ отправленій и рѣшился принять таковое лишь послѣ «долгихъ и оживленныхъ преній» съ пріѣзжимъ недателемъ, который долженъ былъ ему доказывать законность этого «новшества» при посредствѣ нѣсколькихъ календарей, съ придачей къ нимъ почтовыхъ правилъ. Въ то же время здѣсь полагали и даже утверждали, яко бы на основаніи устава о печати, что содержатели библіотекъ и книжныхъ магазиновъ должны жить въ томъ городѣ, гдѣ находятся ихъ библіотеки и лавки, и вызывали даже поэтому секретаря орловской земской управы, г. Вершинина, въ Вятку, гдѣ у него была библіотека. Интересно было бы знать, куда слѣдуетъ вызвать книгопродавца, имѣющаго магазины въ пяти губернскихъ городахъ?

На основаніи того же устава о печати, у насъ думаютъ, что для содержателей типографій существуетъ какой-то образовательный цензъ: такъ, когда купецъ Куклинъ подалъ, куда слѣдуетъ, прошеніе о разрѣшеніи ему купить у г. Красовскаго скоропечатню, то отъ него потребовали свѣдѣній о томъ, гдѣ онъ кончилъ курсъ.

Это по части типографскаго искусства. А вотъ и по части телеграфнаго. Еслибы вамъ пришлось у насъ подавать телеграмму въ Голландію, то васъ бы заставили прибавить «въ старую» потому что есть еще Новая Голландія, куда, конечно, безъ такого добавленія, весьма легко могли бы изъ Питера заслать вашу депешу. По крайней мѣрѣ, отъ меня разъ не приняли телеграммы, адресованной просто въ Петергофъ — на томъ основаніи, что существуетъ еще Новый Петергофъ. Начальникъ телеграфной станціи, г. Зауеръ, не принимаетъ телеграммъ безъ подписей, считая ихъ незаконными. Съ спеціалистами вообще спорить очень трудно. Если вы раскроете передъ г. Зауеромъ «Русскій Календарь» на 1877 годъ и укажете ему на помѣщенныя тамъ (стр. 72 справ. отд.) правила телеграфной корреспонденціи, гдѣ говорится, что «для сокращенія словъ въ телеграммѣ, подпись можетъ быть опущена, то онъ отвѣтитъ вамъ кисло, что это—ошибка; если же вы принесете ему только-что полученную вами изъ Петербурга телеграмму безъ подписи, то онъ замѣтитъ горько что это—«упущеніе» петербургской станціи...

Бываютъ однако случаи, когда г. Зауеръ мотивируетъ свои отказы и другими причинами, по всей вѣроятности, ради разнообразія. Такъ, однажды онъ объяснилъ подателю Ш., желавшему вмѣсто подписи прибавить къ телеграммѣ одно лишнее слово, что правила, на которыя тотъ ссылался, существуютъ только для международныхъ сношеній. «Принимая во вниманіе» такое кассаціонное толкованіе, приходится допустить, что мы живемъ не въ Вятской *губерніи*, а въ Вятскихъ Соединенныхъ *штатахъ*, такъ какъ слободская станція безпрепятственно принимаетъ для передачи въ Вятку и другіе города нашей республики анонимныя телеграммы. Впрочемъ, легко можетъ быть и то, что всѣ 2000 станцій, на которыхъ принимаются въ Россіи телеграммы

безъ подписи, дѣлаютъ «ошибки» и «упущенія» и только одинъ г. Зауеръ соблюдаетъ, какъ слѣдуетъ, свою юридическую невинность относительно истиннаго смысла телеграфныхъ правилъ. Вотъ ужъ истинно, что городъ—то норовъ, что деревня—то обычай.

Недавно область Вятскаго законовѣдѣнія обогатилась еще однимъ краснорѣчивымъ фактомъ. Въ началѣ нынѣшняго года яранская земская управа разослала по петербургскимъ редакціямъ «журналы» послѣдняго экстреннаго собранія, на которомъ обсуждался, между прочимъ, вопросъ о подвижныхъ школахъ. Находя, что свѣдѣнія, заключавшіяся въ полученной брошюрѣ относительно этого предмета имѣютъ общій интересъ, редакція одной петербургской газеты взяла на себя изданіе отдѣльной книжки, подъ заглавіемъ «Подвижныя школы передъ судомъ яранскаго земства», въ составъ которой вошли лишь одни «документы», дословно *перепечатанные* изъ журналовъ, а именно: 1) протестъ начальника Вятской губерніи на постановленіе собранія относительно подвижныхъ школъ, 2) докладъ управы по поводу этого протеста, 3) дополнительная записка одного изъ гласныхъ, г. Валленбургера и 4) постановленіе экстреннаго собранія. Вотъ и все. Ни одного слова ни отъ земства, ни отъ управы, ни отъ издателя. Виноватъ: была еще обертка съ вышеупомянутымъ заголовкомъ. Онъ-то и послужилъ причиной заарестованія книжки, не смотря на стоявшую подъ ней подпись Московскаго цензурнаго комитета. Чиновникъ завѣдующій Вятскими типографіями, нашелъ, что у книжки «больно громкое заглавіе», а потому просилъ содержателя печатни, въ которой набиралась брошюра, «не выпускать ее въ свѣтъ до пріѣзда губернатора» (бывшаго въ то время въ Петербургѣ). Вы, безъ сомнѣнія, скажете, что этого не можетъ быть, что я просто лгу, потому что никакая казуистика не въ состояніи согла-

совать подобнаго «здорово живешь» съ уставомъ о печати. Но въ томъ то и весь букетъ вятскаго законовѣдѣнія, что его флёръ д'оранжъ не поддается никакому анализу—ни качественному, ни количественному, ни тѣмъ болѣе свѣтовому (спектральному). Тому, кто задался бы такой безплодной работой, слѣдовало бы предварительно спросить у самого себя:

Ты можешь ли левіаѳана
На удѣ вытянуть на брегъ?

И дѣйствительно, составныя части этого букета сводятся къ двумъ равно неуловимымъ и непреодолимымъ элементамъ: щедринскому «фюить!» и глѣбоуспенскому: «тащи и не пущай» (см. его разсказъ *Будка*)! Весь вятскій міръ вращается около этихъ двухъ полюсовъ, покоясь въ тоже время, вмѣсто трехъ китовъ, на двухъ съ половиной милліонахъ курдюковъ.

Mais revenons à nos moutons. Отъ курдюковъ это въ особенности легко. По мнѣнію вятскихъ законовѣдовъ, все печатаемое, гдѣ бы и когда бы то ни было, о земствѣ требуетъ, помимо цензурнаго разрѣшенія, еще дозволенія мѣстныхъ властей. Къ сожалѣнію, они забыли при этомъ, что между печатаніемъ съ рукописи и извлеченіемъ изъ напечатаннаго уже существуетъ маленькая разница: Разъ разрѣшенное губернаторомъ и изданное съ его согласія дѣлается уже затѣмъ общимъ достояніемъ. Таковъ Петербургскій уставъ о печати. Но здѣсь его не признаютъ. Наша республика практикуетъ на этотъ счетъ свои собственныя правила, выходящія изъ чрева гг. Домелунксеновъ, какъ истина изъ головы Минервы. Что если бы этотъ чревовѣщательный уставъ существовалъ въ Петербургѣ! Солоно бы, очень солоно пришлось всей журналистикѣ, а ужъ про «Отечественныя Записки», г. Мордовцева нечего и говорить. Прежде чѣмъ писать свое «Десятилѣтіе русскаго земства», ему бы пришлось формировать департаментъ устраненія

препонъ для переписки съ «38 губерніями». Какъ бы тамъ ни было, а «подвижныя школы передъ судомъ яранскаго земства» до сихъ поръ лежатъ безъ движенія въ типографіи Куклина. Есть однако надежда, что онѣ скоро выйдутъ, потому что издатель предъявилъ уже къ г. Домелунксену гражданскій искъ на основаніи 1316 ст. 3 Уст. гражд. судопр. Дѣло это будетъ разбираться въ Петербургѣ.

Развѣ сообщить вамъ еще объ одномъ возмутительномъ фактѣ изъ области Вятскаго кассаціоннаго департамента; но о немъ вы можете прочесть въ послѣднемъ № «Русскаго Обозрѣнія» за нынѣшній годъ («Изъ Вятки»).

LVI.

По шишу за рубль.

(Письмо изъ Вятки).

Посѣщающіе Вятку торговцы находятъ, что нашъ городъ, за послѣднее время, значительно подвинулся въ образованіи: «прежде де, разложивши товаръ, можно было, безъ опаски, отлучиться на 2—3 минуты—товаръ оставался, какъ есть, въ сохранности; ну а теперь—шалишь: только зазѣвайся на базарѣ или обернись—что нибудь безпремѣнно и подтибрятъ... Совсѣмъ, совсѣмъ сталъ народъ образованный; почитай, хоть бы въ Москвѣ и то ладно было бы». И дѣйствительно, въ этомъ отношеніи мы значительно цивилизовались и культивировались. Въ чемъ другомъ, но по части различныхъ операцій, оборотовъ и всякаго рода подвоховъ—Вятка не отстаетъ отъ «дѣтей Москвы» и ея

«питомцевъ славы»; а, напротивъ, идетъ къ нимъ на встрѣчу съ распростертыми объятіями. У насъ есть, напримѣръ, и свои «червонные валеты», о которыхъ, впрочемъ, неудобно говорить, хотя они только и живутъ что подлогами и особаго вида шантажемъ; есть и свои Ландау, практикующіе обрѣзаніе общественныхъ кармановъ; есть и свои доморощенные Шумахеры, втихомолку вытаскивающіе изъ горячей золы чужіе каштаны и изъ чувства самохраненія сжигающіе дома обывателей, чтобъ на тлѣющихъ угольках спечь для себя пару яицъ. Но всѣ эти дубликаты, конечно, являются здѣсь размѣнянными на мелкую монету, безъ всякаго внушающаго апломба.

Недавно у насъ чуть-чуть не пошатнулся и не полетѣлъ «кувыркомъ» городской Веретенниковскій банкъ, существующій въ Вяткѣ съ 1862 года, причемъ дѣйствительно повторились всѣ перипетіи московско-струсбергскаго краха. Благодаря системѣ кумовства и темной круговой порукѣ, основанной на строгомъ соблюденіи тайны, которая будто бы составляетъ первое условіе всякой, хотя бы даже грошевой коммерціи, дѣятели общественнаго банка умудрилась перевести половину всѣхъ своихъ рессурсовъ (основнаго и запаснаго капитала) въ руки одного лица, не обладавшаго никакими денежными средствами и имѣвшаго въ городѣ, по всей вѣроятности, болѣе для приличія, чѣмъ для прибыли, небольшой магазинъ «панскихъ товаровъ. Изъ 160 тысячъ, составлявшихъ собственность банка, городской голова Короваевъ перевелъ въ свой карманъ, безъ всякаго взлома, единственно при помощи однихъ только вексельныхъ отмычекъ, 75,000 рублей. Выемъ этотъ, конечно, производился систематически, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, за разныли бланковыми надписями и поручительствами, начиная отъ тузовъ и кончая служащими у г. Короваева санкюлотами. Теперь

г. Короваевъ оказался *абсолютнымъ* банкротомъ: отъ него *лично* банкъ можетъ получить по шишу за рубль. Спрашивается, какъ могла случится такая катастрофа въ небольшомъ городкѣ, гдѣ торговыя дѣла купцовъ у каждаго на ладони? какъ могло напасться въ такой грубый просакъ цѣлое городское общество? Мы уже сказали, что, при выемѣ денегъ изъ банка, существовала круговая порука. Эта своеобразная порука заключалась въ томъ, что вынутыя деньги, по большей части, дѣлились *сообща* между векселедателями, поручителями и бланконадписателями. Разъ заручившись сообщительностью директора банка, можно было, конечно, вертѣть имъ потомъ по произволу. Такъ на самомъ дѣлѣ и происходило: дѣйствительно, мы видимъ, что въ теченіе 7—8 лѣтъ банкъ не только не требовалъ съ Короваева уплаты долга, но, принимая отъ него, вмѣсто денегъ, старые векселя, переписанные лишь свѣжими чернилами, какъ бы въ видѣ поощренія, выдавалъ ему, при каждой такой перепискѣ, новые и новые кредиты, увеличивая ихъ по мѣрѣ разстройства дѣлъ своего излюбленнаго кліента. Такъ, въ теченіе послѣднихъ 6 мѣсяцевъ отъ окончанія Макарьевской ярмарки, г Короваевъ успѣлъ вынуть изъ банка около 17 тысячъ. Дѣло дошло до того, что всѣ, наконецъ, стали кричать, указывая пальцами на непроизводительныя траты г. Короваева и окончательное паденіе его торговой фирмы. Поддерживать далѣе «расточителя» оказалось невозможнымъ, но и примѣнять къ нему уставъ банка также, по всей вѣроятности, не совсѣмъ было удобно для стараго директора. Вотъ почему, при первомъ напорѣ общественнаго мнѣнія, онъ подалъ въ отставку и представилъ своему протежэ вѣдаться съ новымъ распорядителемъ городскихъ капиталовъ. Новый директоръ, г. Клячинъ, волей-неволей, долженъ былъ потребовать отъ г. Короваева, вмѣсто непрерывныхъ каллиграфическихъ

пражненій, презрѣннаго металла. Но тотъ, конечно, не югъ «дать ему злата», а «проклялъ его» и немедленно сопричислилъ себя къ лику Баймаковыхъ и К°. Говорятъ, что его банкротство повлечетъ за собой разстройство дѣлъ болѣе чѣмъ въ 20 семействахъ, такъ въ послѣднее время онъ занимался спеціально добываніемъ денегъ вездѣ и у кого только можно было «перехватить». Куда г. Короваевъ расходовалъ перехватываемые рубли, трудно сказать. Будучи холостымъ и занимая должности члена губернской земской управы и городскаго головы, слѣдовательно, получая не менѣе 2,000 р. въ годъ, онъ, конечно, былъ вполнѣ обезпеченъ со стороны своего личнаго содержанія. Тѣмъ не менѣе, ему удалось, сверхъ 24,000 р. жалованья, истратить въ теченіе 12 лѣтъ еще 75,000 р. общественныхъ денегъ на свои личныя нужды или, вѣрнѣе, на карты, вино и погибшихъ созданій. Говорятъ, что банкъ изъ этихъ 75,000 *потеряетъ* лишь $^1/_3$, остальныя же 50,000 будутъ взысканы съ состоятельныхъ поручителей. Но намъ кажется, что банку не слѣдовало бы терять ни копѣйки, потому что, кредитуя г. Короваева на суммы, превысившія его средства, и допуская, вмѣсто взноса наличныхъ денегъ, безконечную переписку векселей, правленіе банка явно нарушало уставъ и потому должно нести на себѣ всецѣло матеріальную отвѣтственность за всѣ происшедшія отсюда послѣдствія, тѣмъ болѣе, что потеря отъ несостоятельности г. Короваева могла бы быть значительно сокращена даже и теперь, если бы правленіе банка приняло всѣ зависящія отъ него мѣры къ обезпеченію общественныхъ денегъ. Въ городѣ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, что за три дня до опечатанія магазина г. Короваева, среди бѣла дня, выносились изъ него охабками и вывозились возами товары, причемъ въ особенности отличались сугубымъ рвеніемъ совѣтникъ губернскаго правленія, г. Плансонъ, мировой

судья, г. Захаровъ, членъ городской управы, Огородниковъ и самъ новый директоръ Веретенниковскаго городскаго банка, купецъ Клячинъ, разыгравшій въ данномъ случаѣ какъ бы двойную роль: Януса и Шумахера. Вообще, все это дѣло пахнетъ уголовщиной и требуетъ тщательнаго *слѣдственнаго* производства. Прокурорскому надзору здѣсь нечего ждать какихъ либо оффиціальныхъ сообщеній: принять дѣятельное участіе въ этой вятской струсбергіадѣ—его *прямая* обязанность. Или, быть можетъ, прокуратура считаетъ это для себя щекотливымъ и предпочитаетъ оставаться хладнокровною зрительницею развитія торговли *панскими* товарами между благонадежными обывателями? Что жъ, и это резонъ: съ одной стороны, торговля и промышленность требуютъ покровительства, а съ другой, какую бы энергію прокуратура не проявила при такого рода разоблаченіяхъ, награды она, конечно, за это ожидать себѣ не можетъ. Только не подѣйствуетъ ли подобная философія деморализующимъ образомъ на «охранителей» послѣдней формаціи? За несостоятельностью г. Короваева выдвигается совершенно независимое банкротство купца Аляцибѣева—на 40 или 50 тысячъ и готовится третье, почти на такую же сумму. И что же? Г. Алцибѣевъ уже послѣдовалъ примѣру г. Короваева: въ теченіе нѣсколькихъ ночей онъ вывозилъ свой товаръ съ задняго хода сотнями пудовъ, продолжая, однако, днемъ торговать съ передняго—на фунты и золотники. Теперь онъ можетъ ждать описи своихъ нѣсколькихъ лавокъ не только «безъ страха», но, какъ говорятъ, и «безъ упрека» (не споткнется ли онъ только на *ночной* торговлѣ?). Банкъ же, которому онъ также долженъ довольно кругленькую сумму, опять получитъ и съ него по шишу за рубль.

Интересно, какъ умудряются благонадежные люди эксплуатировать въ свою пользу даже такія, повидимо-

му, бездоходныя статьи, какъ банкротство! Въ числ. сотрудниковъ г. Короваева по выему денегъ изъ общественнаго банка няходится, между прочимъ, яко бы ничего неимѣющій членъ городской управы, г. Огородниковъ, который поручился за городскаго голову въ 6,000 р. Какъ только г. Короваевъ «объявился», г. Огородниковъ удралъ такой фортель: въ первое же засѣданіе городской думы, онъ доложилъ собранію, что, молъ, такъ и такъ, платить не могу—яко благъ, яко нагъ, яко нѣтъ ничего», а потому не соблаговолите ли, избранные дѣятели и благородные представители общества, признать меня безсмѣннымъ на 10 лѣтъ; тогда-де, вычитая ежегодно изъ моего жалованья по 600 рублей, банкъ можетъ получить съ меня полностью всѣ 6,000 р. Какъ ни дико было такое предложеніе, но будучи заранѣе подготовлено домашними путями, оно прошло. Къ сожалѣнію, губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе не согласилось *призрѣть* нагаго. Тогда г. Огородниковъ также пустился «на вывозъ»: въ одну ночь (все, какъ видите, ночные рыцари) его спичечная фабрика осталась при однѣхъ голыхъ стѣнахъ, а лошади пошли «на выкупъ»... Что касается до принадлежащаго ему моднаго магазина, то онъ остался цѣлъ и невредимъ, какъ гарантированный отъ всякихъ случайностей, ибо открытъ на имя *госпожи* Огородниковой и, слѣдовательно, составляетъ *ея*, а не *его* собственность. При случаѣ, какъ видите, мы тоже за эмансипацію женщинъ!

Заключимъ свое письмо выпиской изъ «Памятной книжки Вятской губерніи на 1870 годъ», гдѣ, на стр. 51, говорится: «Изъ приведенныхъ выше свѣдѣній видно, что всѣхъ прибыльнѣе ведетъ свои операціи Веретенниковскій банкъ». Надѣемся, что теперь это стало еще виднѣе.

LVII.

Путешествіе къ центру земли.

(Письмо изъ Яранска).

Въ половинѣ февраля горожане узнали, что въ тюремномъ замкѣ случился какой-то переполохъ. Оказалось, что тамъ упалъ въ колодецъ арестантъ. Какъ и всегда, виновные въ дѣлѣ старались *замять* его и представить въ смягченномъ или, вѣрнѣе, искаженномъ видѣ. Отвѣтственныя лица пустили по городу слухъ, что, молъ, смерть произошла отъ собственной неосторожности погибшаго, а затѣмъ въ томъ же родѣ послано и донесеніе, куда слѣдуетъ.

Но вотъ какъ было дѣло въ дѣйствительности.

11-го февраля «неосторожный» арестантъ, вмѣстѣ съ другимъ товарищемъ, доставали воду изъ острожнаго колодца. Когда поднимали бадью съ водой, а другая, порожняя, опускалась въ колодецъ, первая бадья зацѣпилась за послѣднюю и нужно было, конечно, ихъ развести. Но едва только арестантъ взялся за цѣпь, какъ крючекъ ея сорвался съ кольца, что у коромысла бадьи, и «неосторожный» вмѣстѣ съ нею полетѣлъ въ тартарары.

По видимому, дѣло настолько обыкновенное, что о немъ, пожалуй, не стоило бы и говорить Однако вся суть въ томъ, что несоотвѣтственное устройство водоподъема въ острогѣ, оплаченное полтора мѣсяца тому назадъ человѣческой жизнью, существовало давно и арестанты *нѣсколько разъ* просили его исправить, но всѣ ихъ просьбы оставались гласомъ вопіющаго въ пус-

тынѣ. Такъ, когда мѣстный исправникъ, г. Чистяковъ, спрашивалъ арестантовъ, какимъ образомъ могъ упасть въ колодецъ ихъ товарищъ, они отвѣчали: «да мы, ваше благородіе, сколько просили и смотрителя, и надзирателей исправить цѣпь у бадьи—вѣдь она срывается не впервой.»

Къ этому необходимо прибавить, что вокругъ сруба колодца столько было льда, что нужно удивляться, какъ не попали туда другіе вытаскивавшіе воду. Отсюда легко видѣть, какъ смотрятъ въ Яранской тюрьмѣ на арестантовъ и какъ относятся къ ихъ подневольному положенію. Для здѣшнихъ смотрителей и всякаго рода *попечителей* арестантъ—собака; пропалъ — туда ему и дорога: однимъ меньше...

Должность смотрителя Яранскаго тюремнаго замка поручили исправлять какому-то недорослю-мальчишкѣ (настоящій смотритель въ началѣ января умеръ, а новый еще не назначенъ); что же касается до другихъ мѣстныхъ властей, то онѣ заглядываютъ въ тюрьму только тогда, когда услышатъ о приближеніи губернаторской экскурсіи въ область заброшенности и неаккуратности. Такими областями, несомнѣнно, слѣдуетъ считать всѣ окраины Вятской губерніи, превосходящей, по своему пространству, соединенныя территоріи трехъ государствъ—Бельгіи, Голландіи и Греціи, а слѣдовательно, и Яранскій уѣздъ, который «имѣющему уши слышать,» по всей вѣроятности, могъ бы сказать: *изъ нихъ же первый есмь азъ.*

EVIII.

Слободскіе діалоги.

Почему у лошадей
Не ростутъ во рту лимоны?
Потому что у Дидоны и т. д.

Какъ ни стараемся мы, болѣе сытые горожане, обставить свою жизнь комфортабельнѣе, а откуда нибудь да явится что нибудь безпокойное. Будь тамъ невылазная грязь въ городѣ,—свои лошадки вывезутъ; настанутъ морозы—мы потеплѣе натопимъ комнаты, надѣнемъ шубу пообширнѣе; дороговизна что ли на съѣстные и другіе припасы—глядишь, явятся источники: или тамъ возвышеніе оклада, накидка на товаръ и т. д. Вотъ только одно—бѣдные сограждане. И съ чего это повыдумали, что мы «должны» помогать имъ. И добро бы такія мысли распространяли какіе нибудь щелкоперы, такъ вѣдь нѣтъ. Самъ бывшій губернаторъ Чарыковъ присталъ: помогайте-де бѣднымъ. Да какъ тутъ имъ поможешь?—Устройте благотворительное общество.—Что жъ, по намъ все равно—устроимъ.—Давайте денегъ.—Ну, это другое дѣло.—Однако какъ же помогать бѣднымъ безъ денегъ?—Позвольте, я дамъ, говоритъ Миткевичъ.—Да у васъ развѣ нальныя какія?—Въ карты выиграны.—Это другое дѣло: на шуллерскія деньги помогать можно. Теперь бѣдные,—кто жъ это самые бѣдные?—Исправникъ Владиміровъ; онъ, бѣдный, проигрался тамъ, или что то такое, вообще крайне нуждается.—Возьми 80 рублей.—

Однако позвольте, надо и намъ что нибудь пожертвовать —Извольте, извольте!.. Собрали со всѣхъ богачей, Ончукова, Фофонова и др. 40 рублей. — Что жъ и то деньги.—Теперь чѣмъ бы это отличиться?—Спросимъ прежде, какъ у людей бываетъ. Спросили яранскихъ горожанъ. есть у васъ общество?—Есть. — А деньги есть? Есть —Ну, и что же?—Ничего, мы ихъ хранимъ, не даемъ никому. потому—на всякій случай.—А собранія общества?—Это зачѣмъ?—Нѣтъ, тутъ не ладно: никакой нѣтъ дѣятельности. Узнаемъ, какъ идетъ дѣло въ Вяткѣ.—Есть деньги въ благотворительномъ обществѣ? — Есть; много—Да откуда у васъ?—А бывшій «исторіографъ» Чарыковъ собиралъ деньги на театръ. Собралъ изрядно, ну, и отсылалъ въ благотворительное общество, а въ театрѣ тогда не было необходимости.—Это хорошо. А какъ собраніе?—Ничего, слушаемъ какъ Ренненкампфъ все споритъ съ своей супругой и съ госпожей Домелунксенъ,—очень занятно.—Ну, а какъ благотворите?— Больше по знакомству: живетъ у васъ приживалка,—вотъ ей нужно помогать. Прибавку проситъ у васъ прислуга, можно и это на счетъ общества. А тамъ—по рублю, по рублю... Вообще, многимъ бѣднымъ поможемъ; да это что—пустяки, а вотъ мы недавно устроили ремесленную школу. Ну, это точно что... А, вѣдь и взаправду такъ... «Дѣятельность...» Точно что... Шабашъ... Устроимъ и мы.—Устроимъ.— А деньги?—Займемъ изъ банка, говоритъ Батеньковъ.— А платить то кто же будетъ? Изъ дивиденда школы. —Однако... Выберемъ коммиссію.—Да, да, коммиссію. Вотъ это дѣятельность. — Тутъ пошло дѣло, какъ по маслу; и намъ стало такъ спокойно, и коммиссія спокойна, глядишь ужь и годъ существованія общества прошелъ. Собрались. Такъ это неловко сначала: зачѣмъ? Секретарь нашелся: будемъ благодарить коммиссію. Вотъ такъ золотой человѣкъ!

И стали мы благодарить... Ну какъ же не быть благодарнымъ и бѣднымъ гражданамъ за наши попеченія о нихъ. Шутка ли—въ кассѣ нашего общества безъ мала 500 рублей. Если раздать по одному рублю, такъ будутъ облагодѣтельствованы 500 человѣкъ. А если по полтинѣ, по четвертаку... Да и говорить нечего: дѣло общества—дѣло великое.

